

Правитель Пустоты

Дети песков

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Маркелова Софья

18+

Софья Сергеевна Маркелова

Правитель Пустоты.

Дети песков

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66722186
SelfPub; 2021*

Аннотация

Вторая книга цикла "Правитель Пустоты".

Позади остался Залмар-Афи, взбудораженный подготовкой к очередному этапу войны с империей, и неприступный Мавларский хребет, а впереди теперь расстилается лишь безграничный океан золотистого песка, который скрывает тайны пустынного народа. Лантея ведет своего верного спутника в затерянный город хетай-ра, один из пяти великих Барханов, но профессор Сои Ашарх еще даже не подозревает, как нелегко ему будет выжить в полисе, где приход чужака способен развязать кровопролитную борьбу за власть.

Содержит нецензурную брань.

Софья Маркелова

Правитель Пустоты.

Дети песков

Глава первая.

Древний город, скрытый под пустынями

Неоспоримо могущество знатных родов, и власть их в Барханах поистине безгранична.

Канцлер Салшуд'динэ. «Эпоха правительниц»

– Мой свет, тебе давно пора спать.

На пороге комнаты, изящно отодвинув в сторону тяжелые занавеси, закрывавшие проем, стояла Чият, облаченная в праздничные одежды, которые она еще не успела поменять после торжества, посвященного уходу старого года. Длинное шелковое платье, выдержанное в различных оттенках зеленого, тяжелыми складками спадало до самого пола и переходило в короткий шлейф, украшенный сложной вышивкой и стеклянными бусинами. Чият грациозным движением руки отбросила занавеси, освобождая себе проход, и шагнула в комнату племянницы, сохраняя прежнюю величественную осанку.

– Я не хочу, – откликнулась Лантея.

Она лишь одарила тетю мимолетным взглядом и вновь вернулась к своей работе. Юная нескладная девочка сидела за столом, сложив ноги, и с усилием растирала пестиком какую-то густую субстанцию в ступке.

– Твоя мама все еще занята с гостями. Вряд ли она скоро закончит. Ты сама знаешь, ей необходимо соблюсти все традиции гостеприимства.

Чият неслышно подошла ближе и с интересом окинула взглядом беспорядок, царивший на гладкой каменной поверхности стола. В слабом свете высокого стеклянного фонаря, заполненного крошечными светлячками, испускавшими зеленое и желтое сияние, девочка подбирала идеальные компоненты для своего будущего яда. Перед Лантеей лежали невзрачные корешки, высушенный мох, прозрачный стеклянный коробок с крупными черными жуками и различные склянки с мутными жидкостями. Сильный приторно-кисловатый запах витал по комнате.

– Что это будет? – негромко спросила Чият.

– «Душителъ». Две части манны джантака, растертый корень опунции, крылья скарабея, змеиный яд, разведенный водой, и ровно одна капля желудочного сока ингуры, – не отвлекаясь от своей методичной работы перечислила компоненты беловолосая девочка. – Смерть наступает из-за отека легких. Жертва задыхается.

– Ты в скором времени собираешься на охоту в Дикие тоннели?

Чият обогнула племянницу и легко опустилась на стоявшую неподалеку кровать, покрытую тяжелыми шкурами. Сосредоточенная Лантея даже не повела бровью.

– Да. Мать хочет, чтобы я пошла с Мерионой и изучила основы выживания.

– Это действительно полезно.

– Может быть. Но идти туда с сестрой я не хочу, – сказала девочка и сжала зубы. – Она опять будет уходить вперед, бросая меня в кромешной темноте, а после кичиться своими трофеями... Вот если бы ты пошла со мной, тетя...

– Мой свет, твоя мать настаивает, чтобы именно Мериона водила тебя в тоннели. К тому же, вы должны научиться ладить. Сестры не могут вечно грызться.

– Мне не нравится ходить с ней... Скорее бы мне в одиночку разрешили охотиться на ингур.

– До твоего совершеннолетия еще много времени, а набатывать бесценный опыт ты должна именно сейчас. Иди с сестрой, учись у нее, но не забывай, что у тебя есть все шансы превзойти ее.

Чият протянула руку с тонкими пальцами, украшенными костяными и стеклянными кольцами, и погладила племянницу по напряженной спине.

– Давай-ка ты отложишь до утра свою работу, мой свет. Усталость не поможет тебе быстрее закончить, а вот ошибиться в пропорциях – легко. Пожалуйста, иди спать.

Несмотря отодвинув от себя стул и пестик, Лантея вздохнула и отправилась в кровать. Расстраивать тетушку она не хотела, особенно когда та о чем-то просила.

Забравшись под шелковые простыни, обжегшие кожу прохладой, девочка выше натянула икры, укрывая себя практически с головой, а после с надеждой взглянула на Чият, сидевшую на краю.

– Ты расскажешь мне что-нибудь сегодня?

– А что ты хочешь, чтобы я тебе рассказала, мой свет? – спросила тетя, проведя рукой по постели, расправляя складки.

– Последнее время ты постоянно сидишь то в городской библиотеке, то во дворцовой. Что интересного ты там прочитала?

Лантея заворочалась, подвигаясь чуть ближе к Чият, чей профиль, освещенный зеленовато-желтым сиянием светлячков, казался в темноте таинственно мерцавшей линией.

– Много чего. Не хватит и сотни ночей, чтобы пересказать все то, что таится на ветхих пергаментных страницах, которые я изучила.

– Поделись со мной. Хотя бы кусочком, частью!.. Я обещаю, что даже не буду прерывать тебя!

– Ну, только если так.

Тетушка хмыкнула, и рассеянная улыбка осветила ее бледное лицо. А после по маленькой комнате, погруженной в

уютнюю полутьму, поплыло звучание мягкого голоса, обволакивавшего своей глубиной и томностью. Из уст Чият лилась мелодия слов, рождая историю.

– Знаешь ли ты, что там, где заканчивается золотистый край песка, лежат иные, совсем чуждые нам земли... Горные пики, тянущиеся к небесам, – это граница между нашим миром и тем миром, где существуют совсем другие законы мироздания. Вместо рассыпчатого песка под ногами там лежит черная влажная земля, и из нее пробивается сочная зелень, богатым ковром раскинувшаяся до самого горизонта. Там деревья поднимаются до облаков, кроны их укрывают от солнечного жара любого, кто ступит на эту благодатную землю. И широкие реки, полноводные и чистые, пересекают эти края вдоль и поперек, будто паутина. В тех землях под каждым кустом и деревом есть звери, чье мясо пригодно в пищу, звери, которые неспособны убить или отравить охотника. Иссушающая жара и зной не проникают за горы, а потому иногда с небес там льется влага, и порой она замерзает, превращаясь в холодные белые хлопья...

...И многие говорят, что живут в тех краях не только звери, но и даже существа разумные, похожие на нас с тобой. Есть у них и города, и оружие, и даже их собственные боги. Никогда не пересекали они гор, ибо, как и мы, боятся столкнуться с тем, что их уничтожит. Но только если мы – дети песков, рожденные в чреве Бархана, то они не знают иной жизни, кроме как возделывать свою черную землю и

кормиться с нее. Из дерева и камня возводят они свои дома, живут на свету и тьму разгоняют пламенем...

...А там, еще дальше, за землями этих чужаков, живут и иные создания. И их много. У каждого народа свои традиции, свои правители. Даже энергия их души создает свою магию...

Разве это не волнующе?.. Осознавать, что за пустынями лежат бескрайние земли, где столько всего неизведанного и странного.

Однажды я уйду туда, мой свет. За горы, за горизонт. В чужой зеленый край, где есть что-то помимо песка...

Чият повернулась к племяннице, которая из-под полуприкрытых век следила за тетушкой. Дрема накатывала на нее волнами, подхватывая и укачивая. Прохладная рука хетай-ра коснулась бледного лица девочки, легко поглаживая кожу.

– Спи, мой свет. Спи, и пусть тебе приснятся земли за песками...

Она осторожно поднялась с кровати и практически бесшумно покинула комнату, лишь еле слышно шуриша подолом своего платья.

А вскоре Чият навсегда ушла из Бархана, в одиночку рискуя пересечь пустыни. Но кое-что она все же оставила на прощание своей любимой племяннице. Кое-что незримое и невесомое, но безмерно ценное. Мечту о чужих дальних краях.

Тонкая зеленая ленточка, которой было перевязано последнее послание Чият, трепыхалась на ветру, пытаясь вырваться из пальцев Лантеи и улететь прочь. Но девушка крепко сжимала маленькое напоминание о родной тете. Сам свиток давно уже унесло потоками горячего воздуха, песчаные вихри поглотили кусок пергамента, и теперь хетай-ра не осталось ничего, кроме этой шелковистой ленты.

– Прости, Тея. Я не мог ничего сказать тебе раньше.

Устало прикрыв глаза, профессор стоял неподалеку. Вокруг расстился песчаный океан, изрезанный каменистыми выступами и скалами, над которыми раскинулось чистое звездное небо. Пустыни Асвен давно погрузились в сон, и ничто, кроме резких порывов ветра, не тревожило покой барханов и дюн. Лишь две тени, замершие на плато с огромным стеклянным куполом посередине, нарушали покой этой ночи своими голосами.

– Я могла остаться с ней. Я могла скрасить ее последние дни жизни.

Шепот Лантеи, свистящий и надтреснутый, заставил Ашарха зажмуриться и крепче сжать кулаки. Слова спутницы резанули по самому сердцу, наполнив его ядовитым сожалением.

– Прости. Я дал слово.

– Ты согласился обмануть меня? – Девушка резко повернула голову. – Неужели ты действительно подумал, что так будет легче для всех? Если она умрет в одиночестве, выхаркивая свои легкие, а я узнаю обо всем в самый последний момент, когда драгоценное время уже будет упущено?..

– Она знала, что ты захочешь остаться. И не могла позволить этому случиться. Чият верила в тебя и твою цель. Она не хотела, чтобы ее смерть помешала тебе достигнуть Бархана.

Лантея закрыла лицо руками и сгорбилась. Вся ее фигура словно была пронизана отчаянием и болью.

– Ты мог все изменить! Ты мог сказать мне, и я бы помогла тете!.. Я бы нашла лекарство!

– Тея, нет...

– Аш, я доверяла тебе! Я доверила тебе свою жизнь, доверила тайну моего народа и свое будущее. А ты скрыл от меня грядущую смерть единственной близкой мне хетай-ра! – Голос девушки попеременно то срывался в сиплый клекот, то взвинчивался до пронзительного визга. – Чият была мне дороже всей остальной семьи! И ты знал это...

– Я изначально был против этой идеи с письмом, – спокойно ответил Ашарх, прекрасно понимая, что ссора на повышенных тонах не решит возникшую проблему. – Но Чият настояла. Это была ее предсмертная просьба. И отказаться от ее выполнения я не мог. Из уважения к твоей тете.

– Но ты мог бы намекнуть мне, подтолкнуть к этому горь-

кому выводу. Мог бы дать мне шанс вернуться и провести с ней еще немного времени! Ведь теперь я больше никогда ее не увижу...

– Тея...

Профессор приблизился к спутнице, заглядывая в ее ясные голубые глаза, в которых не читалось ничего, кроме беспомощности.

– Тея, прости меня.

Он протянул руку, чтобы коснуться ее лица, но в последнюю секунду отдернул пальцы. Девушка едва сдерживала слезы, губы ее дрожали.

– Разве можно доверять тому, кто ставит сохранение тайны выше искренности?.. Я была искренна с тобой, Аш. В последние дни мне даже стало казаться, будто мы сблизились как никогда раньше. А ты ответил мне черствостью и безразличием. Ведь, как выяснилось, тебе все равно, что со мной будет. И ты разбил мне сердце, Аш... Этим письмом и своим молчанием.

У профессора перехватило дыхание, и он так и замер перед девушкой, опустошенный и подавленный, совершенно не представлявший, что же ответить на жестокие слова Лантеи. А она тем временем резко развернулась, приблизившись ко входу в Бархан и на ходу повязывая вокруг запястья тонкую зеленую ленту, оставшуюся от тети и ее последнего письма.

– Я...

– Ты уже все сказал. Больше я ничего не желаю слушать, – прервала мужчину хетай-ра, и голос ее звучал сурово. – Сейчас я не готова говорить с тобой дальше... Есть дела поважнее. Путь в город открыт, и нам следует скорее пройти через купол, иначе стражи обеспокоятся.

Профессор сокрушенно кивнул и поджал губы. Девушка тихо бросила:

– Иди за мной.

Подступив к самому краю проема, Лантея решительно шагнула в темноту, и в тот же миг каблуки ее сапог мелодично звякнули о прозрачную ступеньку стеклянной лестницы, уводившей в кромешный мрак. Через несколько мгновений девушка уже полностью исчезла, с головой скрывшись под куполом. И Ашарху ничего не оставалось, кроме как последовать за своей спутницей, все быстрее и быстрее уходящей во тьму. Он осторожно поставил ногу на первую ступеньку, и только после, убедившись в крепости конструкции, шагнул ниже.

Стоило профессору нырнуть под шапку купола, как всепоглощающая чернота окружила его со всех сторон. Какая-то странная смесь запахов щекотала ноздри, и можно было услышать отдаленный легкий шум, но ничего более не ощущалось. По прошествии пары секунд глаза Аша привыкли к темноте, и он наконец сумел разглядеть ступени у себя под ногами.

Стеклянная лестница спускалась все ниже и ниже, и про-

фессор опасно шагал по хрупким на вид ступеням глубже во мрак. Вскоре он расслышал, что стук каблуков Лантеи оборвался, и через несколько мгновений Ашарх неожиданно почувствовал под ногами твердую почву, из-за чего даже замер. Но тут пространство дрогнуло от громкого бесстрастного голоса:

– Augumenti she'shi du Nard, lechi matriarhum Lanteyalianna Anakorit!

– Ночаq. Jo she'shi om hun, – властно ответила Лантея. – Shiklaya du matriarhum.

– Gu-zhan!

Профессор, озираясь по сторонам, пытался понять, где он оказался. Вскоре его слабое человеческое зрение стало различать в темноте отдельные детали. Вместе с Лантеей Ашарх стоял на широкой ровной площадке из песчаника, края которой тонули в густом чернильном мраке. За границами безупречного круга не было видно ни стен, ни лестниц, и преподаватель даже сомневался в наличии там пола. В нескольких шагах от девушки явно можно было различить лишь высокие фигуры стражей в куполообразных шлемах с плюмажем из белых перьев. Четверо воинов, мужчин и женщин, облаченных в сыромятную броню с костяными и стеклянными пластинами, складывавшимися в единый узор из перемежавшихся линий, немymi колоссами замерли перед Лантеей. Беловолосые бледнокожие призраки, свысока глядевшие на двух путников, прошедших сквозь стеклянный купол, они

стояли по разные стороны площадки с небольшими фонарями, привязанными к поясу, и высокими глефами в руках. Наточенные костяные наконечники, изогнутые в форме клинка с отходившим от обуха острым шипом, были направлены в потолок, но Ашарх даже не сомневался, что в любой момент стражи готовы были опустить их на головы незваных гостей.

И это было не единственным оружием воинов: на поясах висели закрепленные ножны с различными костяными и стеклянными кинжалами, короткими мечами с утяжеленной гардой и массивными топориками, сделанными из челюсти животных. Грозный вид вооруженных стражей, охранявших тайный проход в город, заставил профессора притихнуть и с тревогой взглянуть на свою спутницу, которая явно чувствовала себя рядом с широкоплечими воинами куда увереннее, чем терзаемый лихорадкой и изнуренный долгой дорогой Аш.

– Стражи проводят нас. Это обязательные формальности, – заметив взгляд мужчины, объяснила Лантея, а после кивнула одному из воинов.

Двое из стражей мгновенно шагнули практически вплотную к девушке, истуканами замерев за ее спиной и готовясь сопроводить гостей куда-то вглубь города хетай-ра. Ашарх невольно подивился тому, как неожиданно изменилась Лантея, стоило ей попасть под купол: узкие плечи расправились, явив миру горделивую и величественную осанку, что так походила на манеру тети Чият держать спину идеально пря-

мой, лицо разгладилось и приняло безучастно-надменный вид, а в коротких фразах на шипящем языке, которые девушка изредка бросала воинам, чувствовались властность и жесткость.

Покорно заняв место по правую руку от своей спутницы, профессор молча двинулся за Лантеей к краю площадки из песчаника. Стражи не отставали от них ни на полметра, тяжело дыша в затылок Ашарху, и порой он даже ощущал слабый запах пота, исходивший от двух хетай-ра, явно давно не покидавших свой важный пост. Оставшиеся воины, негромко воззвав к Эван'Лин и дремавшей в их крови магии, медленно принялись плавить стеклянную лестницу, ведущую на поверхность, и запечатывать проход в куполе.

– Сейчас мы спустимся в город, – коротко бросила девушка, пройдясь рукой по своим запыленным растрепанным волосам.

– Спустимся?.. – недоуменно переспросил Аш, но ответ он так и не получил.

Только когда Лантея дошла до края, профессор различил в густой темноте полукруглую шероховатую стену, которая плотно примыкала к площадке. Его спутница коснулась ладонью прохладной поверхности и медленно принялась спускаться во тьму. Не сразу Ашарх увидел, что от платформы вела широкая гладкая дорога, под наклоном уходившая куда-то вниз. Спирально закрученной полосой рампа выступала из каменных стен, опускаясь до самого подножия и огибая

по кругу всю исполинскую пещеру, в которой располагался город хетай-ра.

Профессор подошел к краю никак не огороженной дороги и впервые решил посмотреть себе под ноги, в пугающую бездну, из которой в лицо дул легкий теплый воздух, приносивший неясные слабые запахи.

Увиденное ошеломило, поразило и оглушило его, навсегда запечатлевшись в памяти самым ярким воспоминанием.

Прямо под громадой стеклянного купола располагалась поистине невероятных размеров высокая полусферическая пещера, под потолком которой в тот момент оказались профессор и Лантея. От темного купола и единственной расположенной на такой высоте площадки вдоль изгибавшихся стен и до самой земли вилась ровная лента рампы. Чем ниже уводила дорога, тем заметнее становилось, что шероховатый песчаник то здесь, то там был расцвечен яркими пятнами фосфоресцирующего мха и колоний голубоватых грибов, испускавших мягкое приглушенное свечение. Вокруг этих растений хаотично летали крупные колонии светлячков, желтыми и зелеными огоньками разгоняя окружающую тьму, и с помощью этого слабого света профессор все же смог разглядеть, что лежало на самом дне уходившей глубоко вниз пещеры.

Под массивным стеклянным куполом дремал город. Желтоватые каменные дома с гладкими купольными крышами плотными вереницами заполнили практически все свобод-

ное пространство на дне пещеры, оставив лишь пустынный пяточек в самом центре. Можно было разглядеть улицы, кольцами тянувшиеся вдоль стен и разбивавшие скопления одинаковых домиков, расчерчивая их на сегменты переулками и переходами. Но даже в свете фосфоресцирующих растений часть пространства все равно терялась в темноте, не позволяя мужчине в подробностях рассмотреть все детали пустынного города или заметить хоть одного жителя с такого большого расстояния.

– Аш! – окликнула спутника Лантея, успевшая вместе со стражей спуститься на несколько метров вниз по покатой рампе. – Идем.

Преподаватель отошел от опасного края, с которого ничего не стоило упасть вниз, и поспешил догнать девушку, ловя на себе странные изучающие взгляды молчаливых воинов, ни на секунду не выпускавших гостя из своего поля зрения. Спуск продолжился, и чем ниже по спиральной дороге сходили странники и их сопровождающие, огибая пещеру по кругу, тем больше подробностей можно было разглядеть в раскинувшемся под ногами городе.

Когда до земли оставалось совсем немного, профессор уже совершенно позабыл о своем болезненном состоянии и жаре. Он возбужденно крутил головой, рассматривая все, что попадалось ему на глаза, и стараясь запомнить как можно больше. Ведь кто бы мог подумать, что тысячами скрывавшийся от взоров всего мира пустынный народ вел

вовсе не кочевой образ жизни, прячась в тени барханов и дюн, а ушел под пески, сотворив себе огромный подземный город с помощью своей могущественной магии.

Внешний свет плохо проникал внутрь пещеры через купол из-за его почти полной непрозрачности: темно-зеленое стекло пропускало сияние только самых ярких звезд с поверхности, но даже они напоминали всего лишь маленьких светлячков на непроницаемом болотном небе. Стены полусферического помещения при ближайшем рассмотрении оказались украшены масштабными потемневшими от времени барельефами, вырезанными из податливого песчаника. Множественные слои краски, еще достаточно яркой, позволяли хорошо разглядеть грубоватые изображения.

Чаще всего на стенах были запечатлены девушки и женщины, одетые в зеленые одежды, украшенные разноцветными бусинами, которые, как заметил профессор, были вплавлены прямо в камень и напоминали драгоценные камни, мягко переливавшиеся в тусклом свете. Эти героини носили с собой оружие, сражались с дикими зверьми и чудовищами, на лбу у которых рос толстый заостренный рог, и пировали в окружении других воинов. Часто Аш видел, что хетай-ра в зеленых одеждах изображались с книгами, свитками или же стоявшими над безликой толпой с воздетыми руками. Так же помимо простых сюжетов, касавшихся быта и повседневности, где чаще всего встречались скотоводство и рыболовство, от внимания профессора не ускользнули и странные рисун-

ки, будто светившиеся изнутри: на них всегда фигурировала стоявшая в одной и той же позе умиротворенная старуха, державшая на руках младенца. Вокруг нее мягко переливался золотистый ореол, нанесенный какой-то особой краской. И взгляд постоянно невольно возвращался к этой спокойной фигуре немолодой женщины, из-под полуприкрытых век наблюдавшей за городом.

Возле каждого изображения теснились целые вереницы сложных иероглифов, больше напоминавших хаотично нанесенные прямые и изогнутые линии. И все время, пока Ашарх спускался по длинной рампе, он скользил взглядом по чужой витиеватой письменности.

Занятый изучением самобытной живописи, профессор не сразу заметил, что дорога заканчивалась, последним своим витком скользя практически над самыми купольными крышами спящих домов. И теперь с близкого расстояния хорошо было видно, что на самом дне высокой пещеры действительно лежал густонаселенный и шумный район подземного города. Больше всего это походило на оживленную рыночную площадь, на которой исключительно из-за позднего времени суток было не слишком много жителей. Всюду, куда ни посмотри, располагались заваленные разнообразными вещами прилавки, маленькие магазины зазывно щеголяли своими товарами, выставленными в окнах и на порогах, а редкие покупатели скорее спешили рассчитаться с продавцами и направиться домой. В самом центре широкой площади нахо-

дился идеально круглый резервуар с низкими бортами, едва превышавший в своем диаметре пять метров, который вместо воды был заполнен золотистым песком.

Стоило покатой рампе закончиться, как хетай-ра со своими сопровождающими сразу же направилась к высокой полукруглой арке, являвшейся единственным видимым выходом из пещеры. Как только процессия покинула первую залу, свернув в грандиозный тоннель, то Ашарх на мгновение оказался оглушен и ослеплен крошечной темнотой коридора, в который они вошли. Профессору еще во время спуска приходилось прилагать усилия, чтобы рассмотреть пространство при почти полностью отсутствовавшем освещении, ведь слабого сияния фосфоресцирующих растений и небольших фонарей стражей было недостаточно, но переход совершенно и окончательно его дезориентировал. Своды широкого величественного коридора терялись где-то во мраке, тонули в вязкой темноте и даже его протяженность невозможно было определить наверняка.

Аш ступал первое время опираясь лишь на слух: он старался вовсе не отходить от Лантеи, шуршавшей рядом своей одеждой и явно хорошо ориентировавшейся в залах и тоннелях подземного города. Через несколько минут глаза преподавателя немного привыкли к крошечной темноте, и он стал различать едва заметное свечение: в некоторых местах стены коридора все же были покрыты редким узором светящегося мха и небольшими колониями фосфоресцирующих

грибов, хоть их было гораздо меньше, чем в первой пещере. Здесь стены тоже оказались украшены изображениями и рельефами, но рассмотреть их подробнее не представлялось возможным из-за тусклого света.

В целом, внутри Бархана было гораздо теплее, чем на поверхности, где уже всю царствовала ночь с ее пробирающим до костей ветром, хотя неясно откуда бравшиеся воздушные потоки были и в подземном тоннеле, но они приносили с собой лишь свежесть и легкую прохладу. Видимо, город хорошо прогрелся днем, и песчаник частично сохранил это тепло на ночь.

Коридор казался бесконечным и как будто постоянно уходившим немного вниз. Но Лантея все шла и шла вперед, пугая эхо звуками своих торопливых шагов, а за ней семенил профессор и ступали молчаливые стражи. Иногда на их пути из темноты, будто призраки, с фонарями в руках появлялись одетые в длинные светлые рубахи и шелковые накидки пустынные, которые все как один провожали Лантею и Аша удивленными взглядами. Некоторые прикладывали сжатую в кулак ладонь к солнечному сплетению или же склоняли головы при виде девушки, и она всегда отвечала жителям тем же.

В какой-то момент однообразный тоннель свернул, но общая картина не изменилась. Хотя профессор подметил, что воздух стал ощутимо более влажным, а мха и грибов на стенах прибавилось, что позволяло рассмотреть перед собой до-

рогу хотя бы на пару шагов вперед. Ашарх утомился, и его ослабленное болезнью тело стало напоминать о себе неприятным хриплым кашлем, который моментально разносился громовым эхом по коридору.

– Мы практически добрались, – прошептала Лантея своему спутнику.

Вскоре девушка, не сбавляя шага, стала забираться левее, к стене, пока из темноты не вынырнула очередная высокая арка, куда процессия сразу же шагнула. Когда преподаватель попал в новую залу, он на мгновение потерял дар речи. Эта пещера могла посоперничать в своих невероятных размерах с круглой площадью, хотя казалось, что обыкновенным смертным существам просто неподвластны знания и силы, с помощью которых возможно сотворить подобное помещение. Рукотворные гладкие стены из песчаника уходили высоко вверх, и десяток необъятных колонн поддерживали стрельчатые своды. Весь потолок был усеян желто-зелеными огоньками, которые постоянно находились в движении и перелетали с места на место – колоссальные колонии светлячков своим мерцанием создавали иллюзию звездного неба в подземном городе.

Сразу за монолитными колоннами, украшенными узорами иероглифов и яркими барельефами, на которых замерли фигуры сотен и тысяч хетай-ра, высилось многоуровневое роскошное здание с остроконечными обелисками по краям и восьмигранными куполами крыши. К нему тянулась ши-

рокая грандиозная лестница, ступени которой изящной волной подступали прямо к стенам здания. На фасаде виднелись декоративные ниши, в которых располагались однотипные скульптуры женщин в свободных одеждах с различными предметами в руках, а также полукруглые окна в изящном обрамлении. На некоторых стенах из стеклянных отполированных фрагментов были сложены объемные мозаики, поблескивавшие в полумраке зала, а с верхнего яруса здания и до самого пола спадали два тяжелых широких полотнища изумрудного цвета, на которых было вышито изображение птицы, расправившей в полете свои крылья и сжимавшей в лапах пальмовую ветвь. По краям парадной лестницы, перед помпезностью которой невольно замирало сердце, каменными изваяниями застыли многочисленные воины с высокими глефами в руках и пышными плюмажами из коричневатых перьев, напоминавших орлиные.

– Что это за здание? – шепотом поинтересовался Аш у своей спутницы, прочищая воспаленное горло.

– Дворец матриарха.

– Прости?.. – недоумевающе переспросил профессор. – А нам точно туда надо?

Лантея кивнула. Она была холодна и крайне сосредоточена.

– Нас вообще пустят во дворец? Зачем мы туда идем?..

Аш закашлялся, держась за свою горящую голову, которая медленно наливалась свинцом.

– У нас нет выбора. Мы обязаны это сделать, – с тяжелым вздохом ответила хетай-ра, так ничего больше и не прояснив.

Как только процессия приблизилась к монументальной лестнице, то с первой ступени, чеканя шаг, сошли две стражницы, практически синхронно повторяя движения друг друга. У одной хетай-ра белые заплетенные в тонкие косы волосы доходили почти до поясницы, а у второй правая щека и часть губы оказались изуродованы старым чудовищным шрамом. Этот вздувшийся неровно заживший рубец придавал женскому лицу какую-то неясную злобу.

– Gjante’ho o she’shi afelichu matriarhum, – требовательно и громко проговорила Лантея, пристально вглядываясь в непроницаемые лица стражей, преградивших проход.

– Gu-zhan! – сразу же ответила одна из женщин и коснулась своей сложенной в кулак рукой солнечного сплетения. Вторая воительница повторила это движение, а после развернулась и стремительным шагом удалилась вверх по лестнице.

Оставшаяся стражница с искалеченным лицом стукнула древком глефы по ступеням, и, уважительно склонив голову перед Лантеей, жестом пригласила пройти за ней следом. Спутница Ашарха, гордо задрвав подбородок, сделала вид, что все так и должно быть, и сразу же поспешила за провожатой, дернув профессора за рукав, чтобы он не отставал.

Бесконечная череда шероховатых ступеней привела всю

процессию на просторную площадку, где вход во дворец зиял распахнутыми ртами трех грациозных порталов, украшенных витиеватой резьбой. Стены и все архитектурные детали здания были полностью сделаны из песчаника с редкими вкраплениями разноцветного стекла, и Аш сразу же вспомнил легенды о пустынных жителях, которые возводили роскошные дворцы с помощью своей магии и одним движением руки могли вновь обратить собственные творения в рассыпчатый песок.

Пройдя через один из порталов, путники и сопровождавшие их стражи оказались в просторном зале, окруженном узкой галерей с колоннами со всех сторон. У дальней стены под шелковым балдахином высился массивный трон, спинка которого поднималась на несколько метров вверх и раскрывалась каменными крыльями, отдаленно напоминавшими крылья бабочки, отделанные ракушками и стеклянными бусинами. По обе стороны от престола стояли два более скромных трона с простыми резными спинками. Посередине комнаты располагался декоративный прямоугольный бассейн, наполненный прохладной водой. Его дно было выложено мозаикой, а на широких бортах высились горы небрежно брошенных подушек и шкур. В воде плавали лепестки, и всюду в воздухе витал нежный цветочный запах, смешивавшийся с более приторным ароматом курящихся благовоний, которые стояли по разным углам тронного зала на высоких треногах вместе с прозрачными стеклянными фонарями, где мерцали

десятки пойманных светлячков.

Помещение было практически безлюдным: Ашарх не сразу обратил внимание на замерших в пустых нишах между колоннами молчаливых стражей, которые внимательно следили за прибывшими гостями. Профессор почувствовал себя лишним в этом величественном богатом здании, куда явно не каждый день ступала нога простолюдина. И он никак не мог взять в толк, что же Лантее могло понадобиться во дворце матриарха ночью, когда и она и ее спутник имели вид, явно не пригодный для встречи с правительницей Бархана или ее приближенными хетай-ра.

Лантея остановилась посередине помещения, недалеко от бассейна, и, не оборачиваясь, махнула стражникам рукой, что они могут быть свободны. Спина ее была выпрямлена, словно девушка проглотила шпагу, а на бледном лице помимо признаков усталости можно было разглядеть разве что холодную невозмутимость. Ашарх неуверенно потоптался с ноги на ногу, не решив лезть к своей спутнице с ненужными расспросами, пока воины безмолвными теньями не покинули дворец, и только после встал ближе к Лантее.

Вскоре из глубин дворца вернулась стражница с длинными косами, а следом за ней спешили две женщины, и их торопливые шаги отражались звонким эхом от сводов зала.

Первой ступала необычайно высокая хетай-ра в годах, чья кожа, подернутая едва заметными морщинами, напоминала высохшие пергаментные страницы. Ее длинные волосы

неестественного красного цвета были забраны в высокую сложную прическу, заколотую костяными гребнями и резными шпильками, и весьма подчеркивавшую утонченные черты бледного аристократичного лица – тонкие губы, хищный нос и вздернутые брови. Одета в шелковый темно-зеленый халат, богато расшитый золотисто-болотными надкрыльями жуков и бусинами, складывавшимися в растительные узоры, эта хетай-ра не ступала, а буквально парила над землей, и от всей ее фигуры веяло властностью.

Прямо за ней мягким пружинящим шагом следовала молодая женщина в свободной темной рубаше до пола, подпоясанной широким поясом, к которому был пристегнут короткий костяной топор с изогнутой рукоятью, обмотанной кожаными полосками. Поверх непримечательного одеяния была накинута темно-зеленая накидка с длинными рукавами, застегнутая под самым горлом на массивную фибулу, сделанную из стекла в виде свернувшейся кольцами змеи. Короткие волосы этой женщины также были алыми, словно свежая кровь, и топорщились во все стороны, а оттого хорошо было видно, что ее голова усеяна множеством старых шрамов, белыми полосами расчертивших кожный покров. Хетай-ра постоянно нервно трогала себя за мочку левого уха, украшенную простыми костяными кольцами, и хмурила прямые широкие брови. Ее большие голубые глаза, занимавшие половину лица, были подведены черной краской: из-за этого и нездоровых темных кругов под глазами взгляд жен-

щины казался очень тяжелым и пристальным.

Стражница, выполнив свою задачу, уважительно склонилась голову напоследок, приложила кулак к солнечному сплетению и сразу же направилась к выходу из дворца, так и не обронив ни слова.

Прибывшие в тронный зал хетай-ра, стоило их взглядам остановиться на уставшей и неопрятной Лантее в истрепавшейся одежде, покрытой разводами грязи, замерли на месте, словно не веря собственным глазам. Спутница Ашарха тоже не могла пошевелиться: она чувствовала, как ее сердце на секунду остановилось, а после бросилось в неудержимый бег, набатом отдавая где-то в районе горла. Она и подумать не могла, что эта встреча станет для нее такой волнительной, но буквально уже через мгновение восторг девушки с дребезгом разбился о суровую реальность.

Обе женщины неторопливо приблизились вплотную, подогревая царившую в помещении напряженную атмосферу своим тягостным молчанием, и внезапно старшая из них обожгла щеку покорно стоявшей перед ними Лантеи резкой звонкой пощечиной.

– Я не могу в это поверить! – прогремел грозный голос матриарха на весь тронный зал.

Смущенный всем происходившим Ашарх не сумел понять ни слова на шипящем языке хетай-ра, но сам непрекращаемый и угрожающий тон аристократичной особы заставил его сжаться и спешно притвориться статуей. А вот у Лантеи

от боли и обиды слезы навернулись на глаза, но она моментально взяла себя в руки, и лишь едва сдерживаемый гнев возобладал над всеми остальными ее чувствами.

– А в это ты поверить сможешь?!..

Сдернув с шеи костяной свисток в виде шахина, девушка бросила его к ногам своей матери и ухмылявшейся старшей сестры Мерионы, с горькой досадой мысленно констатируя тот факт, что в Бархане так ничего и не изменилось за все время ее отсутствия.

– В своей предсмертной просьбе она просила передать, что в крике этой птицы ты услышишь ее прощение! – практически выплюнула Лантея.

Мать неожиданно изменилась в лице, но промелькнувшее в ее взгляде непонимание быстро сменилось неверием. Широко распахнутыми глазами она смотрела на маленькую фигурку пустынного сокола у себя под ногами, а после медленно, будто находясь в дурном сне, опустила и подняла ее, подцепив длинными ногтями за кожаный шнурок.

– Чият... Сестра... – пробормотала женщина, крепко сжимая свисток в ладонях. – Нет... Этого не может быть.

– Чият умерла? – хриплым голосом спросила Мериона, хмурясь и вглядываясь в лицо своей младшей сестры и ее странного спутника, безмолвным изваянием застывшего рядом. – Но ты...

– Как это случилось? – матриарх перебила старшую дочь. – Неужели ты заявила обратно домой только для то-

го, чтобы принести эту дурную весть?

– Моему спутнику нужен лекарь, – сухо отозвалась Лантея, не сводя с матери холодный взгляд. – Да и я бы не отказалась отдохнуть и помыться после дальней дороги. После этого я готова хоть до рассвета слушать ваши вопросы и обвинения, матриарх.

Девушка наигранно склонила голову перед правительницей и в знак уважения приложила кулак к солнечному сплетению, чувствуя себя дрянной актрисой, выступавшей в деревенском балагане.

– Веди себя подобающе, – Мериона недовольно зашипела на сестру, сверля ее колючим взглядом подведенных глаз. – Обращайся к матриарху уважительно в присутствии других! Смерть Чият не дает тебе права забывать о приличиях и кривляться!

– Мериона... А я вижу, ты все так и осталась преданной прислугой на побегушках у нашей властной матери. Все так же ратуешь за соблюдение правил и ждешь, пока тебя поглядят по головке?..

У старшей сестры побледнели щеки и явственно заходили желваки.

– Тишина! – раздраженно произнесла матриарх, махнув рукой, и обе ее дочери сразу же упрямо поджали губы. – Вижу, содержательной беседы у нас пока что не получится.

Мать бросила еще один взгляд на зажатый в ладонях свисток, тяжело вздохнула и развернулась, зашуршав складками

шелкового халата. Уже направляясь вглубь дворцовых коридоров из тронного зала, она все же обернулась и наставительно добавила:

– Тебе нужно прийти в себя, Лантея, и вспомнить, кто ты такая. Мы поговорим позднее. А пока Мериона распорядится о комнатах и всех деталях. И... добро пожаловать домой, дочь.

Мать исчезла в полумраке внутренних помещений, все еще задумчиво поглаживая маленькую птицу. Сестры несколько мгновений изучали друг друга немигающими взглядами, а после Мериона поспешила за матриархом, хмуρο кинув напоследок:

– Сама справишься.

Лантея сжала зубы и резко выдохнула, пытаясь успокоить нервы после непростой беседы с семьей. Ашарх рядом пошевелился впервые с того момента, как матриарх зашла в помещение, и неловко прокашлялся, привлекая внимание своей спутницы. Мужчина выглядел изможденным, у него даже не оставалось сил, чтобы говорить, а узнать хотелось о многом. Например, что произошло в тронном зале пару минут назад, и о чем шел разговор на повышенных тонах между Лантеей и другими хетай-ра. Хотя одна безумная догадка у него все же имелась. Но для всего требовалось свое место и время.

Девушка вновь перешла на более привычный для слуха ее спутника залмарский язык:

– Пойдем, Аш. Я найду для тебя комнату и приведу лека-

ря.

Она устало потерла переносицу пальцами и двинулась вглубь дворца, поманив за собой профессора.

Прямо за тронным залом начиналось переплетение слабоосвещенных коридоров и палат, разделенных лишь высокими стрельчатыми или полукруглыми арками. Из-за полумрака трудно было что-то рассмотреть внутри помещений, тем более что входы в некоторые комнаты оказались плотно завешены шкурами или непроницаемыми шелковыми занавесями, но порой на глаза Ашарху попадались незаметные обитатели дворца: бесшумные слуги в простых одеждах, исполнившие свои обязанности, каждый раз подобострастно склоняли головы при виде Лантеи, а вооруженные стражи, стоявшие в переходах и на лестничных проемах, больше напоминали мраморные изваяния, чем живых существ.

В широких галереях иногда встречались тусклые огромные окна, из которых открывался вид на площадь перед дворцом и величественные колонны, и от этого простора перехватывало дыхание. На шероховатых стенах коридоров и анфилад были вырезаны невыразительные повторявшие узоры, хотя во многих залах вместо них песчаник закрывали простые тканевые гобелены, поверх которых крепились кронштейны для филигранных фонарей.

Некоторое время Лантея блуждала по лабиринтам переходов, уверенно показывая дорогу своему спутнику, пока наконец она не привела его к свободным покоям в одном из узких

коридоров восточного крыла дворца. Комната оказалась совсем небольшой, со скругленными углами и без каких-либо окон. Вход закрывался плотной темной занавесью, а из мебели здесь была лишь высокая каменная кровать, застеленная шкурами, простой стол без изысков и широкие лавки из песчаника, которые выступали прямо из стены. Несмотря на то, что комната полностью была вырублена в камне, профессор отдал должное хетай-ра, которые умели даже в подобных неуютных помещениях создать достаточно комфортные условия для жизни: всюду лежали шелковые ковры и подушки, набитые пухом, а голые стены оказались завешаны тяжелыми драпировками и порттьерами. Посреди спальни стоял высокий узкий постамент, на котором, как произведение искусства, располагался стеклянный фонарь тончайшей работы, заполненный сонными светлячками.

– Присядь пока. Я распоряджусь о чистом белье и лекаре, – бросила Лантея и сразу же вышла из комнаты, наглухо задернув занавесь на входе.

Изнуренный профессор, едва ощущавший собственные ноги, гудевшие от усталости, скорее опустил на край жесткой кровати, отодвинув полупрозрачный полог, сотканный будто из паутины, и скинул с плеч изорванный запыленный плащ. Меч Саркоза, обернутый в обрывки некогда белого одеяния общинников, отправился на пол, а вслед за ним полетели и стоптанные сапоги. Аш упал на спину, с наслаждением потянувшись всем телом, и прикрыл глаза.

Вот он и достиг скрытого от взоров всего мира одного из городов хетай-ра, о которых слагали легенды полные домыслов и предположений все кому не лень на материке. Еще недавно Ашарх сам думал о пустынном народе лишь как о красивой сказке, а теперь лежал во дворце матриарха Третьего Бархана, а над его головой, скованные магией, неподвижно нависали тонны и тонны песка. Трудно было поверить в такое чудо, как город, полностью возведенный под пустынями, но профессор собственными глазами убедился, что хетай-ра не просто сумели магией обуздать непокорную стихию песка, но и обустроить свою жизнь с комфортом. И если бы не крошечная темнота, заполнявшая каждый угол подземного полиса, то Аш даже назвал бы подобные условия завидными.

В этот момент в коридоре послышались торопливые шаркающие шаги, и через мгновение занавес комнаты дрогнул, впуская внутрь осанистого худощавого юношу в свободной темно-синей рубашке до пола и с небольшим стоячим воротником. Гость окинул помещение быстрым взглядом и сразу же изумленно замер на месте, слоило ему встретиться глазами с профессором, расслабленно лежавшем на кровати. Ашарх подобрался и приподнялся на локтях, чтобы лучше рассмотреть хетай-ра, так бесцеремонно ворвавшегося в его комнату.

Белые волосы нежными кудрями окаймляли высокий лоб, пухлые розовые губы казались ярким пятном на бледном ли-

це юноши, а его большие миндалевидные серые глаза, обрамленные пышными светлыми ресницами, смотрели прямо и открыто. На подбородке молодого хетай-ра росла редкая седая бородка, а над верхней губой только-только пробивались тонкие молочного цвета усы, явно еще ни разу не видевшие бритвы. Юноша уже вышел из подросткового возраста, но по неуклюжей позе его угловатого тела и неуверенному поведению можно было сказать, что этот хетай-ра только-только входил во взрослую жизнь со всеми ее проблемами и часто совершенно не представлял, что ему стоило делать, и как следовало себя вести. Как, например, он не знал и сейчас.

– Dhee... – выдохнул парень. – Kounshuj'ji. Gzhe Lanteyalianna? She'shi dunq?..

Профессор помотал головой и для верности пожал плечами, демонстрируя, что не понял ни слова из речи юноши. Хетай-ра нахмурился, скрестив на груди руки и с подозрением оглядел чужака, уделив особенное внимание его странной для этих мест одежде, смуглой коже и темным волосам. В голове белокурого парня явно роилось множество вопросов, но в этот момент занавеска сдвинулась, пропуская в комнату Лантею и немолодого сгорбленного старика, несшего с собой тяжелую кожаную сумку, в которой что-то постоянно позвякивало.

– Манс... Что ты здесь делаешь?

Девушка замерла, не успев пройти и шага, и растерянно окинула взглядом младшего брата, обратившись к нему на

родном языке.

– Значит, это правда? Ты действительно вернулась в Бархан после двухлетнего отсутствия? – спросил юноша, сразу же развернувшись к сестре, и все черты его лица словно бы мгновенно смягчились. – Так еще и привела с собой чужака из земель, лежащих за горами!.. Когда Мериона ошарашила меня этой новостью, то я, признаюсь, не поверил ей!

– Похоже, стараниями Мерионы к утру весь Бархан будет в курсе, что блудная дочь вернулась, – прошелестела себе под нос Лантея и, странно посмотрев на замолчавшего Манса, обогнула его, скорее направляясь к постели профессора. – Будто в городе больше нечего обсуждать...

С братом она никогда особенно не была близка, поскольку матриархальные законы хетай-ра запрещали не достигшим совершеннолетия мальчикам и девочкам проводить время вместе. Теперь же возраст позволял родственникам свободно общаться, но Лантея не была уверена, что легко сможет найти общий язык с этим юношей, который больше двадцати лет безмолвной тенью всюду ее преследовал в Бархане, без единой возможности заговорить, а теперь, получив такое право, решил немедленно им воспользоваться.

– Если у тебя есть ко мне какие-то личные дела, то давай отложим их на потом, брат. Для пустой болтовни тоже нет времени. Мой спутник болен и нуждается сейчас в уходе. Поэтому я попрошу тебя покинуть комнату, – сухо бросила девушка, даже не обернувшись.

Манс даже не подумал спорить с сестрой, а лишь вежливо склонил голову и тотчас молча вышел из помещения, задернув занавесь. Лантея проводила его задумчивым взглядом, решив разобраться с младшим братом позднее.

– Аш, снимай рубаху. Лекарь обследует тебя, – обратилась к спутнику девушка и сама примостилась на краешке стола, не собираясь мешать старику выполнять свою работу.

Немолодой хетай-ра с нависшими тяжелыми веками и крючковатыми пальцами деловито подошел к больному, поставив на кровать свою объемную сумку и выудил из-за пояса тонкую костяную трубку с раструбом. Стоило Ашарху послушно избавиться от одежды, как старик приставил незамысловатый прибор к груди больного, прислонил ухо к концу трубки и стал внимательно прислушиваться к дыханию. По прошествии пары минут, лекарь сам себе кивнул, обменявшись короткими фразами с Лантеей и продолжил осмотр. Он заглянул в рот профессора, используя тонкую стеклянную палочку, чтобы прижать язык, а после ощупал холодными пальцами горло и миндалины больного. Проведя еще несколько манипуляций, старик быстро рассовал свои медицинские приборы по карманам и принялся доставать из сумки различные склянки, пробирки и тканевые мешки, от которых поднимался резкий травянистый запах.

Выставив перед Ашархом на кровати целый ряд лечебных смесей, врачеватель тихо продиктовал что-то Лантее, после приложил кулак к солнечному сплетению, кивнул и удалил-

ся из комнаты, еле слышно поскрипывая своими кожаными сандалиями и брэнча заполненной микстурами сумкой.

После по приказу Лантеи в помещение впорхнули двое слуг, которые в полном молчании застелили постель темным шелковым бельем, взбили подушки и зажгли благовонные палочки в разных углах комнаты. Они расставили на столе разные подносы и тарелки с яствами, ни одно из которых профессору не было знакомо, принесли графины с ледяной и горячей водой и даже глубокое овальное блюдо из стекла, в котором предлагалось умыться. Стоило им закончить, как Лантея нетерпеливо махнула рукой, скорее прогоняя слуг из помещения.

Только они остались наедине, девушка заварила для своего спутника горячее питье из рекомендованных лекарем трав. И, сунув устало лежавшему на краю кровати преподавателю в руки пиалу, в напряженной тишине принялась ставить ему на грудь припарки, смоченные каким-то дурно пахнущим зельем, от которого кожу мгновенно начинало жечь. Некоторое время Ашарх покорно позволял себя лечить, прихлебывая обжигающий настой, и украдкой наблюдал из-под ресниц за сосредоточенной Лантеей, которая демонстративно избегала взгляда мужчины.

– Видимо, из-за горячки у меня начались галлюцинации, – наконец с хрипотцой в голосе заговорил профессор, когда девушка сменила один из компрессов, заново вымочив его в лекарственном снадобье и вернув обратно на грудь больно-

го. – Потому что в тронном зале на какую-то долю мгновения мне показалось, что твоя мать – это матриарх. Ты отдала ей костяной свисток Чият, как та и завещала.

Лантея явственно скривилась. Она не хотела начинать этот диалог, но Аш нетерпеливо принялся барабанить пальцами по пиале, предоставляя своей собеседнице право рассказать все самой.

– Так и есть...

– И почему же наследницу престола дома встречают пощечиной? – холодно спросил профессор.

– Я не наследница. И вряд ли когда-нибудь ей стану. Моя старшая сестра Мериона займет престол. Ее готовят к этому с самого рождения.

– Твоя сестра – эта та хетай-ра, что была рядом с матриархом в тронном зале?

– Да. А пощечину я заслужила за своевольный побег из Бархана.

Девушка отвернула лицо в сторону. Все ее тело было напряжено, как тетива лука.

– Почему ты ничего раньше мне не говорила о своем знатном происхождении? Я еще могу понять, что ты умолчала о подземных городах. В конце концов, это тайна, от сохранения которой напрямую зависит безопасность вашего народа! Но дочь правительницы... Почему ты не сказала, Тея? – вкрадчиво прошептал профессор, привставая на локтях.

– Лежи...

Хетай-ра уперлась холодными пальцами в грудь профессора, а после подняла на него полный сожаления взгляд, подернутый пленкой усталости.

– Я не могла тебе безоговорочно доверять, Аш. Ты был чужаком. Пойми.

– А что изменилось сейчас? – Аш не собирался сдаваться так просто, а в его сердце медленно начинала раскручиваться спираль злости и обиды.

– За все эти дни, проведенные вместе, я многое о тебе узнала... Мы сражались плечом к плечу, делили друг с другом последнюю пищу и воду. Ты простил мне многие проступки, вроде кражи коня, и ни разу не бросил одну, даже когда твоя жизнь была в опасности. Мы прошли тяжелый путь вместе, несколько раз избежали верной гибели. Мы сошлись гораздо ближе, чем я надеялась в самом начале... Так что да. Мне трудно считать тебя теперь чужим человеком!

Последнюю фразу Лантея выпалила сквозь сжатые зубы, словно ей было нелегко признаваться перед своим верным спутником в подобной слабости.

– Ты сейчас пытаешься убедить меня в том, что твое доверие ко мне неустанно крепло изо дня в день, но тем не менее ты не сумела выделить ни одной минуты, чтобы рассказать о том, кто ты есть на самом деле? – с трудом держа себя в руках, процедил профессор, раздраженно смахнув со своей груди жгущиеся компрессы.

– Я думала над этим, искала подходящий момент, но мне

так и не хватило смелости. Я понятия не имела, как лучше стоит начать эту беседу. Да и трудности последних дней сделали свое дело, вся голова была забита мыслями о том, как бы сбежать от Светоча и выжить в горах.

– Проклятье! Тея! Каждая твоя новая отговорка – это рваная рана на моей душе! – сорвался Ашарх, и губы его задрожали от гнева. – Хоть теперь будь же искренна со мной до конца!..

– Прости, – прошептала девушка, взглядываясь в побелевшее от злости лицо собеседника. – Ты прав, прав во всем. Я давно должна была рассказать тебе о своей семье и высоком положении в Бархане. Но боялась, боялась, что ты станешь относиться ко мне по-другому, подобострастничать или же и вовсе отдалиться, решив, что я тебе не ровня. А больше всего я опасалась, что ты испугаешься и откажешься идти со мной дальше. А мне безмерно важна была твоя помощь...

Ашарх широко раздул ноздри, вслушиваясь в слова хетай-ра. Но, что бы она ни говорила в тот момент, о самом важном Лантея продолжала умалчивать. И профессор чувствовал, как медленно и звонко лопались струны, связывавшие его и беловолосую девушку с самой первой их встречи.

– Но теперь мы наконец добрались до Бархана, до нашей конечной цели. И пусть все обиды останутся позади, – продолжала тем временем Лантея. – Каждый из нас держал в себе маленькую неприятную тайну, утаивая что-то от другого, но больше в этом нет необходимости. Я знаю о Чият, ты зна-

ешь о том, кто я есть. В секретах нет надобности, а дальше мы пойдем рука об руку... Ты хочешь этого? Хочешь абсолютной честности? Мы оба ее заслужили.

Прервавшись на одно мгновение, хетай-ра склонилась ниже. Ее лицо оказалось так близко к лицу профессора, что он разглядел надежду, застывшую на дне зрачков своей собеседницы. Вот только этого было все еще недостаточно. Мужчина ждал одного-единственного признания, которое бы все изменило.

– Ведь наша сделка еще в силе, Аш, – торопливо добавила Лантея, хватая преподавателя за руку и крепко ее сжимая. – Она может стать гарантом перемирия между нами? Я вознагражу тебя за знания, за весь проделанный путь и помощь в Залмар-Афи. Роскошное оружие, богатые ткани и украшения от лучших мастеров, диковинные звери, старинные карты и доступ к личной библиотеке матриарха. Ты получишь все, что пожелаешь. Я лично переведу для тебя любые книги на залмарский. Стоит тебе только попросить, и ты займешь хорошую должность во дворце. Я помогу тебе, если ты захочешь остаться в Бархане насовсем... Вместе со мной...

– Все это пустое, – проговорил профессор и вырвал свою руку. – Почему ты продолжаешь умалчивать о своем главном секрете, Тея? Если уж мы заговорили об искренности.

– О чем ты? – Девушка непонимающе нахмурила белые брови.

– Почему же ты так ни разу и не обмолвилась о своих

реальных целях? – поинтересовался Ашарх, скрестив руки на груди и прожигая хетай-ра испепеляющим взглядом. – В твоём дневнике достаточно подробно были описаны многие твои идеи. Я ознакомился с ними ещё в доме Чият и все ждал, когда ты решишься сама мне о них рассказать. Так ответь же мне, Тея. Ответь, почему ты ничего не стала говорить о том, что не просто ищешь новых знаний о мире, а хочешь сделать меня своим оружием в идеологической войне между тобой и матриархом? Привести чужака в Бархан, чтобы внести смуту в сердца хетай-ра и завоевать последователей, которых ты после выведешь на поверхность! Не припомню, чтобы подобный исход мы обговаривали при заключении соглашения!..

Лантея на секунду потеряла дар речи. Но её ошеломлённый вид практически сразу же сменился на ярость, льдистым пламенем вырвавшуюся из глубины зрачков. Девушка мгновенно вскочила на ноги, а её голос наполнился властными и суровыми нотками, от которых по телу профессора невольно побежали мурашки.

– Мы заключили сделку, Аш! И я надеюсь, что ты уяснишь одну простую вещь – эта сделка все ещё имеет силу. Знания в обмен на знания. Поэтому не задавай лишних вопросов, а просто выполняй ту задачу, для которой я привела тебя в Бархан. То, для каких целей я буду использовать твои знания, тебя не касается. Точно так же, как тебя не касаются мои личные вещи, в которых ты не имел никакого права ко-

паться без разрешения!

Хетай-ра в бешенстве развернулась и направилась к выходу из комнаты, провожаемая взглядом не менее раздраженного Ашарха.

– А ведь не ты ли сама еще сегодня вечером убеждала меня, что нельзя доверять тому, кто ставит сохранение тайны выше искренности, а?!.. – напоследок выкрикнул преподаватель. – Что бы ты там ни думала, Лантея, но ты ничуть не лучше и не хуже меня!

Прямая спина девушки вздрогнула, будто ее огрели плетью. Резким рывком отдернув занавесь, хетай-ра скорее выскользнула в темный коридор, так ничего и не ответив своему спутнику.

Мужчина без сил упал обратно на подушки и раздосадованно ударил кулаком по жесткой кровати. Внутри него разыгралась настоящая буря эмоций. Злость на Лантею из-за всех ее недомолвок, тайн и обманов, которых становилось только больше с каждым днем, постоянно подогревалась опасением за свою жизнь и будущее. Теперь он был скован по рукам и ногам из-за проклятой сделки, на поверку оказавшейся хитроумным капканом.

В какой-то момент в порыве гнева Аш даже сел на кровати и начал натягивать сброшенную одежду. Он подумал, что еще мог бы уйти из Бархана, наплевав на сделку и последствия, лишь бы не становиться марионеткой в руках дочери матриарха. Но голова преподавателя гудела как пустой

котел, по которому перекачивались камни, а из груди рвался неприятный кашель. Ашарх с неохотой признался себе, что в таком состоянии он не сумел бы даже найти дорогу до стеклянного купола, а что уж было говорить о выживании в пустынях. Наскоро умывшись и с отвращением осмотрев содержимое тарелок, которые принесли слуги, он предпочел остаться голодным и упал обратно на постель, принявшись обдумывать свое непростое положение.

Сделка и правда была все еще в силе, хотя после случившегося разговора профессор был уже не так уверен, хотелось ли ему как-либо помогать хетай-ра. В любом случае Аш пока что не видел для себя других вариантов, кроме как быстрее выполнить условия их соглашения и постараться параллельно разведать внутреннюю обстановку города. Теперь он сомневался, что Лантея так легко и просто позволила бы ему покинуть Бархан после окончания их сотрудничества, а это означало, что мужчине нужно было выбираться из подземного полиса самостоятельно.

Под эти не очень приятные мысли Ашарх сам не заметил, как заснул от усталости.

Лантея, разгоряченная и злая, выскочила в пустой коридор и скорее направилась на женскую половину дворца. Ей хотелось рвать и метать. Конечно, еще в Италане она осознавала, что все недомолвки рано или поздно вскроются. Но те дружеские отношения, что зародились между ней и профес-

сором за время путешествия, последние дни тешили девушку надеждой на бесконфликтный исход. Однако она оказалась не права. Более того, этот строптивый залмарец еще и вел свою собственную игру за ее спиной: он не только в тайне добрался до личного дневника Лантеи, чтобы выяснить ее мотивы, но и сумел завоевать доверие Чият, раз перед смертью тетя решила открыться именно ему, а не своей собственной родной племяннице. Последнее больше всего раздражало хетай-ра.

Девушка тряхнула головой и скривила губы в жесткой усмешке. Знал бы Аш, что изначально у нее и вовсе не было мысли отпускать его живым после выполнения сделки. Весь план заключался в том, чтобы привести этого историка в Бархан, заманив сладкими обещаниями, а после добыть нужную информацию и избавиться от него. Гораздо позднее она поняла всю ценность знаний профессора, которые могли ей помочь в извечной борьбе с консервативностью матери. А еще позднее пришло осознание того, что Ашарх перестал быть простым инструментом в достижении ее целей, а стал чем-то большим.

В любом случае девушке все же удалось довести спутника до Бархана, почти не раскрыв свои планы, а теперь он никуда не мог деться из города. В скором времени и его светлую голову должна была посетить мысль, что ему ничего не осталось, кроме как послушно выполнить свою часть сделки. В конце концов любого зверя можно смирить, не важно

чем – страхом, щедростью или же томительным ожиданием – для всякого найдется что-то особенное, что заставит втянуть когти и поддаться на ласки. И Лантея могла пока что подумывать над тем, как вернуть утерянное доверие профессора и, может быть, действительно убедить его поселиться в Бархане насовсем. Особенно когда она изменит город в лучшую сторону и поможет своему народу осознать, что политика изоляции с самого начала была губительна для хетай-ра.

Ничего не замечая вокруг себя, девушка скользила по дворцу, освещая путь одним из фонарей, снятым со стены, пока впереди не замаячила неясная тень, сразу же подобравшаяся, стоило Лантее приблизиться.

– Манс?.. – удивленно произнесла хетай-ра, замерев на месте, как только разглядела смутно знакомую фигуру. – Что ты тут делаешь?

– Твоему спутнику уже стало лучше? – Юноша, скрестив руки на груди, стоял у одного из гобеленов и следил за сестрой. Видимо, он уже давно поджидал здесь именно ее.

– Мне казалось, я ясно дала тебе понять, что не настроена сегодня ни на какие разговоры.

– У него был крайне изможденный вид. Надеюсь, теперь он поправится? – Проигнорировав возмущение девушки, Манс выпрямился и подошел ближе, уважительно склонив голову перед старшей сестрой.

– Тебе не стоит об этом волноваться. Я привлекла Галахию, он лучший лекарь во дворце, и вряд ли обыкновенная

простуда оказалась для него сложной работой.

– Прости мне мое любопытство, сестра. Мне показалось, что этот темнокожий чужеземец не просто случайный попутчик. Кто он такой? И почему ты рискнула всем, решив открыть для него проход в Бархан?

Поведя плечами, Манс выжидающе заглянул в лицо Лантее, но девушка лишь хмыкнула, отступая от неожиданно любопытного брата по полшага.

– Он тот, без кого я никогда в жизни не сумела бы добраться домой живой. Это лишь благодарность.

– Он ведь очень важен для тебя, не так ли?

Сестра окинула юношу изучающим взглядом. За последние два года с тех пор, как она не видела Манса, он сильно вытянулся, но выглядел до сих пор нескладно, будто все еще пытаюсь научиться владеть собственным телом. Таких высоких мальчиков охотно забирали на службу, записывая их в отряды городской стражи или же отправляя вместе с подразделениями охотников в Дикие тоннели, пролежавшие рядом с Барханом, чтобы зачищать гнезда постоянно плодившихся ингур. Трудно было не найти в городе подходящую работу для такого парня, к тому же сама матриарх и ее супруг с радостью помогли бы Мансу отыскать себе занятие, поскольку в правящей семье было не принято мужчинам заниматься безделием.

Но, судя по всему, ее младший брат отказался от сомнительной радости погибнуть вместе с другими служивыми в

запутанных лабиринтах тоннелей, кишашщих оголодавшими тварями, и все же пожелал остаться при дворце, рискуя удостоиться общественного порицания. Раньше, еще в детстве, он все свободное время предпочитал либо, запершись в своей комнате, вытачивать из кости или же плавить из стекла различные безделушки и украшения, либо же, уверенный в собственной незаметности, преследовать Лантею по всему городу, думая, что она его не замечает. А теперь сестра могла только предполагать, чем жил ее младший брат. Хотя его подозрительная любознательность и даже некоторая навязчивость наталкивали девушку на нехорошие мысли о том, что юноша был лишь чьим-то посыльным.

– Тебя это не должно волновать, Манс. Как, впрочем, и никого другого во дворце. Я достаточно ясно выразилась на этот раз? – с нажимом произнесла Лантея, огибая брата и направляясь дальше по коридору.

– Сестра!

Белокурый парень в несколько шагов нагнал девушку и встал перед ней, загораживая проход.

– Неужели я что-то не то сказал? Прости меня, если я чем-то тебя обидел...

– Просить прощения ты будешь перед нашей матерью, которая и подслала тебя ко мне с этими вьедливыми вопросами о чужаке. Будешь извиняться за то, что не сумел раздобыть для нее никакой ценной информации. А мне от твоего раскаяния ни горячо, ни холодно.

Светлые брови Манса взмыли вверх.

– Матриарх ни о чем меня не просила. Сегодня за весь день я вовсе ее ни разу не видел... Неужели ты правда считаешь, что я не мог по собственной воле прийти к тебе, как только узнал о твоём возвращении? Неужели для того, чтобы побеседовать с тобой мне нужно обязательно быть именно чьим-то посланником?

На лице Лантеи отразилось легкое замешательство, но девушка быстро взяла себя в руки, не позволяя расслабляться. Она как никто другой знала, что дворец матриарха представлял собой змеиное логово, где шпионаж процветал с давних времен, а за каждым гобеленом могли скрываться целые толпы любопытных слушателей. И поверить в неожиданную бескорыстную привязанность брата ей было сложно.

– Сколько тебе сейчас лет, Манс? Двадцать три? Двадцать четыре? – Лантея тяжело вздохнула, потирая шею. – Ты младше меня всего на пару лет, уже прошел обряд совершеннолетия, но по-прежнему забываешь, что любые слова всегда должны быть подтверждены действиями, поступками, степенью заработанного за долгие годы общения доверия. За всю жизнь мы с тобой практически не разговаривали друг с другом, обучались каждый своему, сидели в разных частях дворца. И что ты теперь от меня хочешь? Чтобы я в приливе сестринской любви бросилась тебе на шею, рассказав все о своей жизни?... Между нами стоят диаметрально противоположные цели, молчание двадцати с лишним лет, традиции

матриархата... И все это не получится разрушить простым радушием, Манс.

– Это вовсе не так, сестра, – возразил юноша.

– Я только пришла из-за гор, из дальних краев, где не существует разделения, сковавшего общество наших Барханов по рукам и ногам. Там дети воспитываются вместе, там никогда не возникло бы подобной нашей ситуации, брат... И, если бы я могла, то изменила бы действительность хетай-ра, заставила их посмотреть на иную модель существования, отречься от загнивающих традиций. Но... Пока что это не в моих силах. И пропасть между нами бездонна.

Манс встрепенулся, а на его лице появился лихорадочный румянец, алыми кляксами растекшийся по щекам.

– Достаточно возвести над ней мост, и этот разрыв перестанет быть важным, – твердо сказал брат. – Я знаю, как долго ты планировала свой уход из Бархана. Как желала попасть в земли за песками. И, поверь мне, сестра, я рад, что тебе удалось совершить задуманное. Что твой поход оказался успешным, и заработанный опыт послужит для нашего народа. Потому что это именно то, чего не хватало Бархану... Я ведь просто хочу помочь тебе, Лантея. Хочу, чтобы ты знала, что в этом городе есть тот, кому можно доверять. И ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

– Я не нуждаюсь в помощи, – немного грубо и резко ответила девушка. – Прости меня, Манс, но даже если все твои слова искренни, мне сложно в них поверить.

Белокурый юноша отвел глаза в сторону. Уверенный ледяной взгляд сестры прожигал в Мансе дыру, и все, что он смог сказать напоследок, было:

– Я все понимаю, Лантея. Но я действительно рад, что ты все же вернулась домой. Вернулась в целостности и сохранности. И... Просто знай, что я безмерно горжусь своей сестрой.

После этой фразы хетай-ра развернулся, оставив растерявшуюся девушку стоять в коридоре одну, и мгновенно исчез в одной из длинных анфилад, а его шаги еще долго отдавались эхом в полумраке.

Лантея какое-то время стояла, опершись рукой о стену, и думала над всем, что сообщил ей младший брат. Чувство неловкости долго не хотело ее отпускать: неожиданное признание Манса в симпатии и готовности помочь можно было со одинаковым успехом приравнять как к обыкновенному обожанию, свойственному очень многим мальчикам и юношам в Бархане, воспитанным в атмосфере почитания женского пола, сестер и матерей, так и к льстивому подхалимству. В последнее Лантее верилось охотнее, поскольку использование Манса в качестве орудия слежки за непокорной дочерью матриархом казалось самым вероятным развитием событий.

– Я только вернулась домой, а этот дворец уже начинает давить мне на голову, – пробормотала себе под нос девушка и неспешным шагом двинулась дальше по коридору.

В западном крыле дворца, где располагались личные комнаты женщин, хетай-ра быстро отыскала свои старые покои.

Два помещения, соединенных небольшим переходом и лестницей, представляли собой спальню и рабочий кабинет, обставленные без особенной роскоши. Там практически ничего не изменилось с момента ее побега: толстый слой пыли на драпировках, куча исписанного и изрисованного пергамента, разбросанного на столе, старые ножи для тренировок и кипы зачитанных книг из личной библиотеки правительницы. Видимо, после того как Лантея покинула Бархан, в ее личные покои слуги так и не рискнули заходить, все еще памятую о нелюбви дочери матриарха к незванным гостям на ее территории.

Наскоро самостоятельно сменив постельное белье и кое-как отряхнув от пыли некоторые личные вещи, девушка устало упала на подушки, подтянув к себе поближе принесенный фонарь. Некоторое время она просто в молчании наслаждалась танцем запертых в сосуде светлячков. Оглушающая тишина дворца, погруженного в сон, давила ей на уши, но еще больше давили нелегкие мысли, спутанные в единый клубок проблем. Отношения с верным спутником трещали по швам, мать и сестра, кажется, готовы были растерзать блудную дочь, вовсе не обрадовавшись ее возвращению, а младший брат вел себя подозрительно, судя по всему, пытаясь втереться в доверие к Лантее, следуя чьему-то приказу.

И нельзя было надеяться ни на кого в этом городе, кроме себя самой.

Взор хетай-ра упал за кровать, где неряшливой грудой

были свалены старые письма тети, которые Чият присылала племяннице после ухода из Бархана. В дорогу она забрала одного из почтовых орлов и, приучив его к новому месту, часто отправляла обратно в пустыни с длинными и обстоятельными письмами для юной Лантеи, где тетя красочно описывала свое путешествие, рассказывала о Залмар-Афи и своей новой жизни. В этих посланиях было столько восторга и вдохновения, что девушка часто зачитывала пергамент до дыр, проникаясь эмоциями Чият.

С нежной грустью взяв в руки некоторые из потрепанных писем, хетай-ра взгляделась в ровные строки. Иероглифы, выведенные знакомым аккуратным почерком тети, на секунду всколыхнули в груди Лантеи приглушенную печаль. Теперь это было все, что осталось племяннице на память от Чият – старые письма, тонкая лента и терпкая горечь утраты.

Разве должно было все случиться именно так? Нежно любимая тетя умерла вдали от родного дома, в одиночестве, в своей прогнившей избушке посреди дикого леса. И это был именно тот конец, который она предпочла для себя, когда могла все рассказать племяннице и провести последние отмеренные ей богиней дни в обществе Лантеи, которая бы позаботилась о больной. Девушка никак не могла найти объяснение поступку Чият, и оттого у нее на душе становилось все тоскливее. Будто это была ее вина, что тетя решила так поступить...

Провалившись некоторое время на кровати и постоян-

но неосознанно поглаживая зеленую ленту, повязанную на запястье, хетай-ра в конце концов собрала силы в кулак и приняла сидячее положение. Нужно было привести себя в порядок, осмотреть раны и обдумать собственные дальнейшие действия: как можно было вернуть утраченное доверие Ашарха и что следовало рассказать городскому собранию о мире за песками.

Сбросив свою изорванную и испачканную одежду, Лантея облачилась в легкий шелковый халат и принялась ощупывать собственное тело. За ухом ныла длинная ссадина, полученная еще во время сражения с горными тварями на Мавларском хребте. Затягивалась она неохотно, и кожа по краям слегка опухла, пронзая голову резкой болью каждый раз, когда девушка касалась пальцами этой царапины. Где-то на макушке еще не рассосалась твердая шишка, оставленная рукоятью гладиуса Саркоза, когда общинник пытался оглушить свою противницу. Можно было сказать, что удача тогда оказалась на стороне хетай-ра, ведь выйти из подобного сражения с единственной шишкой – это даже звучало удивительно. Особенно если учитывать, что сражаться Лантее приходилось кухонным ножом.

Слегка распустив халат и оголив плечи, девушка вгляделась в ожоги, которые теперь до конца жизни должны были служить для нее дурным напоминанием о посещении Итала-на. Во многих местах уже отходили корки, темными бляшками образовавшиеся поверх заживавшей кожи. Там, где стру-

пья оторвались, виднелись бордовые шрамы, которые еще совсем нескоро должны были побелеть до обычных рубцов.

В этот момент в коридоре рядом с комнатой послышались легкие шаги, через мгновение завесь сдвинулась, а в помещение величественно и неспешно ступила матриарх. На ней был накинут все тот же роскошный халат, в котором она предпочитала вечерами гулять по дворцу. Шелк темно-зеленого оттенка – традиционного цвета правящих семей Барханов – складками опускался до самого пола. В руках женщина держала хрупкий поднос, уставленный пиалами, блюдами и запотевшим графином с холодным травяным напитком.

– Что ты хотела, мама? – сухо поинтересовалась Лантея, накидывая халат обратно на плечи. – Я еще не успела привести себя в порядок и сходить к горячим источникам.

Матриарх молча подошла к столу, оставила на нем поднос и после опустилась на кровать рядом с дочерью. Холодными длинными пальцами она сдвинула ткань с плеча девушки и коснулась подживавших ожогов, которые не ускользнули от ее внимательного взгляда.

– Кто посмел так изуродовать дочь матриарха?

– Это уже не важно. Я отомстила им.

– Это ведь были иноземцы, не так ли? Такие же как тот мужчина, с которым ты пришла? – вкрадчиво поинтересовалась женщина.

Отстранившись от ледяной руки матери, Лантея поднялась на ноги и подошла к столу. Оглядев поднос и выбрав

из всей снеди простую лепешку из лишайниковой муки, девушка присела на край каменной столешницы. Пальцами отрывая от хлеба небольшие куски, она по одному отправляла их в рот и все это время не сводила с матриарха задумчивый взгляд.

– Не хочешь мне отвечать?.. Я ведь не так тебя воспитывала, дочь.

– Я давно уже не ребенок. И не собираюсь тебе покорно во всем подчиняться. Это удел Мерионы, – спокойно парировала юная хетай-ра.

– Но ведь я все еще остаюсь твоей матерью и твоим матриархом.

Женщина говорила неторопливо, растягивая слова. Она сидела на шкурах, небрежно брошенных поверх кровати, опираясь на руки и бесстрастно разглядывая дочь, которую не видела больше двух лет.

– Если ты намерена давить на меня подобным образом, то, скажу сразу, ты не получишь ничего, кроме моего молчания и презрения.

– Я не хочу давить. Совсем нет. Мне лишь хотелось просто поговорить со своей дочерью, услышать ее рассказ о посещенных дальних странах и ничего больше. Я слишком много прошу? – спросила матриарх, вскинув брови.

Отложив в сторону недоеденную лепешку, Лантея хмуро взглянула на мать. Она всегда воспринимала ее как властную, но бесконечно мудрую женщину, которая, впрочем, в

любой момент могла надавить на больную точку и вытащить из собеседника все, что ей требовалось.

– Я не уверена, что сегодня хорошее время для подобной долгой беседы. Я устала с дороги, а негостеприимное при-
ветствие и остальные проблемы забрали у меня все оставши-
еся силы, – ответила девушка. – Так что, если ты не против,
мама, я бы предпочла отдохнуть этой ночью.

– Не надо играть моим любопытством, дорогая. Ты зна-
ешь, я никуда не уйду, пока не получу то, за чем сюда яви-
лась, – сказала матриарх и похлопала ладонью по кровати
рядом с собой.

Лантея страдальчески поморщилась, но все же послушно
села по левую руку от матери. Ее недельный лимит энергии
для скандалов был исчерпан еще благодаря Ашарху. А тре-
бовательность правительницы Бархана никогда не знала гра-
ниц.

Мать и блудная дочь беседовали достаточно долго. За хо-
лодным травяным настоем разговор проходил неторопливо.
Больше всего матриарха, конечно же, интересовал мир за
пределами песков, таинственный спутник Лантеи и подроб-
ности ее долгого путешествия. И далеко не сразу эта власт-
ная женщина решилась узнать подробности о гибели своей
сестры.

– Это была болезнь, – негромко сказала девушка.

– И ничем нельзя было помочь?

– Она скрывала от меня, что все зашло так далеко.

– Это так на нее похоже... – тихо изрекла матриарх, ее благородное лицо застыло белой гипсовой маской. – Как жаль, что Эван’Лин милостива не ко всем своим детям.

– Порой богиня пугает меня своей жестокостью, – прошептала Лантея и взгляделась в величественный профиль матери. – И все же, раскрой мне тайну этого свистка. Почему она попросила отдать его тебе?

– Это такая детская глупость. Я и подумать не могла, что Чият до их пор о ней помнила... Когда мы обе были еще совсем детьми, то не поделили этого сокола между собой. Я тогда сказала очень жестокие слова, из-за которых, видимо, и начался разлад между нами.

– И что это были за слова?

– О том, что если я захочу, то у меня будет сотня бездельшек лучше этой, потому что я будущая правительница. А сестре ничего не достанется в жизни, кроме простого костяного свистка и незавидного места за спинкой моего трона.

Обе хетай-ра замолчали, думая о чем-то своем в тот момент. Смерть Чият незримой тенью наложила отпечаток на судьбу каждой из них.

На пороге спальни тихо появилась одна из дворцовых прислужниц. Она стояла, низко склонив голову, ожидая, когда матриарх обратит на нее внимание.

– Что тебе нужно, Дайва? – окинув взглядом девушку, нетерпеливо спросила правительница.

– Ваша старшая дочь Мериона просит уделить ей время

перед сном. Она ожидает в вашей спальне.

– Мне некогда, – отмахнулась матриарх, недовольно поджимая губы. – Передай, что я занята. Ступай.

Прислужница приложила кулак к солнечному сплетению в знак уважения и так же тихо удалилась. Лантея, все это время внимательно рассматривавшая девушку, перевела на мать вопросительный взгляд.

– Не припомню у тебя новых слуг последние лет семь, – ненароком заметила Лантея.

– Это новая прислужница Мерионы, не моя.

– А что случилось со старой? Я помню, моя сестра допускала к себе только Шео, хоть та была уже совсем немолода.

Матриарх сменила позу, подобравшись всем телом и отведя взгляд от своей собеседницы.

– Там случилась не самая приятная история. У Шео были проблемы дома из-за больного брата. За ним некому было приглядывать. Но в тот день, когда Шео решила отпроситься, твоя сестра была в дурном расположении духа. Что стало с ней случаться довольно часто в последнее время, кстати, – мрачно подчеркнула мать. – И приказала ее выпороть на площади. Чтобы служанка запомнила, что она должна хорошо выполнять свою работу, за которую получает деньги.

– И, дай угадаю, немолодая женщина этого не пережила? – Лантея нахмурила брови.

Матриарх кивнула и спустя несколько мгновений вновь заговорила:

– Не буду отрицать, что Мериона становится все более жестокой с годами. Она часто начала пользоваться своим положением. С другой стороны, если девочка ослабит хватку, то ее никто не будет воспринимать всерьез. А ведь она займет трон после меня. Подданные должны не только уважать ее, но и бояться.

Лантея не стала переубеждать мать. Она знала, что это бесполезное занятие. Поэтому девушка просто осталась при своем мнении. Разговор угас сам собой, как и всегда было раньше, когда правительница беседовала с младшей дочерью о старшей. Матриарх, еще пару минут посидев в тишине, все же поднялась на ноги и привычным жестом поправила одежду.

– Прежде чем я пойду, хочу напоследок спросить у тебя еще кое-что, Лантея, – начала говорить мать и на мгновение запнулась. – Что ты теперь собираешься делать с этим чужаком, со всеми знаниями, полученными тобой на поверхности?

– Донесу их до общественности. Хетай-ра сами должны решить, пора ли им выходить наружу.

– Не такой ответ я хотела услышать. – Мать скривилась. – Пойми, дочь, если Барханы станут открытыми, то вся наша древняя культура, уклад и традиции просто будут уничтожены.

– Нельзя просто так запереть под песком навечно тысячи хетай-ра, лишив их сознательного выбора, – жестко припе-

чатала Лантея.

– Но так было всегда! Именно благодаря этому наша цивилизация процветает.

– Процветает?.. Тьма! Скорее, чудом выживает столетиями в постоянных стычках с ингурами и питается одним пещерным лишайником!..

Девушка обожгла матриарха яростным взглядом. Ее лицо пылало от праведного негодования.

– Нет, мама, наш народ не достоин больше подобного существования. В ближайшие дни я созову общие городские слушания, где расскажу все, что я узнала о жизни на поверхности, за пределами песков. И даже ты не сможешь мне помешать осуществить это.

Глава вторая.

Лабиринты темных залов и переходов

Первым даром Эван'Лин ее детям было время. Она научила хетай-ра отсчитывать его, ценить его и тратить. А после сделала своих детей смертными, чтобы ценность времени для них возросла многократно.

Главный жрец Гадзари. «О сущности божественных даров»

Лантее так и не удалось нормально выспаться и отдохнуть: сказывалось волнение прошедшего дня и все эти тягостные

разговоры, которые девушка половину ночи прокручивала в голове. Даже вернувшись домой, она не чувствовала себя в безопасности, словно стены дворца начали давить на нее, стоило переступить порог купола. Матриарх, у которой не получилось чужими руками раздобыть сведения, приходила к дочери вечером с четкой целью – разузнать о планах Лантеи и попытаться ее переубедить, поскольку грядущая смута вряд ли была ей на руку. И, так как задумка не удалась, правительница непременно должна была прибегнуть к более радикальным способам воздействия на дочь, как и всегда.

Утром, облачившись в одно из своих старых платьев традиционно зеленого цвета, Лантея свернула на макушке волосы в тугий узел и, не забыв захватить один из потрепанных поясов с парой костяных ножей, поспешила в центральную часть дворца, где располагалась канцелярия матриарха. Пока она скользила по темным коридорам, которые в это время суток выглядели гораздо оживленнее, чем вечером, чужие взгляды удивленно скользили по лицу хетай-ра, будто по дворцу летел настоящий призрак. Прислуга перешептывалась между собой, служащие канцелярии ограничивались поднятыми бровями, и никто так и не посмел заговорить с Лантеей или же просто поприветствовать ее. Будто за два года отсутствия в Бархане ее давно уже похоронили и забыли.

Главная дворцовая канцелярия занимала около дюжины смежных помещений, и там практически никогда не останавливалась работа. Некоторые отделения состояли всего из па-

ры хетай-ра и теснились в узких проходных залах, в то время как другие имели в своем подчинении несколько десятков служащих и с комфортом располагались в обширных палатах, где хватало места даже для устланных шкурами козеток и продолговатых столов, загроможденных увесистыми архивными журналами.

Девушка толкнула высокие массивные двери, выполненные из темного закаленного стекла, и шагнула в главный зал канцелярии. Ее мгновенно со всех сторон окружил гомон разговоров, скрип стилосов по пергаменту и стук костяных счетов. Всюду, на стенах и шкафах, висело огромное множество ярких фонарей, другие были расставлены на постаментах и столешницах, и в их свете трудились десятки сосредоточенных хетай-ра. Вдоль стен рядами тянулись письменные столы, за которыми восседали служащие: кто-то кропотливо заполнял журналы, другие советовались между собой и постоянно сверялись с толстыми книгами. В пустом пространстве посередине зала располагался стол канцлера, где не было ни единого свободного от документов и свитков места. Вокруг постоянно толпились хетай-ра, то подкладывая новый исписанный пергамент, то что-то спешно пересчитывая на счетах.

Стоило Лантее приосаниться и медленно подплыть к центру комнаты, как служащие, завидев ее, спешно начали склонять головы, приветствуя дочь матриарха, и незаметно рассасываться по своим рабочим местам. В помещении стало

намного тише, и каждый присутствующий, делая вид, что крайне занят делами, украдкой следил за девушкой, возвращение которой целое утро обсуждал не только весь дворец, но и половина Бархана. Вторая половина же о нем еще просто не успела узнать, но до полудня этот вопрос должен был решиться сам собой.

Из-за своего стола поднялась канцлер, приложив кулак к солнечному сплетению, и вежливо склонила голову:

– Младшая дочь матриарха, рада вновь видеть вас дома.

Это была сухая невысокая женщина с белыми прямыми волосами до плеч и крайне суровым взглядом глаз цвета стали, спрятанных за аккуратными маленькими очками в костяной оправе. Лантея никогда не видела, чтобы эта немолодая хетай-ра, уже больше тридцати лет занимавшая свой ответственный пост, улыбалась или изменяла как-то свою внешность: она всегда срезала волосы под одинаковую длину, не красила лицо и носила совершенно невыразительное черное одеяние до пола с коротким воротником-стоечкой и наглухо застегнутое на все пуговицы с низа и до самого подбородка. На ее лице со впалыми щеками и обвисшей дряблой кожей больше всего выделялись губы – широкие и мясистые, с опущенными уголками – они всегда были упрямо сжаты.

– Благодарю, Эхенади. Я здесь по делу, – произнесла Лантея, неторопливо расправив складки своего платья, а после сложила пальцы рук в замок на уровне живота.

– Да, конечно. Чем я могу вам помочь? – с ноткой тща-

тельно скрываемого раздражения в голосе быстро спросила канцлер, бросив взгляд на массивные песочные часы, стоявшие на краю ее стола.

– Необходимо в ближайшее время провести внеочередные общие городские слушания. Надеюсь, последние были достаточно давно?

Где-то за спиной Лантеи едва слышно начали перешептываться служащие. Но Эхенади неожиданно громко шикнула на них, и голоса мгновенно затихли. Ее авторитет в канцелярии был непререкаем, поскольку считалось, что она пользовалась неограниченным доверием матриарха.

– Одну минуту. Я проверю, – вежливо ответила женщина, по-прежнему сохраняя на лице непроницаемую маску.

Она сдвинула в сторону на своем столе стопки документов, пока не отыскала тяжелый потрепанный журнал. Потянув за тканевую закладку и открыв нужную страницу, канцлер быстро пробежала глазами по ровным строкам в книге и только после этого утвердительно кивнула:

– Ближайшее заседание назначено на следующую неделю.

– Это слишком поздно, – категорично заявила Лантея. – Заседание должно состояться раньше. И лучше, если бы оно прошло сегодня.

– Невозможно. Участники слушаний не успеют подготовить отчеты для матриарха. Завтрашний день – самое раннее, что я могу вам предложить.

– Меня это устроит.

Эхенади вооружилась стилосом, окунула его кончик в чернильницу и выжидательно взглянула на девушку.

– Необходимо сообщить о причинах переноса заседания. Что повлияло на необходимость срочного созыва?

– Можете оповестить всех участников, что Лантеялианна Анакорит вернулась в Бархан из своего дальнего двухлетнего странствия. И желает поделиться со своим народом теми ценными знаниями, что она получила в чужой стране. А также представить на суд общественности несколько идей, призванных изменить взгляд хетай-ра на политику изоляционизма Барханов, из-за которой для пустынного народа оказался закрыт мир, лежащий за песками, – торжественно и с легкой усмешкой проговорила девушка, и ее слова в тишине разнеслись по всем ближайшим комнатам главной дворцовой канцелярии.

Эхенади, как стояла со стилосом в руках, так и застыла, не в силах сдвинуться или что-то сказать. Она лишь с немым удивлением во взгляде смотрела на младшую дочь матриарха, а чернила темными кляксами падали на пергамент с конца писчей стеклянной палочки. Впрочем, остальные служащие тоже пребывали в изумленном ступоре, не веря собственным ушам.

– Это все. Благодарю за помощь, канцлер.

Развернувшись, Лантея собиралась направиться к выходу, когда ее окликнул знакомый голос:

– Признаться, ты всегда умела действовать эффектно,

сестра.

Уперев руки в пояс, на другом конце зала, у прохода, ведущего в соседние помещения канцелярии, стояла Мериона, вздернув бровь и изогнув губы в язвительной усмешке. Она была в вытертых кожаных штанах с широкой шнуровкой по бокам, свободной темной рубахе и накинутой сверху темно-зеленой мантии с длинными рукавами. С костяным топориком наследница престола и вовсе никогда не расставалась, даже во дворце, и он висел на широком поясе, в любой момент готовый покорно лечь в руку своей хозяйки и испить чьей-нибудь крови.

– И давно ты меня здесь поджидала? – поинтересовалась Лантея.

– Больно нужно. – Старшая сестра фыркнула и двинулась навстречу младшей. – Я торчу тут с самого утра по приказу матери. В отделении тайных дел полно работы. Кто-то же должен ей заниматься, пока другие гуляют на поверхности, позабыв о своем родном доме и его проблемах.

Возмущенно поджав губы, Лантея одарила сестру мрачным взглядом. Отношения между ними никогда не ладились, но они обе ни за что бы не стали раньше так открыто в чужом присутствии оскорблять друг друга. А теперь Мериона фактически объявляла ей войну.

– Так возвращайся к своей работе. Иначе матриарх будет тобой недовольна, – с легкой издевкой в голосе парировала Лантея и, не оборачиваясь, скорее устремилась к двери.

Распахнув тяжелые стеклянные створки, девушка выско-
чила в темный коридор и зашагала в сторону мужской части
дворца. Ей пора было навестить профессора, который, на-
верняка, чувствовал себя в мрачной каменной комнате как
пленник.

Но не успела хетай-ра отойти даже на десяток шагов, как
позади хлопнула дверь канцелярии, и послышался громкий
окрик Мерионы:

– Не убегай! Я хотела поговорить, сестра.

– Вчера в одной брошенной тобой на прощание фразе
было столько презрения, что желание говорить отбивает на-
прочь. А сегодня ты решила прилюдно меня пристыдить, –
едва сдерживая раздражение, ответила Лантея, но все же
остановилась и развернулась. – И теперь ты хочешь погово-
рить. Опять в чем-нибудь обвинишь?..

Мериона в несколько шагов оказалась рядом с сестрой
и, схватив ее за запястье, утянула в сторону, нырнув под
прикрытие одного из гобеленов. Под непроницаемой тка-
нью оказалась узкая стрельчатая арка, которая вела на ма-
ленький полукруглый балкон с резной балюстрадой, выхо-
дивший прямо на площадь перед дворцом. Места там оказа-
лось совсем немного, даже для двоих, и потому Лантея сра-
зу подпрыгнула и села на широкий парапет, небрежно подо-
ткнув под себя ткань платья. Мериона же встала рядом, тя-
жело опершись на перила и безучастно посмотрела вниз, где
на парадной лестнице двумя шеренгами напротив друг дру-

га стояли стражи.

– К чему такая секретность? Боишься, что в коридорах кто-то может подслушать разговор? – проницательно заметила Лантея.

– Не без этого. Во дворце теперь надо контролировать каждое слово. Почему, думаешь, мать через день посылает меня в отделение тайных дел? Там просто бардак. Работы до потолка.

– В связи с чем? Что-то произошло?

– Пока тебя не было два года, тут, знаешь ли, тоже жизнь шла своим чередом. И за это время многое изменилось, – сказала Мериона и повернулась лицом к сестре. – Весь город и, в особенности, дворец наводнили шпионы. Просто какое-то невысказанное количество. Сначала мы с матерью думали, что это дело рук Васпии. Матриарх Пятого Бархана всегда славилась тем, что знает все и обо всех, и, по ее же словам, ее верные подданные есть в каждом полисе. Но...

– Но?.. – выжидательно переспросила Лантея.

Нервно потерев мочку уха, Мериона будто нехотя, понизив голос, призналась:

– Это соглядатаи Иамес.

– Матриарха Первого Бархана? Зачем ей это?

– Все не так просто, как ты думаешь. Ее шпионы всегда были в городе, мы даже знали о большинстве из них. Но в последние полгода их число утроилось. Они вынюхивают буквально обо всем, но особенно – обо мне.

Лантея нахмурила брови. В первые минуты ей еще казалось, что старшая сестра шутит или пытается подвести беседу к очередному обвинению, но теперь дело принимало другой оборот.

– Почему именно о тебе?

– Мать сказала, что когда наша бабушка находилась при смерти, то Иамес тоже буквально заволодела Бархан своими шпионами. Они практически по пятам несколько месяцев крались за матерью, наблюдая за каждым ее шагом и действием. И только после того, как она взошла на престол, то все преследователи за неделю испарились, будто их никогда и не было.

– Неужели Иамес приглядывается к будущей наследнице трона? – сделала вывод Лантея.

– Так и есть.

– Разве сейчас не рано? Не думаю, что мама покинет этот свет в ближайшие годы, – протянула девушка и сразу же поймала на себе недобрый взгляд сестры.

– Конечно, еще рано! О чем ты говоришь!.. Матриарх считает, будто Иамес приглядывается ко мне. Мол, после твоего исчезновения у Третьего Бархана осталась лишь одна возможная наследница. Чият была бездетной, а наши дальние родственники по бабушкиной сестре – это не те, кого стоит брать в расчет...

Мериона на мгновение замолчала, прислушиваясь к коридору, от которого их отсекал лишь гобелен. Мимо скры-

того прохода на балкон кто-то неторопливо прошел, но шаги быстро затихли.

– И, судя по тому, что нам удалось узнать, моя кандидатура ей совсем не нравится, – закончила старшая сестра, поблескивая в полумраке своими огромными подведенными краской глазами.

На минуту опешив, Лантея не сразу нашлась, что сказать:

– Постой. А кто же, если не ты?! Мать тебя с детства готовила к престолу!

– Пока не появилась ты, выбора практически не оставалось. Иамес могла согласиться на меня. Но теперь есть варианты, – полупшепотом многозначительно намекнула Мериона.

– Ты правда уверена, что Иамес захочет видеть на троне Третьего Бархана меня?! Это глупо!

– Глупо совсем другое, сестра. Ты решила вмешаться в эту сложную игру со своими правилами. Притащила чужака, созываешь общие слушания и хочешь поставить под сомнение сами основы общественного строя хетай-ра. Иамес – консерватор до глубины души, как и мы с матерью. Она много лет стоит у престола и ратует за соблюдение всех традиций, за сохранение нашей изоляции. Как ты думаешь, хорошо ли она отреагирует на твое выступление?

Нахмурившись, Лантея сползла с парапета, встав практически вплотную к старшей сестре. Она совсем не предполагала, что матриарх Первого Бархана так далеко раскинула свои сети.

– Вижу, масштаб трагедии ты понимаешь, – усмехнулась Мериона. – Для Иамес избавиться от лишнего претендента на трон ничего не стоит. Вспомни только Сигридский переворот в Четвертом Бархане, когда ее хетай-ра за одну ночь вырезали всю правящую семью, кроме одной новорожденной малышки Сигриды, которой по итогу и досталась вся власть. Тогда народу было объявлено, что во дворец ворвались ингуры, которые прорыли ходы прямо в стенах здания, и убили большую часть его обитателей. Всех свидетелей устранили – знают о произошедшем только избранные. Вот и думай теперь, как Иамес захочет поступить с тобой и твоим чужаком.

– Мериона, не в твоих принципах заботиться о моей безопасности... Ты только во всем потакаешь матери, послушно раскрывая клюв, как новорожденный птенец, и для тебя же и матриарха будет лучше, если Иамес избавится от меня и чужака. Какой смысл предупреждать меня тогда?

– Потому что плохо будет всем. Не тебе одной, – раздраженно отмахнулась старшая сестра. – Мы начали потихому избавляться от шпионов Иамес. Посылаем их с группами охотников в Дикие тоннели и обставляем все как несчастный случай, отправляем с караванами на поверхность, где обвиняем в гибели пары-тройки хетай-ра песчаные бури или зыбучие пески. Незаметно и осторожно сокращаем это число. Порой удается добраться до неотправленных отчетов и подкорректировать их. Потому и говорю, что работы много, а

ситуация очень опасная. Чем меньше будет в Третьем Бархане подданных Иамес, тем труднее ей будет повернуть свои темные дела. Но, стоит чему-нибудь вскрыться – правде ли о чередке случайных смертей или же ты откроешь рот со своим миром-за-пределами-песков – матриарх Первого Бархана может щелкнуть пальцами, и наш род оборвется.

– Ваши темные делишки с мамой меня не особенно интересуют. Делайте, что делали, или объявите Иамес открытую войну. Мне до этого нет дела – я вернулась домой с определенной целью, и собираюсь добиться своего. Завтра состоятся общие городские слушания. Я произнесу там речь, а дальше будь что будет. Сейчас для меня важнее всего заронить саму мысль о возможности окончания изоляции в разум жителей: если они захотят рискнуть всем и увидеть другой мир, выйти из темноты и больше никогда в ней не прятаться, то ни ты, ни мать, ни даже сама Иамес не остановят их! – выдохнула Лантея прямо в лицо обескураженной сестре.

Мериона запустила пальцы в свои короткие волосы, выкрашенные в алый цвет. Судя по тому, как менялось ее лицо, молодая женщина с трудом удерживала себя в руках, чтобы прямо в тот момент не сбросить свою недалекую и своевольную младшую сестру с балкона вниз.

– Ты просто невозможно бестолковая!..

– Может и так. Но бояться я не собираюсь. Ни матриархов, ни их безропотных посыльных.

Лантея сплюнула под ноги Мерионе и вышла через арку с

крохотного балкона. Сдвинув гобелен, девушка оказалась в темном пустынном коридоре, а за ее спиной раздался глухой удар и раздраженная брань старшей сестры, которая вымещала злость голыми кулаками на каменном парапете.

Скорее направившись в другую часть дворца, Лантея озабоченно нахмурилась, совершенно не обрадованная всеми услышанными новостями. За время ее отсутствия в Бархане многое в городе изменилось. Хотя абсолютно верить словам Мерионы все равно нельзя было, поскольку старшая сестра почти всегда представляла и защищала интересы матриарха и только матриарха. Она могла сделать и сказать все что угодно по приказу матери. И почему-то Лантея была убеждена, что попытки отговорить сестру выступить на общих городских слушаниях весьма смутно были связаны с угрозой вмешательства матриарха Первого Бархана Иамес в систему наследования Третьего Бархана. Скорее, мать попросила Мериону отыскать способ переубедить младшую дочь после того, как Манс, да и она сама, провалили переговоры прошлым вечером. И теперь, когда и старшая сестра потерпела поражение, Лантея опасалась, что правительница могла приняться за более действенные методы. Только вот откуда следовало ждать следующего удара?

Добравшись до комнаты своего спутника, хетай-ра тихо отодвинула занавесь и заглянула внутрь. Светлячки в фонаре практически перестали мерцать, и помещение было погружено в крошечный мрак. Мужчина еще спал, разметавшись

на постели, укрытой полупрозрачным пологом. Его грудь редко и тяжело вздымалась, а из горла порой вырывались едва слышные хрипы.

Лантея захватила из коридора более яркий фонарь, в котором по стеклянным стенками ползали бодрые только пойманные насекомые, и шагнула ближе к кровати профессора. Она села на край, отодвинула полог и несколько мгновений просто в тишине наблюдала за спящим человеком, размышляя над тем, как правильнее следовало начать с ним разговор. Вечером они расстались враждебно, готовые если не убить друг друга за взаимное вранье, то уж точно оборвать все общение. А теперь можно ли было вообще говорить о какой-то прежней дружбе и привязанности?

Хетай-ра легко погладила Ашарха по небритой щеке.

– Пора вставать.

– Что? А?... – проворчал профессор, приоткрыв один глаз, но полумрак комнаты мгновенно обступил его со всех сторон. – Сейчас ночь... Я посплю еще немного, пока солнце не встанет... Ага...

Аш кашлянул, плотнее закутался в одеяло и отвернулся к стене. Девушка хмыкнула и положила ладонь на лоб больного, чтобы проверить, был ли у него еще жар. Кожа оказалась холодной и чуть влажной на ощупь. Значит, болезнь понемногу отступала.

– Здесь всегда царит ночь. Но по времени уже наступило утро. Вставай, скоро придет лекарь.

Недовольно заворчав, преподаватель развернулся к собеседнице. На его заспанном чуть помятом лице недовольство и усталость боролись за первенство.

– Чувствую себя отвратительно...

Пальцами протерев глаза и широко зевнув, Ашарх с наслаждением почесал лоб, на котором от подушки остались красные отпечатки. Взгляд хетай-ра замер на старом белом рубце, пересекавшем лоб профессора над левой бровью.

– Давно хотела узнать, откуда у тебя этот шрам? – ненавязчиво поинтересовалась Лантея.

– Упал с лошади в детстве, – лаконично проворчал еще сонный Аш и закашлялся.

После, будто вспомнив все, что произошло между ним и спутницей вечером, он нахмурился и продолжил уже куда жестче, не давая хетай-ра даже шанса забыть о размолвке:

– Зато получил урок на всю жизнь, что у каждого разумного создания свой характер и не стоит заставлять других делать то, что нужно лишь тебе.

Профессор красноречиво посмотрел на примостившуюся на краю Лантею, после этого откинул одеяло и нехотя сел на кровати, ощущая чудовищную слабость во всем теле.

– Я тебя ни к чему не принуждала, – заметила девушка, тем не менее почувствовав легкий укол совести. – Мы заключили взаимовыгодное соглашение. Все, что от тебя требуется, – это рассказать моему народу о внешнем мире.

– В твоём дневнике было описано совсем иное.

– Я не прошу тебя лично устраивать революцию и с мечом наперевес бежать в первых рядах на штурм дворца.

– А ты сама так и намерена поступить? – сразу заинтересовался Аш.

– Нет, конечно!.. Как раз я-то и хочу решить все дипломатическим путем – через городские слушания, где позволю общественности самой рассудить, нужны ли Бархану перемены...

– Тогда признайся мне честно. После всего этого вранья хоть раз скажи правду. Если я выполню твое условие, выступлю на этих слушаниях, то отпустишь ли ты меня из Бархана беспрепятственно?

На секунду в глазах хетай-ра промелькнула тень разочарования.

– Если ты действительно этого хочешь, то мешать я не стану... – тихо проговорила Лантея, отступая к столу. Она повернулась к собеседнику спиной, чтобы скрыть тоску, которая ей овладела. Поставив на столешницу фонарь, девушка молча наблюдала за светлячками и ждала ответа профессора.

– Я тебя услышал, – спокойно сказал Ашарх. – Когда ты дашь мне выступить? И как все это будет проходить?

– Завтра в полдень состоятся общие городские слушания, на которых ты будешь присутствовать вместе со мной. Там и начнется обсуждение.

Преподаватель согласно кивнул. В комнате повисло тяже-

лое молчание, обременявшее как мужчину, так и девушку, но никто из них не решался больше ничего говорить, будто опасаясь выдать свои настоящие переживания.

К счастью для них обоих, в этот момент в коридоре раздались шарканье ног лекаря. Почтенный врачеватель Галахио вежливо покашлял, уведомляя о своем прибытии, и только после этого зашел в помещение, сразу же склонив голову перед дочерью матриарха. Пока молчаливый старик деловито осматривал больного, готовил ему новое питье с более сложной рецептурой и делал жгучие припарки, Лантея, сложив руки на груди, не моргая наблюдала за светящимися насекомыми в фонаре, которые разгоняли полумрак комнаты и хаотично ползали по своей хрупкой клетке в попытках найти выход.

Через полчаса лекарь, закончив свои процедуры и сложив в сумку склянки со снадобьями, негромко обратился к девушке:

– Я сделал все необходимое.

– И что вы скажете по поводу его состояния?

– Жар спал, – лаконично ответил Галахио, поглаживая свою жидкую козлиную бородку крючковатыми пальцами. – Кашель и хрипы в легких останутся еще надолго, необходимо дважды в день делать компрессы.

– Благодарю, – сказала Лантея и кивнула. – Но можно ли ему уже вставать?

– В постельном режиме нет особенной надобности. Боль-

ному, напротив, стоит больше двигаться и гулять, чтобы привести организм в тонус, – озвучил свои выводы лекарь и, раскланявшись, неспешно удалился из комнаты.

– Что он сказал по поводу меня? – сразу же поинтересовался Ашарх.

– Все в порядке. Последствия болезни пройдут не скоро, но твое тело справляется... Подожди минуту, я сейчас вернусь.

Девушка мягко выскользнула за занавесь и торопливо направилась в хозяйственную часть дворца, не желая обращаться к слугам, до которых иногда невозможно было докричаться, если что-то требовалось. Тем более что Лантея предупредительно опасалась шпионов как собственной матери, так и матриарха Первого Бархана Иамес, а в том, что среди прислуги дворца их было достаточно, она никогда не сомневалась.

Вернулась обратно хетай-ра только через четверть часа. Она принесла с собой комплект чистой одежды и поднос, уставленный различными блюдами. Ашарх, успевший за это время вновь задремать, лишь безразлично посмотрел на вещи, которые протянула ему спутница. Из всех его рубах после пустынь до сих пор сыпался песок, так что отказываться от чистой одежды было глупо, хоть мода в Барханах казалась непривычной для человеческого глаза. Мужчины и женщины пустынного народа предпочитали шелковые рубахи до пола, которые иногда перехватывались широким кожаным

поясом. Поверх часто накидывались плащи или мантии, а на ногах хетай-ра носили кожаные сандалии, либо же тканевые сапоги, приглушавшие любые шаги.

Для профессора тонкая рубаша глубокого синего цвета с длинными рукавами в первые минуты показалась ночной сорочкой, насколько нежно она легла к телу, хоть и постоянно путалась в ногах. Мягкая же обувь для стертых ступней Ашарха стала настоящим благословением после неудобных кожаных сапог, оставивших на пятках еще во время перехода через горы жуткие кровавые мозоли. Поддев под рубашу свои штаны, мужчина остался вполне доволен удобством одежды и своим внешним видом. Если бы ему еще удалось побрить лицо, то вполне можно было с чистой совестью выступать хоть перед пустынным народом, хоть перед самим матриархом.

И пусть все эти тряпки первые мгновения казались преподавателю непривычными и даже в какой-то степени забавными, но это продолжалось лишь до тех пор, пока его внимание не переключилось на еду, любезно предложенную Лантеей на завтрак. Хетай-ра принесла миску с кусками сырого мяса и странными серовато-зелеными лепешками.

– Это приготовленное мясо? – усомнился Аш, держа в руках небольшую пиалу и внимательно разглядывая куски темно-красного цвета.

– В Барханах мясо едят сырым. Поверь, здесь никто не станет отваривать или жарить хороший сочный кусок мяса с

кровью... Так не принято.

– И как же его есть? Так ведь можно отравиться.

Лантея несколько секунд что-то обдумывала и после все же отобрала блюдо у спутника, отдавая ему вместо сырого мяса одну из лепешек.

– Тебе и правда может с непривычки поплохеть. Давай-ка сейчас ты обойдешься простым хлебом, а позднее я найду для тебя более подходящее угощение, – сказала девушка и виновато улыбнулась.

Разломив небольшую плоскую лепешку пополам, профессор аккуратно откусил краешек и задумчиво пожевал, привыкая ко вкусу. Как он уже догадался, кашами и овощами в Барханах его никто кормить не собирался, и стоило свыкнуться со вкусом местной еды, чтобы элементарно не умереть с голода. Лишайниковая сдоба оказалась чуть горьковатой, но вполне съедобной, хотя больше одной лепешки съесть было трудновато – этот хлеб хорошо насыщал.

– Городские слушания начнутся только завтра, – ненароком обронила Лантея во время трапезы, бросая на сидевшего за столом Ашарха испытующий взгляд украдкой. – Я хотела бы показать тебе Бархан, пока у нас есть свободное время. Ты ведь и сам бы этого хотел, правда?

Профессор ничего не ответил, задумчиво пережевывая последний кусок сдобы, все еще пытаясь определить для себя, нравилось ли ему это диковинное блюдо или нет.

– И, к тому же, тебе не помешало бы посетить горячие ис-

точники, – намекнула девушка, демонстративно морща нос.

– У вас тут есть подземные водоемы? – спросил мужчина и вскинул бровь, заинтересованный последним предложением. – Я бы не отказался, если честно...

– Конечно есть, – усмехнулась хетай-ра. – Дожеывай и пойдём.

Преподаватель скорее поднялся на ноги и отряхнул одежду от крошек. Послушно приняв из рук своей спутницы стеклянный фонарь с встревоженными светлячками, он шагнул вслед за ней в непроницаемо черный коридор дворца.

– Ты хочешь мне сказать, что вы всегда живете в этом крошечном мраке?.. Никаких свечей, факелов, зеркальной системы освещения? – почему-то шепотом спросил у девушки Ашарх.

Они ступали по одной из каменных галерей дворца, изрезанной узкими переходами и арками, ведущими в соседние помещения. Фонари здесь были развешены по стенам на большом отдалении друг от друга, а потолки нависали так низко над головой, что при желании до них можно было дотронуться рукой.

– Мы неплохо видим в темноте, поэтому нам хватает светящихся растений. Как бы тебе объяснить... Понимаешь, мы ведь по сути своей ночные хищники с острым слухом, Аш, обитающие под песками на протяжении тысячелетий. Здесь привыкаешь верить своим ушам больше, чем глазам. Солнечные лучи почти не проникают в город, поэтому в Барха-

нах царит другой уклад жизни.

– Когда вчера мы блуждали по коридорам, я, если честно, думал, что это из-за позднего вечера так темно, – посмеялся над своей наивностью Ашарх.

– И надеялся, что утром, видимо, солнце каким-то немислимым образом озарит этот город? – усмехнулась Лантея. – Нет, это обитель вечного мрака. Ходи здесь без меня с фонарем, если не хочешь заблудиться... На самом деле, наш Бархан еще самый светлый из-за центрального входа в город над рыночной площадью. Стекланный купол днем дает много света. В некоторых подземных полисах хетай-ра нет даже такого.

– Это ведь Третий Бархан, верно? Помню, еще в Залмар-Афи ты говорила, что всего их пять.

– Да, у хетай-ра пять правящих семей и пять городов по их числу. Но главенствует над всеми, конечно, Первый Бархан. На изегоне, местном языке, это звучит как Zseit. Там правит матриарх, которой волей-неволей обязаны подчиняться все остальные правительницы.

Свернув куда-то в сторону, Лантея на ходу ухватила спутника за рукав и потянула его следом. Вдвоем они нырнули в арку и оказались в просторной кладовой, заполненной грубыми каменными шкафами. В помещении не было ни одной живой души и витал приятный легкий запах чистоты. Девушка бесшумно скользила меж полками, забитыми различными вещами, одеждой, чашами и бадьями, лишь

изредка прося своего спутника осветить ей фонарем. Через несколько минут хетай-ра бросила в заплечный мешок свертки с полотенцами и предметами для купания, и развернулась к выходу.

– У меня складывается впечатление, что жизнь здесь устроена чуть ли не лучше, чем в человеческих городах на поверхности, – признался Ашарх, стоило им вернуться обратно в галерею. – Сухо, тепло, растут всякие съедобные мхи, есть источники с водой... Если бы еще не эта вечная темнота, которая превращает ваш полис в каменный гоблинский склеп, то можно было бы сказать, что это просто мечта, а не город.

– Ну так можно в любом месте одни положительные стороны выделить! Надо уметь за красивым фасадом здания разглядеть его затопленный подвал, потрескавшиеся стены и дырявую крышу... А тут все это разваливающееся строение только и держится, что на плечах его жителей, – неохотно пробормотала девушка. – Мы выживаем здесь, Аш. Питаемся всем, что шевелится, и что облюбовало местные камни. Постоянно рискуем оказаться под завалами, когда какой-нибудь из участков подземных тоннелей разрушится или же его прокопают ингуры. Еще и эти твари постоянно роют свои ходы, проникая в Бархан со всех сторон, как зараза... Ничего приятного в этой жизни нет.

Поджав губы, Лантея грустно кивнула профессору, который ее внимательно слушал. Все ее слова были искренними,

а оттого смысл их становился еще печальнее.

Через мгновение коридор вывел спутников в тронный зал, где на широких бортах бассейна, опираясь на подушки, сидели две молодые девушки с длинными молочно-белыми волосами, заплетенными в три косы, и в свободных ярких платьях. Они о чем-то увлеченно перешептывались и мягко смеялись, пока в их поле зрения не появилась Лантея. Хетай-ра мгновенно замолчали и, вскочив на ноги, спешно склонили головы перед дочерью матриарха.

– Ниэля, Арконция, разве вы не должны быть с моей матерью? – строго спросила девушка, которой прекрасно было известно, что обе сестры-близнецы прислуживали матриарху чуть ли не с самого своего совершеннолетия и постоянно присутствовали в ее поле зрения.

– Правительница изволила удалиться на молитву! – спешно проговорила Ниэля, но взгляд ее больших светло-серых глаз был направлен только на Ашарха, молчаливой тенью замершего за спиной Лантеи. Она с явным интересом разглядывала чужака.

– Приказала предоставить мольбище в полное ее распоряжение! – тут же добавила Арконция и незаметно толкнула сестру в плечо, чтобы отвлечь ее от созерцания смуглокожего человека.

– Мериона с ней? – требовательно уточнила дочь матриарха, скрещивая руки на груди.

– Нет. Она уже ушла в центральное здание гарнизона с ва-

шим отцом, – откликнулась Ниэля, неловко улыбаясь и отводя глаза.

– Чудесно, – протянула Лантея. – Значит, мы с ними не пересечемся сегодня. Если обо мне кто-нибудь спросит, то скажите, что вы меня не видели. Ясно?

– Да, конечно!

Арконция приложила кулак к солнечному сплетению, и ее сестра мгновенно повторила этот жест.

Кивнув обеим прислужницам и поманив за собой Ашарха, Лантея скорее двинулась на выход из тронного зала, огибая прямоугольный бассейн. Покинув здание, давившее на головы своей величественной монументальностью, спутники в считанные мгновения миновали длинную парадную лестницу со скучающими стражами по краям. Воздух здесь был гораздо свежее, чем в однотипных коридорах дворца, а из-за высокого потолка, терявшегося в темноте, по площади постоянно разносилось эхо от любых звуков, шагов и даже шепота.

Профессор послушно следовал за хетай-ра, оглядываясь по сторонам и то и дело задерживаясь у какой-нибудь из необъятных колонн, поддерживавших своды зала. Он пытался подробнее разглядеть в тусклом свете своего фонаря иероглифы и редкие изображения на песчанике, чтобы запечатлеть в памяти отрывки из древней истории пустынного народа. Некоторые рельефы казались очень старыми: высеченные в камне, они давно уже потеряли четкие очертания и

большинство слоев краски, но менее любопытными от этого они не становились.

Один из сюжетов надолго привлек внимание Ашарха, и он сам не понял, как несколько минут в полной тишине провел перед колонной, водя пальцами по холодному камню. На барельефе замерла фигура хетай-ра, одетого в грубую шкуру какого-то животного. Его лицо скрывала пугающая маска с толстым рогом на лбу, а под ногами был схематично изображен крошечный город с красными улицами. Герой композиции прижимал к маске палец в знак тишины.

Сзади бесшумно подкралась Лантея, которая успела уже довольно далеко отойти, прежде чем заметила, что ее спутник пропал.

– Что рассматриваешь?

– Мне интересна история, которая здесь описана, – ответил Аш, водя пальцами по витым иероглифам. – Можешь перевести?

– В этом нет необходимости. Я знаю ее. Здесь изображен древнейший обычай хетай-ра – это Gazeratz Oht, Ночь Тишины. Дань кровавым событиям, произошедшим во Втором Бархане много веков назад. Тогда дети бога-предателя, проклятые ингуры, раскопали старые тоннели и напали на спящий город. Их было слишком много, норы раскрывались одна за другой, выпуская на улицы города десятки голодных тварей. Все, кто вышли в ту ночь им навстречу, были энергетически опустошены и убиты. Пока чудовищам смогли дать

отпор, загнать их обратно в тоннели и засыпать песком, почти четверть Бархана была мертва. Уцелели те, кто заперлись в домах и не вышли. Поэтому в Ночь Тишины каждый год принято прятаться в домах, не спать и молчать. Те же, кто выйдут на улицы и повстречают ряженных, будут обречены на несчастья на весь следующий год.

– Дети бога-предателя... Ингуры... – задумчиво прошептал преподаватель. – Ты говорила, они совсем не похожи на ту тварь, что мы с тобой видели в лесу возле Италана?

– Да. Эти твари другие, но не менее опасные и жуткие. Мы ведем с ними бесконечную войну за подземные тоннели не одно тысячелетие, – ответила девушка и поманила Ашарха дальше, к выходу из зала.

– То есть они обитают тут, под пустынями, судя по всему, в огромных количествах?

– Я бы сказала в неисчислимых. – Лантея была серьезна как никогда. – Хетай-ра ведь не всегда жили под песками, Аш. Когда наша богиня Эван'Лин создала первых своих детей, то они бороздили пустыни какое-то время. Но безжизненная почва и зной многих сгубили. Когда под дюнами хетай-ра нашли разветвленную сеть пещер с подземными реками и озерами, то это было началом великой цивилизации. Однако оказалось, что эти тоннели облюбовали и жуткие вечно голодные создания, высасывающие магическую энергию.

– Но ведь вам до сих пор удается им противостоять, – за-

метил профессор.

Спутники вышли в широкий коридор, который являлся главной артерией подземного полиса, соединявшей основные залы и пещеры. Теперь здесь было гораздо больше хетай-ра чем вечером, и живая река из сотен пустынных фонарей, освещавших свой путь фонарями, медленно текла по тоннелю, будто вереница призраков.

– С переменным успехом. – Девушка тяжело вздохнула, лавируя между жителями Бархана и направляясь к противоположному от дворца залу. – От тварей гибли и гибнут сотни хетай-ра каждый год, рушатся города, обваливаются многовековые проходы между Барханами. Они вдруг могут уйти в спячку на десятилетия, а потом неожиданно прокопать новые тоннели и собрать кровавую жатву.

Вдоль одной из стен медленно ступал караван из низких откормленных бородавочников с длинными желтыми клыками: на их спины были нагружены мешки и горшки, а старый высохший мужчина с объемным тюрбаном на голове восседал на первом и самом крупном кабанчике и изредка оборачивался, понукая остальных животных. Некоторые хетай-ра скользили в толпе с тяжелыми грузами на плечах, другие прижимались к стенам и явно пытались из-под полы что-то продать случайным прохожим. Порой над головами спешивших по своим делам жителей Бархана мелькали наточенные глефы стражей, наблюдавших за общественным порядком.

– И как защищаться от ингур? – Ашарх с трудом успевал маневрировать в потоке белоголовых хетай-ра и постоянно опасался потерять из виду свою спутницу.

Многие прохожие то и дело с любопытством разглядывали неуклюжего смуглого чужака, идущего в обнимку с прозрачным фонарем, показывали на него пальцами и шептались, а при виде дочери матриарха лишь быстро и молча склоняли головы, отдавая дань уважения.

– У нас есть армия, магия, – фыркнула Лантея, – да и каждый житель в той или иной степени обучен постоять за себя. Город может эвакуироваться, когда все будет критически плохо. Но, мне кажется, если хетай-ра выйдут на поверхность, то это будет самым простым и надежным способом решения многовековой проблемы. Твари ведь не выносят солнечный свет. И тогда мой народ будет свободен от этой непрекращающейся борьбы. Понимаешь, почему я считаю изолированность глупостью, которая длится на протяжении тысячелетий?

Преподаватель пожал плечами. Эти доводы звучали достаточно разумно, но убедить целый народ в необходимости изменить свой привычный уклад жизни и уйти из обустроенных городов казалось не таким уж простым делом.

В это время спутники сошли по широкой стоптанной лестнице вниз и шагнули под своды пещеры, находившейся напротив дворцовой площади. Ашарх задрал голову, поражаясь очередному грандиозному творению магии хетай-ра:

ступени вели из главного коридора во вместительный зал, края которого терялись в полумраке, не позволяя даже приблизительно сказать, насколько огромным было это помещение. Здесь под высоким изрезанным сталактитами потолком росло настоящее грибное царство: голубоватые и сиреневые шляпки источали мягкий свет, опускаясь вниз подобно громоздким свечным люстрам и нависая над зданиями.

– Это жилая пещера, – пояснила Лантея, обводя руками видимое пространство. – Как видишь, здесь находятся дома большинства жителей города. Некоторые хетай-ра предпочитают селиться на рыночной площади, под стеклянным куполом, но там дорогая земля, и далеко не каждая семья может себе позволить такую роскошь. Здесь же есть дома на любой вкус и кошелек в зависимости от яруса. Хотя многие все равно брезгливо зовут этот зал Муравейником.

Дома располагались широкими каскадами на естественных подъемах пещеры, все они стояли очень тесно, а многие выступали прямо из стен зала, явно вырубленные в песчанике. Создавалось впечатление, что между этими одинаковыми строениями даже не было проложено улиц, так плотно они прилегали друг к другу, хотя по отсветам фонарей становилось ясно, что верхние и нижние ярусы все же соединялись протяженными лестницами. Какие-то здания тянулись вверх, привлекая к себе внимание двумя или даже тремя надстроенными этажами, другие, напротив, жались к земле, но зато имели разноцветные витражные окна и эфе-

мерные каменные балкончики. Где-то к домам, зажатым со всех сторон, хетай-ра умудрялись еще и отделить место под хозяйственные помещения и даже узкие загоны для скота. У многих со дворов выглядывали крупные черные птицы с голубым хохолком на голове, которые по своим размерам превосходили даже раскормленных индюков, а в некоторых загонах слышалось хрюканье бородавочников, валявшихся в пыли.

Однако Лантея даже не стала задерживаться в этой части города и показывать профессору все красоты местных переулков, гоняя его вверх и вниз по лестницам. Она сразу же прошла вдоль одной из стен и провела Ашарха в незаметный на первый взгляд боковой проход, который оказался узким и очень длинным тоннелем, ведущим напрямую к пещере с горячими источниками. Слабый специфический запах тухлых яиц появился в воздухе еще задолго до того, как преподавателю удалось разглядеть в полумраке отблески темной водной глади.

Здесь не росли грибы, но влажные стены этого зала местами были покрыты колониями фосфоресцирующего зеленого мха. Над водами безмятежного вытянутого озера клубился белый пар, сплошной пеленой заполнивший все видимое пространство. Берег был неровным, представлявшим собой выщербленную каменную породу, в отдельных местах заостренную или бугристую, а в других сплошь заросшую скользким мхом.

– Здесь две зоны для купания. Одна только для мужчин, другая – для женщин, – сказала девушка и указала на разные стороны вытянутого озера. Хотя из-за постоянного пара разглядеть что-либо или кого-либо на другом берегу не представлялось возможным. – Предупреждаю, за подглядывание мужчинам положено наказание.

– Я и не собирался! – возмутился преподаватель.

– Просто предупреждаю, – проговорила хетай-ра, разведя руками. – В Барханах к мужчинам совсем иное отношение, Аш. Здесь у вас меньше прав, а несоблюдение священных для хетай-ра устоев не простят даже неосведомленному чужаку... Так что не советую заплывать за середину озера.

Что-то неясно буркнув себе под нос, профессор кивнул, подтверждая, что он услышал рекомендацию Лантеи. Он практически не был ознакомлен с этикетом и правилами благопристойности, соблюдаемыми в Барханах, а потому ему стоило вести себя осмотрительнее.

– Встретимся на этом самом месте через полчаса. Думаю, тебе хватит времени привести себя в порядок.

Девушка улыбнулась одними уголками губ и бесшумно скользнула на женскую половину озера, исчезая в облаках молочного пара.

Ашарх по мшистым камням, которые образовывали узкую тропинку и опоясывали термальный источник, добрался до мужской зоны, освещая себе дорогу фонарем. Здесь почти не было народа, кроме нескольких отмокавших на мелково-

дье хетай-ра, так что преподаватель был спокоен: какое-то время он мог отдохнуть от любопытных взглядов жителей Бархана. Скинув вещи, он нерешительно зашел в воду.

В первое мгновение источники показались профессору слишком горячими, а серный запах до отвращения неприятным, но через пару минут тело привыкло к температуре, и даже вонь вскоре перестала раздражать. Осторожно ступая по скользкому каменному дну, Аш двинулся вдоль берега, опасаясь заходить на глубину. Другие хетай-ра предпочитали подолгу сидеть в воде, ближе к мелководью, оставляя на поверхности только голову, накрытую полотенцем. Мужчина последовал их примеру, погрузившись под воду до самых плеч и прислонившись спиной к одному из шершавых сталагмитов, усеивавших всю береговую линию.

Им завладело блаженное чувство тепла.

Ощущая, как расслабляется тело, окруженное горячими потоками, Ашарх сидел без движения какое-то время, просто пытаясь запечатлеть в своей памяти это одно из самых сладостных мгновений в его жизни. Кто бы мог подумать, что восторжествовавший гедонизм обретет над профессором такой контроль, ведь возможность отмокнуть в теплой воде обрадовала его гораздо больше, чем даже долгожданное прибытие в сокрытый город пустынного народа и знакомство с древней культурой хетай-ра.

Наверное, все впечатление изначально испортил именно разлад с Лантеей, произошедший из-за письма Чият и

вскрывшихся замыслов самой девушки, намеренной с головой удариться во внутреннюю политику Бархана. Даже потребовав со своей спутницы обещание отпустить его после выполнения условий сделки, Аш все еще был не уверен в своем решении. Он колебался из-за того, что не хотел оставлять хрупкую и недальновидную Лантею одну бороться за дело, которое она считала правым, но в то же время его чувство самосохранения просто вопило об опасности. Девушка собиралась начать войну против устоев своего народа, собственной семьи и древних законов Барханов, а в одиночку ей ни за что было не справиться с такими противниками.

И теперь профессор сидел, методично поглаживая рукой шершавое каменное дно, и пытался со стороны взглянуть на свое положение. На одной чаше весов у него был шанс живым и здоровым убраться из подземного полиса, забрав с собой ценнейшие знания о пустынном народе, на которых он мог сколотить столь желанное им состояние, а на другой чаше оставалась гордая отважная девушка, чья судьба была безразлична Ашарху. И что же следовало выбрать?

Мужчина сидел под водой до тех пор, пока у него от жара не закружилась голова. Только тогда он вооружился выданным Лантеей мылом, весьма странным на цвет и запах, и грубой мочалкой, явно сплетенной из каких-то сухих водорослей или растений. Черный брусок мылился плохо, оставляя после себя сероватые разводы из мелких крошек, но Аш не придавал этому значения, и, скорее закончив с водными про-

цедурами, оделся и поспешил к выходу из зала с источниками.

Лантея уже ждала его там. Опершись спиной на каменный вырост, покрытый мхом, она стояла без движения, прикрыв глаза. Однако стоило шагам профессора эхом отразиться от ближайших стен, как хетай-ра распахнула веки.

– Смотрю, у тебя совсем не получается пока что определять здесь время, – усмехнулась порозовевшая от горячей воды девушка. – Прошел почти час. Но я рада, что ты отдохнул. Горячие источники быстро излечат остатки твоего кашля... У тебя на лице остались мыльные разводы.

– Мне показалось, что я сидел там от силы четверть часа. – Ашарх спешно обтер лицо влажным краем своего полотенца. – Как вы вообще ориентируетесь во времени в этой вечной темноте?

Дождавшись, пока ее спутник закончит, хетай-ра забрала у него купальные принадлежности, бросив их в свой заплечный мешок, и скорее ступила в узкий тоннель, ведущий к жилой пещере.

– Если пожить здесь столько, сколько жила я, то научишься даже минуты отсчитывать с точностью часов. Это вопрос восприятия пространства и времени в абсолютной темноте. Можно опираться на многие вспомогательные вещи, которыми само тело отмеряет интервалы, вроде сердцебиения, чувства голода или жажды...

– Значит, чтобы научиться здесь определять время, мне

понадобится всего лет двадцать? – хмыкнул профессор, подсвечивая себе дорогу фонарем и не отставая от дочери матриарха.

– Нет, к счастью для тебя, во всех основных залах Бархана есть стражи времени.

– Кто? – не поверил своим ушам Аш.

– Стражи, которые отмеряют время по массивным и точнейшим песочным часам. Четыре раза в день они бьют в барабаны, уведомляя о наступлении новой фазы дня. Первый удар – город просыпается, второй – закрывается мольбище Младенца, третий – конец рабочего дня, четвертый – закрывается мольбище Старухи, пора спать.

– Странно, что я здесь ни разу еще их не слышал... А что за мольбища?

– Скорее всего, ты просто не обращал внимания.

Спутники покинули коридор, ведущий к термальным источникам, пересекли Муравейник с нагромождениями крошечных домов, и Лантея указала рукой в самый угол пещеры. У стены Аш действительно первый раз обратил внимание на широкий постамент, на котором располагалась сложная конструкция песочный часов: огромное каменное колесо, опиравшееся на ряд оговоренных валиков, в середине имело две стеклянные камеры треугольной формы. Через узкий перешеек тонкой струйкой песок просачивался из верхней части в нижнюю. Перед колесом почетный караул нес сосредоточенный страж, опиравшийся на свою глефу. Он ни на

мгновение не отрывал глаз от песочных часов, наблюдая за потоком песчинок, а рядом с ним были установлены пузатые тамтамы, обтянутые толстой кожей. По обе стороны массивного колеса стояло еще четверо хетай-ра, которые, как предположил Ашарх, четырежды в день поворачивали каменные часы за толстые тросы, прикрепленные к краям.

– Следить за временем – это самый почетный пост, которого может удостоиться страж в Барханах. Потому что время подарила нашему народу сама богиня Эван'Лин, и этот ее дар хетай-ра во всех городах ценят безмерно, – добавила Лантея, начиная подъем по широкой лестнице, уводившей из жилого зала. – А мимо мольбищ богини мы сейчас будем проходить... Хочу показать тебе еще пару мест. Так что не отставай.

Девушка увлекла профессора в поток городских жителей, спешивших попасть в главный коридор. Преодолев стертые ступени и оказавшись в просторном тоннеле, спутники слились с живым течением, и хетай-ра сами понесли их в выбранном направлении. Темная и прямая, как стрела, улица подземного полиса тянулась на сотни метров вперед, и эхо шагов многочисленной толпы отражалось от потолка, сплетаясь с голосами пустынников и хрюканьем груженных бородавочников, караваны которых плелись с краю. Лишь иногда украшенные иероглифами и росписями стены прерывались чернеющими арками проходов, уводивших в неизвестность. Спустя некоторое время широкая улица неожиданно свер-

нула налево, изогнувшись сытой змеей, а когда Аш и Лантея проходили мимо одного из ответвлений главного коридора, то девушка, не останавливаясь, указала рукой на едва различимый в полумраке вход в тоннель:

– Здесь находится мольбище Старухи. Это что-то вроде нашего храма, где хетай-ра молятся, общаются со служителями богини. Здесь же проводятся многие наши обряды...

– Мы пойдем туда?

Ашарх заглянул в коридор, но там царила тьма и почему-то не было видно ни одной живой души. А его спутница уже ушла вперед, проигнорировав эту арку.

– Оно открывается только в полдень, – бросила Лантея. – А вот мольбище Младенца в это время как раз закрывается. Но и туда мы не станем заходить.

– Почему же?

Девушка явственно скривилась, вспоминая, что ее венценосная мать как раз должна была молиться в гордом одиночестве в этом мольбище.

– Сейчас там много народа. Я лучше покажу тебе другие места.

– То есть у вас половину дня работает один храм, а половину – другой? И что за необычные названия для мольбищ – Младенец и Старуха?..

– По преданиям, богиня Эван'Лин – многоликая, меняющая свой облик на протяжении всего дня. На рассвете она выглядит как дитя, а в полночь – как старуха. Поэтому утром

ей молятся о любви и честности, так как только невинный младенец способен одарить искренностью и добротой, а после обеда уже в мольбище Старухи хетай-ра просят о разумности, опыте и решении проблем, ведь лишь умудренная жизнью женщина может подсказать ответы на многие вопросы. Надо уметь различать эти сущности Эван'Лин.

– Ага... А ночью что, нельзя молиться? – заинтересовался профессор, едва успевая уворачиваться от идущих навстречу жителей города и при этом не теряя нить разговора.

– Считается, что ночью у богини идет самая болезненная стадия смены облика. Ее не стоит тревожить молитвами, иначе Эван'Лин разозлится, – ответила хетай-ра, откидывая за спину свои еще влажные седые волосы.

– Судя по твоим рассказам, ваша богиня достаточно суровая... Постой! А это что за место? Куда ведут эти двери?

Внимание Ашарха привлекли огромные круглые каменные ворота, казалось, намертво вплавленные в стену тоннеля. Несколько колец, выложенных цветными пластинами стекла, узором стягивались к центру дверей, где створки должны были раскрываться. Хотя профессору с трудом верилось, что существовала такая сила, которая могла распахнуть эти массивные ворота. Прямо перед оформленным резьбой и явно очень древним порталом, выстроившись в ровную шеренгу, стояла дюжина стражей, броня которых была гораздо внушительнее и толще чем у всех ранее видимых Ашархом воинов хетай-ра. Эти суровые привратники, полностью облаченные

в костяные доспехи, укрепленные слоем закаленного стекла и с вплавленными в наплечники шипами то ли из звериных клыков, то ли из изогнутых осколков, без движения сторожили таинственный проход, сжимая в руках маленькие треугольные тарчи и не убирая ладоней с рукоятей мечей, покоившихся в кожаных ножнах.

– Это Дикие тоннели. Лабиринт старинных ходов, кишашщих ингурами и другими хищниками. Ходить туда без охраны отваживаются только охотники. Здесь же начинается подземный путь к Первому Бархану, используемый торговыми караванами и дипломатическими делегациями. Эти стражи у входа патрулируют врата и всегда готовы поднять тревогу, если ингуры прокопают стены, – произнесла Лантея и внимательно посмотрела на своего спутника. – А по поводу богини ты прав. Не зря мы ее зовем Многоликой Матерью, она может быть как милосердной, так и жестокой по отношению к своим детям.

Еще пару минут профессор в восхищении и страхе стоял перед проходом в Дикие тоннели и разглядывал створки. Лишь толстая каменная стена отделяла его от подземного царства, где властвовала смерть. Как хетай-ра могли столько веков существовать рядом с постоянной опасностью? Жить, зная, что только слой песка отделяет тебя от лабиринта, кишашщего безжалостным хищниками, которые в любой момент могут разрушить тонкую преграду, – это верный способ стать невротиком, вздрагивающим от любого шороха. Но пустынь-

ный народ, будто, даже не думал об ингурах, окруживших город со всех сторон.

Лантея потянула Ашарха за рукав, вынуждая его двинуться дальше. Коридор все не заканчивался и больше никуда не сворачивал, а профессор стал даже как-то привыкать к постоянной темноте. Жителей вокруг стало намного меньше, но, как и прежде, некоторые из них считали своим долгом выказать дочери матриарха почтение и поднести к солнечному сплетению сжатый кулак. Как девушка объяснила своему спутнику, этот жест вежливости был очень древним, даже по меркам самого пустынного народа, и означал «центр мироздания». Жители приветствовали так члена правящей семьи, признавая его власть.

Когда Аш неожиданно разразился сухим лающим кашлем, который пропал на какое-то время после горячих источников, а теперь вновь принялся терзать ослабленное из-за болезни тело, то Лантея сразу же подтолкнула профессора в относительно небольшой зал, находившийся на стыке двух коридоров и скрытый от чужих глаз. Помещение оказалось темным и совершенно пустым: лишь под потолком виднелось широкое отверстие, уходившее куда-то вверх, в недра камня.

В маленькой пещере легко дышалось и гулял довольно сильный ветер, с гулом проникавший в подземный полис через круглую скважину.

– Это вентиляционные шахты или сардобы, – пояснила

хетай-ра, прогуливаясь по центру зала. – Помнишь, вчера ты видел одну из них на поверхности? Те знаки, по которым можно найти любой из Барханов.

– То самое полуразрушенное здание, возле которого мы вчера спешились с сольпуги? – припомнил профессор. Из-за слабости, которая внезапно на него накатила после приступа кашля, Ашарх присел на одну из каменных лавок, выступавших прямо из стен и располагавшихся полукругом по периметру небольшой пещеры. Он с наслаждением вдыхал свежий воздух.

– Это был крытый колодец. Самые древнейшие сооружения моего народа. Им по три тысячи лет. Хетай-ра создавали их еще когда жили на поверхности. Но некоторые подземные озера и реки постепенно обмелели, и теперь сардобы используют как шахты для воздуха и пути на поверхность для почтовых птиц.

– Чем больше я изучаю ваш город, тем больше поражаюсь силе магии, которую вы используете, – признался преподаватель, поглаживая гладкие стены пещеры. – Из песка вы создаете вещи, здания, огромные залы и настоящие дворцы. Это действительно звучит как сказка. Если бы я не видел все это своими глазами, то никогда бы не поверил.

– Значит, те легенды о пустынных жителях, что ты рассказывал мне еще в Залмар-Афи, не такие уж и легенды. – Девушка улыбнулась и присела на лавку рядом с Ашем. – Любой из моего народа может сотворить дом из песка, но

при необходимости может и обрушить целую пещеру из песчаника, такую как эта, за пару минут.

– Ваша магия столь разнообразна!

– Все гораздо проще, чем ты думаешь, Аш. Наша сила заключается лишь в том, что мы повелеваем структурой песчинок. Можем заставить их нагреться до невысказанных температур или мгновенно остыть. И песок легко принимает форму того, что мы пожелаем, будто глина. А если его очистить и закалить, то получится прозрачное стекло, – сказала Лантея и указала на фонарь с светлячками, который профессор держал в руках. – В ином же случае, если примеси оставить, то оно будет зеленым или темным.

– Знаешь, довольно полезный талант эта ваша власть над песчинками, – заметил преподаватель. – А особенно примечательно, как широко вы его научились использовать.

– Не поспоришь. Чтобы выжить в этих пустынных пещерах хетай-ра выжали максимум из своей магии и окружающей среды. А теперь представь, как я была удивлена, когда попала в Залмар-Афи, – с неожиданной грустью в голосе призналась Лантея.

– Чем удивлена?

– Я будто оказалась в ином мире... Где люди спокойно проживают каждый день, не опасаясь, что им на головы обрушится лавина песка или через стену их жилища выроет проход стая голодных тварей. Где кругом трава, леса и реки, в которых водится масса вкусной рыбы, сладкие ягоды рас-

тут у порога дома, а на небе сияет теплое солнце. Не такое, как в пустынях, от которого кожа покрывается волдырями и слезает через пару дней, а мягкое и нежное... Ласковое...

– И ты хочешь показать своему народу именно это, не так ли? – догадался Аш.

– Да! Они просто боятся, пойми. Все, что они видели за свою жизнь, – это темные коридоры Бархана и бескрайние пески пустынь. Хетай-ра не верят, что там, за горизонтом вообще может существовать что-то лучше. И их все устраивает здесь... Я же лишь хочу открыть им глаза.

– Тебя нельзя винить за это желание. Но они прожили так три тысячи лет, им каждый тоннель под песком известен, а ты провела на поверхности всего два года, побывав лишь в паре городов одной страны. Ты практически ничего не видела в мире и совершенно не понимаешь, насколько опасные края, твари и расы есть на этом материке.

– Пока ты не начал путь, любой шаг кажется рискованным и тяжелым. Когда уже сошел с места, то сама дорога ложится под ноги. Тут главное начать, Аш.

– Я все понимаю. Вот только твои предки веками строили Барханы, десятки поколений сменились, а ты совсем одна против устоявшейся системы. И неверие твоего народа выглядит вполне оправданным.

– Именно поэтому я и нуждаюсь в твоей помощи. Пусть они не верят мне, хоть я и не последняя хетай-ра в этом Бархане, но ты чужеземец. Ты отличаешься буквально всем. Жи-

вое доказательство моих слов о том, что внешний мир уникален, и хетай-ра следует изучить его.

Глаза девушки вспыхнули внутренним огнем.

– Намерена выставить меня перед толпой, как убогого в клетке, чтобы каждый мог вволю наглядеться и подивиться? – фыркнул Ашарх, выгнув бровь дугой.

– Нет! Как ты только мог такое подумать?.. Ты – образованный человек, повидавший мир побольше моего, и знающий о нем достаточно. Я хочу видеть тебя оратором, рассказчиком, учителем – называй, как хочешь! В моих силах предоставить тебе слушателей, от тебя же зависит, захотят ли они еще что-то узнать о внешнем мире, захотят ли увидеть его хоть одним глазком.

– Тея, я сделаю все возможное, – искренне пообещал профессор, сердце которого сжималось от тягостного ощущения грядущей беды. – Но ничего не обещаю...

Еще какое-то время они просидели в темном зале. Лантея молча, прикрыв глаза, раздумывала над чем-то, отстукивая ногтями по скамье легкую однообразную мелодию, а Ашарх смотрел на профиль своей собеседницы и пытался понять, откуда же в этой хрупкой девушке было столько отваги. Хотя, быть может, это была обыкновенная глупость, но преподавателю хотелось верить, что дочь матриарха знала, что она делала, и заботилась о последствиях. Вряд ли он мог так серьезно ошибаться в своей спутнице.

Вскоре Лантея легко и бесшумно поднялась на ноги и по-

манила за собой профессора, покидая зал с сардобой. Стены опустевшего помещения, где царил шепот незримых воздушных потоков, сплетавшихся с оброненными здесь нелегкими мыслями, проводили спутников величественным молчанием.

Глава третья.

Из песка рождены, в песок канем

Многие уверены, что зыбучие пески способны с головой поглотить любого, кто в них попадет. Однако это не совсем верно. Насыщенные водой пески выталкивают тело на поверхность, и больше чем по грудь в них вряд ли удастся провалиться, а вот дополнительный груз легко может погубить неосторожного путника, угодившего в эту ловушку пустынь.

Пустынный картограф Махади Грос

– Третий Бархан имеет зацикленное строение. В самом центре располагается дворец матриарха, вокруг этого зала кольцом пролегал основной тоннель, от которого расходятся ответвления всех остальных пещер и проходов, – объясняла Ашарху девушка.

Профессор послушно кивал и ступал за хетай-ра в поредевшей толпе, спешившей по главному коридору в разные стороны.

– Сейчас мы замкнем контур и вернемся на рыночную площадь, где мы с тобой вчера были, помнишь? А путь оттуда до дворца тебе должен быть уже известен, – добавила Лантея. – Так что здесь достаточно просто ориентироваться. Если не сворачивать с центральной улицы, то обязательно выйдешь или ко дворцу, или к рынку.

– Даже если бы этот коридор был прямым как стрела, я бы все равно не рискнул тут блуждать в одиночестве в потемках.

– Думаю, уже через пару дней темнота Бархана станет для тебя родной, – усмехнулась девушка.

– Это вряд ли. Чтобы ясно видеть в темноте, в ней нужно родиться.

– А мне иногда кажется, что она обладает собственным разумом: пугает неясными тенями тех, кто ее боится, скрывает и защищает от лишних глаз тех, кто ей доверяет. Просто научись воспринимать ее каждой частичкой своего тела, позволь окутать со всех сторон. Опusti веки, замри на мгновение, и ты почувствуешь вкус мрака на языке, его легкие ладони на плечах и едва слышную мелодию, которая всегда подскажет нужное направление.

Уже на подходе к высокому арочному входу в круглую пещеру Аш расслышал, как с разных концов подземного полиса раздаются усиленные эхом удары в барабан. Стражи времени преданно несли свою службу, отмеряя часы и дни. В этот момент закрывалось мольбище Младенца, а где-то далеко наверху, над раскаленными пустынями, солнце как раз

стояло в зените.

Спутники вышли к рыночному залу, где Ашарх наконец впервые смог увидеть кипящую жизнь полиса хетай-ра при нормальном освещении. Стекланный купол на потолке пропускал слабый зеленоватый свет солнца, но даже его вполне хватало, чтобы разглядеть круглую площадь и ряды торговых лавок. После темного коридора глаза профессора не сразу привыкли к дневной яркости светила, хотя Аш осознавал, что из-за купола в пещеру попадала, может быть, только треть солнечного света, приглушенного и рассеянного. Иначе бы живущие в постоянном мраке хетай-ра просто слепли каждый раз, когда приходили на рынок.

Над площадью царил гул голосов, всегда сопровождавший подобные места. Где-то смеялись дети, демонстрировали мощь своих легких зазывалы, возмущались недовольные покупатели, слышалось поскрипывание кожаного обмундирования стражников, патрулировавших зал. Рынок ничем не отличался от всех тех человеческих базаров, что преподаватель повидал на своем веку.

Двумя широкими кольцами дома, торговые лавки и различные заведения охватывали площадь. Они были разделены только узкими улицами, на которых едва хватало места, чтобы протиснуться между прилавками и расстеленными коврами с возвышавшимися на них горами товаров. Одни хетай-ра продавали свои изделия прямо с натянутых между зданиями веревок – роскошные плетеные или шелковые

ковры яркими флагами нависали над головами прохожих, а торговцы то и дело привлекали внимание покупателей резкими окриками. Другие же пустынные, восседая на крупных бородавочниках, важно разъезжали в толпе, предлагая всякие мелочи с лотков.

– Сделаем круг по площади, если ты не против, – улыбнулась хетай-ра, направляясь к началу торговой аллеи, полукругом располагавшейся вдоль стен пещеры. – Если тебе вдруг что-то приглянется из вещей, то только скажи.

Аш почувствовал слабый укол со стороны самоуважения, не позволявшего просить подарки у девушки, но уже через несколько минут в нем начали неравную борьбу алчность и непомерная гордость. На лотках и прилавках лежали вещи, которые профессор изучал с немим восхищением, постоянно одергивая себя, чтобы не тянуть руки к невероятно красивым диковинкам. Всевозможные изделия из белой кости: начиная с острых изогнутых кинжалов, ручки которых были вырезаны в форме голов птиц и зверей, и заканчивая ажурными гребнями для волос и тончайшей работы перстнями. Торговцы предлагали потрогать одежду из змеиной кожи и невесомые халаты, платки и рубахи, сделанные из нитей пещерных шелкопрядов, которых выращивали в специально отведенных под это промысловых залах в глубинах города.

У Ашарха разбегались глаза от разнообразия украшений, брони, оружия и бесполезных, но таких изящных мелочей для дома, вроде стеклянных кувшинов и шкатулок. На неко-

торых столах продавали приготовленную там же еду, которую полагалось есть на ходу: в основном это были простые лепешки, маринованные водоросли и грибы, а также мясо всех видов, хотя иногда встречались и странные блюда, состав которых трудно было определить на глаз. Несколько раз преподаватель видел торговцев книгами и тончайшим пергаментом, безупречном в своей белизне и мягкости.

Когда профессора уже начало мутить от обилия товаров, он переключился на изучение самих жителей Бархана и их манеры поведения. Для Аша большинство хетай-ра пока еще оставались совершенно одинаковыми внешне – седые волосы, бледная кожа и светлые глаза. Женщин и мужчин можно было различить разве что по комплекции, поскольку даже традиционная одежда здесь практически у всех была схожа: пустынные отдавали предпочтение свободным шелковым рубахам до пола, немарким накидкам или мантиям, а также тюрбанам или же головным платкам. Почти у каждого второго прохожего преподаватель замечал на поясе оружие. Некоторые ограничивались кортиками, стилетами и кинжалами, другие же ходили с настоящими костяными мечами и даже топориками. Мужчин было гораздо меньше, да и держались они как-то обособленно – редко где встречалась идущая рядом пара хетай-ра противоположного пола. Иногда в толпе Ашарх обращал внимание на мелькавшие красные головы: некоторые женщины почему-то имели волосы неестественного алого цвета, совсем как мать и сестра Лантеи, ви-

денные профессором во дворце.

– Высокородные женщины и женщины из правящей семьи имеют право подчеркнуть свое положение в обществе, окрасив волосы красным соком редкого цветка пустыни, который можно добыть только на поверхности, – пояснила девушка. – Также матриарх может даровать такую привилегию некоторым влиятельным женщинам по своему выбору.

– Мужчинам нельзя?

– Мужчинам вообще много чего нельзя в Барханах, Аш, в отличие от Залмар-Афи, – с тяжелым вздохом ответила Лантея. – Они не имеют прав на власть, не воспитывают детей, ограничены в общении с противоположным полом. Им запрещено занимать высокие руководящие или государственные должности, хотя тут есть исключения. Большинство профессий и ремесел открыты только для женщин, однако, есть и те немногие, что доступны исключительно мужчинам. Например, они могут становиться служителями мольбища Старухи, потому что на их плечи ложится проведение всех погребальных обрядов.

– А почему так получилось? Я никогда не слышал, чтобы хоть где-нибудь в мире абсолютную власть получали лишь женщины, а мужчины занимались... Чем? Черной работой?

– Нет, это неверно. Они не рабы и не чернорабочие, – уточнила хетай-ра. – Вспомни, что я говорила раньше. Эван'Лин, наша богиня, считается Многоликой Матерью. И именно от ее первых детей пошел культ женщины как мате-

ри, продолжательницы рода, в подражание богине. Женщина – колыбель жизни. Значение мужчин не принижается, но общее направление всей культуры хетай-ра диктует им другие правила поведения. Если женщина – родоначальница жизни, приближенная к божественному замыслу по своей сути, то мужчина должен быть лишь ее молчаливым верным партнером.

– Тогда почему ты сама говоришь о запретах и ущемлении? – обратил внимание Ашарх на слова Лантеи. Спутники, занятые беседой, медленно ступали между торговыми рядами, лишь изредка оглядывая товары на прилавках или же отличавшиеся особенной архитектурой дома.

– Наверное, на меня сильно повлияла ваша человеческая культура. Раньше я ничего такого не видела в том, что только мать может воспитывать своих детей, или, например, что исключительно женщине позволено занимать должность судьи. А теперь я стала постоянно задумываться, неужели, если мужчина проведет больше времени со своим ребенком или женщина будет готовить пищу, Бархан так уж сильно изменится?

– Это традиции, заложенные еще с самого основания вашей цивилизации, Тея. Они проникли в умы народа слишком глубоко, чтобы их так легко можно было выкорчевать. С течением времени все, что ты знаешь, подвергнется изменениям, но за один день это никогда не случится.

– Вот и моя величественная мать говорит то же самое, –

проворчала хетай-ра, смотря себе под ноги. – Но если кто-нибудь не даст этому толчок, то все так и останется на местах. Три тысячи лет однообразной жизни тому в подтверждение.

– Может, оно и к лучшему? Не думала над таким вариантом? – поинтересовался профессор. – Если хетай-ра привыкли к подобной жизни, она полностью их устраивает, и цивилизация все еще продолжает существовать, то есть вероятность, что все идет своим чередом, как надо...

– Но ведь можно сделать лучше! В этом и заключается вся суть – зачем радоваться стагнации, если можно рискнуть и добиться подъема, прогресса?.. Что ты предпочтешь: всю жизнь ходить в дырявой обуви, уверяя себя и других, что она удобна и привычна, или же, наконец, переобуться в новенькие сапоги, пусть и рискуя натереть пару мозолей, а?

– Ну, если ты так это преподносишь, то, конечно, нельзя хвататься за разваливающееся старье.

– Вот именно! Хетай-ра сами не знают, что наша система давно уже прогнила и держится только на честном слове да образе правительниц, формировавшемся столетиями. Но все эти традиции, условности, запреты и законы – это нагромождение мусора, который давно пора выбросить из Барханов и создать новую, чистую от прежних стереотипов систему.

Задумчиво покачав головой, Ашарх ничего не ответил. Он провел среди хетай-ра еще слишком мало времени, что-

бы судить, насколько неоднозначной была ситуация в подземных городах пустынного народа, а все утверждения его спутницы могли оказаться простыми фантазиями. Не стоило исключать такой вариант, что она выдавала свои предположения за действительность.

В скором времени, сделав круг по рыночной площади и закончив осматривать торговые прилавки, Лантея вывела профессора к центру. Там располагались самые дорогие и роскошные лавки. Высокие трехэтажные дома с яркими вывесками, переливавшимися стеклянными иероглифами в приглушенном солнечном свете, заманивали к себе покупателей и гостей. Здесь были и рестораны, располагавшие отдельными террасами и балконами, на которых отдыхали пустынные, изящными костяными щипчиками пробовавшие местные деликатесы и потягивавшие из стеклянных пил прохладительные напитки. Из большинства заведений лилась приятная музыка, напоминавшая звучание флейты, а у входа встречали подтянутые юноши-хетай-ра в форменной строгой одежде, которые любезно приглашали всех прохожих заглянуть в ресторанные дома.

– Не хочешь перекусить? – предложила Лантея, остановившись перед одним из самых богато украшенных заведений. – А то утром я тебе толком поесть не дала.

– Ну, только если меня и здесь не будут кормить сырым мясом, – протянул профессор, на что девушка легко рассмеялась и махнула Ашарху рукой, приглашая последовать за

ней ко входу в дорогой ресторан.

Едва завидев дочь матриарха, стоявший у дверей ухоженный молодой хетай-ра-зазывала от оказанной чести побледнел как полотно. Он несколько раз нервно стукнул кулаком по солнечному сплетению, приветствуя особенную гостью, а после кинулся открывать стеклянные двери, путаясь в собственной бордовой рубаше и не переставая при этом кивать, что-то бессвязно нашептывая себе под нос.

Аш проводил юношу удивленным взглядом.

– Что это с ним?

– Благодарит богиню, что их заведению оказали такую честь, – со скепсисом в голосе произнесла Лантея, переступая порог.

В лицо сразу же ударил сладковатый запах, смешанный с травянистыми нотками и ароматным духом свежеиспеченной сдобы. Трудно было устоять перед подобным букетом, дразнящим обоняние и мгновенно пробуждавшим чувство легкого голода.

Изнутри помещение ресторана напоминало красивый шатер, сплетенный из легких тканей, вздрагивавших от любого дуновения ветра. От стен к центру потолка тянулись отрезки полупрозрачного шелка, сотканного будто из паутины, которые нависали над залом мягкими складками. По кругу, вдоль драпированных стен, были установлены ажурные стеклянные столики, такие маленькие и изящные, что, казалось, они могли разбиться, даже если бы невесомое пе-

рышко упало на их поверхность. Длинные каменные лавки, выступавшие из стен, широким поясом охватывали помещение, а на них небрежно были брошены цветастые ковры и пышные подушки, на которых возлежали женщины и мужчины, лениво потягивавшие напитки из пиал.

– Младшая дочь матриарха!

Перед Лантеей мгновенно материализовалась из-под земли низенькая дородная хетай-ра в белоснежной рубахе вышитой бисером, рукава которой были высоко закатаны, открывая широкие браслеты, доходившие практически до самого локтя. На голове у распорядительницы красовалось широкое бандо из бусин и ракушек, сеткой укрывавшее распущенные седые волосы.

– Я бы желала отобедать. Лучше на открытой террасе и лучше без лишних глаз, – коротко бросила Лантея.

– Конечно! Все будет, как пожелаете! В лучшем виде!

Распорядительница вытащила из-за пояса веер из костяных пластинок и нервно принялась им обмахиваться.

– Пожалуйста, следуйте за мной!

Засеменив вперед, женщина поспешила на второй этаж, куда вела узкая винтовая лестница. Проскочив насквозь еще один зал, распорядительница ресторана дома отдернула занавеси, открывая арку, ведущую на балкон. Небольшая терраса с низенькой балюстрадой, увитой цветными лентами, чуть выступала над крышей нижнего этажа, позволяя хорошо разглядеть центр рыночной площади и ближайшие до-

ма. На ней располагалось всего несколько столиков, которые на удивление пустовали. Видимо, подобное место берегли только для самых важных посетителей.

Обитые кожей кушетки выстроились полукругом вдоль парапета, а на каждом из стеклянных столиков обязательно располагались фонари, выполненные в виде сфер, и миниатюрные курительницы для благовоний, напоминавшие филигранные шкатулки.

Быстро сделав заказ, Лантея устало раскинулась на одной из кушеток, стоявшей ближе всего к балюстраде, и ее зеленое платье складками очертило фигуру девушки. Профессор сел напротив, опираясь на спинку своей кушетки, и задумчиво окинул взглядом пустынную террасу.

– Здесь довольно симпатично. Как называется это место?

– «Оазис», остров наслаждения, лежащий среди пышущих жаром песков, – протянула собеседница Ашарха и слегка улыбнулась.

– Готов поспорить, что ты никогда здесь раньше не бывала.

– Так и есть.

– Почему?

– В подобные места нет смысла ходить одной. Что толку сидеть в тишине на пустом балконе и свысока наблюдать за своими подданными? – хмыкнула Лантея, удобнее устраиваясь на шелковых подушках. – А кто со мной пойдет? Гордая Мериона, которая предпочтет в угоду матриарху трудиться в

канцелярии до самой ночи, чем провести время с младшей сестрой? Или же величественная мать, у которой любой выход за пределы дворца непременно сопровождается дюжиной стражников, фанфарами и чуть ли не дорожкой из цветочных лепестков...

– Неужели в целом Бархане не нашлось ни единого хетай-ра, с кем бы ты могла провести время, кроме своей занятой семьи? – Профессор пальцем водил над курительницей, разгоняя тонкий шлейф дыма, поднимавшийся от благовоний.

– Знаешь, когда я была маленькой, то мать приставила ко мне одну пожилую няньку. Ее звали Товаэт. Это была добрая женщина, в меру заботливая, давно служащая при дворце. Она терпеливо отвечала на все мои наивные детские вопросы, ходила следом по всему городу и даже не отговаривала от глупых идей, позволяя набивать шишки.

– И ты привязалась к ней? – предположил Аш и закашлялся.

– О да. Я доверяла ей свои маленькие секреты, мысли, переживания, а она всегда слушала их с милой улыбкой и ласково кивала.

В этот момент около входа на террасу раздалось деликатное покашливание, а через мгновение занавеси раздвинулись, пропуская распорядительницу и нескольких слуг с безупречной выправкой и тяжелыми подносами. На столике между Лантеей и Ашархом появился изящный стеклянный

графин с холодной травяной настойкой, тонкие пиалы, блюда с каким-то горячим кушаньем, пышущим паром, и морские раковины размером с ладонь, выполнявшие функцию небольших тарелок для закусок.

Быстро расставив все по местам, прислуга мгновенно исчезла с террасы, а распорядительница, не переставая нервно обмахиваться веером, пластины которого звучно потрескивали друг об друга, преданно заглянула в глаза дочери матриарха:

– Все ли вас устраивает?

– Да. Вы свободны. – Лантея лениво махнула рукой. Тучная женщина скользнула к выходу с балкона, до последнего с обожанием оглядываясь на девушку. Видимо, такой важный гость должен был поднять имидж заведения до небывалых высот, потому распорядительница и лезла вон из кожи, стараясь услужить.

– Так на чем там мы остановились?.. – пробормотала Лантея и принялась разливать холодный напиток по маленьким тонкостенным пиалам. – Ах, да! Я рассказывала Товаэт практически обо всем, доверяя ей безмерно, как чуткой доброй бабушке, о которой я всегда мечтала.

– Ничем хорошим это не должно было закончиться.

Профессор с благодарностью принял свою пиалу из рук собеседницы и пригубил настойку. Горьковатый травяной вкус пленкой остался на языке, а горло обожгло огнем, который, впрочем, уже через мгновение растекся по животу при-

ятным теплом. Напиток был душистым и терпким, хоть его и трудно было выпить много из-за крепости.

– Оно и не закончилось. – Девушка сделала глоток и с наслаждением откинулась на кушетке, не выпуская стеклянную пиалу из пальцев. – Как ты понимаешь, Товаэт не просто так была добренькой и заботливой. Моя осторожная мать приставила ко мне няньку не только в качестве прислуги, но и доносчика. Товаэт запоминала каждое слово младшей дочери матриарха, а вечерами, как уложит меня спать, шла и послушно докладывала обо всем матери, раскрывая мои детские секреты, делясь моими опасениями и замыслами. И если первое время я это просто не хотела замечать: когда вдруг на день, запланированный для очередной шалости или прогулки по рынку, матриарх неожиданно ставила внеочередные занятия по дипломатии или же просила меня сходить с сестрой на заседание суда...

– И однажды все раскрылось.

– Так и случилось. Может, я выросла, а, может, просто стала внимательнее. Но в один момент я поняла, что многое не сходится. Что мать, пришедшая ко мне для очередного серьезного разговора, знает то, что знать в этот раз уж никак не могла. Ведь я делилась своей большой и страшной тайной только с Товаэт. И осознав, насколько гнусным был весь этот заговор, длившийся не один год, я пришла в ярость. И отказалась от няньки, отказалась от любых слуг, крепко поругавшись с матерью. Каждый мой шаг изначально отслеживался,

будто мне с рождения не доверяли. И делали это так подло, исподтишка, выведывая секрет за секретом, и после ожесточенно отчитывали за них, в сущности, простого ребенка, никому не желавшего зла, а лишь наслаждавшегося своим кусочком свободы...

– Подход настоящей правительницы, предпочитающей видеть в собственном отпрыске опасность и окружать его шпионами, чем открыто поговорить и, может быть, провести с ребенком немного времени. – Профессор с сожалением взглянул на Лантею, поджавшую губы.

– Все мое доверие к матери тогда испарилось. И никаких друзей с тех пор я даже не пыталась заводить, потому что, а кто знает, вдруг и до них дотянулись мамины загребущие руки. За горсть монет и благосклонный взгляд правительницы любой хетай-ра бы согласился следить за ее неразумной младшей дочерью... Все это так гадко! – Девушка выпрямилась и со звоном поставила пиалу на стол.

– Но теперь ты выросла. И сама вольна решать, с кем тебе общаться и о чем говорить матери. Более того, она уже не так властна над твоим воспитанием и окружением. Ты уже не маленькая слабая девочка, доверчивая и открытая. Ты – воин, сама выбирающая свой путь и компаньонов.

– И я выбрала тебя, Аш. Иногда жизнь преподносит нам дары, ценность которых мы способны осознать лишь со временем. И я лишь недавно поняла, насколько ты для меня важен.

– Ты, конечно, очень льстишь мне подобным заявлением, – смутился мужчина, отводя глаза.

– Это не лесть. Я хочу, чтобы именно ты шел со мной бок о бок по избранному мной пути. И, поверь, твое присутствие в этом городе необходимо. И мне безмерно важно, что ты не испугался, не отказался от своих слов, а решил идти до конца, хоть я и не была искренна с тобой в чем-то. Я ценю это, пойми... Потому что кому еще я теперь могу довериться? На кого могу положиться в Бархане и за его пределами? Раньше у меня была только я сама, а теперь есть тот, с кем я бы хотела разделить свою ношу.

– Твое доверие – это ценный дар, Тея. – Ашарх сделал глоток настойки и прикрыл глаза, перекатывая на языке горьковатый напиток. – Я не хочу бросать тебя здесь одну, окруженную со всех сторон недругами и доносчиками, тем более в такое важное для тебя время – когда ты намерена вершить судьбу своего народа... Но я хочу, чтобы и ты меня поняла. Это все непросто. Дворцовые интриги, заговоры, переворот и переименование общественного мнения... Это не для меня. Я был рожден в бедной семье, никогда не общался со знатью и мало что смыслю в вашем государственном устройстве. Я простой профессор истории. И хотел оказаться здесь из-за тяги к непознанному, а неожиданно для себя очутился в самом эпицентре дворцового переворота.

– Разве это не ценная возможность – изнутри изучить, как формируется новая страница истории в экзотическом для

тебя государстве? – усмехнулась Лантея.

– Не спорю. Так оно и есть. Но, услышь меня, Тея. Я боюсь. Боюсь за свою жизнь, боюсь за то, что ты слишком заиграешься в этой опасной войне и сама не заметишь, как упадешь. И в то же время я ведь не могу увести тебя силой из родного дома, убедить прекратить эти игры и оставить все, как есть. Потому что для тебя это важно.

– Если дело лишь в страхе, то это другой разговор, – сказала девушка и поставила локти на стол, положив голову на сплетенные пальцы рук. – Пока ты рядом со мной, то твоей жизни ничего не угрожает. Никто здесь не решится пойти против младшей дочери матриарха, зная мой характер. Я сберегу тебя от любой опасности и могу заверить, что в Бархане ты можешь спать спокойно. Ты ведь доверяешь мне, Аш? Поверишь моему слову?..

Некоторое время профессор молчал, поглаживая пальцами поверхность стола. А после поднял глаза на свою собеседницу, сидевшую прямо и не сводившую с мужчины внимательный взгляд, открытый и уверенный. И слова сами сорвались с его губ:

– Доверюсь. Разве я могу сказать что-то иное, когда сама дочь матриарха обещает позаботиться обо мне? – Ашарх издал короткий смешок и растянул губы в широкой улыбке.

– Я тебя не подведу.

Лантея улыбнулась в ответ, и ее бледное лицо посветлело, а плечи расправились, словно на душе у нее стало куда лег-

че. И, подняв свою пиалу, девушка протянула ее через стол, чтобы чокнуться с чашей профессора. Раздался мелодичный звон стекла о стекло.

– Так пусть же наше доверие друг к другу будет по-прежнему крепко.

– И больше не подвергнется сомнениям. – Ашарх опустошил свою чарку.

Последовав его примеру, хетай-ра маленькими глотками допила настойку и сразу же крепко зажмурилась, чувствуя, как алкоголь медленно расплзался по груди и животу приятным жаром.

Голова становилась все легче и легче, да и голод не заставил себя ждать.

– У нас уже все остывает. Давай попробуем, насколько хороша кухня в «Оазисе», – сказала Лантея.

Она подобрала со стола маленькие щипчики из белой кости и с интересом принялась разворачивать слои странного кушанья, лежавшего перед ней на тарелке.

– Что это такое? – спросил профессор.

Он не без любопытства наблюдал, как его собеседница орудовала своеобразным столовым прибором, обнажая сердцевину своего блюда.

– Мясо птицы хохлатки, тушенное в соке плодов опунции с черными водорослями. Я вспомнила, что есть несколько деликатесов, для которых мясо готовится. Это один из них.

Ашарх с куда большим интересом взглянул на свою тарел-

ку. Перед ним лежал миниатюрный рулет, обернутый в водоросли, пропитанные каким-то прозрачным тягучим соусом. Взяв щипчики и, повторяя действия хетай-ра, мужчина принялся раскрывать водоросли слой за слоем, пока не обнажил небольшой кусок мяса, порезанный на равные доли. Неуверенно подхватив одну из них и отправив в рот, преподаватель долго и тщательно жевал пищу, пытаясь определить для себя, нравилось ли ему подобное блюдо или нет.

Нежное мясо было пропитано сладостью густого сока опунции, но вместе с тем слегка горчило от водорослей, в которых птица тушилась. Незабываемое сочетание вкусов, будоражившее все вкусовые рецепторы во рту.

– Признаться, я в восхищении, – только и смог пробормотать профессор, уже подхватывая костяными щипчиками новый кусок.

– Да, приготовлено замечательно! – согласилась Лантея и разлила по пиалам настойку. – Даже на дворцовой кухне не могли бы сделать лучше.

Чокнувшись чашами, собеседники маленькими глоточками принялись потягивать холодный напиток, явственно ощущая, как опьянение подступает все ближе. Уже на щеках появился яркий румянец, а улыбка сама собой растягивала губы, не сходя с лица.

Следом за нежной птицей Лантея убедила спутника попробовать и некоторые из закусок. Маринованные грибы показали профессору излишне жесткими, хоть они и прият-

но хрустели на зубах, вяленая рыба ничем не отличалась от приготовляемой в Залмар-Афи, а вот сушеные водоросли, отдававшие чрезмерной горечью, совершенно не впечатлили человека, привыкшего к более пресной пище. Каждый этап дегустации сопровождался новой порцией настойки, и в итоге Ашарх так захмелел, что попроси его Лантея в тот момент пойти штурмовать дворец матриарха, он бы без раздумий согласился.

– Проклятье, мне не было так хорошо, пожалуй, с самых пеленок, – медленно проговорил преподаватель, расслабленно возлежавший на кушетке после сытного обеда. – Еще несколько подобных блюд и напитков, и я, боюсь, не захочу покидать Бархан.

– Ну вот я и вызнала банальный рецепт твоего соблазнения... – девушка сама едва шевелила языком, а ее залмарский стал гораздо более неразборчивым. – Зачем тебе уходить отсюда? Или есть место, где ты бы чувствовал себя лучше, э?

– Не знаю... Я много где не был. Никогда не видел Ровалтию, всегда хотел съездить в долину гейзеров к гоблинам. Не уверен, что есть какое-то конкретное место, где бы мне точно было хорошо, но ведь, пока не исследуешь их все, не поймешь, верно? А?..

– И то правда. Дома, конечно, чудесно. Но я бы и сама не отказалась поездить по миру...

Ашарх, вяло раскинувшийся на подушках, кашлянул пару

раз, заерзал и посмотрел вниз с балкона, на центр площади, где его внимание привлекло странное действо.

– Что это там происходит?

– Где?

Лантея придвинулась к краю, оперлась на парапет балюстрады и тоже окинула взглядом рынок.

Внизу было шумно. Будто бурный водоворот, толпы хетай-ра кружили по площади, толкаясь и галдя на все лады. Калейдоскоп разноцветных тюрбанов и накидок преобразил открытое пространство, превратив его в подобие беспокойного океана, где волны разбивались о стены ближайших домов, просачиваясь сквозь узкие проулки. Народ явно за чем-то наблюдал, руками указывая куда-то на край площади, где по живому коридору ступала процессия.

Впереди шагал высокий коренастый мужчина с толстой белой косой до лопаток и в сыромятной броне с накинутым поверх плеч ярко-желтым плащом, сплошь покрытым черными узорами. Под мышкой он нес свой шлем, украшенный пышным плюмажем из золотистых перьев, вторая же его рука лежала на рукояти длинного изогнутого меча в грубых ножнах, оттягивавших кожаный пояс. Каждый шаг этого воина был уверенным и четким, он широко расставлял ноги в высоких тканевых сапогах и даже не смотрел на толпу, окружавшую его со всех сторон – взгляд мужчины был направлен четко в центр площади, куда он и шел. Но больше всего во внешности этого хетай-ра было странно другое – все откры-

тые участки его кожи полностью покрывали замысловатые татуировки. Узоры, черточки и иероглифы превращали белоснежную кожу в единый запутанный орнамент и со стороны это выглядело пугающе.

По правую руку от этого воина шла крепкая женщина, едва ли уступавшая в росте своему спутнику. Бугры мышц перекатывались под бледной кожей, и тесная безрукавка едва ли могла их скрыть, запястья были перехвачены широкими наручами, а на лбу хетай-ра носила кожаную ленту, плотно прижимавшую ее короткие курчавые волосы к голове. Пояс, обвешанный различными ножами, с пристегнутой к нему длинной плетью, свернутой кольцами, болтался на самых бедрах, вот-вот норовя от тяжести сползти еще ниже.

Позади татуированного воина и его спутницы под конвоем других стражей шагало четверо мужчин и одна женщина. Руки их были крепко связаны, и помимо коротких светлых рубаш в пятнах запекшейся крови на пленниках не было другой одежды. Грязные спутанные волосы, избитые лица, превратившиеся в месиво из гематом и кровоподтеков, робкие шаги и опустошенные взгляды – все это практически мгновенно заставило Лантею протрезветь. Она уже куда более внимательно взглянула на процессию и затаила дыхание.

– Это какие-то беглые рабы или нищие? Почему они так избиты? – спросил профессор и чуть ли не животом навалился на парапет, пытаясь понять, что же происходило там внизу.

– Это преступники.

Толпа послушно расступалась перед татуированным воином и его спутницей, и живой коридор обрывался точно перед песчаным бассейном, располагавшимся в центре площади. Хетай-ра вокруг с интересом оглядывали изуродованных соотечественников, которые в скорбном молчании ступали друг за другом. Их изредка подталкивали в спину стражи, заставляя шагать быстрее. Стоило всей процессии добраться до бассейна, как свободного пространства стало больше: народ послушно рассеялся, освобождая место для какого-то дальнейшего зрелища. Мужчина в желтом плаще расхаживал взад-вперед возле пленников, громко выкрикивая отдельные фразы на изгоне, а толпа в тишине внимала его слова. И было что-то в этой фигуре неуловимо властное и угрожающее.

– Кто этот воин? И что он там говорит? – Ашарх повернулся к своей спутнице в надежде услышать перевод или хотя бы объяснения.

– Это мой отец, – коротко бросила Лантея, не отрывая взгляд от площади. – А рядом с ним главный и единственный палач Бархана – Виенна.

– Отец?! Вот этот грозный татуированный рубака?

– Бартелин начальник гарнизона Третьего Бархана и глава дворцовой стражи, личный телохранитель матриарха, – сказала девушка и нахмурилась, крепче вцепившись пальцами в балюстраду. – А его татуировки – это священный орнамент,

рассказывающий о его победах в битвах.

– Я думал, у вас мужчины не занимают высокие посты!

– Не занимают. Бартелин – исключение. Сама матриарх дозволила ему забраться так высоко в свое время. А желание правительницы – закон.

После всего услышанного Ашарх с куда большим интересом взгляделся в высокую осанистую фигуру начальника гарнизона. А тот тем временем продолжал свою речь, заложив руки за спину и неприязненным взглядом прожигая пленников. Лантея и сама старалась не пропускать ни единого слова.

– ...Верховный суд удостоверился, что эта тайная община придерживалась целей злонамеренных и противных закону. Заговорщики намеревались сокрушить основы Третьего Бархана, исказить государственный порядок, обманом проникнув в ряды дворцовой стражи. Для достижения своих пагубных целей умышляли они посягнуть на священную жизни матриарха, распространить свой бунт среди простых горожан и произвести воинский мятеж. Методом допросов были установлены имена всех заговорщиков, и тайная община была обнаружена в полном составе...

У Лантеи ком встал в горле от дурного предчувствия. О сладкой неге опьянения она уже совсем позабыла, а голова работала быстро и четко. И только румяный профессор рядом все продолжал приставать со своими вопросами:

– Что он там шипит этот Бартелин? Кто такие эти преступники, а?

– Обыкновенные воры, – шепотом произнесла девушка, скрыв правду.

– И что? Их казнят теперь или как?.. – пожевав губами, спросил Ашарх.

Отвечать хетай-ра не стала, поскольку ее отец продолжил свою громогласную речь.

– ...После внимательного и подробного рассмотрения преступных действий каждого из подсудимых суд постановил за эту измену приговорить пятерых заговорщиков к смертной казни через поглощение песком. Решение окончательное, подтвержденное верховной волей светлейшего матриарха Гиселлы Анакорит!.. Пусть жрецы мольбища Старухи подготовят заключенных к последнему пути.

Откуда-то из плотной толпы к бассейну с песком выбрались трое мужчин, все как один облаченные в одинаковые серые рубища, свободными балахонами ниспадавших до самого пола. После молчаливого кивка Бартелина хетай-ра подошли к первому из пленников, который неожиданно жалобно и пронзительно закричал, подорвавшись с места и попытавшись убежать. Его поймали практически в то же мгновение. Начальник гарнизона одним сильным движением схватил беглеца за горло, сжав пальцы, и бросил его обратно. Преступник безвольным мешком повалился на бортик бассейна, ударившись спиной, и так и остался там сидеть, поскуливая, как побитый пес.

Жрецы обступили дрожавшего мужчину: двое держали

его за плечи и голову, стальными тисками зафиксировав пленника в неудобном положении, а третий хетай-ра, достав из складок своего балахона крупную костяную иглу и, вдев в нее нить, угрожающе навис над избитым заговорщиком.

Через мгновение послышался крик, исполненный боли. Мужчина вопил и брыкался, пытаясь оттолкнуть от себя жрецов, а его покрытое синяками лицо морщилось, и из глаз текли слезы.

– Что они с ним делают? – спросил профессор. Тон его стал требовательнее – происходившее уже слабо напоминало увлекательное зрелище, а алкоголь медленно отпускал Ашарха, позволяя ему в полной мере насладиться всей жестокостью действия.

– Готовят к казни. Зашивают рот.

– Зачем?.. – потрясенно выдохнул преподаватель, ощущая, как сжимается его желудок.

– Боль очищает душу. Так преступники не смогут воззвать к богине во время казни, – Лантея говорила спокойно. Она не раз присутствовала на рыночной площади, когда свершалось правосудие, хоть это зрелище никогда ей особо не нравилось.

Закончив с первым пленником, жрецы занялись следующим. И вновь над толпой раздался жалобный вопль мучимого хетай-ра, молившего о пощаде. Через несколько минут дело было закончено: все пятеро заговорщиков без движения сидели на земле, а на их ртах кривыми полосами остались

стежки, по которым стекала свежая кровь. Жрецы в молчании обвязали левую щиколотку каждого заключенного веревкой, а свободным концом оплели массивные булыжники песчаника, грудами наваленного вдоль всего борта.

И тогда палач Виенна, уже много лет без устали выполнявшая свою тяжкую работу в полисе, молча подхватила первого преступника под локоть, поднимая его, и толкнула в сторону бассейна с песком. Избитый и обессиленный мужчина по инерции сделал пару коротких шагов и споткнулся о низкий бортик, так и замерев на самой границе, не желая ступить дальше.

– Иди уже, негодяй. Это твоя судьба. Ты сам ее выбрал, – низким голосом пророкотал Бартелин, стоявший неподалеку, и со всей силы ударил пленника в спину.

Преступник тяжело шагнул вперед, практически сразу же увязнув голыми ступнями в золотистом песке и так и остался стоять. В полном молчании все присутствовавшие на рыночной площади хетай-ра наблюдали за происходившим: жители Бархана высовывались из торговых лавок, свешивались с балконов и террас ресторанных домов и просто старались хоть что-то разглядеть поверх голов всех собравшихся.

– Из песка рождены, в песок канем, – произнесла ритуальную фразу палач, и ее поддержали жрецы в серых рубищах.

Сначала казалось, что ничего не происходило. Но вдруг связанный пленник замычал и с ужасом уставился на песчаный бассейн под своими ногами, пытаясь сдвинуться с ме-

ста. Мелкие частички пришли в движение, будто начав ссыпаться куда-то внутрь невидимого глаза водоворота. Из-под ступней преступника песок мягкими золотистыми волнами скользил к центру бассейна, все быстрее и быстрее засасывая в себя ноги хетай-ра. И как бы ни вопил сквозь сшитые губы мужчина, как бы ни старался повернуть обратно и выдернуть свои ступни, но зыбучие пески с жадностью поглощали принесенное им в жертву тело. За считанные мгновения он провалился в бассейн по щиколотки, а вскоре там увязли и колени. Хетай-ра только быстрее падал в песчаную бездну, чем больше он трепыхался и молотил локтями.

Стоило телу погрузиться в песчаную ловушку по грудь, как движение замедлилось, но Бартелин тотчас подхватил с земли тяжелый камень, соединенный длинной веревкой с ногой заключенного, и с натужным хрипом бросил его в самую середину бассейна. Булыжник мгновенно оказался поглощен золотистой трясинной, а вслед за ним стремительно уходит под песок стал и сам преступник, вращавший обезумевшими от страха глазами.

Через несколько минут, когда последний клоч белых волос исчез в зыбучих песках, к борту немедля подтолкнули следующего заговорщика.

После всего увиденного профессор совершенно позабыл и о прекрасном сытном обеде, и о приятном чувстве расслабленности, которое недолгое время властвовало над его

телом после травяной настойки. Перед внутренним взором мужчины все еще стояли избитые лица преступников с зашитыми ртами, тонувшие в толще песка. Никогда раньше он не видел такое отчаяние в глазах живого существа, хотя в Залмар-Афи Ашарху не раз доводилось наблюдать и казни, и прилюдные порки, и даже четвертования. Но все это было привычным, человеческим, постоянно происходившим на площадях Италана, а здесь он узрел жестокость совсем иную. Хетай-ра лишали преступников не только надежды на милость богини, зашивая им рот, но и заставляли самостоятельно шагать навстречу своей медленной мучительной смерти.

– Показательные экзекуции – это часть любого государственного устройства, Аш. Уж ты как историк должен это понимать. Если не показывать горожанам последствия нарушения закона, то уровень преступности взлетит до небес. Это лишь тактика устрашения, – спокойно объясняла Лантея своему спутнику, пока они шагали по слабоосвещенному главному коридору прочь от рыночной площади.

Едва казнь закончилась, девушка, сразу догадавшись по бледному лицу профессора о его состоянии, поскорее уведла мужчину из ресторана дома. Для нее самой новость об обнаруженной тайной общине в Бархане, готовившей заговор против правительницы, стала потрясением. Такого не было уже давно, ведь обыкновенно к власти матриарха относились как к чему-то священному и неприкасаемому. И же-

стокая расправа над заговорщиками была вполне ожидаема, однако, Лантея неосознанно проецировала на себя незавидную участь хетай-ра, пожелавших изменить устоявшийся государственный порядок. А еще ее пугала мысль о том, что внутри Бархана все было уже далеко не так гладко, как она предполагала ранее, раз даже во дворце так сильно расплодились хитрые крысы – доносчики и изменники.

– Ты говоришь, это были обыкновенные воры, – откликнулся Ашарх, крепко прижимавший к себе фонарь. – Даже в Залмар-Афи ворами просто отрубают руки, Тея. А здесь целую толпу бросили в зыбучие пески за такое незначительное преступление? Это уже не тактика устрашения, это просто истребление собственного народа. Не особенно многочисленного, кстати.

– Не суди о методах по первому впечатлению. Они эффективны. У нас преступность хорошо контролируется, а благодаря фантазии главного палача и трудолюбию начальника гарнизона вкупе с отделением тайных дел канцелярии дворца, можно сказать, что дела и вовсе идут отлично.

Путь до дворца в этот раз показался профессору гораздо короче, чем вечером предыдущего дня. И вот уже замелькали перед глазами ступени величественной лестницы, а вскоре спутники шагнула в тронный зал, пребывавший все в таком же угрюмом молчании, как и утром. Время еще только перевалило за середину дня, и Лантея предложила погулять по самому дворцу, где ей был известен каждый уголок.

– Нас самом деле, мне так нравится водить тебя по Бархану и все показывать. И каждый твой удивленный или восхищенный взгляд становится для меня настоящей наградой, будто весь этот город я создала своими руками, – с улыбкой призналась хетай-ра, ныряя в темноту арок. – Потому я просто обязана загладить твои нехорошие воспоминания об этой казни и продемонстрировать сегодня еще что-то красивое!..

Неторопливо шагая по пустынным коридорам, длинным анфиладам и галереям, спутники рассматривали гобелены, настенные росписи и редкие скульптуры, стоявшие в отдельных нишах. Эти безмолвные фигуры из песчаника порой так неожиданно возникали в поле зрения, когда их высвечивал фонарь, что профессор неосознанно каждый раз вздрагивал, поражаясь тонкой работе, придававшей камню вид настоящей живой плоти. Скорбно возведенные к потолку глаза, склоненные головы или расслабленные лица, наполненные умиротворением – все эти детали были переданы до того точно и реалистично, будто в камень были заточены живые герои и героини, которых и изображали скульптуры.

Через какое-то время девушка привела своего спутника в вытянутые палаты, хорошо укрытые от чужих глаз в бесконечных переходах и коридорах. Помещение с низким потолком и тонкими декоративными колоннами по бокам было ярко освещено несколькими десятками колоний светлячков, свободно летавших под самыми сводами. Но здесь да-

же невысокий профессор мог дотянуться рукой до каменных перекрытий и, при желании, прикоснуться к желтовато-зеленым огонькам.

Забрав у Ашарха его фонарь, Лантея распахнула стеклянную створку.

– Я выпущу их, – проговорила она чуть слышно. – Им пора отдохнуть.

Наблюдая за тем, как рой насекомых перебрался на потолок, растворившись в сплошном ковре ярких точек, преподаватель не успел заметить, как его спутница бесшумно ушла вглубь длинных палат, туда, где вдоль стен на одинаковом отдалении друг от друга высились каменные пьедесталы, на которых стояли женские бюсты, высеченные из песчаника.

– Это все правительницы Третьего Бархана, – негромко пояснила Лантея, обернувшись.

Профессор медленно направился вдоль рядов скульптур, изучая лица матриархов. Одни были величественными и надменными, это читалось в сжатых губах, вздернутых бровях и прямом взгляде, другие же казались отрешенными, задумчивыми и даже немного печальными, а третьи и вовсе словно легко улыбались, приподняв уголки губ и лукаво прищулив глаза. В конце зала на центральном постаменте высился бюст матери Лантеи. Аш сразу ее узнал. Скульптору мастерски удалось передать весь характер этой женщины через холодный камень: высокий лоб, тонкие линии бровей, которые будто вот-вот сурово сдвинутся, бескровные губы,

словно навсегда позабывшие об улыбке. Эта скульптура дышала сдержанностью и непоколебимостью. И изображенная женщина не имела ни капли общего с Лантеей.

– Иногда мне кажется, что Эван’ Лин ошиблась, и я должна была родиться в обычной семье, – тихо проговорила девушка, молча стоявшая по левую руку от преподавателя все это время и также изучавшая бюст. – Взгляни. Вот как выглядит настоящая хетай-ра из рода правительниц. Величественно. Непреклонно. Ее хочется боготворить и бояться. Чем все вокруг и занимаются...

Ашарху лишь оставалось кивнуть в знак понимания. Он замороженно любовался этой скульптурой.

– Наверное, я даже рада, что являюсь лишь младшей дочерью и, скорее всего, не займу трон, – немного подумав, добавила Лантея. – Мне бы никогда не удалось достичь такого же уровня. Достаточно просто посмотреть сейчас на старания Мерионы, которая из кожи вон лезет, лишь бы соответствовать матери хоть немного. И это выглядит просто смешно.

– Ты недолюбливаешь сестру? – заметил Аш, поворачиваясь к своей спутнице.

– Может быть, я ревную, что матриарх постоянно с ней носит, как с великой ценностью. А может быть, я просто плохая сестра, которая считает, что Мериону разбаловали вниманием, и ни к чему хорошему это не привело. Трудно сказать.

– Но трон займет именно она. Женщина избалованная и умеющая лишь подражать матери, по твоим же собственным словам. Что в этом хорошего будет для Бархана? – задался вопросом профессор, кашлянув в кулак и прочистив горло.

– Идеальных правителей не бывает. Но престол многих заставляет измениться. Он изменит и Мериону, это я тебе обещаю... Мать будет властвовать еще много лет. Ведь мы, хетай-ра, живем гораздо дольше вас, людей. И сколько еще десятилетий пройдет, прежде чем моя сестра взойдет на трон – одной богине известно. Но за эти годы она может расцвести, набраться опыта и определить собственную стратегию. Ничто так не учит мудрости, как время.

Кинув последний взгляд на бюст матери, Лантея развернулась и неторопливо направилась к выходу их палат. Ашарх поспешил за ней, обдумывая слова спутницы о ее сестре-наследнице.

– Разве ты не была бы лучшей кандидатурой на трон? Ты разумна, милосердна и имеешь собственные планы на город, да и на все Барханы в целом.

– Систему наследования придумала не я. Мериона первая на очереди. Да и я не уверена, что мне нужна эта тяжелая ноша... Это ответственность, это сплошные запреты и масса обязанностей, – сказала девушка и выскользнула в темный коридор, сразу же подхватывая со стены новый фонарь. – Ты не думай, я не против получить часть власти в свои руки. Но не всю.

– И тем не менее ты желаешь вывести свой народ на поверхность, отобрать смельчаков и проводить их за край пустынь. Чем же это не единоличная власть? – Преподаватель послушно забрал фонарь из рук хетай-ра.

– В первую очередь я хочу помочь своему народу, потому что чувствую, что именно мне это по силам. Кто, если не я, Аш?.. А там уже, если вдруг все получится, то я без зазрений совести передам власть другому достойному. Но лишь когда я буду уверена, что сделала все, что могла.

– Как-то ты сказала мне, что власть – это яд, который на каждого влияет по-своему. Разве ты можешь гарантировать, что он не вызовет у тебя привыкания? Что ты не захочешь пойти дальше, все больше и больше управлять своей толпой избранных и стать их самопровозглашенной королевой? – с хрипотцой в голосе прошелестел Ашарх, замирая на месте.

– Я не узнаю, пока не попробую. Но мне хочется надеяться, что я достаточно сильна, и этот яд не станет для меня наркотиком. Потому что терять свободу ради власти – это удел лишь тщеславных глупцов. И это явно не то будущее, которое я бы себе желала...

Побродив еще какое-то время по дворцу, разглядывая личную оружейную матриарха, выставочные галереи с работами скульпторов и мастеров по стеклу и посетив балконы на верхних этажах, Лантея проводила профессора в его комнату, поскольку кашель мужчины вновь усилился, и ему по-

ра было делать компрессы. Выполнив указания врачевателя, девушка хотела еще какое-то время до вечера посидеть со своим спутником, но Ашарх был так утомлен долгой прогулкой и измотан своим кашлем, что провалился в дремоту еще до того, как хетай-ра убрала с его груди последний кусок ткани, пропитанный лекарством.

Некоторое время она просто без движения сидела на краю кровати своего верного соратника и друга, наблюдая за тем, как во сне медленно разглаживалось его лицо, избавленное наконец от всех забот и тревог. Он спал и не думал больше ни о предстоявших завтра городских слушаниях, где от него ждали какой-то вдохновляющей речи, ни о собственной безопасности, ни даже о своей отчаянной спутнице, готовой рискнуть всем, чтобы достигнуть цели и изменить Бархан.

Лантея тихо встала и ушла, плотно задернув занавеси, ведущие в комнату профессора. Она направилась на женскую половину дворца, раздумывая над завтрашним днем, который обещал быть очень непростым. Спать ей еще не хотелось, и девушка медленно брела по коридорам, пока не вышла к одной из центральных лестниц, разделявших здание на несколько секций. Гладкие каменные ступени, укрытые коврами, уводили на женский этаж, и перед широкой аркой, как и всегда, стояли стражи, оберегая покой обитателей этой части дворца.

А в паре метров от них на лестнице сидел, понуриив голову, Манс, который вяло щелкал бусинами костяных четок,

обмотанных вокруг его запястья.

– Брат, что ты здесь делаешь? – поравнявшись с юношей, поинтересовалась девушка, свысока окидывая взглядом худощавую фигуру хетай-ра.

Манс вздрогнул и поднял голову, а после на его губах сразу же заиграла легкая улыбка.

– Я ждал тебя, сестра.

– Мне казалось, что вчера вечером мы все обсудили, – строго заметила Лантея, скрешивая руки на груди.

– Вчера мы очень скомканно поговорили. Я бы хотел все исправить. Искал тебя сегодня половину дня...

– Меня не было во дворце, – сухо бросила девушка.

– Да, я так и понял. Потому и сидел тут, ждал твоего возвращения, – сказал Манс и поднял на сестру лучистый взгляд. – Ну так что, согласишься ли ты выслушать меня еще раз?.. Прошу.

Лантея с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза. А после, схватив брата за рукав темно-синего одеяния, потянула его вниз по лестнице, спустилась на этаж ниже и толкнула в один из небольших тупиков, располагавшихся в коридоре. Открыв небольшую стеклянную дверцу, едва заметную в полумраке за гобеленом, девушка вместе с юношей шагнула в скрытый сад.

Едва ли можно было причислить это царство подземной растительности именно к саду, но все обитатели дворца, которые о нем знали, называли темную и влажную каморку

именно так и никак иначе. Идеально квадратная комната с сотовым сводом, где граненые впадины, отделанные цветным стеклом, образовывали сложную мозаику, скорее казалась позабытой на берегу моря бутылкой, поросшей изнутри разнообразной плесенью и оттого принявшей живописный вид. По краям потолка и с каждой его ячейки свисали длинные лохмотья мха, сплетавшиеся в живые зеленые занавеси, будто обшитые бахромой. Влажные стены пестрели всевозможными съедобными и несъедобными грибами, некоторые из которых издавали мягкий сиреневый или голубоватый цвет, а другие паразитировали на соседних растениях. Посередине тайного сада на огромном поваленном на неровный пол камне, напоминавшем грубо обтесанное колесо, густо росли кусты папоротника, темно-зелеными широкими вайями клонясь к самой земле.

Раздвигая руками свисавшие с потолка жгуты мха, Лантея приблизилась к колесу и элегантно опустилась на его край, скрестив ноги. Манс замер прямо перед сестрой, какой-то смущенный и немного потерянный.

– Так о чем ты хотел побеседовать? – первой заговорила девушка.

Помявшись еще несколько мгновений и стуча бусинами своих четок, юноша все же дал ответ.

– Мне не удалось поздравить тебя с совершеннолетием, сестра.

– Ты так желал встретиться и еще раз поговорить со мной,

только чтобы поздравить с давно прошедшим совершеннолетием? – нервный смешок вырвался из груди Лантеи.

– Я долго трудился над подарком для тебя, хотел, чтобы он был полезным и нужным... Но все отложилось из-за твоего побега два года назад, а вчера мне не представилось случая вручить его тебе с должной торжественностью. Позволь я сделаю это сейчас.

Манс снял с пояса темные кожаные ножны и извлек из них на свет крупный стеклянный нож зеленоватого оттенка с изящным резным навершием, выполненным в виде головы орла. Он склонился в вежливом полупоклоне и уверенно протянул сестре оружие рукоятью вперед. На ней тонкой вязью вились иероглифы, означавшие имя «Манс Анакорит».

Однако Лантея замерла, будто одеревенев, не двигаясь с места и не принимая подарок брата.

– Я сделал его сам, – указал на очевидное юноша. – Надеюсь, он пригодится тебе.

– Ты понимаешь, что творишь?.. – спросила девушка, переводя взгляд с ножа на Манса и обратно. Она хорошо знала, что, по повериям хетай-ра, дарящий оружие, предлагал также свою верность.

– Отлично понимаю, – совершенно серьезно ответил брат, а голос его стал тверже. – Мои вчерашние слова не были пустым звуком, я хочу это доказать. Прошу, сестра, прими этот нож, а вместе с ним и мою преданность. И если я когда-нибудь не оправдаю твое доверие, то верни этот клинок мне...

Верни его мне прямо в сердце.

Лантея сжала губы, метаясь в сомнениях. Манс вспомнил один из древнейших обычаев хетай-ра – Mahhamadi, Верность на клинке. Если тот, кто подарит именное оружие, нарушит свои слова, то преданный имел право убить клятвопреступника, и закон не наказал бы его за это. Это была высшая степень доверия, которую обыкновенно изъявляли матриарху. Оттого в свое время матери Лантеи и пришлось расширять личную оружейную во дворце, поскольку ей присягали на верность многие воины Бархана, подтверждая свои слова именными топориками, мечами, кортиками и даже копьями.

– Почему ты это делаешь? – непонимающе спросила Лантея, покачав головой. – Мы ведь даже никогда толком не общались, а ты предлагаешь мне власть над собой.

Юноша, не опуская рук, прямо смотрел на сестру, и лишь дергавшийся острый кадык на горле выдавал его настоящее волнение.

– Я прекрасно понимаю, что происходит сейчас между тобой, Мерионой и матерью. Не думай, что если я двадцать три года был заперт на мужской половине дворца, то ничего не знаю. Я всегда незримо был рядом с тобой, пусть ты и не замечала. Потому сейчас больше всех остальных хочу добиться лучшей жизни для Бархана. И я считаю, что только ты можешь осуществить это.

– Как я могу тебе верить? – в отчаянии прошептала де-

вушка, отводя взгляд от ножа. – Если ты все знаешь, то должен понимать, что власть матери гораздо больше моей. Сейчас я окружена врагами, и даже именной нож не способен до конца гарантировать твою преданность. Как я могу быть уверена, что, например, не мать приказала тебе сделать все это?..

Манс неожиданно, не опуская ножа, одной рукой рванул пояс и скинул его на пол, быстро принявшись расстегивать пуговицы на своем одеянии одну за другой. Дойдя до середины, он скинул с плеч рубаху, поворачиваясь к сестре обнаженной спиной. На его бледной коже, которая могла сравниться лишь с мрамором, перечеркнутым синеватыми венами, уродливыми вздувшимися полосами тянулись ярко-розовые давно зажившие шрамы. Их было достаточно много – вся спина от поясницы и до самой шеи оказалась изуродована десятками старых ран.

Лантея пораженно выдохнула, не в силах перестать смотреть на жуткий узор.

– Тебя приказали выпороть?.. Кто это сделал? Когда?! – быстро заговорила девушка, дернувшись вперед.

Брат резкими движениями в молчании натягивал одежду обратно, опустив нож.

– Но ведь ты сын матриарха. – Сестра впилась пальцами в камень, на котором сидела. – Публичные наказания в отношении членов правящей семьи запрещены! Это подрывает авторитет власти!..

– В ту ночь, когда ты сбежала из Бархана, я следил за тобой, – нехотя признался юноша, на его щеках появились лихорадочные красные пятна. – Не подумай ничего плохого, сестра... Я всегда интересовался, чем ты занята. Старался читать те же книги, тренироваться с оружием... Чтобы быть на тебя похожим, чтобы быть достойным тебя и твоего доверия!

Девушка, давно подозревавшая, что все обстояло именно так, даже не подала виду, что слова брата ее удивили. И в его тоне было столько искренности и волнения, что невольно хотелось верить каждой фразе и признанию.

– И когда ты ушла из города, я до последнего провожал тебя. Был рад и расстроен одновременно... Рад, что тебе удалось это сделать. И расстроен, что вряд ли еще смогу тебя увидеть... – прошептал Манс и тряхнул белокурой головой. – Но утром начались поиски, мать стала допрашивать и наказывать невиновных, поэтому мне пришлось признаться, что именно я видел, как ты уходила. Мериона была в ярости. Даже больше, чем мать.

– Это она сотворила такое с твоей спиной? – догадалась Лантея.

– Да. Она лично меня высекла. За то, что позволил тебе уйти и не сообщил раньше, когда еще можно было послать погоню и образумить тебя. Порка была непубличной, и знала обо всем этом только мать. Но она никак не помешала... И после этого я еще несколько месяцев отбывал наказание на

принудительных работах в промысловых пещерах.

– Прости. Я... Я не ожидала, что из-за моего побега могут пострадать невинные, – изумленно и виновато пробормотала девушка. – Трудно поверить, что они так отыгрались на тебе из-за меня.

– Поэтому я бы никогда в жизни не стал плясать под дудку матриарха и тем более Мерионы. Это было бы неуважением по отношению к самому себе, – мрачно добавил Манс и вновь протянул ножны с клинком сестре. – Так ты примешь его?..

Девушка на секунду залюбовалась оружием. Зеленоватое стекло, поблескивавшее гранями в сиреновом свете фосфоресцирующих грибов, манило и гипнотизировало. Это была хорошая работа настоящего мастера – ее брат явно трудился над ножом не один месяц, выплавляя из податливого стекла птичье оперение, истончая и затачивая лезвие.

– Теперь, когда я все тебе рассказал, согласишься ли ты, сестра, моему желанию помочь?

Хетай-ра перевела взгляд на сосредоточенное лицо Манса и подумала о том, что ей придется рискнуть, хочет она того или нет. Во дворце и всем городе у нее не было ни соратников, ни помощников – только верный профессор, жизнь которого была так хрупка. Любой мог объявить охоту на чужеземца, подчиняясь молчаливому приказу матриарха или ее окружения: начиная от подозрительной Мерионы, выслеживавшей шпионов с усердием сторожевого пса, и заканчи-

вая бесстрастным Бартелином, готовым собственными руками уничтожить любого человека или хетай-ра, представлявшего опасность для власти рода Анакорит в Третьем Бархане.

И Лантея с отчаянием осознавала, что далеко не всегда она могла быть рядом, чтобы защитить Ашарха. Она просто не могла разорваться, а жертвовать кем-то во благо своих устремлений не хотелось вовсе. Ей действительно требовалась помощь, пусть даже она сильно рисковала, доверяясь кому-то. Иного выхода не было.

– Теперь я просто не могу не принять твой подарок, – проронила девушка и крепко обхватила рукоять ножа. – Ты стал гораздо смелее с нашей вчерашней встречи, Манс.

– Я увидел, что ты не сошла со своего прежнего пути, и это придало мне сил, – выдохнул юноша с облегчением, когда Лантея прикрепила ножны с клинком к поясу. – Я буду твоей верной рукой.

Легко поднявшись с холодного камня, сестра приблизилась к брату и положила ладонь ему на плечо, неожиданно цепко впившись пальцами в кожу.

– Твоя помощь мне пригодится. Но я хочу, чтобы ты знал... – вкрадчиво шепнула девушка. – Мне достаточно будет одного намека, нервно брошенного тобой взгляда или даже подозрения, чтобы твой подарок оборвал твою же жизнь. Коль дал мне слово, будь верным до конца.

– Я и не ожидал другого от тебя, сестра. – Кривая улыбка

исказила губы юноши, а его серые глаза задорно блеснули, будто он принимал вызов.

Глава четвертая.

Общие городские слушания Бархана

Обрядом совершеннолетия для девушек, по крови принадлежащих к одному из правящих родов, является прохождение двух священных испытаний – испытаний светом и тьмой. Юноши, рожденные в семье любого из матриархов, высокородные отроковицы и отроки, а также дети простолюдинов в день своего совершеннолетия обязаны посетить мольбище Старухи, где жрецы опоят их ядовитым отваром из ложного паутичника, который единожды откроет им божественную истину и позволит узреть свое будущее, если будет на то милость Эван'Лин.

Книга Бытности

На следующее утро, проспав не только оповещения стражей времени, от которых Лантея раньше обычно всегда пробуждалась, но даже подачу завтрака в комнату, девушка собиралась в спешке. Путаясь в торжественном темно-зеленом наряде, представлявшем собой многослойное шелковое платье и пышную длиннополую накидку с вышитыми бисером рукавами и коротким шлейфом, она торопливо пыталась заплести спутанные волосы и при этом держать откры-

тыми слипавшиеся глаза. Едва успев привести себя в подобающий важному мероприятию вид и спешно закрепить пояс с оружием, Лантея сразу же поспешила на мужскую половину дворца, опасаясь, что Ашарх мог проснуться гораздо раньше и уйти из комнаты. Она беспокоилась, что его любопытство могло сотворить с ним дурную шутку, заведя профессора в не самые безопасные места этого здания.

Но к ее величайшему изумлению, мужчина все еще дремал, завернувшись в шкуры и обняв подушку. Было похоже, что с самого вечера он так и не вставал с постели.

– Это темнота плохо на меня влияет, – оправдывался Аш, едва девушка его разбудила и дала в руки таз для умывания. – Мне постоянно кажется, что здесь ночь, а оттого безумно хочется спать.

– У нас мало времени. Вот-вот должны начаться слушания. Так что шевелись! – поторопила спутника Лантея.

Она металась по комнате, постоянно наступая на край своего торжественного одеяния, в котором совершенно отвыкла передвигаться, и бросала на кровать преподавателя найденную на лавках и полу одежду, пытаясь ускорить процесс сборов.

Через пять минут Ашарх, торопливо пытаясь пригладить торчавшие после сна волосы, уже спешил за своей величественной спутницей по длинным коридорам дворца, заполненным прислугой, сновавшей из комнаты в комнату и увлеченно сплетничавшей в темных нишах. Кто-то носился с

огромными подносами, заставленными различными кушаньями и напитками, другие хетай-ра перьевыми метелками лихорадочно смахивали пыль с фонарей, статуй и лестничной балюстрады. Все вокруг находилось в движении, будто дворец очнулся после многолетнего сна.

Проход к тронному залу был полностью заполнен прислугой, канцелярскими работниками и стражами. Заглядывая за угол, приподняв края занавесей и алчно припав глазами к щелям, все обитатели дворца, которым по статусу было не положено находиться на собрании, все равно старались хоть что-то разглядеть или подслушать. Однако едва Лантея показалась в коридоре, ведущем к тронному залу, как шепоты мгновенно стихли, и для дочери матриарха мгновенно освободили дорогу. Хетай-ра вытянулись вдоль стен, прижав кулаки к солнечному сплетению, и не сводили предвкушающих взглядов со своей молодой госпожи.

Решительно схватив профессора за запястье и сжав его руку, девушка шагнула в арку, утянув за собой и Ашарха. Занавеси дрогнули, пропуская спутников в тронный зал, где их в то же мгновение со всех сторон окружили голоса и перешептывания. Практически все видимое свободное пространство было заполнено хетай-ра: гости дворца стояли тесно друг к другу, обсуждая что-то на повышенных тонах и активно жестикулируя, многие сидели на бортах бассейна, опустив ладони в прохладную воду, а другие отлавливали скользивших в толпе слуг и без стеснения дегустировали угоще-

ния, которыми были уставлены их подносы. Всюду у стен замерли высокие юноши в светлых безрукавках, махавшие над головами прибывших массивными перьевыми опахалами на длинных ручках. Разгоняя душный воздух, перья подрагивали, медленно опускаясь и вздымаясь над толпой, раздувая клубы дыма курящихся всюду благовоний.

Приход Лантеи ничего не изменил – участники слушаний продолжали гомонить, сбившись в отдельные кучки. Скорее нырнув в сторону, спутники остановились в узкой галерее с колоннами, охватывавшей тронный зал с трех сторон. Хетай-ра, стоявшие там, потеснились, освобождая пространство для младшей дочери матриарха. Но заговорить с ней никто не осмелился.

Все три каменных трона под тяжелым шелковым балдахинном пустовали, хотя перед престолом уже выстроились полукругом стражи, удерживая толпу на расстоянии. Приход матриарха должен был ознаменовать начало слушаний.

Девушка быстрым взглядом окинула собравшихся. Большинство лиц были ей знакомы: представители ремесленных гильдий, главы влиятельных семей, руководители промышленного сектора и других государственных предприятий прогуливались по тронному залу, лениво обмахиваясь веерами. Это были пожилые красноволосые хетай-ра в богатых расшитых цветными бусинами одеждах, подпоясанных дорогостоящими поясами из змеиной кожи и с резными костяными украшениями. Они десятилетиями держались за свои вы-

сокие посты, не желая передавать преемникам власть так просто. Многие из них входили в городское собрание еще до рождения младшей дочери матриарха. Лантея сокрушенно подумала о том, что именно с этими упрямыми старухами развернется нешуточное противостояние, как только она предложит вывести жителей Бархана на поверхность. Следование традициям среди этих почтенных матрон считалось скорее каким-то призванием, жизненным предназначением, от которого нельзя было отказаться, нежели простой прихотью.

Неожиданно на зал опустилась тишина. Замолкли голоса и шепоты, а хетай-ра будто перестали двигаться, устремив все свои взгляды на один из проходов.

Такое давящее молчание было вызвано прибытием матриарха со свитой.

Горделиво расправившая плечи правительница Третьего Бархана, укрытая тончайшей черной вуалью, величественно и неспешно подплыла к центральному трону. За ней неотступно следовали две молодые прислужницы, Ниэля и Арконция, которые придерживали длинный подол массивной зеленой мантии матриарха. Сестры-близнецы в одинаковых скромных платьях бежевого цвета, смиренно опустив глаза к полу, не отставали ни на шаг, быстро семеня следом за властительницей.

Только после того, как Гиселла Анакорит остановилась перед престолом и медленно повернулась лицом к народу,

Ниэля и Арконция с поклоном отступили к стене, а Мериона и Лантея, до этого ожидавшие в галереях по разные стороны зала, как по команде последовали к своим законным местам. Они встали по обе руки от матери, перед своими тронами, выпрямившись и с достоинством окинув взглядом всех собравшихся. Толпа в тот же миг в напряженном молчании склонила головы, и все, как один, прижали к солнечному сплетению ладонь, сжатую в кулак, выражая свое уважение и почтение правящей семье.

Матриарх легким движением руки откинула вуаль с лица, поправила широкое и явно тяжелое очелье, украшенное длинными подвесками из цветного стекла, спадавшими на грудь. Она опустилась на трон одним текучим движением, и следом за ней дочери тоже грациозно сели на свои места. За тронем Мерионы незримой тенью сразу же встал младший брат Манс, за спиной матриарха появился ее муж, Лантее же оставалось лишь жестом позвать Ашарха, чтобы он занял место за ее плечом. За это девушка заслужила укоряющий взгляд от старшей сестры.

Тем временем поставленным голосом правительница начала традиционную вступительную речь:

– Многоликая Матерь внимает нам и посылает свое благословение. Сегодня мы все собрались здесь, чтобы слушать и говорить. Каждое слово пойдет во благо Бархана, так пусть же никто не будет молчать. Я, матриарх Третьего из пяти великих Барханов Гиселла Геркатен Анакорит, открываю вось-

мые общие городские слушания 2560 года от основания Гиртариона.

Со всех сторон раздались одобрителльные рукоплескания собравшихся. Почтенные матроны беззвучно изображали хлопки, а их внимательные и проницательные взгляды целиком и полностью были направлены на младшую дочь правительницы и смуглого чужака, осмелившегося встать позади одного из тронов.

– Сегодня собранию предстоит обсудить несколько тем, – продолжила матриарх через минуту, когда в зале воцарилась прежняя тишина. – Но по традиции я попрошу в первую очередь выступить просителей.

Потянулась длинная череда однообразных отчетов и ходатайств, которые Лантея всегда не любила выслушивать. Представители различных гильдий и учреждений просили ссуды, жаловались друг на друга и пытались оправдать простои в производстве. Личный писец матриарха записывала каждое из обращений, а сама Гиселла Анакорит лишь одаривала подданных легкими кивками и изредка что-то говорила, больше предоставляя слово Мерионе, которая как рыба в воде ориентировалась в делах подземного полиса.

Поток продвигался медленно, Лантея отрешенно внимала происходившему краем уха, пока очередной доклад не заставил ее вынырнуть из легкой задумчивости.

– За последние два месяца пропало восемь орлов, – лаконично отчитался немолодой смотритель птичника и замер

без движения в паре метров перед троном.

– И почему же вы посчитали необходимым сообщить об этом на общих городских слушаниях? – не без усталости в голосе поинтересовалась матриарх.

– Это весьма странно. Почтовые орлы никогда не теряются в дороге и самовольно не покидают птичник. А здесь сразу восемь особей, посланных с письмами, по одной друг за другом пропали, – серьезно ответил мужчина. – Подобное случалось лишь раз на моей памяти, сразу же после того, как сестра матриарха Чият Анакорит покинула Бархан. Но тогда не возвращались птицы, посылаемые лишь в одном конкретном направлении... Быть может, младшая дочь матриарха Лантеялианна помнит о тех случаях.

– Верно. Помню, – встрепенулась Лантея, подав голос. – Несколько орлов, из тех, что я отправляла тете за хребет, бесследно исчезли где-то по дороге. Мне приходилось посылать птиц связанными парами, чтобы более молодые особи выучили новый маршрут у опытных почтовых орлов, но они так и пропадали по двое... Однако тогда мы с вами, уважаемый смотритель Акила, списали это на песчаные бури, довольно активные в то время.

– Именно так, младшая дочь матриарха, – подтвердил немолодой хетай-ра, почтительно склонив голову. – После какого-то момента все это прекратилось довольно быстро, не вернулось всего четверо или пятеро особей. Но теперь птицы стали пропадать вновь, и уже в гораздо большем количестве.

К тому же, исчезают орлы, посылаемые в любых направлениях. Что исключает вариант с попаданием в самумы, как вы сами понимаете...

– Это дурной знак, – сказала Лантея, нахмурившись. – Такие совпадения подозрительны.

– Не вижу здесь ничего подозрительного, – чуть громче, чем надо, властно произнесла матриарх, даже не повернув лица в сторону дочери. – Это животные, они обладают собственной волей, над которой мы порой не властны. В конце концов, на поверхности их могли поймать хищники, плохие погодные условия сбили их с пути, или же просто птицы остались в других Барханах после перелета.

– Но это же не единичный случай! Восемь особей... – возмутилась было Лантея.

– Тишина! – чуть прикрикнула матриарх, оборвав речь младшей дочери на середине, а после мягко и в тоже время строго обратилась к управляющему птичником. – Продолжайте свою работу, смотритель Акила. Скоро ваши орлы вернутся. Вам не о чем беспокоиться.

Управляющий ушел опечаленным, это явно читалось на его худощавом морщинистом лице, а вот Лантея, смущенная и взволнованная окриком матери, лишь сильнее задумалась на тем, как необычно выглядели эти исчезновения. Она сама много общалась с почтовыми птицами в свое время, знала их повадки и то, что они просто не могли нигде заблудиться. Это были чрезвычайно умные создания. Девушка твердо

решила, что стоило подробнее разобраться в этой ситуации после слушаний, раз уж матриарху было все равно.

Ашарха же совершенно не интересовали выступления, из которых он не понимал ни единого слова. Профессор неуверенно себя чувствовал, стоя рядом с тронном своей спутницы у всех на виду и стоически сдерживая кашель, рвущийся наружу. Периодически он ловил на себе очередной любопытный взгляд и просто мечтал о том, как бы все это скорее закончилось. А вот предстоявшее выступление перед этой самой требовательной публикой и вовсе страшило его безмерно. Чтобы хоть как-то занять себя и отвлечься, преподаватель изучал правящую семью, впервые увиденную им в полном составе. Матриарх каждой своей чертой напоминала то каменное изваяние, которое Аш только недавно разглядывал в длинных палатах с бюстами. Она сидела прямо, подбородок был приподнят, а на лице сложно было прочесть хоть какие-то эмоции. Ее старшая дочь, занимавшая трон по правую руку от матери, старалась во всем подражать правительнице. Хетай-ра сидела в абсолютно идентичной позе – распрямив ладони на подлокотниках и сдвинув колени, своими огромными глазами она гипнотизировала каждого просителя. Ее элегантное оливковое платье струящимися складками спадало до самого пола и, даже несмотря на подвешенный к поясу топорик, выглядела эта молодая женщина изящно, хоть от нее и веяло едва уловимым шлейфом опасности.

Профессор невольно сравнил Мериону с младшей сестрой, которая, слегка ссутулившись, сидела на троне, устало подперев подбородок рукой. Для одной слушания были торжественной церемонией, где можно было продемонстрировать свою власть и силу, для другой же – скучной обязанностью.

Больше всего внимания Ашарх уделил мужчинам, стоявшим за спинами матриарха и Мерионы. И если младший брат девушки показался профессору subtilным и немного отстраненным юношей, для которого вся эта церемония была настоящим наказанием, то отец вызывал совершенно другие впечатления. Он молчаливой угрожающей тенью высился за тронном правительницы, одну руку постоянно держа на рукояти изогнутого костяного меча. Татуированный мужчина хмурил свои широкие кустистые брови и непрерывно оглядывал тронный зал, словно ожидая нападения в любую минуту. И почему-то Ашу сразу же вспомнилась увиденная на рыночной площади казнь, где Бартелин, не колеблясь и не сдерживаясь, толкал преступников в зыбучие пески твердой рукой. Будь и здесь подобный резервуар, кажется, он не преминул бы кого-нибудь в него отправить в эту минуту просто ради собственного успокоения.

В какой-то момент неиссякаемый поток просителей наконец закончился. Лантея не удержалась и облегченно выдохнула, чувствуя, как у нее уже затекла спина от неудобного каменного трона. Матриарх медленно поднялась со своего места и после выдержанной паузы заговорила:

– Я благодарна вам всем за доверие, за то, что поделились своими проблемами с собранием. Многие из них я рассмотрю подробнее и постараюсь оказать необходимую помощь... Но теперь мне бы хотелось перейти к одной радостной новости, – объявила правительница, даже не изменившись в лице. – И это возвращение моей младшей дочери Лантеялианны Брутелеи Анакорит в Бархан, как многие из вас уже могли заметить.

Лантея мгновенно поднялась на ноги, приосанилась, будто вспомнив о своем высоком статусе, и сдержанно улыбнулась толпе. Ее одарили приветственными аплодисментами, и даже сама матриарх пару раз демонстративно ударила в ладоши, при этом так и сохранив сосредоточенно серьезный вид. Несколько томительных секунд тронный зал сотрясался от рукоплесканий горожан, а после, стоило стихнуть последним шепотам и звукам, девушка заговорила:

– Уважаемое городское собрание! Я благодарю вас за то, что встречаете меня с таким радушием, – вдохновенно начала свою речь хетай-ра. – Как многим из вас известно, два года я отсутствовала в Бархане, но вернулась сюда с благими вестями и добрыми намерениями. И хочу рассказать, почему же меня так долго не было.

Сделав пару шагов вперед, Лантея замерла, жадным взглядом скользя по лицам всех собравшихся, в надежде разглядеть хоть в ком-то заинтересованность или любопытство. Но на нее смотрели с холодной задумчивостью, а кто-то и с

явным сомнением.

– Влекомая жаждой знаний, я совершила долгое и нелегкое путешествие по поверхности. Я пересекла пустыни, преодолела горный хребет на севере и попала в край иного народа...

Где-то в стороне зашептались главы ремесленных гильдий, покачивая головами.

– И я привела оттуда чужеземца! Чтобы он поведал вам о том, как велик мир за пределами Барханов!..

Неожиданно восторженный эмоциональный монолог Лантеи прервала Мериона, которая резко поднялась с трона и обвинительно указала пальцем в сторону своей младшей сестры.

– Это выступление и речь незаконны! – воскликнула протеже матриарха. – Я призываю собрание игнорировать мою неразумную сестру, позабывшую о нерушимых и свято почитаемых традициях Бархана!

Лантея замолчала на полуслове. Пораженная, она повернулась в сторону Мерионы, не понимая, о чем та говорила. Хетай-ра в тронном зале озадаченно зашептались, переводя взгляды со старшей сестры на младшую и обратно. А они обе, как цепные псы, напряженно замерли напротив друг друга. Сбитый с толку Ашарх понимал, что происходило что-то нехорошее, потому что на лице его спутницы было написано величайшее негодование, смешанное с тревогой.

– По закону хетай-ра, не достигшие совершеннолетия, не

имеют права голоса на общегородских собраниях и выступлениях иного рода, – процитировала по памяти Мериона, прожигая сестру немигающим взглядом. – А как всем известно, младшая дочь матриарха Лантеялианна не прошла испытания совершеннолетия по достижении нужного возраста. Поэтому верить ее словам невозможно до тех пор, пока все традиции не будут соблюдены. Ибо она лишена милости богини Эван’Лин!

Лантея сжала кулаки до хруста от осознания собственного бессилия. Конечно же интуитивно девушка понимала, что мать, а, следовательно, и Мериона просто так не позволят ей осуществить свой план. Но она ожидала нотаций, пустых дебатов перед собранием или лекций о важности сохранения многовековых традиций. А сестра с матерью решили пойти дальше.

Толпа громко обсуждала услышанное, совершенно не стесняясь правящей семьи. Судя по всему, через пару часов каждый житель Бархана от мала до велика должен был узнать о произошедшем. Мериона самодовольно улыбалась, наблюдая за тем, как Лантея стиснула зубы с нескрываемой злобой. Наконец матриарх решила прервать этот спектакль: она встала и величественно вскинула руки, призывая всех собравшихся в тронном зале к тишине.

Хетай-ра мгновенно замерли в ожидании вердикта их мудрой правительницы.

– Моя старшая дочь Мериона права. Общегородское со-

брани не может внимать Лантеялианне, пока она не пройдет оба испытания. Без них, как известно, она лишена божественного благословения, а следовательно, ее слова могут быть коварной ложью, либо же лепетом неразумного дитя.

Мать мягко посмотрела на Лантею, но в ее взгляде читался плохо скрываемый триумф.

– Пока Эван’Лин не одарит тебя своей милостью, дочь моя, твои речи не имеют смысла.

Девушке ничего не оставалось, кроме как склонить голову в покорном поклоне, признавая безоговорочную победу матриарха в этой битве. Ее напряженное тело подрагивало от негодования, струившегося по венам. Такое прилюдное унижение было несмываемым пятном на репутации Лантеи, которое напрямую могло помешать всем ее замыслам.

Расправив плечи и окинув свою семью потемневшим от злости взглядом, она стрелой покинула тронный зал, скрывшись в темноте дворцовых коридоров. Аш, чувствующавший, что все пошло совсем не по плану, сразу же сорвался с места и последовал за своей спутницей.

Толпа за их спинами, взбудораженная увиденным зрелищем, шумела как волнующееся море.

Лантея разгневанной птицей летела по анфиладам пустынных залов, распугивая прислугу, пока не нашла самое уединенное место дворца, где в тот момент можно было укрыться от лишних глаз, – личную библиотеку матриарха.

Она хорошо знала, что доступ в это помещение имели только члены правящей семьи, поэтому можно было не переживать, что кто-нибудь отыщет хетай-ра и профессора или же осмелится прервать их разговор. А им было что обсудить.

Как только девушка завела спутника в комнату и раздраженно захлопнула непроницаемые стеклянные двери, Ашарх зашелся сухим кашлем, пытаясь отдышаться после бега по дворцовым коридорам. Он прислонился к стене, восстанавливая дыхание, и быстрым взглядом окинул помещение, в котором они оказались.

Библиотека была относительно небольшой: каменные стеллажи ровными рядами заполняли все свободное пространство, оставив лишь небольшой пяточек в центре зала для пары лавок из песчаника и вытянутого стола, заваленного пергаментом, свитками и рукописными фолиантами. На стенах книжные полки находились прямо в породе, поднимаясь вверх и образуя второй ярус, куда вела узкая каменная лестница. Единственным освещением были многочисленные стеклянные фонари с светлячками, расставленные по всей комнате. Никакие посетители, стражи и даже звуки не нарушали уединенную атмосферу этого места.

– Ты можешь объяснить мне, что произошло на собрании? – сразу же спросил преподаватель, как только прокашлялся. Он обеспокоенно дотронулся до плеча девушки.

– Она даже не позволила мне ничего сказать, – сердито ответила хетай-ра.

Она шагнула в сторону, подобрав один из светильников с насекомыми с ближайшей к ней полки, и быстрыми шагами направилась к центральному столу.

– Мама или сестра? – уточнил Аш, следуя за своей спутницей мимо каменных стеллажей. – Что они говорили?

– Что у меня нет права выступать на общественных собраниях... Более того, мать действительно имеет все основания, чтобы отстранить меня от слушаний!..

– Но ведь ты дочь правительницы! Разве одно это не дает тебе право голоса на такого рода собраниях и слушаниях?

– Скорее, сейчас это действует против меня, – прошептала девушка и опустилась на лавку. – Если кратко, то каждая особа женского пола из правящей семьи на свое совершеннолетие обязана пройти традиционные испытания светом и тьмой. Если простолюдины Бархана при достижении нужного возраста участвуют лишь в несложном обряде, в ходе которого должны испить в мольбище отвар из ядовитых грибов, якобы показывающий их будущее, то дочери матриархов проходят тяжелые испытания, чтобы заслужить милость богини. Если Эван’Лин благословляет их, то лишь тогда эти женщины получают право голоса и право на власть.

– Ты не проходила эти испытания? – догадался профессор, сядя напротив своей собеседницы.

– Да. Я сбежала из Бархана до совершеннолетия, оно наступило уже в Залмар-Афи.

– Значит, чтобы тебе дали слово на слушаниях, теперь

нужно пройти эти испытания? – Ашарх забарабанил пальцами по поверхности стола. – И в чем же они заключаются?

– На испытании светом меня отправят на поверхность, чтобы отыскать одно очень редкое растение, скрывающееся в песках, – цветок пустыни. Оно растет поодиночке, найти его нелегко, да и песчаные бури не способствуют поискам... На втором же испытании мне придется пойти в Дикие тоннели, на дальние темные уровни, чтобы найти и уничтожить хотя бы одну ингуру. И принести в Бархан доказательство своей победы.

– Последнее звучит как самоубийство.

– Они оба достаточно сложны и опасны. Девушки часто гибнут на таких испытаниях, особенно на втором. Ведь с собой нельзя брать ничего, кроме фляги с водой и одного ножа.

– Какая нелепость! – возмутился преподаватель. – Я не могу понять, в чем смысл этих губительных испытаний? Матриархи отправляют своих дочерей на верную смерть? И все с этим согласны?.. Но ведь трон так может лишиться наследниц!

– Трон никогда не будет пустовать, древо нашей правящей семьи огромно, – нравоучительно заметила Лантея, зарываясь пальцами в свои седые волосы и расплетая косу. – А соблюдение древних безумных традиций – это просто бич всей цивилизации хетай-ра, Аш, если ты еще не заметил. И мне кажется, что именно это тащит мой народ на дно... Но сейчас я даже ничего не могу сделать, пока не пройду все эти

обряды!..

Тяжело вздохнув и сторбившись, девушка добавила:

– Видишь ли, суть испытаний в том, чтобы доказать, что хетай-ра сильна и храбра, что она может постоять за себя, выжить, найти решение в трудной ситуации и не сдаться... Потому что тогда народ будет уверен, что эта девушка защитит и Бархан.

– Проклятье! К гоблинской матери такие испытания!.. Ну неужели нет никакого иного способа выяснить это?! – в негодовании воскликнул профессор и ударил кулаком по столу.

– Не я придумывала традиции, – пробормотала Лантея и развела руками. – Но испытания меня не пугают. В конце концов, к ним я морально и физически готовилась с детства... Есть кое-что другое, волнующее меня гораздо больше.

– И что это?

– Испытания – это лишь временная отсрочка, которая нужна матери, чтобы настроить против меня городское собрание. Пока я буду ползать по пустыням, копошась в песке, как скарабей, она убедит всех, что мои слова о прекрасном мире за пределами пустынь – это лишь фантазия.

– Но ведь я живое подтверждение всем твоим словам!

– Вот именно, – проговорила девушка и одарила спутника серьезным взглядом. – Я не смогу взять тебя с собой на испытания. А пока меня не будет, велика вероятность, что тебя захотят быстро и незаметно устранить. Как единствен-

ное подтверждение моего рассказа.

В этот момент стеклянные двери библиотеки со стуком распахнулись, впустив в помещение слабый поток прохладного воздуха и прервав беседовавших спутников. Через порог уверенно шагнул единственный сын матриарха и, заметив за столом свою сестру, сразу же устремился к ней.

– Лантея! Так и знал, что найду тебя именно здесь. – Манс широко улыбнулся и приветственно кивнул Ашарху, будто они были давно знакомы.

– Во дворце сотни комнат и залов. Как ты узнал, что я буду именно в библиотеке? – с подозрением поинтересовалась девушка, поворачиваясь к вошедшему.

– Ты всегда пряталась здесь в детстве от матери и сестры, когда они обижали тебя.

– Откуда ты знаешь? – с удивлением спросила Лантея, не ожидавшая такого ответа.

– Они каждый раз отправляли меня на твои поиски, – признался Манс, склонив голову набок, и грустная улыбка тронула его губы. – Но я так и не раскрыл им, что твое убежище было среди книг.

Сестра судорожно сглотнула, последние слова брата ее насторожили.

– То, что произошло сегодня на городских слушаниях – это заранее подготовленное выступление, – негромко добавил юноша, вставая во главе стола, за которым сидели профессор и девушка. – Надеюсь, ты понимаешь это.

– Глупо было бы предполагать, что моя мать позволит проронить мне хоть слово перед общественностью, учитывая мои намерения, – буркнула Лантея и скрестила руки на груди.

– И что ты теперь намерена делать? Без успешного прохождения обоих испытаний достучаться до членов собрания больше никак не выйдет...

– Значит, я пройду оба испытания, – твердо проговорила она.

– В твои силы я не сомневаюсь, сестра. Но что будет с чужаком?

Юноша перевел взгляд серых глаз на молчавшего профессора, который, не подозревая о чем шла беседа между родственниками, мог лишь беспомощно наблюдать за происходившим.

– Манс, это не твоего ума дело, – несколько грубо ответила Лантея.

– Все еще мне не доверяешь? – разочарованно выдохнул брат. – Носишь мой нож на поясе, но до сих пор боишься, что мои намерения враждебны?

– Не пойми меня неправильно, но...

– Я никогда не причинил бы зло тебе или тем, кто тебе дорог, сестра, – прервал девушку Манс и склонился ближе к ее лицу, прожигая серьезным взглядом серых глаз. – У тебя сейчас нет лишнего времени и нет никакой возможности обратить всю эту ситуацию в свою пользу.

– На что ты намекаешь? – спросила Лантея и немного отстранилась.

Неопределенно хмыкнув, юноша развернулся и, громко щелкая бусинами костяных четок, принялся ходить кругами вокруг стола.

– Если ты уйдешь на испытания, то чужак останется без защиты, – произнес он. – Я правильно понимаю?

– Допустим.

– А для твоих целей этот чужеземец весьма важен. Чем непременно воспользуются мать и Мериона, – Манс не спрашивал, он утверждал, прекрасно понимая, насколько прав.

Лантея явственно замялась, заерзав на неудобной каменной лавке. Если даже ее юный брат понимал всю сложившуюся ситуацию с невероятной ясностью, то предположения девушки с каждой минутой обрастали все большей правдоподобностью.

– Ты не можешь отрицать тот факт, что чужак не проживет и дня в Бархане без защиты. И пока ты будешь отсутствовать на испытаниях, за ним некому будет приглядывать, – настойчиво продолжал Манс, в который раз проходя мимо сестры, пребывавшей в глубокой задумчивости.

– Озвучь уже свою мысль, брат, – сдалась Лантея.

Замерев на месте, юноша повернулся к ней. На его серьезном лице не было написано ничего, кроме мрачной решимости. Крепко сжав пальцами свои костяные четки, обвязанные вокруг запястья, он заговорил:

– Я отдал тебе власть над собой, подарил верность, облеченную в форму клинка. Почему же тогда, моя мудрая сестра, ты не хочешь воспользоваться своим оружием, чтобы защитить то, что так дорого твоему сердцу?..

Лантея молчала, поджав губы и не смотря на брата. Она размышляла над его словами и пыталась просчитать все возможные риски, а их было немало.

– Если ты сама не примешь такое решения, то это сделаю я, – настаивал Манс. – Пока ты будешь завоевывать милость богини, чужак останется под моей защитой!..

– И ты отважишься так открыто пойти против матери, если она вдруг решит избавиться от него?! – неожиданно вскрикнула девушка. – Подумай, брат! Хватит ли тебе самообладания поднять руку на главу твоей семьи, на правительницу твоего города?

– Если это поможет тебе в достижении цели, то да.

– Она сотрет тебя в пыль! Растопчет и не заметит...

– Это неважно. Важно то, что я послужу на благо достойной цели!

Лантея в ярости ударила кулаками по столу, из-за чего профессор вздрогнул, не понимая причины ее гнева. Несколько мгновений она сидела без движения, играя желваками, а после одним резким движением поднялась с лавки и приблизилась к брату, нервно щелкавшему бусинами своих четок.

– Пусть будет так, – чеканя слова, проговорила она.

– Ты согласна, чтобы я присмотрел за чужаком? – переспросил юноша, а в его глазах мелькнул детский восторг.

– Ты защитишь Ашарха, пока я буду проходить испытания, – растягивая звуки, произнесла сосредоточенная девушка. – Он не знает ни изгона, ни местных законов. И, похоже, у меня совершенно не остается выбора. Сейчас я могу доверить его лишь тебе... Ведь ты не подведешь меня, брат?

– Я сделаю все, что требуется! – взволнованно заверил Манс. – Клянусь богиней, я буду с ним днем и ночью и не пожалею собственной жизни, чтобы его защитить! Ты можешь рассчитывать на меня! Сестра!.. Спасибо!

Лантея, удовлетворенная услышанным ответом, кивнула. Пока что, это было единственное, что она могла сделать. Смутное доверие к брату, рискнувшему оставить в залог преданности собственную жизнь, все еще тревожило ее, но интуиция девушку никогда не подводила. И теперь ее внутренний голос уверял, что на Манса можно было положиться, пусть и с оговорками.

Не теряя времени, Лантея попросила лучившегося радостью юношу сходить в центральную часть дворца и позвать одну из прислужниц, чтобы девушка могла уладить все вопросы, связанные с подготовкой к ее первому испытанию. Как только брат покинул библиотеку и за ним захлопнулись стеклянные двери, хетай-ра вернулась за стол к профессору и быстро начала говорить.

– Это мой младший брат Манс. Он приходил, чтобы пред-

ложить свою помощь. И мне пришлось ее принять... Молчи и слушай! – воскликнула девушка, заметив, что преподаватель собирался что-то сказать. – Я сама понимаю, как все это подозрительно выглядит. Мать не наивна, она должна осознавать, что мне не с кем будет оставить тебя в Бархане, поэтому вполне могла подослать моего брата. Но у меня также есть основания, чтобы рискнуть и поверить его словам... Тем более что за столь краткий срок – это самый лучший вариант, что я могу найти. Так как мне придется выйти на первое испытание уже послезавтра утром, чтобы не терять времени.

Лантея замолчала, переводя дыхание. Ашарх, разрывавшийся от терзавших его вопросов, все же решил подождать, пока хетай-ра закончит свою речь.

– Я не исключаю такого варианта, что не смогу выжить на испытаниях. Поэтому, если меня не будет больше двух недель, то тебе придется бежать из Бархана своими силами, иначе тебя ждет верная смерть. Если она, конечно, не достигнет тебя в ближайшее время, – не очень оптимистично добавила девушка. – Брат обещал помогать тебе. Но, Аш, не верь своим глазам и ушам, мы с тобой в сердце змеинового логова, здесь доверие – яд на клыках сильнейших. Если ты поймешь, что тебе угрожает опасность, то беги в любое открытое мольбище, там никто не посмеет совершить убийство...

Торопливо сняв с пояса один из своих костяных ножей, хетай-ра протянула его спутнику.

– Есть и другой вариант. Возьми этот нож. Он смазан сильным ядом. Один порез убьет за считанные мгновения того, кто посягнет на твою жизнь. Будь то посланник моей матери или мой собственный брат. Я только прошу тебя... Не сомневайся.

Обескураженный всем услышанным, Ашарх неуверенно протянул руку и забрал ножны с клинком.

– Прости меня... Я втянула тебя во все это. А теперь твоя жизнь находится в опасности, и я даже не смогу быть рядом и защитить тебя, – прошептала девушка, едва уловимо дотронувшись до запястья мужчины.

– Ты сделала все, что могла. Теперь просто пройди эти испытания, а я пока постараюсь выжить, – серьезно проговорил профессор, пряча оружие под одеждой.

Через пару минут в библиотеку вернулся Манс, по-прежнему пышущий довольством, а за ним послушно следовала одна из прислужниц дворца, потупив взгляд. Лантея отвела ее в сторону и потратила какое-то время отдавая приказы, связанные со своим скорейшим уходом из города, и надиктовывая короткие послания для канцлера и матриарха, а после нетерпеливым жестом отправила служанку выполнять поручения.

Присоединившись вскоре к мужчинам, молча сидевшим за столом напротив друг друга, девушка серьезно задумалась над тем, как ей можно было наладить контакт между братом и профессором, учитывая, что языки друг друга они совер-

шенно не понимали.

– Я боюсь, что изучить основы изгона за несколько дней мне не удастся при всем желании, – поделился своими размышлениями с Лантеей Ашарх.

– Ты не сумеешь привыкнуть к шипящему произношению нашего языка и уж тем более повторить его звуки, тут даже сомнений нет... Нам следует составить для вас обоих какой-то словарик с элементарными фразами, чтобы вы могли понимать друг друга, – тяжело вздохнула девушка, придвигая к себе стопку пергамента и стеклянный стилос с чернильницей.

Пока Лантея вместе с братом практически целый час занималась составлением краткого списка фраз на обоих языках, профессор, особенная надобность в котором отсутствовала, медленно бродил по библиотеке и изучал корешки ветхих книг, иногда раскрывая древние кодексы, от которых так и веяло стариной и историей. Конечно, он не мог понять в них ни единого иероглифа, а иллюминированные манускрипты встречались довольно редко и обыкновенно представляли собой от руки нарисованные эмблемы, символы или уродливые изображения всяких зверей, поэтому скоро Аш нашел полки с древними картами и решил посвятить время именно их изучению.

Здесь лежали тяжелые свитки с картами звездного неба, где каждое созвездие и планета были аккуратно подписаны вязью витых иероглифов, на некоторых пергаментах просту-

пали выцветшие полосы чертежей различных архитектурных строений, а другие карты отображали пустынный рельеф или же планы подземных пещер. На одном из свитков преподаватель обнаружил схему странного города хетай-ра, который, согласно карте, уходил под песок на девять огромных уровней, закручивавшихся гигантской воронкой. Каждый этаж отводился под определенный тип строений, назначение многих из которых было ясно даже без подписей. Так, например, исполинский дворец, весьма напоминавший здание, в котором сейчас находился Ашарх и члены семьи матриарха, располагался на восьмом уровне, а на седьмом высилась колоссальная статуя старухи, державшей на руках младенца – тот самый образ, который должно часто встречался профессору на фресках и гобеленах Третьего Бархана.

Манс незаметно и совершенно бесшумно подошел к Ашарху со спины и заглянул через его плечо в карту, чем испугал профессора не на шутку. Хетай-ра улыбнулся и указал пальцем на пергамент.

– Girtarion! – с благоговением в голосе произнес юноша на изегоне.

Преподаватель озадаченно нахмурил брови, копаясь в собственной памяти. «Гиртарион». Это слово было ему откуда-то знакомо, он определенно слышал его уже не первый раз, но вспомнить ничего конкретного не мог. Поняв, что Манс вряд ли сможет ему с этим помочь, Аш решительно направился за объяснениями к сосредоточенно работавшей

над словарем девушке.

– Гиртарион? – переспросила Лантея, подняв голову. – Это город-колыбель. Первый и самый величественный город хетай-ра. Когда-то я рассказывала тебе о нем... Помнишь предание о Роксуни, змее, спасшей матриарха Гиртариона от покушения?

Дождавшись утвердительного кивка профессора, она продолжила, вновь вернувшись к работе:

– По легенде, жителям пришлось уничтожить весь город, когда они не смогли сдержать массовое нападение ингур. Именно после этого выжившие разошлись в разные стороны по подземным тоннелям и образовали первые четыре Бархана. А местонахождение засыпанного Гиртариона потерялось в веках, что стало настоящей трагедией для нашей цивилизации, ведь там хранились великие скрижали с законами, которые Эван'Лин оставила своим детям перед уходом.

Ашарх почувствовал воодушевление, которое всегда на него находило при встрече с новой, ранее не слышанной легендой. Видя заинтересованность спутника, Лантея попросила брата отыскать остальные старинные карты Гиртариона в библиотеке. И профессор еще несколько часов просидел над полученными сокровищами, изучая каждую черточку на пергаменте и постоянно прося девушку перевести тот или иной иероглиф. Только когда она наконец закончила свой кропотливый труд по составлению словаря, Аш ненадолго отвлекся от свитков.

Теперь, чтобы сообщить о своем желании сходить на горячие источники или, например, поесть, преподавателю было достаточно указать на нужную фразу в словарице, где напротив залмарских слов рукой девушки были аккуратно выведены иероглифы. Это, несомненно, облегчило жизнь как Манса, так и профессора, хоть такой способ и казался весьма скудной заменой настоящему живому общению. И все же словарь оставался лучшим вариантом, который Лантея могла придумать в столь сжатые сроки.

Какое-то время она пыталась научить брата некоторым простейшим словам на залмарском, тот даже усердно записывал транскрипции на клочке пергамента, но успехи его пока что были откровенно слабыми, поскольку никогда раньше он не сталкивался с иными языками. Лантея хотела привлечь к обучению и Ашарха, однако он был так погружен с головой в легенду о Гиртарионе, водя пальцами по чертежам города, сваленным перед ним в кучу, что постоянно отвлекался и по большей части не сильно слушал призывы спутницы.

Вскоре девушка, утомленная за день всем произошедшим, предложила продолжить уже утром. Их скромное собрание подошло к концу, и компаньоны разошлись по своим комнатам, терзаемые самыми противоречивыми мыслями и тревогами.

Весь следующий день прошел в мелких заботах и волнении, которое от Лантеи передавалось не только профессору, но и Мансу, не отходившему теперь от своего подопечного

ни на шаг. Новость о том, что младшая дочь матриарха в скорейшем времени отправится на испытание светом, облетела весь город за одну ночь. И теперь во дворце постоянно то и дело встречались важные матроны, участницы городских слушаний, которые норовили пересечься где-нибудь с Лантеей и передать ей свои наставления или пожелания, уверенные в том, что молодая особа нуждается в их опыте или же словах поддержки. Девушка отчаянно избегала этих встреч, но знатные особы все равно ее находили: вылавливали в переплетениях коридоров, посылали прислужниц с записками или же вторгались в опочивальню без всякого стеснения.

В конечном итоге Лантее пришлось скрыться от преследователей в личной библиотеке матриарха, забрав с собой и профессора с братом. В приглушенном свете фонарей девушка до самого вечера обучала Манса тонкостям залмарского языка, стараясь в сжатые сроки наполнить его голову как можно большим количеством слов и простейших фраз. Объяснять построение предложений, особенности произношения некоторых звуков или же склонения хетай-ра даже не стала. Все сводилось к достаточно простой методике: она диктовала слова, а брат записывал их транскрипции и перевод, стараясь иногда подражать звучанию. Он терпеливо и усердно повторял за сестрой фразы, надеясь добиться ее похвалы или хотя бы улыбки. Но сосредоточенная Лантея, отрешенно надиктовывавшая слова, мало на что обращала внимание: ее волновало лишь предстоявшее испытание и

безопасность верного спутника.

Профессор тоже не терял времени даром, погруженный в изучение библиотечных ценностей. Сперва ему в руки попала толстая книга, исчерченная таблицами и цифровыми значениями, которая оказалась рукописным календарем двухсотлетней давности. Чернильные миниатюры и заставки, в которых нашли отражение все циклы промысловых работ Бархана, связанных с разведением скота, растениеводством и сбором урожая в пещерах, пояснили для Ашарха гораздо больше, чем он предполагал изначально, когда только взял в руки манускрипт. Так стало ясно, что летоисчисление хетай-ра отличалось от принятого в Залмар-Афи. В частности из-за того, что жители пустынь имели тринадцать месяцев в году по двадцать семь дней в каждом.

Следующим заинтересовавшим профессора кодексом с потрепанными страницами, вылетавшими из переплета от одного только прикосновения, оказалась энциклопедия по ботанике, где, помимо вкладок с засушенными растениями, было множество рукописных зарисовок мхов, лишайников и грибов, которые водились в пещерных системах хетай-ра. Изучив все разнообразие растительного мира пустынь по подробным иллюстрациям, Ашарх все же вернулся к стеллажу с картами, ознакомление с которым он начал прошлым вечером. Теперь ему на глаза попала связка свитков, где тщательным образом оказался изображен рельеф отдельных областей пустынь Асвен, со всеми подземными реками, озе-

рами и пещерами. Сопоставляя их с картами Барханов и в том числе Гиртариона, преподаватель пытался систематизировать для себя строение системы воздухопроводов в полисах, а также изучить множественные протяженные лабиринты вроде Диких тоннелей, соединявшие некоторые из городов пустынных жителей.

По своим комнатам троица разошлась ближе к полуночи, еще до того, как стражи времени оповестили город о новой фазе суток. Манс тем же вечером переехал в спальню к своему подопечному, выплавив с помощью песка и магии для себя отдельную кровать у самого входа. Неожиданное соседство несколько смутило профессора, но задумка юноши была предельно ясна. Если Ашарху действительно угрожала опасность, то лучше, чтобы верный охранник всегда находился рядом. С другой стороны, если Манс оказался бы предателем, как допускала Лантея, то профессор вряд ли успел бы убежать или дать отпор.

Из-за этих мыслей мужчина ворочался всю ночь, обеспокоенно прислушиваясь к любому шороху в комнате и то и дело сжимая под подушкой рукоять отравленного ножа.

Пробуждение было ранним, даже по меркам самой Лантеи, которая не имела обыкновения долго спать. Стражи времени еще не разбудили город, и весь Бархан пребывал в сладкой дреме. И лишь младшая дочь матриарха, проклиная испытания, традиции и волю своей венценосной матери, го-

товилась к отправлению в пустыни. Подобрал подходящую одежду – свободную рубаху в пол и длинный светлый плащ с капюшоном, – Лантея обмотала голову платком, оставив угол ткани, чтобы им можно было закрыть лицо до глаз, когда она выйдет на поверхность. Мягкие тканевые сапоги до самых колен и митенки для защиты рук – девушка в волнении проверяла свою экипировку по несколько раз, опасаясь, что могла о чем-то позабыть. Стеклообразный нож Манса удобно устроился на поясе, служа постоянным напоминанием о клятве верности брата. И теперь можно было отправляться на рыночную площадь, где ее должны были проводить на испытание.

Дворец выглядел вымершим: тихие коридоры с тусклыми фонарями, где помимо утомленных стражей, несших ночную смену, не было ни единой души. Бесшумно скользя вдоль длинных проходов, Лантея издали услышала разговор на повышенных тонах, раздававшийся с центральной лестницы дворца, связывавший корпуса здания. Два голоса, мужской и женский, о чем-то яростно спорили, а эхо разносило каждое их слово по этажам и ближайшим залам. Кто мог в такое раннее время позволить себе шуметь во дворце?

Нахмурившись и тихо шагнув на верхнюю площадку, откуда открывался вид не только на саму лестницу, но и на весь холл, девушка сразу же заметила две фигуры, застывшие напротив друг друга. Ее старшая сестра Мериона, облаченная в свой излюбленный охотничий наряд с мантией, застегну-

той тяжеловесной фибулой в виде змеи, и с топориком на поясе отчаянно спорила с Бартелином, одетым в привычную сыромятную броню и желтый плащ. Оба они были на взводе, разгоряченные злобой и напряженные, как натянутая тетива. Разговор явно был не из приятных и продолжался уже долго, судя по красным лицам.

– Ты не можешь знать это наверняка! – кричала Мериона.

– Мои глаза и уши повсюду, – жестко ответил Бартелин, и его покрытое татуировками лицо скривилось. – Не надо сомневаться в моих вестниках!

– Но это же полнейшая глупость... Как такое вообще могло произойти?..

– Важно другое. Это игра за моей спиной, я терпеть не могу подобное! – сказал муж матриарха. Он, держа руку на своем кожаном поясе, так крепко сжал пальцы, что щелкнули суставы.

– Но ведь конкретного ответа не было. Все еще в силе!.. – с надеждой произнесла женщина, нервно потеряв свою левую мочку.

– О дальнейшем ожидании не может быть и речи. Мое доверие исчерпано, – бросил Бартелин. – Я пошлю Харши, и это будет лучшим выходом из ситуации...

Неожиданно Мериона скользнула взглядом по верхним этажам холла, будто почувствовав, как кто-то молча наблюдал за спорящей парой, и остановилась на Лантее, облокотившейся на парапет балюстрады и с интересом прислуши-

вавшейся к оживленной беседе.

– Сестра! – окликнула ее Мериона, прищулив свои большие подведенные глаза, от чего стала еще больше похожа на песчаную эфу, приготовившуюся к прыжку.

– Я помешала вашему разговору. Простите, – лукаво хмыкнула Лантея и медленно начала спускаться по ступеням. – И что же или кто послужил причиной для такого спора?

– Не твоего ума дело! – Мериона скрестила руки на груди.

– Это была пустая болтовня, – резко сказал, как отрезал, Бартелин. – А теперь моей старшей дочери пора поспешить на рыночную площадь к началу церемонии, не так ли?..

– Но я...

– Иди вперед, Мериона, – грубо прикрикнул муж матриарха и одарил собеседницу красноречивым взглядом. – А я сам провожу Лантеялианну и побеседую с ней. Как отец с дочерью.

Старшая сестра откровенно замаялась, но через мгновение все же кивнула Бартелину и поспешила к выходу из дворцовых залов, вняв его намеку. А вот Лантея, сосредоточенная и хладнокровная как никогда, спустилась на лестничную площадку и приблизилась к отцу. Его высокая татуированная фигура в слабом сиянии светлячков выглядела пугающе и достаточно грозно, а ощущение непередаваемой опасности, что расходились от воина кругами, чувствовала даже Лантея, внутренне боясь этой силы. Тем более что она была одной из

тех немногих, кто прекрасно знал жестокий нрав Бартелина и видел, с какой непоколебимостью он пытал пленных и преступников, а после вел их на казнь. Это был беспощадный хетай-ра, лишенный какого-либо сострадания и мыслящий лишь об одном – предупредить и устранить любую угрозу, которая могла навредить матриарху, его путеводной звезде.

– Ты готова пройти первое испытание? – спросил воин, пристроившись по правую сторону от Лантеи, не предложив ей руку и даже не касаясь ее краем своей одежды.

Они оба двинулись прочь из дворца, пересекли холл с центральной лестницей, прошли насквозь пустовавший тронный зал и покинули здание. И лишь тогда Лантея решила ответить на вопрос.

– Да. Я готова.

– Твоя уверенность в собственных силах по-прежнему непоколебима, – усмехнулся отец. – Она поможет тебе выжить в пустынях. Но приведет к проблемам в Бархане.

– О чем ты говоришь, Бартелин? – спросила девушка, окинув взглядом мрачную фигуру мужчины, размеренно шагавшего рядом с ней.

– На городских слушаниях то, что ты успела сказать собранию, звучало, как невыносимая глупость. Я даже поверить не мог, что ты способна увериться в правильности такого вопиющего поступка, как открытие Бархана для чужака.

– Мне без разницы, что ты считаешь по этому поводу, – холодно ответила Лантея.

– Матриарх проявила свою несравненную мудрость. Ее решение было обоснованным и единственно верным, – тем не менее продолжил говорить воин.

– А для тебя любое решение матери будет мудрым и верным? – с нескрываемым раздражением поинтересовалась девушка. – Даже если она прикажет, например, избавиться от меня?

– Если матриарх прикажет, я исполню ее волю. Потому что необдуманных решений от Гиселлы не было и не будет никогда.

Бартелин бросил на дочь взгляд, полный непоколебимости. Они вдвоем в одиночестве шагали по пустынному главному коридору Бархана, разгоняя тишину отзвуками своей беседы.

– Предстоящие испытания должны очистить твою голову от безумия, чтобы ты наконец осознала, что Бархану не нужны никакие перемены, – жестко припечатал отец.

– Перемены – путь к прогрессу!

– Порядки и традиции нашего общества – это проверенная временем сила, это фундамент Барханов. А ты, Лантеялианна, намерена этот фундамент разрушить, лишить пустынный народ твердой почвы под ногами. И что предложить нам взамен, а? Пугающую темноту безвестности?

– Наш народ гниет под песками две с половиной тысячи лет, и ты до сих пор уверен, что любая попытка улучшить уровень жизни хетай-ра приведет к краху? – фыркнула Лан-

тея, а ее тонкие брови изогнулись.

– Ты не слышишь то, что я тебе говорю, – с досадой произнес Бартелин, покачав головой. – Барханы должны оставаться под песком. За столько веков наш народ стал лишь сильнее, привык к жизни под пустынями и подчинил себе природу вокруг, изменил под себя.

– А на поверхности и не придется ничего менять.

– Ты еще слишком молода и неопытна, Лантеялианна. Ты не понимаешь последствий, которые повлечет за собой твое решение, – спокойно ответил отец. – Вот только расплачиваться за твою глупость придется другим – тем, кто наслушается твоих бредовых идей и покинет свой дом.

– Это будет их личный выбор. Я никого принуждать не собираюсь.

– А никто все равно не позволит тебе осуществить задуманное. Ради общего же блага.

Последняя фраза Бартелина была сказана угрожающе мягко и оттого прозвучала как предостережение. Лантея не стала еще больше злить своего отца и лишь ускорила шаг. Через некоторое время главный коридор стал идти чуть в гору под едва заметным наклоном, и вдалеке уже показалась массивная арка, ведущая на рыночную площадь.

Едва девушка и Бартелин шагнули под купольный свод пещеры, как в этот самый момент по всему подземному полису пронесся звук ударов в тамтамы. Эхо мгновенно подхватило шум и унесло его под стеклянный потолок, равномерно рас-

пространяя вибрации по всей зале.

Круглая площадь была непривычно пуста и молчалива: жители Бархана еще только начинали просыпаться, а ресторанные дома и лавки стояли с закрытыми ставнями. Лишь в самом центре, ближе к резервуару с зыбучими песками, теснилась небольшая группа хетай-ра: разряженные участницы городских слушаний и служители мольбищ в неброских мешковатых рубахах чинно беседовали друг с другом и лениво обмахивались веерами. На небольшом отдалении, гордо задрав подбородок, застыла матриарх в торжественном одеянии из зеленого шелка и с легкой кружевной вуалью, закрывавшей лицо, а по правую руку от нее со скучающим видом стояла Мериона, успевшая гораздо раньше сестры и отца прийти на площадь. Несколько отрядов стражи, рассредоточившись по всей свободной территории, медленно прохаживались вдоль запертых зданий, наблюдая за порядком.

Не успела Лантея даже приблизиться к своей матери, как со стороны входа послышался приближавшийся звук бега. Частые шаги отражались эхом от стен пустынного коридора, и вскоре в арочном проеме появились запыхавшиеся фигуры Ашарха и Манса, которые, судя по их растрепанному виду, собирались в спешке и бежали от самого дворца. Профессор едва мог дышать от такого темпа, и его кашель сразу же дал знать о себе.

Мужчины первым же делом подошли к матриарху и же-

стом выразили уважение правительнице, получив от нее бесстрастный кивок, и лишь после этого они приблизились к задумчивой Лантее, вставшей по левую руку от матери на небольшом отдалении. Брат обменялся с ней парой фраз полупрошептом, и только потом преподаватель подал голос:

– Что сейчас происходит? Мне Манс ничего толком не смог объяснить.

– Это проводы на испытание, – ответила сосредоточенная и серьезная девушка. – Сейчас начнется небольшая церемония.

– Нервничаешь?

Профессор окинул собеседницу обеспокоенным взглядом. Губы ее были сжаты, а в глазах читалась решимость вперемешку с тревогой. Хетай-ра поправила плащ и повернула голову в сторону спутника, легко ему улыбнувшись.

– Скорее, волнуюсь, что с тобой что-то случится в мое отсутствие.

– Я буду осторожен и внимателен, – заверил Лантею преподаватель.

Свита высокопоставленных женщин Бархана оживилась. Их шепот понемногу стих, матроны замолчали, и все, как одна, выжидательно повернулись к матриарху. Правительница медленно вышла на несколько шагов вперед, чтобы ее лучше было видно, откинула вуаль с лица и сложила руки в замок на животе. Она подождала, когда воцарится абсолютная тишина, а Бартелин и Мериона займут положение прямо за ее

спиной, и лишь после этого торжественно заговорила:

– В этот благословенный день я рада проводить свою младшую дочь Лантеялианну на ее первое испытание зрелости – испытание светом, – поставленным звучным голосом проговорила властительница Бархана.

Послышались сдержанные аплодисменты присутствовавших. Из окружающих домов понемногу начали появляться проснувшиеся жители города. Некоторые открывали свои лавки, другие же, привлеченные происходившим, подходили ближе к матриарху и прислушивались.

Мериона в сопровождении одной из прислужниц не отходила далеко от матери, равнодушно изучая небольшую толпу. Она скользила взглядом по лицам собравшихся, пока не остановилась на Ашархе. И в эту секунду профессор готов был поклясться, что увидел нечто змеиное в ее облике. Но наваждение быстро сгинуло, а Мериона перевела взгляд дальше.

– Будь же храброй, моя дочь. Пусть жар солнца и ветра пустынь не сломят тебя. Продолжай идти, даже когда силы закончатся. Найди и принеси домой цветок пустыни, – правительница говорила все это для народа, но ее глаза были направлены только на Лантею. – Как и положено по обряду, ты возьмешь с собой лишь воду и нож.

Мериона забрала из рук своей верной прислужницы Дайвы небольшой кожаный бурдюк и простой костяной нож. Она приблизилась к сестре и протянула ей необходимые вещи.

– Я возьму свой клинок, – сказала, как отрезала, Лантея, забирая только бурдюк. – С разрешения матриарха, конечно.

Девушка вопросительно посмотрела на правительницу, указывая на зеленоватый стеклянный нож, подаренный недавно братом и висевший у нее на поясе. Мать величественно кивнула. Мериона же только хмыкнула, окинув внимательным взглядом рукоять оружия, будто знала, чье имя было на ней высечено, и вернулась на свое место по правую руку от матриарха, даже не пожелав сестре удачи.

После этого служители двух мольбищ в белых и серых одеяниях по очереди окурили чашами с дымящимися травами отправлявшуюся на испытание хетай-ра. Они бормотали молитвы и призывали богиню одарить Лантею своей милостью, обрызгивая девушку каплями воды из стеклянных кубков с помощью крупных кистей, перевязанных темными лентами. Едва жрецы закончили свои обряды, как матриарх продолжила:

– Ступай же, Лантеялианна. заслужи благословение Эван'Лин, добудь цветок и вернись домой с победой. Помни о том, кто ты есть. Докажи, что ты достойная дочь правительницы Третьего Бархана!

Мать вскинула руки над головой. Складки ее одеяния волнами спадали к ногам, по шелковой ткани метались неяркие отблески света, испускаемого грибами и светлячками, и этот калейдоскоп цветных бликов завораживал всех хетай-ра. Присутствовавшие, которых стало гораздо больше на

площади с начала церемонии, встретили последние слова властительницы бурным ликованием.

Лантея быстро стиснула ладонь Аша на прощание, кивнула брату и двинулась сквозь толпу к покатой рампе, ведущей наверх. Девушка долго поднималась по ней, ни разу даже не оглянувшись на раскинувшийся внизу город – так расставаться с домом было куда проще. Все провожали ее молчанием, никто не шептался и не уходил, пока маленькая фигурка не прошла сквозь стеклянный купол. На мгновение открывшийся проход мигнул ярким солнечным светом и сразу же закрылся обратно, вновь погрузив всю рыночную площадь в полумрак.

Профессор почувствовал, как беспокойство за судьбу спутницы охватило его душу беспросветной мглой, свернувшись где-то под сердцем маленькой скользкой змеей.

Глава пятая.

Да не ослепит свет

Секта тхаги поклоняется ночному облику Многоликой Матери, облику запретному и во многом таинственному. На их изображениях Эван'Лин скрыта под покрывалом, дабы тхаги не могли наблюдать за ее ночным преобразованием, а богиня не видела темные дела, что свершает секта после захода солнца. Они известные душиители, и их мастерство очень востребовано по всех полисах: важно не поску-

питься, и тогда тхаги беспрекословно устраняют любого хетай-ра, затянув на его шею свой карминовый платок.

Убийца Беаранта «Холодная длань»

Сразу же после закрытия прохода Манс взял профессора за запястье и кивнул в сторону выхода из круглой пещеры. Ашарх достал словарь, написанный Лантеей вечером, и отыскал в нем строку «Горячие источники», но сын матриарха только отрицательно покачал головой.

– Ewan’Lin, – четко проговорил юноша и снял с пояса небольшие песочные часы.

Преподаватель вспомнил, что иногда видел свою спутницу как раз с похожими часами, когда она обращалась к богине. Видимо, в Бархане наступило время для утренней молитвы.

Манс нырнул в темноту главного коридора и через четверть часа действительно привел своего подопечного в мольбище Младенца, которое находилось в соседней от дворцовой залы пещере. Во время первой прогулки по Бархану девушка так и не показала это место профессору, сославшись на то, что храм хетай-ра обычно был заполнен народом с утра, но Манса это, видимо, никак не останавливало.

Здание мольбища оказалось очень неброско оформлено снаружи – голые шершавые стены, грубо прорезанные в толще камня окна и плоская крыша. В отличие от дворца, здесь отсутствовали резные рельефы, скульптуры или балкончи-

ки, да и само строение было совсем невысоким, одноэтажным. Ашарх сразу же вспомнил, как величественно и богато украшали храмы в Залмар-Афи. Там, чем крупнее было здание и роскошнее внутреннее убранство, тем сильнее, считалось, верующие выражали свою любовь к богу.

Когда Манс завел своего спутника внутрь мольбища, то преподаватель не почувствовал в этом месте ни святости, ни религиозного трепета. Сероватые стены были покрыты древними фресками, где везде мелькало изображение уродливого младенца и высохшей старой женщины. Лицо богини смотрело на верующих сурово и холодно. Само же помещение казалось тесным, а низкий потолок словно давил на голову. На полу недвижимыми фигурами замерли молившиеся хетай-ра в земном поклоне. Перед каждым из них стояли маленькие песочные часы, которые отмеряли время. Как только песок заканчивал сыпаться, то жители поднимались на ноги и молча уходили из мольбища.

Ашарх встал у стены, почти у самого выхода, чтобы никому не мешать, пока Манс молился. Часы отмеряли всего несколько минут, которых, видимо, должно было хватить, чтобы восславить Эван'Лин и попросить ее о милости. Профессор неуютно чувствовал себя в этом месте. С одной стороны, ему было неудобно, что он зашел в храм чужого божества и просто празднично осматривался в нем. С другой стороны, в свои годы преподаватель еще не нашел ни единого подтверждения существования бога или хотя бы намека на

присутствие божественного замысла в своей жизни, а поэтому весьма скептически стал относиться к любой религии. Он давно понял, что мир наводнен жестокостью и несправедливостью, которую не останавливали ни молитвы, ни жертвоприношения, ни походы в храм. Значит, боги или не хотели, или не могли все это остановить. Либо их никогда и не существовало.

Скоро Манс закончил молитву, и спутники в молчании покинули тесное мольбище, куда постепенно прибывало все больше и больше хетай-ра. Город понемногу просыпался, и его жители перед началом рабочего дня спешили восславить свою богиню, разрозненными потоками стекаясь в храм из Муравейника или с рыночной площади.

Юноша, сверившись со своими записями, сразу же уточнил, было ли у Аша еще желание посетить источники. Получив утвердительный ответ, Манс повел своего подопечного в пещеру с озером, по пути заскочив во дворец и захватив вещи для купания.

Горячая вода сняла напряжение последнего дня, и, Аш, чувствуя, как расслаблялось его тело в теплых потоках, поймал себя на мысли, что так легко можно было привыкнуть к подобной роскошной жизни. Есть деликатесы в дорогих ресторанах, каждый день купаться в горячих источниках, проживать во дворце и ни о чем не заботиться. Лантея ведь предлагала ему подобный шанс – остаться с ней в Бархане, помочь воплотить в жизнь ее планы и не знать больше проблем,

доверившись дочери матриарха. И что-то безмерно притягательное было в этих сладких мечтах.

В этой части города так рано утром жителей практически не было, и мужской берег пустовал. Распаренный и ослабленный профессор невольно подумал о том, что это был крайне удачный момент и место для того, чтобы его утопили. Свидетелей не было, да и плавать Ашарх не умел. Если кто-то хотел избавиться от пособника Лантеи, то действовать стоило именно сейчас. Но Манс, за которым преподаватель исподтишка следил из-под полуприкрытых век, вел себя на удивление спокойно и даже дружески, пытаясь, напротив, хоть как-либо наладить контакт с человеком, к которому его приставила сестра, а вовсе не убить его.

Однако языковой барьер все еще оставался серьезной проблемой, которая заботила обоих мужчин. Они не могли сказать друг другу ни единой фразы, даже самой элементарной, без словарика или десятка разнообразных жестов, а постоянное молчание беспокоило их обоих. В итоге после горячих ванн профессор решил взять инициативу в свои руки и попросил провести его в личную библиотеку матриарха.

Как только они вновь оказались в этом тихом, наполненном особой атмосферой месте, Ашарх тотчас же принялся за обучение своего спутника залмарскому языку. Профессор решил для себя, что будь тот хоть его верным охранником, хоть подлым убийцей, но он все равно займется образованием этого юноши. Времени из-за отсутствия Лантеи было

предостаточно, а безделье и неимение хоть какого-либо собеседника его тяготило. Так почему бы Ашу было не вспомнить о своих преподавательских навыках и не принять этот своеобразный вызов его профессионализму?

Большую часть дня мужчины провели в библиотеке. Пару раз Манс бегал на дворцовую кухню за напитками и лишайниковыми лепешками, хотя профессора уже начинало тошнить от этого горьковатого блюда. Залмарский язык давался брату Лантеи непросто, но юноша старался изо всех сил, и Ашарху было приятно видеть это стремление приобщиться к знаниям, поэтому и он не собирался отступать. Весь крохотный центральный столик библиотеки был завален грудями исписанных пергаментных листов, но дело двигалось медленно. Конечно, самые большие трудности возникали с произношением: у Манса совершенно не получалось повторять звуки, которых не было в его языке. Зато шипение постоянно проскальзывало в каждом слове.

Сложнее всего для Аша же оказалось объяснять значения слов и саму их структуру, поскольку пустынный народ с самого начала веков использовал лишь иероглифы. Сначала профессор пытался жестами описывать предметы, о которых говорил, но после столкнулся с абстрактными понятиями, где не помогали даже простенькие иллюстрации. Манс вскоре тоже заметил это досадное затруднение в обучении, а потому жестами попросил профессора подождать и ушел из библиотеки. Вернулся он с толстой потрепанной книгой

на изгоне, из которой торчало огромное количество листов и закладок, углы ее были потерты, а обложка частично отсутствовала, словно кто-то со злости поглумился над этим манускриптом.

Однако когда преподаватель открыл принесенную Мансом книгу, то понял, насколько в действительности была ценна эта вещь. Даже несмотря на то, что все свободное место каждой страницы было исписано или изрисовано беспорядочными заметками, Ашарх догадался, что начало монументального труда представляло собой подобие букваря. К небольшим, но понятным рисункам вели стрелки и были подписаны крупные отдельные иероглифы. Полистав ветхий том дальше, профессор сделал вывод, что книга являлась чем-то вроде пособия по поведению для детей. Конечно, текст Аш разобрать не смог, но иногда встречались понятные иллюстрации, означавшие самые разнообразные вещи: жесты приветствия, молитвенные позы, правила приличия за столом и целые разделы, посвященные поддержанию пристойного внешнего вида.

С книгой обучение пошло быстрее. Иллюстрации хорошо помогали пополнять словарный запас Манса, и уже ближе к вечеру юноша начал говорить свои первые простейшие предложения и словосочетания на залмарском языке. В целом Ашарх был доволен, что за один день ему удалось достигнуть такого прогресса, хотя до полноценного общения еще, конечно, было далеко. Хетай-ра тоже был уставшим, но

счастливым, ему такое времяпрепровождение пришлось по душе. Он записывал несложные транскрипции каждого нового слова, так что к концу многочасового занятия Манс обзавелся собственным словариком, куда неустанно заглядывал.

Где-то ближе к ужину в библиотеку после вежливого стука заглянула Дайва, молодая прислужница Мерионы, которая принесла для юноши маленькую аккуратно сложенную записку. Сын матриарха спешно раскрыл лист пергамента и вчитался в текст, но уже буквально через пару секунд разгневанно скомкал послание и бросил на пол, ругаясь себе под нос на изгоне. Дайва молча подобрала смятую записку и удалилась из комнаты так же тихо, как и пришла. Аш смотрел на разыгравшуюся перед ним сцену с интересом, но Манс не стал ничего ему объяснять, да он бы и не смог. А вот настроение юноши стало гораздо хуже, и он погрузился в мрачную задумчивость.

Лантея без остановки брела по песчаным дюнам. Однообразные золотистые гребни поднимали девушку к самому солнцу, чтобы потом опустить ее к подножию очередного холма. Воздух был раскален настолько, что каждый вдох давался с трудом. Хетай-ра замотала лицо платком, оставив только узкую щель для глаз, но в рот и нос все равно посто-

янно попадал вездесущий песок. Бескрайние пустыни тянулись до самого горизонта, а Третий Бархан давно остался где-то позади.

Лантее пришлось идти пешком, так как рядом с городом сольпуги не рыли свои норы, а почти целый день добираться до предгорий Мавларского хребта только ради ездового паука показалось хетай-ра неразумной тратой времени. Ей вполне могло повезти, и если где-нибудь на своем пути она бы высмотрела норы сольпуг, то непременно заарканила бы одну, но пока что богиня ей не особенно благоволила. И все, что оставалось дочери матриарха, – это шагать дальше, постоянно осматривая песок. Каждая неясная тень растения заставляла сердце девушки застывать в робкой надежде, но ее всякий раз ждало только разочарование: чаще всего это были обыкновенные высохшие кусты джантака или перекаати-поле.

И никакого намека на цветок пустыни.

Бурдюк с водой, приятно оттягивавший пояс, давал Лантее надежду продержаться под солнцем около недели. Если бы ей удалось найти хотя бы один из действующих колодцев, то можно было рассчитывать на целых две недели. Больше она бы не выдержала: питаясь одними корнями растений, кактусами и случайно пойманными птицами или тушканчиками, невозможно было провести в пустынях Асвен много дней.

Солнце уже медленно клонилось к горизонту, и девушка

наконец решила устроить небольшой перерыв, спрятавшись в тени высокой дюны. Она с наслаждением вытянула уставшие ноги, стянула с головы платок и отерла вспотевшее от зноя лицо. Облизнув высохшие губы, хетай-ра сняла с пояса бурдюк и сделала один небольшой глоток. Но практически сразу же сплюнула воду на песок. Она оказалась соленой.

Лантея издала протяжный жалобный стон, закрыв лицо руками. Как она могла довериться матери и сестре в такой момент и принять из их рук этот бурдюк?! Нельзя было даже надеяться на то, что ей позволят так легко и просто пройти испытания. А ведь всего лишь надо было лишиться ее жизненно необходимой в пустынях воды в надежде на то, что младшая дочь признает поражение и вернется домой с позором. Выжить в пустынях даже пару дней, иссыхая от жажды, невозможно.

Девушка вылила соленую воду, с горечью наблюдая за тем, как ручейки влаги весело бегут по песку. Хорошо, что она хотя бы не приняла нож из их рук, он наверняка оказался бы подточенным или просто тупым. Вот только теперь ее срок пребывания в пустынях ограничивался тремя днями. Если бы она нашла действующий колодец, то это можно было бы посчитать настоящим благословением богини, а пока ей оставалось лишь перебиваться сочными плодами опунции и надеяться на лучшее. Но о том, чтобы возвращаться в Бархан, не было даже мысли. Это автоматически засчитанное поражение в испытании, что до конца жизни лишило бы ее

права голоса.

Лантея тоскливо посмотрела себе за спину, ощущая в груди нараставшее негодование. Там, далеко позади, остался Ашарх. Окруженный врагами, он был совершенно один в чужом городе, ожидая ее возвращения с победой. Сила всегда рождается из боли и превозмогания. И Лантее это хорошо было известно. Если бы она позволила себе сдаться в тот момент, позабыв о гордости и своих чаяниях, то вряд ли когда-нибудь сумела бы себя простить за такую слабость. Ей нужно было идти вперед, даже если она не желала этого, даже если ей грозила мучительная смерть под раскаленным солнцем. Она должна была шагать дальше. Ради себя, ради своего народа и ради друга, которого просто не могла подвести.

Хетай-ра поднялась на ноги, упрямо сжала губы и направилась вперед, внимательно осматривая песок у себя под сапогами.

Ночью Аш проснулся от небывалой жажды, из-за которой его язык разбух и прилип к небу. Он прислушался к сиплому дыханию Манса, раздававшемуся из противоположного конца комнаты, и, отодвинув край полога, потянулся к кувшину с водой, стоявшему на тумбе. Пока преподаватель жадно пил, его внимание привлек странный отблеск в углу поме-

щения, который он раньше никогда не замечал. При приглушенном зеленоватом свечении насекомых, запертых в стеклянных фонарях, можно было разглядеть две неясные точки, блестевшие в полумраке. Но когда эти точки неожиданно сдвинулись и остановились четко на Ашархе, то профессор испуганно вскрикнул.

И в эту же секунду к нему молниеносно устремилась чья-то тень.

– Манс! – это было единственное, что успел выкрикнуть преподаватель, прежде чем полуночный гость, чьи глаза и мерцали в темноте, оказался у его кровати.

Рука сама нырнула под подушку, где лежал отравленный нож, что Лантея отдала своему спутнику перед уходом. Тень, оказавшаяся худощавой фигурой в черных одеждах, вооруженная двумя стилетами из кости, пригнулась и быстро вскочила на кровать Аша. Но профессор, не медля ни секунды, сразу же обрушил мощный удар ногами на колени противника, и тот, не ожидавший подобного отпора, мгновенно упал на каменный пол. Однако гибкий силуэт поднялся достаточно быстро, словно и вовсе не почувствовав этого толчка. Но предупреждая его следующую атаку, наперерез противнику с воинственным кличем бросился проснувшийся из-за оклика Манс, одетый в одно исподнее и вооруженный лишь своим стеклянным кинжалом.

Ашарх выбрался из постели, напряженно наблюдая за развернувшейся перед его глазами нешуточной схваткой. Пре-

подаватель нервно сжимал нож Лантеи в потных ладонях и лишь выжидал момент, когда сможет нанести хотя бы один удар по противнику. Но Манс и неприятель, сжатые как пружины, безостановочно кружили напротив друг друга, делая быстрые выпады своим оружием и мгновенно уворачиваясь от ответных ударов. Их движения были похожи на ритмичный танец, в который невозможно было вмешаться.

Темный гость сделал обманный выпад, вынуждая Манса инстинктивно выставить защиту на правый бок, а сам в это время нанес сильный удар ногой под ребра открывшейся левой стороны. Юноша со стоном отлетел в сторону, глухо ударившись о край кровати. Но через секунду он уже поднялся на четвереньки, тяжело кашляя и пытаясь восстановить дыхание. В это время неприятель бросился к обескураженному Ашарху, у которого от неожиданности и животного страха мгновенно подкосились ноги. Профессор неловко упал на колени в самый последний момент перед нападением, из-за чего убийца, не успев вовремя сменить траекторию, нанес лишь размашистый удар по воздуху, вспоров пустоту. Но Аш быстро взял себя в руки, чувствуя огонь, закипавший в крови: он лежал практически в ногах у противника, испуганный, но не сломленный, имея в запасе выигранные доли секунды.

Аш успел нанести ровно один четкий удар по внутренней стороне бедра темной фигуры.

Порез получился неожиданно глубоким. Лезвие вспороло кожу до самой кости, не встретив никакого сопротивле-

ния. Кровь быстро начала сочиться из раны, а враг, оглушенный резкой болью, приглушенно вскрикнул, прыжком ушел в сторону и почти сразу же со стоном осел на пол. Раненая нога не смогла вынести такой нагрузки и подкосилась в самый важный момент.

Манс, за несколько мгновений пришедший в себя после мощного удара под ребра, тотчас подбежал к противнику, но в последнюю секунду растерянно остановился. Яд, который был на клинке Аша, уже начал действовать: неприятель, зажимавший глубокую кровотокающую рану, начал сипеть и хрипеть, иногда срываясь на скулеж. Его ноги бились в судорогах, пока он не упал на спину, дрожа уже всем телом, будто в лихорадке. А через десять секунд он замер, неестественно вытянувшись и выронив свое оружие.

Манс подождал еще немного, а после легко пнул тело ногой. Но противник явно был мертв: его грудь опустилась и больше не вздымалась, а на пол натекла целая лужа отравленной крови. Юноша присел возле трупа и снял черный платок, который скрывал нижнюю часть лица нападавшего. Он долго вглядывался в черты умершего: это был немолодой хетай-ра с примечательными высокими скулами и старым грубым шрамом над губой, из-за которого она казалась постоянно приподнятой. Аш тоже присмотрелся к убийце, тот оказался ему совершенно незнаком, а вот примечательный карминовый платок с крупными узлами на концах, повязанный вокруг запястья ночного гостя, почему-то обратил

на себя внимание профессора. Кусок ткани ярким пятном выбивался из черного наряда, и когда Ашарх указал Мансу на эту броскую деталь, то лицо юноши вдруг побледнело.

– Thagi, – одними губами прошептал он.

– Тхаги? Что это значит?

Хетай-ра поднял на собеседника обеспокоенный взгляд и обхватил руками свое горло, изображая удушье. А после ткнул пальцем в грудь залмарца.

– Тхаги должен был задушить меня, – в ужасе пробормотал Аш.

Манс сдернул платок с запястья мертвеца, развернул его и поднес к лицу преподавателя, позволяя лучше разглядеть вышитый рисунок: Многоликая Мать сидела на троне под звездным небом, а голова и лицо ее были закрыты тканью; у подножия престола на коленях стояли мужчины, протянув к богине ладони, связанные этими самыми платками с узлами на концах.

– Thagi, – повторил юноша и указал на коленопреклоненных хетай-ра.

Для Ашарха стало ясно, что слово тхаги представляло собой не чье-то конкретное имя, а название целого ордена или даже секты убийц-душителей. И вряд ли один из этих карателей случайно оказался ночью в комнате чужеземца.

Неожиданно Манс упал перед профессором на колени, низко склонив голову, будто в молитве.

– Извинение... Извинение... – хетай-ра сипло повторял

на ломаном залмарском языке одно и то же слово. Он пообещал сестре всеми силами защищать чужака, а сам позволил убийце подкрасться так близко. И именно за это юноша и просил прощения.

Ашарх попытался поднять Манса за плечи, но тот все так же продолжал сидеть, раскачиваясь из стороны в сторону, будто в трансе. Мужчина же в свою очередь принялся бессвязно нашептывать что-то успокоительное, хотя он и сам был на взводе после всего произошедшего. Впервые профессор убил кого-то, пусть и защищая собственную жизнь, но эта теплая кровь навсегда осталась на его руках и запечатлелась темным пятном в памяти.

Хотя Лантея теперь могла им гордиться – он постоял за себя, и сомнения ни на секунду не завладели его разумом, когда он воспользовался отравленным оружием. Его рука даже не дрогнула.

Манс и Аш далеко не сразу успокоились после произошедшего инцидента, и когда они привели себя в порядок, то были вынуждены позвать дворцовую стражу, которая оказалась столь невнимательна, что пропустила убийцу на этаж с личными покоями. Комнату сразу же наполнили воины, началась бестолковая суэта: хетай-ра изучали место преступления, говорили с Мансом и прислугой, постоянно сновали из коридора в спальню и обратно. Вскоре проснулись жильцы всех соседних помещений, а из хозяйственной части двор-

ца на этаж даже пробрались любопытные слуги. Толпы хетай-ра, разбуженных голосами и слухами, стали с интересом заглядывать в комнату и показывать на труп, укрытый лишь тонким покрывалом.

Ашарх, уставший и потерянный, сидел на краю своей кровати и наблюдал за активно жестикулировавшим Мансом, пытавшимся объяснить подробности недавних событий страже. Те выглядели не особенно взволнованными, будто подобное сплошь и рядом происходило во дворце каждую ночь. Они слушали сына матриарха с каким-то поразительным равнодушием. Это показалось профессору подозрительным, но, к своему величайшему сожалению, ничего расспросить самостоятельно он не мог и опирался лишь на собственные ощущения и наблюдения.

В скором времени сквозь небольшую толпу народа, словно корабль сквозь морские валы, уверенно прошел Бартелин. Даже несмотря на позднюю ночь, он был вооружен и полностью облачен в броню. Пожалуй, только отсутствие шлема с пышным плюмажем и желтого плаща говорили о том, что глава дворцовой стражи собирался в спешке и был поднят из кровати не так давно. Суровый и сдержанный муж матриарха окинул взглядом всю комнату и присутствовавших. Его взгляд задержался на Аше, прикрытом теле убитого и в конечном итоге остановился на Мансе. Юноша непроизвольно сжался, будто старался выглядеть меньше и незаметнее в присутствии отца.

Стражники послушно расступались перед этим мужчиной, стоило ему сделать хотя бы шаг. Некоторые воины спешно что-то докладывали мужу матриарха, указывая на тело убийцы, но во взгляде отца Лантеи читалось лишь нескрываемое недоверие, а его выдержка и горделивая осанка заставили Ашарха даже прикрыть на пару секунд глаза в надежде на то, что это представление как можно скорее закончится.

Отец даже не приподнял покрывало, чтобы посмотреть на труп. Он сразу же подозвал к себе не терпящим возражений жестом Манса и заговорил с ним низким грубым голосом, чеканя фразы. Юноша явно чувствовал себя неуютно в присутствии отца: он старался не смотреть ему в глаза и в целом выглядел весьма рассеянно. Аш наблюдал за разворачивавшейся перед ним сценой, и у него создавалось отчетливое впечатление, будто это разговаривали не отец и сын, а судья и преступник. И сразу ярко встала перед глазами профессора сцена казни на рыночной площади. Бартелин бросался отдельными гневными фразами, а Манс лишь тихо что-то отвечал, побледнев как смерть. Когда недолгая и весьма эмоциональная беседа закончилась, то муж матриарха выглядел еще более сердитым, чем когда зашел в комнату пять минут назад. От неудовольствия у него даже задергался уголок рта, обнажая желтоватые клыки.

Какое-то время отец Лантеи раздавал указания стражникам и разгонял любопытных зрителей. В конце концов, когда

тело унесли, а все соседи были опрошены, Бартелин удалился, напоследок окинув Ашарха внимательным взглядом из-под белесых ресниц. Следом за ним постепенно разошлись и остальные воины. И только профессор и Манс остались вдвоем в пустой комнате с кровавыми разводами на полу.

Преподаватель брезгливо поморщился при виде алого пятна, которое было делом его рук, и зашелся тяжелым кашлем, никак не желавшим оставлять его после перенесенной болезни. Манс тоже окинул разводы неприязненным взглядом и в конечном итоге жестами предложил уйти из этой комнаты в его спальню.

Покои юноши оказались довольно скромными: небольшое помещение, завешанное пыльными драпировками и портъерами, где все горизонтальные поверхности оказались завалены рабочими инструментами, заготовками колец, амулетов и метательных ножей, а также мусором – осколками костей и стеклянной крошкой. Ашарх усмехнулся про себя, оценивая беспорядок, а после сгреб с кровати кипу пергаментов с эскизами оформления рукоятей оружия и присел на ложе. Манс необыкновенно смутился, что профессор стал свидетелем хаоса в его комнате, и принялся спешно убираться, но хватило его ненадолго.

– Почему отец был зол на тебя? – спросил Аш, не скрывая своего любопытства, терзавшего его изнутри с жадностью оголодавшего пса.

Манс примостился на краешке стола напротив своего под-

опечного и сразу же достал помятый словарик из-за пояса.

– Я... знать... не..., – медленно произнес юноша. После он замолчал, задумчиво сверился с записями и продолжил:

– Не знать... слова... «зол».

– Злость, гнев, ярость, – перечислил профессор, но так и не увидел в глазах хетай-ра понимания. – Ох... Отец кричал на тебя. Ты понимаешь, что значит слово «крик»?.. Это как бы вопль, громкий разговор. Почему он кричал?

Манс рукой взлохматил свои короткие белые волосы, пытаясь соотнести в голове все, что он услышал, и познать смысл сказанного. Преподаватель почесал нос и еще пару раз попытался объяснить значение отдельных слов. Наконец, юноша посветлел лицом.

– Да!

– Что «да»? – уточнил профессор.

– Отец зло.

– Ты имел в виду, что твой отец был зол?

– Отец зол... Крик. Dhe! – подтвердил юноша.

– И почему?

Манс в очередной раз нахмурился и углубился в изучение своего словарика. Ашарх понял, что дело не пойдет быстрее, поэтому отыскал на столе клочок пергамента с чернильницей и со всем старанием принялся записывать отдельные слова, пририсовывая к ним небольшие изображения, должны их пояснить. Несколько часов, склонившись над мятыми кусками бумаги, мужчины посвятили улучшению своих

художественных навыков и пополнению словарного запаса на обоих языках. Хотя со стороны, конечно, разговоры мужчин пока что все еще были похожи на странную пантомиму, где половину мыслей они объясняли друг другу с помощью жестов, схематичных рисунков и актерских подражаний, но самым главным было то, что они прекрасно понимали все эти образы.

Несмотря на то, что очередной урок пошел Мансу на пользу, даже к середине ночи Ашарх так и не сумел добиться интересовавшей его информации об отношениях между сыном и мужем матриарха. Манс откровенно боялся этого властного мужчины и даже сам сказал, что не может объяснить профессору почему, но Бартелин был фигурой, которой стоило опасаться.

В своей неторопливой беседе со словариком они вскоре все же вернулись к ночному инциденту с покушением. Каждый из них переживал произошедшее по-своему, но в одном они были едины: терять бдительность пока не стоило. Тхаги были наемными убийцами, и это означало, что где-то за этой сектой душителей скрывался еще и их наниматель, которого досадная неудача могла сильно разозлить, что заставило бы его действовать активнее и агрессивнее в будущем. Аш поделился с Мансом предположениями Лантеи о том, что именно матриарх постарается убрать профессора во время отсутствия младшей дочери на испытаниях, но юноша критически отнесся к этому предположению. Он как будто не хотел

верить, что мать могла пойти на такое.

Но кому еще нужна была смерть чужеземца?

Лантея, несмотря на глубокую ночь, еле перебирая утопавшими в песке ногами, брела по пустыне. Солнце село уже давно, холодный ветер пронизывал до костей, от него не спасал даже длинный плащ, но девушка упорно продолжала двигаться вперед в ей одной известном направлении. Со всех сторон маленькую фигурку окружали только горы сыпучего песка.

Больше всего на свете Лантея хотела спать. Она была измотана. За весь этот долгий день у нее во рту не побывало ни крошки, а пустой бурдюк печально бил по бедру при каждом шаге, напоминая о необходимости его наполнить. Только сделать это было негде. Действующих колодцев в пустынях осталось не так много, и большинство из них находилось гораздо дальше от Третьего Бархана, ближе к самому центру песчаного края. А теперь девушке даже нельзя было позволять себе отдыхать. Жизнь Ашарха зависела от того, как скоро она добудет цветок, – каждый шаг Лантея напоминала себе об этом.

Но сил становилось все меньше и меньше.

Неожиданно она заметила быстрое движение на песке рядом с собой. Юркая ящерица скользила по открытой поверх-

ности, опасливо оглядываясь по сторонам и выискивая для себя убежище. В ту же секунду девушка, словно дикий хищник, быстрым прыжком набросилась на свою добычу, пальцами впиваясь в хрупкое тело и сжимая его до хруста. Она оторвала голову ящерице одним движением и запихнула тело в рот вместе с кожей и лапами, пока те еще шевелились в агонии. Тонкие кости хрустели на зубах, но хетай-ра старалась об этом не думать, наслаждаясь холодной кровью жертвы, которая хоть немного утолила ее чудовищную жажду.

Если бы кто-нибудь в этот момент увидел девушку со стороны, то вряд ли бы он признал в ней дочь величественного матриарха Гиселлы Анакорит. Скорее, это был лютый зверь, существовавший только благодаря инстинктам, оставленный посреди бескрайних песков выживать. Но на многие десятки километров вокруг не было ни одного разумного создания, которое бы стало свидетелем этого неприглядного превращения. И только пустыни Асвен безмолвно присматривались к своей жертве, пребывая в томительном ожидании ее близившегося конца и наблюдая за каждым ее шагом.

Лантея продолжала взбираться по гребням песчаных холмов практически ползком. Счет времени она давно уже потеряла. Ей казалось, что эта ветреная ночь никогда не закончится, как и бесчисленное множество дюн, которые она все преодолевала и преодолевала. В какой-то момент ноги свело от усталости, и рыхлый песок принялся стекать вниз по склону, унося вместе с собой и истощенную хетай-ра. Девушка

кубарем скатилась к подножию дюны и просто не смогла найти в себе сил подняться и продолжить путь. Словно тело ее лежало на морском дне, и толща воды давила на него сверху. Лантея прикрыла глаза ровно на мгновение, но сразу же провалилась в тяжелый темный сон.

– Лантеялианна! – разгневанно окликнула мать свою юную дочь. – Ты что, действительно собиралась проникнуть в Дикие тоннели?! Тебя совершенно не волнует собственная безопасность?

Матриарх стояла в дверном проеме дворцовой кухни, и ее обыкновенно спокойное лицо было искажено злобой. Лантея болтала ногами, сидя на каменной лавке, укрытой шкурами. В руках девочки была ароматная свежая лепешка с начинкой из рыбы, перетертой с водорослями, а на столе в миске лежали свежие финики, только вчера привезенные крупным торговым караваном из восточной части пустынь. На кухне, пронизанной запахами мяса и подсушенного мха, суежилась прислуга, которая моментально разбежалась при появлении матриарха, чтобы не мешать разговору между правительницей и ее дочерью.

Лантея крепко съела лепешку и повернулась к матери, обиженно выпятив нижнюю губу.

– Как ты узнала? Я ведь никому не говорила! Только То-

ваэт. Но она же обещала держать в секрете наше путешествие...

– Я узнала – и это главное. Ведь это могло плохо закончиться! О богиня! Какая же ты несмышленная! Мериона в твоём возрасте уже посещала городские судебные заседания и ездила с дипломатическими визитами в Четвёртый Бархан, а ты все бегаешь по полису и обдираешь колени! – Матриарх спустилась по ступенькам и приблизилась к младшей дочери, сплетя свои тонкие бледные пальцы в замок на животе.

– Но мама! Это все так скучно... А в Бархане я уже изучила все уголки и хочу теперь попасть в тоннели. Я слышала, что там есть солёные озера! В них можно плавать и не тонуть! Представляешь?.. – поделилась Лантея, двигая руками, словно она плыла, и с восторгом в глазах поглядывая на мать.

– Нет. Я сказала, нет. Ты не пойдёшь в Дикие тоннели. Это очень опасное место.

– Ну, пожалуйста! Я схожу с Мерионой в этот суд, если ты хочешь. Но только разреши сбежать в тоннели и посмотреть хоть одним глазком на озера! – просила девочка, едва сдерживая слезы.

– Не кланчи! Ты уже должна понимать, что нужно вести себя подобающе, – резко ответила матриарх, стискивая зубы. – Ты дочь правительницы Третьего Бархана, а не какой-нибудь прачки. В таком возрасте ты должна уже

осознавать, что нельзя делать глупости и бегать где попало. Мерионе пора заняться твоим воспитанием. Доедай и возвращайся в свою комнату. Я передам твоей сестре, чтобы она зашла к тебе немедленно.

Мать развернулась и удалилась из кухни степенно и чинно, словно ей на голову поставили стеклянный кувшин с водой, и из него нельзя было пролить ни капли. Лантея сидела потерянная, грустно рассматривая крошки на столе. Несколько минут она собирала их пальцем, а потом неожиданно поднялась на ноги и решительно выбежала из кухни.

Как она могла отступить от своей идеи? Ведь она уже много месяцев ждала удобного случая, чтобы хоть раз в жизни посмотреть, что происходило в Диких тоннелях. Караваны теперь редко ходили из Третьего Бархана по подземным пещерным системам, предпочитая поверхность, и подобный случай бы представился еще раз далеко не скоро. Не могла Лантея так просто сдаться.

Она выбежала из дворца, как можно скорее миновав лабиринты протяженных галерей, и, перепрыгивая через две-три ступеньки, практически пролетела по парадной лестнице, что есть сил бросившись через дворцовую площадь напрямик к главному коридору. На последнем дыхании лавируя в толпе, она наконец выбежала к каменным дверям Диких тоннелей. Около них уже толпился длинный караван, который вот-вот должен был отправиться в Первый Бархан по подземным переходам. Откормленные пустынные бо-

родавочники были навьючены и запряжены в телеги с товарами и провизией, а купцы и переезжающие семьи прощались с провожающими.

Девочка накинула капюшон своего плаща и постаралась незаметно прибиться к одной из групп хетай-ра, которые стояли у самого прохода, ожидая, когда же стражи откроют створки. Лантея была уверена, что ей удастся сделать все быстро, так, чтобы никто даже не заметил ее отсутствия. Она собиралась найти озера, искупаться и прибежать обратно еще до того, как Мериона или мать обнаружат ее пропажу. И все остались бы довольны. Хотя доносчице Товаэт она больше не собиралась говорить ни единого слова, раз та совершенно не умела хранить доверенные ей секреты.

Наконец толпа беспокойно зашевелилась, кто-то еще продолжал громко перешептываться, но большинство лиц в молчании оказалось устремлено на стражей. Воины степенно приблизились к каменным створкам и единым слаженным хором голосов воззвали к Эван'Лин. Магия полилась из их пальцев, проникая в песок, заставляя его подчиниться их воле. Казавшиеся монолитными каменные двери медленно и почти бесшумно стали открываться. А за ними стоял только крошечный мрак. Караван всколыхнулся и медленно двинулся в темное нутро Диких тоннелей. Никто даже не обратил внимания, что к ним присоединилась маленькая юркая девочка.

Время трудно было определять в гулких однообразных коридорах, но Лантее казалось, что они шли около часа. Она аккуратно забежала во все пещеры и ответвления, которые встречались на пути каравана, но пока не увидела ничего даже отдаленно походившего на озеро. На нее уже стали подозрительно смотреть, а многие пытались узнать у закутанной с головой в плащ девочки, чей она ребенок. Лантея поняла, что она могла привлечь к себе ненужное внимание. Еще не хватало, чтобы ее кто-нибудь узнал и отправил обратно! Поэтому она спряталась в одном из очередных ответвлений и позволила каравану уйти далеко вперед.

Теперь она была совершенно одна в этих бесконечных проходах. Они заводили девочку все дальше. И в скором времени Лантея почувствовала, что совершенно заблудилась в темных коридорах, где, кажется, не росли даже светящиеся грибы. По ее щекам потекли соленые слезы обиды. Но она все равно продолжала идти вперед, уже ничего не видя за пеленой слез, пока неожиданно на ощупь не вышла во мраке из извилистого тоннеля к небольшой куполообразной пещере, которая была освещена зеленым фосфоресцирующим мхом, покрывавшим все стены тонким слоем. Посередине блестяла неподвижная гладь черного круглого озера, а вокруг стояла густая тишина.

Лантея с радостным визгом бросилась к берегу, не веря собственным глазам. Она зачерпнула горсть воды и сразу же попробовала ее на вкус.

– Соленая! Соленая, как слезы! – ликовала девочка, уже стягивая с себя плащ и остальную одежду, готовясь искупаться в сказочном озере, где невозможно утонуть.

Вода показалась ей вначале ледяной, словно сотни маленьких иголочек мгновенно впелись в кожу, но Лантея лишь упрямо стиснула зубы и зашла дальше. Пока что она не чувствовала никакой легкости. Внезапно камни под ногами закончились, и девочка с головой ушла под воду, даже не успев испуганно вскрикнуть. Но она уже умела неплохо плавать, поэтому быстро смогла подняться к поверхности, пусть сердце и продолжало колотиться в груди как бешеное.

«Неужели это все сказки? Я вот сейчас чуть не утонула! Почему же соленая вода меня не удержала?» – подумала про себя Лантея.

В этот момент ее внимание привлекло странное свечение, исходившее откуда-то из середины темного безмолвного озера. Девочка вытягивала шею в попытках рассмотреть, что же там испускало такой красивый розовый свет. Лантея решила рискнуть и подплыть поближе, хотя там, откуда распространялось свечение, было уже слишком глубоко для нее. Она оттолкнулась от камней и, неуверенно перебирая ногами и руками, поплыла к середине озера. Розовое нечто находилось почти у поверхности, и чтобы лучше его разглядеть, девочка задержала дыхание и нырнула. Она открыла глаза, хотя их сразу же неприятно защипало, но сквозь мутную пелену Лантея смогла рассмотреть источ-

ник света. Это оказалась вытянутая медуза, дрейфовавшая в воде и расправившая свои щупальца.

Девочка вынырнула, чувствуя, как ее силы уже заканчиваются, и руки начинают уставать. Пора было плыть к берегу. Медуза, несомненно, была заворазживающей, но Лантея не могла так долго находиться на глубине. Она неумело развернулась и, едва держа голову на поверхности, поплыла обратно.

В это мгновение она почувствовала резкую жгучую боль в голени, словно кожу ошпарили кипятком. Лантея не успела даже закричать, как ее правую ногу сразу же свела жесточайшая судорога, и тело, неспособное больше держаться на плаву, камнем стало уходить под воду. Девочка изо всех сил гребла руками, изо рта вырывались пузыри, но нога ужасно болела и совершенно не слушалась. Лантея распахнула глаза, пытаясь рассмотреть, далеко ли до поверхности, и с ужасом поняла, что она уже на несколько метров ушла под воду. Нога тянула ее на самое дно, а последние остатки воздуха предательски покинули легкие, маленькими пузырьками убежав наверх, туда, где медленно и изящно дрейфовала ядовитая розовая медуза.

Лантея проснулась, чувствуя, как ее легкие болезненно сжимаются из-за отсутствия кислорода. Она рывком подня-

лась и сделала резкий глубокий вдох, который показался ей слаще всего на свете в ту секунду. Оказалось, что ее тело почти полностью засыпало песком. И, если бы она не заснула, спрятав лицо в сгибе локтя, то непременно бы задохнулась. Видимо, ночью прошла небольшая песчаная буря, которая чуть было ее не замела, либо же под воздействием ветра ближайшие дюны сдвинулись.

Хетай-ра не сразу пришла в себя после странного кошмара о детстве, из-за которого она тем не менее очень вовремя проснулась, избежав скоропостижной смерти. Тогда в водах соленого озера Диких тоннелей она ведь тоже практически умерла. Раз за разом пытаюсь выгрести к поверхности и чувствуя, как ледяная вода наполняет ее нос и рот, обжигая легкие огнем, Лантея едва сумела выплыть. Перед ее внутренним взором порой все еще возникало окно тусклого света высоко над головой, до которого никак нельзя было дотянуться, а оно все продолжало уменьшаться и исчезать. Может быть, именно дикий страх помог тогда маленькой девочке из последних сил оттолкнуться от острого каменистого дна, на которое она упала, и потянуться к блеклому пятну света. Желание сделать еще хотя бы один сладостный вдох наполнило ее уставшие руки силой, и гладкая поверхность озера разорвалась, выпуская ребенка из своего плена.

Потом были долгие часы лежания на холодном берегу, поросшем мхом. Она не могла ни пошевелиться, ни даже заплакать – лишь редко дышать и кривиться от чудовищной

боли в обожженной медузой ноге. И если бы не мать и сестра, довольно быстро обнаружившие ее исчезновение из дворца, которые не меньше половины гарнизона отправили в тоннели для поисков Лантеи, то, наверное, самостоятельно выйти из лабиринта пещерных проходов она бы не смогла. Когда через треть дня несколько стражниц добрались до крошечного озера, спрятанного в переплетениях ходов, то девочка даже приняла их за мираж. Но это было ее спасение.

А теперь, когда она тонула в песке вдали от дома с опустевшей флягой на поясе, ей было смешно вспоминать обеспокоенные лица матриарха и Мерионы, когда им передали с рук на руки обессиленную раненую девочку пятнадцать лет назад. Тогда они плакали от счастья, что Лантея выжила. А теперь они самолично лишили ее шанса остаться живой и невредимой, подменив пресную воду и сократив время, которое она могла провести в пустынях, всего до пары дней. И вкус соленой воды на языке оттого становился лишь сильнее, будто Лантея вновь падала на самое дно темного озера, без надежды на спасение.

Девушка сглотнула, чувствуя, как язык прилип к небу от жажды, и огляделась по сторонам. Она совсем не помнила, когда вчера решила сделать привал и почему очнулась лицом в песке, хотя должна была сотворить для себя укрытие с помощью магии, но, судя по положению солнца, уже было утро. Вряд ли сон украл у нее больше пяти часов, зато сил немного прибавилось, даже голод утих. Что нельзя было ска-

зять о жажде, которая пленкой стягивала весь рот и горло.

Поднявшись на ноги, девушка отряхнулась. Песчаная буря могла принести свои плоды: смещение дюн часто обнаруживало давно засыпанные экземпляры цветка пустыни. Лантея старалась не думать о том, что это могло сработать и в обратном направлении – погребя искомое растение. Забравшись на бархан, у подножия которого она провела ночь, хетай-ра приставила ладонь козырьком ко лбу и внимательно огляделась.

Во все стороны, куда ни глянь, тянулись лишь золотистые волны, спокойные и томные, погруженные в собственную меланхолию, длившуюся уже тысячи лет. Им не было дела до крошечной фигурки хетай-ра, скользившей по склонам барханов, карабкавшейся по сыпучим гребням и урывками дремавшей в тени глыб песчаника, вспарывавших знойный океан осколками каменистых скал и бугристыми плато.

На протяжении всего долго дня девушка устало брела вперед, сопротивляясь порывам ветра и отлавливая редких обитателей пустыни: скорпионов, сурикатов и даже одного крупного варана. Она ела мясо сырым, не брезгуя зубами разрывать кожу или панцирь и слизывать кровь, чтобы хоть как-нибудь промочить растрескавшиеся губы. Вкус был неважен, на него Лантея старалась не обращать внимания, потому что куда важнее было дать телу необходимые силы для дальнейшего пути. А условия становились лишь хуже. Слишком редко в этом районе пустынь ей стали попадаться кактусы или

даже самые простейшие виды растений – теперь любой замеченный росток или корень она выдирала из песка, счищая ножом кожуру, и посасывала кислые ветки, надеясь добыть хоть каплю влаги.

Но даже несмотря на все старания, солнце продолжало иссушать воздух, выпаривая воду, и Лантея с каждым шагом чувствовала лишь тяжелый неподъемный груз усталости, который давил ей на плечи. Ее тело совсем перестало потеть из-за жары, глаза пересохли, а язык распух. Кожа на губах и лице медленно начинала трескаться от сухости. Она уже с трудом успевала поймать юркую ящерицу, если успевала ее заметить в камнях. Несколько раз рептилии даже вырывались прямо из рук, и девушка не могла их догнать, потому что пальцы все хуже и хуже ее слушались.

Когда линия горизонта окрасилась в янтарный цвет, а раскаленный солнечный диск медленно стал опускаться за границы песчаного океана, Лантея уже ни о чем не могла думать. Она с трудом понимала, в каком направлении двигалась, и лишь красными воспаленными глазами выискивала у себя под ногами хотя бы намек на какое-либо растение. И стоило вечерней мгле опуститься на пустыни, как хрупкая фигурка в светлом плаще, замершая на вершине очередного гребня, откуда она безразличным взглядом осматривала окрестности, упала на колени, а после, окончательно потеряв сознание, кулем скатилась вниз.

Ашарх и Манс проснулись очень поздно, практически уже к самому обеду. Они оба были в совершенно разбитом состоянии: мужчины практически не отдохнули, и если бы недоброжелатель вновь задумал подослать к ним утром убийц, то им бы непременно удалось задушить своих жертв в этот раз.

Совершенно не хотелось ничего делать. И, погребенные под бременем лени, профессор и хетай-ра до вечера даже не желали выходить из комнаты. Но если Манс оправдывался, уверяя своего подопечного, что в их случае это самое безопасное времяпрепровождение, учитывая наличие во дворце тхаги, то Ашарх лишь усмехался и продолжал урывками дремать. Поскольку всю ночь напролет его терзали кошмары, в которых либо Лантея заживо тонула в песках, либо Аш видел себя со стороны с окровавленным ножом в руках над телом убийцы. И теперь преподаватель просто старался восполнить свои силы уже днем, проваливаясь в короткие и яркие сны. А Манс его не тревожил, неотрывно наблюдая за коридором на этаже и постоянно проверяя оружие на поясе.

Лишь к вечеру, когда организм профессора оказался уже перенасыщен отдыхом, Аш наконец поднялся с кровати и одарил своего верного защитника кривой улыбкой.

– Нужно прогуляться.

– Нет, – коротко бросил Манс. – Хорошо здесь!

– Мы сидим тут как в склепе. Давай сходим к источникам.

– Не знать слово «склеп», – медленно проговорил юноша. – К истошники – нет! Хорошо здесь. Дворца.

– Ну, если ты не хочешь покидать дворец, то давай хотя бы пойдем в библиотеку. Даже там сидеть приятнее.

На это Манс все же согласился. Несколько раз пройдясь по коридору и заглянув во все ниши, он чуть ли не бегом провел профессора на этаж, где располагалась личная библиотека матриарха, уже облюбованная Ашархом за столько дней. От всех стражников и прислуги юноша шарахался в сторону как от прокаженных, не отнимая руки от оружия, а его острый кадык нервно дергался на горле, словно бы готовый вот-вот пропороть тонкую кожу.

В зале, погруженном в привычную тишину и полумрак, почему-то полностью исчезала любая тревожность и беспокойство, словно каменные стеллажи и кипы фолиантов могли защитить двух мужчин, оказавшихся под пристальным вниманием какого-то опасного игрока чужими судьбами. Даже Манс немного успокоился, хоть все равно подпер стеклянные двери тяжелой каменной вазой и запретил Ашарху ее сдвигать. В ответ же профессор, засучив рукава своей рубахи, сразу же жестом пригласил юношу к центральному столу и продолжил прерванные вечером занятия по залмарскому языку.

По прошествии пары часов, когда стало очевидным, что Манс вникал во все правила уже куда легче, преподаватель решил предложить своему ученику небольшие задания на

составление собственных фраз с учетом имевшегося словарного запаса. Юноша воспринял подобное как вызов и, желая доказать свое усердие, весь обложился листами словарика, намеренный поразить своего учителя приобретенными знаниями.

Преподаватель лишь усмехнулся, радуясь подобному рвению, которое он довольно редко встречал даже во время своей работы в италанском университете, а сам в очередной раз бросил взгляд на каменные полки, уставленные пергаментными фолиантами. Впервые у него в голове мелькнула мысль о том, что он никогда не сможет все это прочитать. Десятки сотен книг, хранившие тайны забытой цивилизации хетай-ра, так и останутся недостижимой мечтой.

Ашарх тяжело вздохнул и решил потратить свое время на легенду о Гиртарионе, которая уже несколько дней крепко сидела у него в голове. Он без труда разыскал старинные карты города, которые предусмотрительно откладывал для себя на конкретной полке одного из книжных шкафов. Там также осталась лежать ветхая и единственная книга, содержащая сведения про первый полис хетай-ра. Этот том для профессора нашла Лантея еще в первый вечер, проведенный в библиотеке, но Аш тогда не успел попросить ее перевести ни единой страницы. Теперь же, пока Манс был отвлечен своим заданием, преподаватель быстро засунул карты города-колыбели и книгу себе за пазуху. Забрав еще пару свитков с расположением всех пяти великих Барханов хетай-ра и карты

рельефа отдельных участков пустынь, Ашарх как ни в чем не бывало вернулся к столу и продолжил помогать своему спутнику.

Совесть его не мучала совершенно. Если профессору удалось бы живым выбраться из города в ближайшее время, то он намеревался вплотную заняться исследованием древней легенды пустынных жителей. Или же, на самый крайний случай, за баснословные деньги продать полученные знания. Было очевидно, что Лантея, запутавшись в дворцовых интригах и занятая прохождением испытаний, могла позабыть о должном вознаграждении преподавателя, приглашенного в Бархан не просто так, а поэтому он сам решил позаботиться о своей награде на случай, если бы ему пришлось срочно покидать город.

Веки, налитые свинцом, подрагивали, однако сил открыть их у Лантеи не было. Она слышала все, что происходило вокруг, но очень смутно, будто отделенная от реальности толстой стеклянной стеной. Вот шелестел песок, по крупичам осыпаясь с вершины высокого гребня бархана, рядом с которым без движения лежала девушка. Вот шумно хлопали крылья какой-то крупной птицы, кружившей в ясном небе. А совсем неподалеку от хетай-ра короткими перебежками двигалась маленькая испуганная ящерица, искавшая для се-

бя убежище: ее хвост с шелестом волочился по песку, а лапы с острыми когтями вспарывали податливую поверхность, в любой момент готовые сорваться на бег.

Лантея все это слышала. Будто на мгновение ей удалось почувствовать саму суть пустынь и раствориться в золотистом песке, засыпавшем ее тело практически полностью. Она знала, что солнце уже медленно клонилось к горизонту, обещая в скором времени опустить на раскаленные дюны свежесть ночной прохлады. Наверное, темнота придала бы сил девушке, но пока что она могла лишь лежать без движения, заставляя свое измученное обезвоженное тело делать каждые несколько секунд новый вздох.

Лишь через полчаса или, может, даже час Лантея сумела разлепить веки, открыв высохшие обожженные солнцем глаза, покрытые сеткой лопнувших сосудов. На это простое действие у нее ушел весь запас сил, которые она копила с самого пробуждения. И теперь, водя мутным взглядом по песку вокруг себя, хетай-ра далеко не сразу сумела сконцентрироваться на собственной руке, лежавшей практически возле самой ее головы. Затекшая конечность ее не слушалась, скрюченные пальцы в порванных митенках были покрыты пузырями лопнувшей кожи. А на запястье, грязная и почти потерявшая свой изначальный зеленый цвет, была повязана лента. Последняя вещь, которая досталась Лантее от тети Чият. Напоминание о прощальном послании, о годах, проведенных вместе, а еще о цели, которую девушка должна была

воплотить в жизнь во что бы то ни стало.

Ведь она обещала Чият исполнить свою мечту и открыть Барханы, выведя хетай-ра на поверхность. И тетя считала, что племяннице по силам исполнить желаемое. Она верила в нее, а Лантея оказалась слишком слаба даже для того, чтобы пройти первое испытание. Теперь золотые пески поглотят ее тело, иссушат плоть, превратят душу в самум, а где-то там, далеко позади, профессор истории Сои Ашарх в одиночестве останется во мраке Бархана, лишенный всего.

И тогда гордая дочь матриарха заплакала. Горько заплакала. И совсем без слез.

Сколько еще прошло времени, пока она беззвучно и сокрушенно себя жалела, трудно было сказать. Только солнце уже наполовину погрузилось за линию горизонта, а небо окрасилось алым – багровые облака эфемерной паутиной растянулись на западе над самой землей. Будто где-то должна была пролиться кровь, и лишь небеса знали об этом.

Поднялся сильный ветер. Он закручивался в тугие вихри, подвешивая в воздухе песчаную дымку. Барханы дрогнули и медленно начали осыпаться, тая на глазах и желтыми волнами устремляясь туда, куда их гнали воздушные потоки, становившие все сильнее с каждой минутой. И вот уже ветер добрался до Лантеи, лежавшей на песке тряпичной куклой, и сорвал с нее капюшон, взметнув седые волосы. Плащ вздулся парусом, а с запястья соскользнула тонкая зеленая лента.

– Нет... – прошелестела девушка.

Она не узнала свой голос. Из горла вместо звуков вырвался едва различимый шепот, потонувший в потоке вихря. Пересохший язык и губы не могли пошевелиться, а с каждой секундой ветер все дальше относил ленту тети от того места, где лежала едва живая хетай-ра.

– Нет! – отчаянно крикнула Лантея, чувствуя, как лопаются иссушенная кожа, а горло обжигает болью.

Чият столько лет была рядом с ней, заботясь, как о собственной дочери. Она открыла для племянницы новый мир, помогла выжить в нем и ни на мгновение не усомнилась в целях Лантеи. И если бы не поддержка тети, то что бы девушка могла сделать сама? Только остаться навечно пленницей Бархана, закованной в кандалы пыльных заветов и традиций. Чият бы расстроилась, если бы увидела сейчас свою племянницу, обессиленную и отчаявшуюся. Она бы устыдилась, что дочь ее венценосой сестры позволила себе так просто сдать-ся и тем самым обесславить почтенное имя рода Анакорит, рода правительниц.

Крепко зажмурив глаза, Лантея несколько раз глубоко вздохнула, собирая все свои крупницы сил, а после медленно и с явным трудом пошевелила лежавшей перед ней рукой. Одеревеневшие пальцы загребли песок, а после разжались.

Нет. Ей нельзя было сейчас сдаваться. Дочь песков просто не могла позволить пустыням сломить себя.

Она куда жестче сжала руку и оперлась на нее, вызволяя все свое тело из песчаного плена. Мышцы сразу же заныли,

задрожали ноги, и Лантея зашаталась, упав обратно на песок. Стоя на коленях и тяжело дыша, пытаясь избавиться от головокружения, хетай-ра присмотрелась к уже едва видимой зеленой полоске ленты, уносимой на самую вершину ближайшего бархана.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, девушка поползла к насыпи на коленях, умоляя свое тело потерпеть еще совсем немного. В считанные минуты она забралась на гребень и, стараясь не думать о боли, которую причинял ее сгоревшей ободранной коже раскаленный песок, Лантея ползла все выше и выше.

Но новый порыв ветра налетел на дюну, и, играя лентой, сбросил ее по другую сторону песчаной насыпи. Девушка издала приглушенный стон, но ей не оставалось ничего другого, кроме как завернуться в плащ и съехать со склона бархана, подняв в воздух целое облако мельчайшего песка. Едва она смогла медленно подняться на ноги после такого резкого спуска, то сразу же, тяжело дыша, побежала вперед, к небольшому каменистому плато, вклинившемуся меж двух протяженных дюн. Сколотые валуны, ошестинившиеся острыми краями булыжники и мелкие гольши узором, изъеденным ветром, рассыпались по песку. И у подножия одного из них, зацепившись за трещину в камне, подрагивала на ветру зеленая лента.

Лантея схватила и крепко сжала ее. Последнее напоминание о дорогой тете. Девушка вновь повязала ленту вокруг за-

пьястья, на этот раз куда туже затянув узел. И на душе сразу стало спокойнее, будто дух Чият стоял у нее за плечом, ода-ривая своей незримой, но такой важной поддержкой.

А после хетай-ра перевела взгляд чуть левее и потеряла дар речи.

Всего в паре метров от застывшей в изумлении Лантеи, спрятавшись в тени высокого булыжника, лежал невзрачно-го вида клубок из сплетенных веточек высохшего растения. Издалека незнающий путник мог принять его за обыкновен-ный серый камень, поросший тонкой паутиной мха. И только пустынный народ знал истинную ценность этого невзрачного клубка из веток. Достаточно было пролить одну каплю воды, как растение расправляло свои зеленые листья, превращаясь в идеально симметричную звезду, длинный и сочный корень которой был полон густого красного сока, столь высоко це-нимого в Барханах. Таков был цветок пустыни.

Не веря своим глазам, Лантея, спотыкаясь, бросилась к растению и упала перед ним на колени. Она лихорадочно принялась руками раскапывать песок, чтобы удостовериться в наличие корня. Он оказался на месте – толстая мясистая часть цветка уходила глубоко в недра почвы.

Девушка почувствовала, как сжимается ее сердце, пере-полненное счастьем и благодарностью. Она прикусила по-трескавшуюся губу и подняла лицо к небу.

– Тетя! Спасибо! Спасибо... – samozабвенно шептала хетай-ра, жмурясь от ярких лучей солнца, которые целовали ее

запачканное шелушившееся лицо.

На то, чтобы выкопать длинный корень, ушло достаточно много времени, Лантея рыла песок голыми руками, но с ее лица все это время не сходила улыбка. И если бы она могла плакать, то непременно бы рыдала от счастья.

В ее народе существовало верование, что души умерших сразу после смерти еще некоторое время обитали в мире живых, незримыми призраками следя за своими родственниками. Они оберегали и хранили свои семьи, следили за исполнением вековых традиций и праведностью жизни, чтобы после смерти непременно спросить за все дурные поступки, если они были совершены. Прожив рядом с живыми пять сотен лет, души истончались и исчезали навсегда, сливаясь с Эван'Лин.

И впервые девушка на себе ощутила заботу духов. Ощутила, как Чият поддерживала ее.

Как только цветок полностью оказался в ее руках, Лантея сунула растение за пазуху и выпрямилась, оглядевшись по сторонам. Ей оставалось сориентироваться в пространстве и найти дорогу домой. Нужно было лишь добежать до Бархана в кратчайшие сроки, потратив на это все оставшиеся силы.

Ободренная удачей, хетай-ра чувствовала небывалый прилив энергии, хоть ее тело и дрожало от усталости и слабости. Девушка забралась на один из песчаных холмов, где она долго рассматривала горизонт, пытаясь разглядеть какие-нибудь знакомые ориентиры. Ее взгляд мгновенно заце-

пился за силуэт горного хребта на горизонте. Она четко видела очертания полукруглой гавани, которую в этом океане песка образовывали скальные выступы. Именно туда ей и нужно было идти, чтобы вернуться к Третьему Бархану.

Однако неожиданно Лантея обратила внимание на странное явление: с северо-востока вдоль предгорий шла песчаная буря, которая затмила собой весь горизонт. Тонны песчинок поднимались густым облаком к самым небесам и зависали в воздухе без движения. Будто кто-то невероятно могущественный просто взял и отсек часть мира пеленой песка. И хоть эта дымка была в самой дали, но девушке стало от нее не по себе. Песчаная мгла лишь с первого взгляда казалась надвигавшимся самумом. Вот только хетай-ра, проводившая в пустынях большую часть своей жизни, могла с точностью утверждать, что эта буря не была похожа ни на одну из тех, что она видела ранее. Небо было ясным, а рассеянная завеса песка слишком низко растянулась над поверхностью земли, неустанно двигаясь в одном направлении.

Было в этом явлении что-то нехорошее.

Лантея почувствовала, как радость от находки медленно сменилась беспокойством. Ей следовало поторапливаться и скорее возвращаться домой. Буря сулила неприятности, и пока что эти неприятности двигались в конкретную сторону – в сторону Третьего Бархана.

Манс практически не спал и эту ночь. Он просидел до самого утра на каменной тахте, прислонившись спиной к стене, а чтобы не задремать, тихо перебирал четки. Его, как и профессора, беспокоили мысли о Лантее. Она отсутствовала уже два полных дня, и за это время на Ашарха уже было совершено покушение. Сколько еще дней требовалось девушке, чтобы пройти испытание? Ведь она могла бродить по пустыням в поисках цветка неделю или даже больше, а недоброжелатели непременно предприняли бы еще несколько попыток, чтобы добраться до чужака. Вечно играть с ними в прятки тоже бы не вышло.

Утром, на ломаном залмарском поделившись своими размышлениями с подопечным, Манс признался, что не знает, как стоит поступить.

– Если к нам решат подослать еще одного тхаги или даже пару, то так легко мы можем уже не отделаться, – задумчиво протянул Аш, позевывая.

– Не думать я, што дворца – хорошо, – медленно проговорил юноша.

– Ты боишься, что даже здесь нас уже без проблем могут достать? – уточнил профессор и принялся одеваться. – Это значит, что самые опасные для нас с тобой места – это там, где никого нет.

– Почему?

– Если нет свидетелей, то убийцам легче действовать.

Ашарх поддел под шелковую рубаху штаны, обернул вокруг живота широкий тканевый пояс и засунул за него ножны с почищенным клинком Лантеи, на котором больше не осталось ни капли яда, смывшегося вместе с кровью. Присев на край тахты рядом с Мансом, мужчина принялся переплетать растрепавшуюся за ночь косу, а сам в это время размышлял вслух:

– Нам нельзя прятаться в библиотеке или же комнатах. Здесь мы уязвимы. Понимаешь, о чем я говорю?.. В темноте и тених ничего не стоит скрыться. А когда мы все время проводим в одном месте, то становимся предсказуемыми для убийц, – медленно говорил Аш, пальцами расчесывая пряди волос. – Мы должны быть постоянно на виду.

– Не понимаю, – пробормотал юноша. – Много хетай-ра?

– Да. Сидеть во дворце небезопасно. Нужно перемещаться и избегать пустынных мест.

Манс кивнул, хоть далеко не каждое слово профессора было ему ясно. Едва Ашарх закончил заплетать косу, как в комнату по приказу юноши прислужники принесли поздний завтрак. Это были свежеспеченные и уже остывшие профессору лепешки, мясо и сваренные вкрутую черные яйца размером с небольшую ладонь. Преподаватель посмотрел на куски сырого мяса с кровью с невольным отвращением. Они сразу же напомнили ему о тхаги, которого Аш лишил жизни собственными руками. Манс тоже неприязненно взглянул на мясо и так к нему и не притронулся.

Позавтракав в итоге сваренными вкрутую черными птичьими яйцами, которые на вкус достаточно сильно отдавали железом, мужчины отставили тарелки. Манс лишь запихнул в свою поясную сумку несколько лепешек на случай, если днем их с подопечным одолеет голод, и предложил первым делом наведаться в мольбище Младенца. Профессор лишь безразлично пожал плечами. Религиозность юноши его не особенно волновала, а вот в том, что мольбище будет заполнено народом в утренний час, он даже не сомневался. И это было хорошим вариантом для прогулки.

Покинув дворец, мужчины неспешным шагом пересекли площадь с колоннами и направились к боковому проходу, ведущему к двум отдельно стоявшим друг от друга мольбищам. Несмотря на то, что время было уже не совсем раннее, к невзрачному зданию храма по-прежнему стекалось большое количество хетай-ра. На широкой лестнице с обшарпанными стоптанными ступенями сидели нищие, которые, склонив головы и протянув руки, просили у прохожих милостыню. И было много тех, кто подавал им маленькие стеклянные монетки, называемые пустынным народом семи-дин, или же оставлял немного еды. К удивлению профессора, Манс тоже проявил милосердие. Он достал из сумки одну из лепешек и сунул ее в руки какому-то обросшему старику в истрепанных лохмотьях.

– Hadzha! Hadzha!.. – пробормотал попрошайка.

Нищий с жадностью вцепился в еще теплый хлеб нестри-

жеными черными ногтями.

– Зачем ты помог ему? – поинтересовался Аш. – Богаче он от этого не станет и жизнь свою не изменит. Чем больше народ подает нищим, тем больше этих самых нищих становится...

Манс крепко задумался, очевидно, догадавшись о смысле далеко не всех слов, сказанных профессором.

– Я дать. Эван'Лин дать мне, – наконец произнес юноша, поднимаясь дальше по ступенькам.

– То есть богиня одарит тебя милостью за то, что ты проявил сострадание?

– Состраданье?.. – с ошибками повторил Манс.

– Ну, жалость, милосердие... Как это еще назвать?.. Доброту.

Неожиданно за спинами мужчин раздались чудовищные хрипы. Кто-то закашлялся, глухо закричал, а после в толпе, находившейся в тот момент на лестнице мольбища, послышались испуганные возгласы. Хетай-ра удивленно ахали и указывали на край ступеней, где ютились попрошайки. Манс и Ашарх тоже оглянулись, и их взгляды практически одновременно остановились на обросшем старике в лохмотьях, которому сын матриарха минуту назад дал хлеб. Нищий завалился на спину, он хрипел, содрогаясь всем телом, а на губах у него пузырилась белая пена. Несколько томительных секунд продолжались эти судороги, пока попрошайка резко не вытянулся, и все его конечности не одеревенели во мгно-

вание ока, а из распахнутого рта не вывалился разбухший почерневший язык.

В толпе поднялся гомон, шум и отдельные выкрики. Кто-то подальше уводил детей, а другие хетай-ра, напротив, поспешили на помощь попрошайке, несмотря на его неприглядный вид. Но нищий был уже мертв, взгляд его остекленел, и грудь не вздымалась. Меньше чем за минуту с дворцовой площади был прислан отряд стражи, которые оттеснили любопытствующую толпу и занялись телом бедняка.

Манс напряженно переглянулся с Ашархом. Взгляды мужчин упали на лепешку, которую все еще сжимал в руках погибший попрошайка.

– Отравлена? – хрипло спросил преподаватель.

– Смерть. Не есть это, – хетай-ра достал из своей поясной сумки лепешки, оставшиеся с завтрака, и тщательно принялся к ним.

Ашарх нахмурился. От верной гибели их спасла воля случая. Похоже, недоброжелатель сильно разозлился из-за смерти своего подосланного убийцы и решил действовать куда решительнее и хитрее в этот раз, используя яд. Но профессора смущало другое: тем злополучным вечером тхаги приходил только за преподавателем, но Манс тоже оказался под ударом, лишь потому, что вступился за Аша, а теперь отраву целенаправленно подмешали уже обоим.

– Это нехорошо... – прошептал юноша, за руку уводя профессора дальше от толпы.

– Да. Теперь охота ведется на нас двоих. Похоже, тебя тоже стали считать опасным игроком.

– Нет. Нехорошо, што убить я он.

– Ты его не убивал, Манс. Это простая случайность. Ведь ты же не подозревал о яде в хлебе, – негромко сказал Ашарх.

– Я дать смерть он, а надо дать добро. Эван' Лин гyt'hassa...

– Ритха... что?

– Плохо мне. Ryt'hassa мне! На-ка-зывать, – по слогам произнес Манс.

– Не думаю, что тебе стоит волноваться об этом. Сейчас есть куда более реальная угроза – наш недоброжелатель вряд ли успокоится и после второго провала...

Профессор хотел сказать что-то еще, но к подножию лестницы мольбища, где толпился народ, издалека наблюдавший за работой стражи, из темноты ближайшего прохода выбежала группа детей. Девочки с корзинками и какими-то игрушками в руках практически подлетели к ступеням и неожиданно звонко, перебивая друг друга, закричали:

– Lechi matriarhum Lanteyalianna afelichu du Nard! She'shi ya omon!

Общее оживление, наступившее среди хетай-ра после этих слов, было сродни водному потоку. Все сразу же наперебой заговорили, а большинство жителей полиса, совершенно позабыв о каком-то безымянном бродяге, умершем у мольбища, поспешили к выходу в соседние залы и коридоры, явно торопясь куда-то успеть.

– Что они сказали? – в смятении поинтересовался профессор у Манса.

– Лантея! Du Nard! Лантея! – с ликованием воскликнул посветлевший лицом юноша, крепко хватая своего подопечного за локоть.

– Она вернулась? – не веря собственным ушам, переспросил Аш.

Но Манс не стал отвечать, а окрыленный известием бросился следом за толпой, потянув за собой и преподавателя. Жители Бархана старались успеть на рыночную площадь как можно раньше, чтобы не пропустить возвращение младшей дочери матриарха. Новость стремительно разнеслась по всему полису, и главный коридор наводнило огромное количество народа. Началась давка и суматоха, и до рынка из-за хаотичного движения жадных до зрелища горожан добраться удалось нескоро. На площади уже почти не осталось свободного места: хетай-ра живым ковром заполнили все улочки, тупики и даже крыши. Из окон высовывались любопытные лица, и все взгляды были прикованы к стеклянному куполу, где еще виднелся крупный проход, который стражи уже начали медленно закупоривать магией. Где-то на середине рампы можно было разглядеть спускавшуюся одинокую фигурку, закутанную в светлый плащ.

Через несколько минут томительного ожидания, когда очертания силуэта стали явнее, и с его головы спал капюшон, Ашарх впервые за последние дни с облегчением выдохнул.

Сомнений больше не было – это Лантея спускалась по дороге.

Глава шестая.

Да не поглотит тьма

Матерь повелевает детям своим жить в честности и праведности, ибо одно не может существовать без другого.

Шестнадцатый закон. Скрижали Эван‘Лин

Девушка с наслаждением вдохнула запах своего родного города. Он всегда казался ей ненавязчивым, но не в этот раз. Пахло пылью, нагретым камнем и слабой землянисто-терпкой горечью лишайника. А еще это был запах триумфа. Ее личной победы.

До Бархана она добиралась в предельно быстром темпе, бросив на это последние силы, поэтому теперь тело требовало заслуженного отдыха, отдавая оставшиеся крупицы энергии на то, чтобы не упасть прямо посреди рампы без сознания. Жажда когтями драла горло, и голод впивался в живот, скручивая внутренности в узел, но Лантея могла лишь методично переставлять дрожавшие от усталости ноги и думать о том, успела ли она вернуться вовремя. Внизу хетай-ра поджидала целая толпа народа, который все продолжал и продолжал прибывать из соседних коридоров, хотя уже буквально каждый участок площади оказался занят. Когда девушка

добралась до самого низа рампы, то у подножия дороги к тому времени стояла добрая половина Бархана. Но Лантея искала взглядом только одно лицо на площади.

Манс и профессор едва сумели пробиться от арочного входа к спуску, и все равно им постоянно приходилось бороться за свое место, так как толпа уверенно оттесняла их обратно. Каждому хотелось своими глазами увидеть, прошла ли девушка испытание или пустыня оказалась сильнее. Лантея очень медленно брела по рампе, и Ашарх лишь догадывался, каких усилий ей стоило держать спину ровно. Ее обеспокоенный взгляд постоянно скользил по живому океану пустынников, собравшихся на рынке, и почему-то профессор почувствовал, что выискивала она именно его. Задрав руки над головой, Аш активно замахал им, и Лантея сразу же заметила среди бледнокожих хетай-ра своего смуглого темноволосого спутника. На ее обгоревшем изможденном лице прорезалась робкая улыбка, и больше девушка не сводила с профессора взгляд, в котором поселились спокойствие и какая-то внутренняя уверенность.

Едва дочь матриарха оказалась на одном уровне с крышами домов, откуда ее могли все слышать и видеть, как она замерла. Прекрасно зная, чего желала вся эта толпа, Лантея не стала томить своих подданных. Она достала из-за пазухи сухое растение, расправила его длинный красноватый корень и высоко подняла цветок над головой.

– Многоликая Матерь Эван'Лин одарила меня своей ми-

лостью! – громогласно объявила девушка, потрясая добытым трофеем. – Испытание светом пройдено!

Площадь взорвалась криками радости и восхищения. Хетай-ра аплодировали, свистели, славили богиню и правящего матриарха, перекрикивая друг друга, в воздух взлетали ленты, разноцветными полосами на мгновения расчерчивая пространство над рынком. Один лишь Ашарх заметил, как пошатнулась после своих слов Лантея, едва устояв на ногах из-за усталости. Все открытые участки ее кожи обгорели до красноты, губы потрескались, а в воспаленных глазах не читалось ничего, кроме крайнего изнурения.

К счастью, девушке даже не дали самостоятельно спуститься с ramпы, живое море толпы заключило ее в свои крепкие объятия практически сразу же. Откуда-то принесли богато украшенный паланкин с шелковыми занавесями, золотистой бахромой и маленькими стеклянными колокольчика, мелодично позвякивавшими от любого движения. На всех его сторонах было вышито изображение птицы, расправившей крылья в полете и сжимавшей в когтистых лапах пальмовую ветвь, – символ Третьего Бархана и рода Анакорит. Несколько крепких мужчин добровольно подняли на свои плечи эту тяжелую конструкцию, где Лантея могла устало откинуться на спинку сиденья и лишь изредка улыбаться окружавшей ее толпе.

Паланкин понесли ко входу в главный коридор Бархана. Со всех сторон хетай-ра обступили носилки, продолжая

осыпать дочь матриарха радостными выкриками. Пустынники тянулись постоянно к занавесям паланкина, дергали колокольчики, просовывали внутрь руки, пытаясь хоть пальцем коснуться девушки, одаренной милостью богини. Кто-то разжег благовония и окуривал ими носилки, а из ближайших ресторанных домов управительницы и прислуга вытаскивали тяжелые стеклянные сосуды, полные холодных травяных настоек. Сегодня в городе намечалось торжество.

Процессия во главе с паланкином Лантеи достигла дворцовой залы не скоро. Весь главный коридор полиса был заполнен хетай-ра, и носильщикам далеко не всегда уступали путь. Но когда пышное шествие все же ступило на дворцовую площадь, то на широкой парадной лестнице во всей красе уже стояла матриарх в нарядных одеждах, окруженная свитой знатных матрон и многочисленной прислуги. Словно она давно там дожидалась героиню дня, сплетя пальцы на животе и гордо выпрямив спину.

Толпа, едва достигнув первых ступеней, растянулась вдоль ряда монументальных колонн. Носильщики, вспотевшие и с ног до головы осыпанные лентами, поставили паланкин на пол. В тот же миг занавеси дрогнули, выпуская Лантею, которая неспешно шагнула к лестнице, держа под мышкой цветок пустыни. Правительница терпеливо ждала, пока девушка медленно поднималась. И только когда она замерла на пару ступеней ниже матери, смиренно склонив голову, то властительница Бархана величественно вскинула руки, при-

зывая всех присутствовавших к тишине.

– Жители Третьего Бархана! Ликуйте и радуйтесь! Пусть в каждом доме сегодня будет праздник, и молитвы ваши будут полны благодарности богине. Ведь моя младшая дочь прошла испытание светом! Эван’Лин отметила ее и благословила!..

Дворцовая зала вздрогнула от рукоплесканий и криков, заполнивших ее. Матриарх раскрыла свои объятия, и вымотанная Лантея буквально упала в них, едва чувствуя свои ноги.

Ашарх и Манс, неотступно следовавшие за толпой все время, наконец смогли пробиться ближе к основанию лестницы и своими глазами увидеть происходившее. Профессор смотрел, как правительница сдержанно обнимала свою дочь, а с ее лица не сходила безупречная, будто нарисованная на гипсовой статуе, улыбка. А вот сам Ашарх чувствовал небывалую гордость за свою спутницу и не желал скрывать эмоции за маской невозмутимости, выкрикивая имя рода Анакорит вместе с остальными собравшимися перед дворцом хетай-ра.

В какой-то момент его взгляд случайно упал на Мериону, мрачной тенью стоявшую за спиной матери. Лицо ее было искажено злобой, кулаки сжаты, а зубы крепко стиснуты. Она неотрывно смотрела на сестру так, как змеи гипнотизируют своих жертв перед броском. И не было в этом взгляде ни радости за Лантею, ни уж тем более сестринской любви.

Еще какое-то время правящая семья дала народу полюбоваться на прошедшую испытание девушку и выразить свою радость, а после матриарх развернулась и степенно зашагала вверх по лестнице ко входу во дворец, подметая полами длинной мантии ступени. Следом за ней сразу же направились обе дочери и вся остальная свита. Толпа у подножия лестницы тоже начала нехотя рассасываться, возвращаясь на рыночную площадь, где должно было скоро начаться торжество. Аш и Манс без промедления поспешили наверх, чтобы наконец лично поздравить девушку с прохождением испытания и поделиться с ней своими проблемами.

Однако едва они успели преодолеть каскады ступеней и войти в тронный зал, как сразу же стали свидетелями эмоционального разговора. Мать и ее дочери, остановившись возле бассейна, громко беседовали, а возле них еще продолжала толпиться свита из прислуги и напыщенных матрон, желавших лично выразить почтение героине дня.

– Я удивлена, как быстро тебе удалось справиться, дочь! – восхитилась матриарх, убирая наконец с лица свою неживую улыбку, предназначавшуюся только для подданных. – Вот она – сила крови рода Анакорит!

– Да уж. Тебе просто несказанно повезло, – присоединилась к поздравлениям Мериона, хотя по ее тону трудно было сказать, что она сильно обрадована успехами сестры.

– Давайте не будем здесь устраивать этих лицемерных представлений, – раздраженно ответила Лантея, срывая с по-

яса пустой бурдюк и бросая его на пол.

– Чем ты так возмущена? – спросила мать.

– Вы дали мне соленую воду на испытание! Видимо, в надежде на то, что я вернусь в Бархан, смирившись со своим поражением! Вы на это рассчитывали?!

– Что? – изумленно переспросила правительница, вскинув свои тонкие брови, а среди матрон начались перешептывания. – Как это получилось?.. Мериона, я ведь поручала тебе заниматься подготовкой сестры. Откуда в бурдюке оказалась соленая вода?

– Думаю, это Дайва что-то напутала, – совершенно не изменившись в лице, процедила сквозь зубы старшая сестра. – Я разберусь с этим недоразумением. И накажу Дайву, если это ее рук дело.

Молодая прислужница, незаметной тенью выглядывавшая из-за плеча Мерионы, невольно вздрогнула. Но никто в тронном зале не обратил на это внимания.

– Лантеялианна, не злись, дорогая, – проговорила матриарх и примирительно подняла раскрытые ладони. – Как видишь, тебе удалось преодолеть все трудности, даже эту серьезную помеху. Эван’Лин позволила тебе найти цветок, а это сейчас самое главное. Нужно немедленно оповестить все городское собрание.

Правительница повернулась к Ниэле и Арконции, с интересом прислушивавшимся к беседе, и попросила их раздать соответствующие указания. Близнецы синхронно кив-

нули и тотчас разошлись в разные стороны – одна направилась в канцелярию, а другая покинула дворец.

– Я бы так же попросила всех присутствующих оставить нас наедине с дочерьми, – слегка повысив голос, приказала матриарх, окидывая взглядом немногочисленную толпу высородных женщин.

Кланяясь правящей семье и прикладывая кулак к солнечному сплетению, матроны нехотя отступили во дворцовые коридоры, явно недовольные тем, что их попросили удалиться так скоро. В это время Манс и Аш вплотную приблизились к бассейну, но, как оказалось, беседа матери и дочерей еще не закончилась.

– Я видела кое-что странное на поверхности, – гораздо тише сказала Лантея, как только свита матриарха разошлась по своим делам, и помимо правящей семьи в помещении осталось лишь несколько прислужниц и безмолвные стражи вдоль стен.

– Что-то странное в пустынях? – уточнила мать, поправив складки своей зеленой мантии.

– Да. Там была песчаная дымка, растянувшаяся на километры. словно огромная сила, движущаяся прямым в направлении нашего Бархана.

– Ты, очевидно, имеешь в виду обыкновенную песчаную бурю, сестра? – с явной насмешкой в голосе спросила Мериона.

– Нет. Она выглядела как рассеянное пыльное облако, а

самумы похожи на сплошную плотную завесу песка, – категорично ответила Лантея.

– Я почти уверена, что ты просто плохо разглядела. В любом случае нашему подземному полису такие опасности не страшны. – Мать снисходительно улыбнулась. – Давай лучше ты отдохнешь и поешь после такого тяжелого...

– Не нужно принимать меня за дуру! – прервала Лантея матриарха на полуслове. – Я видела самумы много раз. И могу отличить песчаную бурю от любого другого явления. Этот песок низко висел над землей широкой полосой, будто поднятый в воздух огромным стадом бородавочников или газелей, но в этой части пустынь таких крупных табунов не водится. Нам стоит выслать разведку на поверхность, чтобы понять, что происходит на северо-востоке предгорий. Это может быть орда ингур.

– Не преувеличивай, – куда жестче ответила правительница. – Что бы это ни было в твоём воображении, Бархан хорошо защищен, и нам нет нужды беспокоиться о том, что происходит на поверхности. Тебе не стоит волноваться, Лантеялианна. Я уверена, что тебе напекло голову, и ты просто приняла самум за одну из своих фантазий. Не стоит уделять буре столько внимания.

Матриарх развернулась, не желая больше слушать пререканий, и решительно покинула тронный зал, мелодично позвякивая украшениями на своем парадном одеянии. Мериона верной тенью ушла следом. В помещении остались лишь

воины, застывшие в нишах, Манс, Лантея и Аш. Девушка наконец повернулась к мужчинам, все это время неловко переминавшимся с ноги на ногу у нее за спиной, и одарила их уставшей улыбкой.

– Я так рада, что с вами все в порядке, – сказала хетай-ра на залмарском, а потом, отринув колебания, все же приблизилась к Ашарху и заключила его в объятия.

Профессор, несколько сконфуженный от такого проявления чувств, неловко и скупно обнял свою спутницу в ответ, ощущая удушающую волну смущения, завладевшую им. Манс деликатно сделал вид, что ничего не заметил, и обменялся с сестрой простыми приветственными кивками.

– О чем вы говорили с матерью? – сразу же поинтересовался Аш, как только Лантея отступила. – Мне показалось, что эта беседа была не из приятных. Ты так злилась.

– На поверхности я видела странную песчаную бурю, которая движется в сторону Бархана. Она не похожа на самумы, что я замечала ранее. Скорее, будто целая армия тварей идет сюда. Это меня сильно волнует... Но мать отказалась выслать наверх разведку.

– Бархан отлично защищен. Под песком хетай-ра спрятаны надежнее, чем сам Залмар в своей Башне, так что не вижу смысла терзать себя напрасными опасениями, – ответил преподаватель и пожал плечами.

Девушка промолчала, явно оставшись при своем мнении. Для начала ей стоило отдохнуть и набраться сил, а после она

решит все вопросы самостоятельно, если уж никто ей не верил.

– Ты прийти быстро, систра, – вклинился в беседу Манс, желая продемонстрировать свои успехи в изучении человеческого языка.

– Смотрю, вы времени зря не теряли. – Лантея улыбнулась и сняла с себя запыленный плащ, вытряхнув из него целое облако мелкого песка. – Мне очень повезло найти цветок так скоро, поэтому я спешила обратно из последних сил, чтобы убедиться, что с вами все в порядке...

Аш и Манс переглянулись, раздумывая, стоило ли уставшую после прохождения испытания девушку беспокоить сейчас еще и своими проблемами. Но Лантея заметила их напряженные взгляды и нахмурилась.

– Что вы мне недоговариваете? – подозревая самое худшее, сразу же спросила она, насторожившись. – Что-то произошло?..

Мужчины оглядели тронный зал, где немymi изваяниями замерли стражи, и, подхватив Лантею под руки, увели ее в темноту дворцовых коридоров. Заглядывая в пустующие палаты, залы и галереи, они вскоре отыскали небольшую столовую, где и решили остановиться. Вытянутое помещение с длинным столом из песчаника, укрытым тонкой шелковой скатертью с массивными кистями и бахромой, показалось им удачным местом для приватной беседы.

Троица оседлала изящные стулья из темного стекла и по-

двинула поближе к себе графин с водой и одинокое блюдо с финиками, которые, видимо, прислуга забыла убрать после завтрака. Лантея в первое же мгновение, едва она села и с наслаждением вытянула ноги, потянулась к прохладному кувшину и жадно припала к горлышку. Она делала глоток за глотком, не замечая, как вода стекала мимо по ее подбородку и горлу, пока не почувствовала, как медленно ушел из головы болезненный туман, терзавший ее почти двое суток. И только тогда она отстранилась от графина и вздохнула полной грудью, прикрыв глаза и ощущая блаженство, растекавшееся по венам. Как же долго она мечтала утолить эту сводившую с ума жажду.

– Вот теперь я готова слушать, – прошептала девушка, все еще держа глаза закрытыми.

Мужчины со всей готовностью бросились пересказывать недавние события. Попеременно перебивая друг друга, переходя с одного языка на другой, они поделились и историей ночного покушения и не забыли упомянуть о недавней попытке отравления.

– Немыслимо! – в ярости воскликнула Лантея после того, как все узнала. – Сектанты прямо под носом у дворцовой стражи, и всем на это наплевать!

– Боюсь, твое скорое возвращение должно еще больше разозлить нанимателя этих тхаги, – сказал Ашарх.

– Когда систра идти два испытание, мы в опасность! – заметил Манс.

– Он прав, Тея. Как только ты уйдешь на испытание тьмой, наши с Мансом жизни вновь будут под угрозой. После стольких неудач неприятель будет действовать куда жестче.

– Для начала нужно понять, кто за всем этим стоит, – хрипло сказала девушка, оглядывая своих спутников.

– У меня есть одно предположение, – растягивая слова, произнес профессор. – Сейчас, когда состоялась встреча на дворцовой лестнице, то Мериона просто была готова испепелить тебя взглядом. Это была чистая концентрированная ненависть. Мне кажется, или сестринской любви между вами нет и никогда не было?

– Понимаю, что со стороны это выглядит именно так, но ты не прав, – возразила Лантея, зарываясь пальцами в свои спутанные волосы и вытряхивая из них песок. – Я думаю, у ее злости другая причина. И причина достаточно весомая. В свое время она очень болезненно перенесла тот факт, что в поисках цветка ей пришлось почти две недели бродить по пустыням. Богиня не желала одаривать ее своим благословением... Но ведь она наследница престола. Мериона не могла вернуться домой с пустыми руками. Это бы лишило ее всего. Поэтому она приползла в Бархан едва живая, но все же с победой.

– Мериона злится, потому что Лантея прийти скоро, – сделал выводы Манс, поглаживая свою короткую седую бородку.

Лантея набрала целую горсть сладких фиников из тарел-

ки, проигнорировав изящные костяные щипчики, и принялась по одному закидывать их в рот. Ее светлые глаза смотрели неподвижно в одну точку на столе.

– Конечно, ее совсем не радует мое скорое возвращение с победой, – согласилась наконец девушка, сплевывая косточки. – Однако она вряд ли считает меня достойной соперницей себе или же прямой угрозой власти. Сестра не так боится предлагаемых мной реформ, чтобы идти на открытый конфликт и избавляться от моих союзников.

– Я бы не был в этом так уверен на твоем месте, – пробормотал Ашарх. – Она станет следующей, кто займет трон. Сама подумай, зачем ей за спиной сестра, которая потенциально может устроить переворот?

– Мне не нужно свержение власти! Я просто хочу открыть хетай-ра глаза на мир за пределами песков и дать им свободу выбора. Чтобы те, кто захочет, вышли на поверхность.

– Ты уведешь народ из городов, разрушив всю социально-экономическую структуру общества. Именно это и называется переворотом, – с нажимом сказал профессор, скрепя руки на груди.

– Мериона еще не стала матриархом, – холодно ответила Лантея. – Скорее, мне следует опасаться матери, пока она стоит у власти. Больше всего на свете она боится того, что вся раса хетай-ра выйдет на поверхность, нарушив почти трехтысячелетнюю изоляцию. Потому что мать уверена, что наша культура может существовать лишь под песком. Мат-

риарху не нравятся веяния, которые я принесла. И она не постесняется пойти на такую грязь, как отравление или подосланный убийца.

– Нет, – неожиданно сурово заявил Манс, доставая из-за пояса словарь и подглядывая в него. – Никогда так мама не сделать. Хватить спорить вы.

Забросив в рот еще один финик, Лантея задумчиво его прожевала, сплюнула косточку и только после этого подтвердила:

– Да, пожалуй, ты прав, брат. Сейчас эти беспочвенные нападки на мать и сестру не дадут никаких результатов. Единственный способ все это остановить – это быстрее пройти последнее испытание.

– Но ты же только вернулась из пустынь! – воскликнул Аш.

– Я не могу впустую тратить время, – с сожалением проговорила девушка. – Завтра утром я уйду в Дикие тоннели. Иначе прохождение испытаний затянется еще надолго.

– Тея, проклятье! – разозлился преподаватель. – Ты даже не отдохнула! Не набравшись сил, ты не сможешь пройти испытание!

– Я пойду посплю немного, если вы не против. – Лантея зевнула, игнорируя возмущение профессора. – А после на свежую голову мы еще обсудим всю эту ситуацию.

Она демонстративно поднялась из-за стола, прихватив с собой блюдо с недоеденными финиками, и направилась к вы-

ходу, только бросив напоследок:

– Постарайтесь вести себя тихо и никому не попадаться на глаза во дворце. Встретимся в мольбище Старухи, когда стражи времени пробьют новую фазу дня. Сейчас это будет самым безопасным местом для всех нас.

Ашарх раздраженно ударил кулаком по столу, как только девушка вышла из столовой.

– Я о ней волнуюсь! А она... Творит глупости, подвергая свою жизнь опасности!

– Верь Лантея. – Манс нравоучительно поднял палец вверх. – Она знает, что делать.

– От того, что она останется в городе на несколько дней и нормально отдохнет, никому плохо не будет! Тея сама говорила, что испытание тьмой в разы опаснее испытания светом. Если она пойдет в тоннели измотанная, то ее попросту там сожрут.

Профессор поставил локти на стол и закрыл лицо ладонями. Юноша похлопал его по плечу, привлекая внимание.

– Она защитит себя, верь. Систра уже быть в тоннели раньша, систра уже убить ингуа раньша. Она все сделать.

– Манс, это ужасное чувство, – признался Ашарх. – Что я ничего не могу сделать. Я так хочу ей помочь сейчас, защитить от этих испытаний и ингур! Но все, что мне остается, это просто сидеть в городе и ждать ее возвращения, гадая, выживет она или нет. Как никогда ощущаю себя бесполезной тряпкой.

– Ты помощь Лантея – ты не умирать. Ты нужно систра. Если ты умирать, все зря. Лантея зря искать цветок, зря убить *inguga*.

В этот момент в столовую зашли две переговаривавшиеся прислужницы со стопками стеклянной посуды в руках. Они сразу же замолчали, как только увидели, что в комнате сидели Аш и Манс. Начинались приготовления к обеду, поэтому мужчины спешно ретировались из помещения, чтобы найти более тихое место.

Брат Лантеи привел профессора в зал для отдыха, располагавшийся напротив столовой. Комната встретила гостей отчетливым запахом пыли, витавшей в воздухе, и гулкой тишиной. В самом центре располагались выточенные из песчаника козетки и кушетки, укрытые шкурами и шелковыми подушками, и круглый массивный стол. Прямо в его каменную поверхность была вплавлена стеклянная сфера диаметром в несколько метров. Внутри нее будто оказалась заключена крошечная часть зеленого оазиса: все дно сферы устлали густые заросли мха, которые пронизывали стебли экзотических вьющихся растений и отдельные семьи голубоватых грибов. Под сводами стеклянной темницы медленно и неспешно кружили светлячки, наполняя всю сферу неземным зеленовато-желтым свечением. Можно было часами любоваться этим оазисом, заключенным в идеальный шар.

Время в комнате отдыха пролетело незаметно. Все внимание профессора первые пару часов было приковано к сфере,

а Манс занимал себя тем, что листал свой словарик и повторял отдельные фразы. Иногда негромко беседуя, мужчины вернулись и к теме только что пройденного Лантеей испытания. Тогда юноша поделился с Ашархом фрагментом разговора между матриархом и дочерьми в тронном зале, который он услышал:

– Лантея сказать, што они дать ей воду как соль.

– То есть соленую? – переспросил преподаватель.

– Да. Мериона сказать, што это вина слуга.

– Мне слабо в такое верится. Это не простая случайность или оплошность прислуги. Без воды в пустынях Лантея бы не смогла выжить долго. По-твоему, Мериона могла желать ей смерти?

– Не думать. Мериона хотеть, штобы систра сдаваться и прийти в Бархан без победа, – высказал свое предположение Манс, перебирая четки.

– Это, конечно, самый простой способ избавиться от потенциальной противницы. Лишить ее возможности выступить на политической арене – без благословения богини Лантея бы потеряла и право голоса, и в случае чего не могла бы претендовать на трон. Очень удобно. И безболезненно.

– Ты ничего не знать о Мериона. Во дворца есть хетай-ра опасеннее.

Профессор бросил на собеседника изучающий взгляд, который не укрылся от Манса. Но юноша в ответ на него лишь невесело улыбнулся и не стал больше ничего говорить. И

хоть Ашарх был уверен, что за этими печальными серыми глазами скрывалась какая-то тайна, он не решился настаивать на объяснениях. Может потому, что не хотел давить на юношу, ставшего для него верным соратником и прилежным учеником, а может потому, что боялся услышать его ответ.

Сразу после того, как стражи времени известили весь подземный полис о наступлении вечера, мужчины без промедления направились к мольбищу Старухи, как и было оговорено с Лантеей. Оно находилось в небольшой отдельной зале напротив мольбища Младенца. Здание храма имело идеальную треугольную форму и располагалось в углу искусственной пещеры, стены которой от использованной хетай-ра магии на ощупь были безупречно гладкими.

Аш впервые оказался в этом месте, но когда Манс завел его внутрь, то профессор сделал для себя вывод, что мольбище Младенца ему понравилось гораздо больше. Все стены внутри этого храма, открытого только во второй половине дня, были заполнены изображениями уродливой старой женщины и сценами, демонстрировавшими разные виды смертей. Мученические лица хетай-ра, которые погибали в пасти тварей, умирали от отравления, тонули, иссыхали от голода и жажды заставили Ашарха невольно вздрогнуть. Видимо, все это своеобразное искусство было направлено на то, чтобы избавить молящихся от страха смерти, так как, судя по фрескам, всех их ждала Многоликая Матерь. Но на профессора такие рисунки произвели отталкивающее впечатление.

В мольбище витал странный приторный запах, который почему-то сразу же напомнил преподавателю вонь прогорклого топленого жира, и даже курившиеся на стойках благовония не помогли избавить помещение от этого смрада. Посетителей было немного: жители приходили только помолиться, практически никто не задерживался после того, как заканчивалось время в их песочных часах. Поэтому на Манса и Ашарха служители храма смотрели с подозрением: мужчины уже почти четверть часа без дела сидели в одной из боковых ниш, скрытой от лишних глаз, и только тихо беседовали между собой в ожидании дочери матриарха.

– Почему это место такое мрачное? – полюбопытствовал профессор.

– Хетай-ра, што служить здесь, моют тело мертвый. Они носить их в тоннели, где лежать все мертвый хетай-ра.

– Постой... Они хоронят умерших в тех самых Диких тоннелях, куда и Лантея завтра пойдет?

– Нет! – возразил Манс и помотал головой. – Есть Дикий тоннели, где идти Лантея. Есть другой тоннели, где лежать все мертвый хетай-ра Бархан. Не могу сказать имя тоннели... Dzha-wendesh. Не знать слово. Это длинно, идти даль! Но нет конец, нет завершить.

– Бесконечные тоннели? – предположил преподаватель.

– Наверное да. Туда могут идти кто служить здесь. Хетай-ра простые нельзя.

– Почему нельзя?

– Мертвый всегда рядом. В тоннели лежать только тело мертвый. Дух мертвый рядом с живой хетай-ра всегда, не нужно идти к тело, – попытался объяснить свою мысль юноша, жестикулируя в поисках подходящих слов. – И там сложенна идти.

– В каком смысле сложно?

– Много. Даль. Нет конец!

Манс махнул рукой и достал из своей поясной сумки ту самую толстую ветхую книгу с торчавшими во все стороны закладками, по картинкам которой Аш учил юношу основам залмарского языка еще в библиотеке пару дней назад.

– Смотреть!

Хетай-ра полистал фолиант и указал профессору на одно из старых изображений, где чернила давно уже потускнели и частично смылись. Это был запутанный сложный лабиринт из тонких неровных линий, плотно переплетавшихся друг с другом подобно клубку червей и явно выведенных иллюстратором или писцом вручную. Где-то виднелись тупики и резкие обрывы, а в отдельных местах линии соединялись в вытянутые залы и комнаты, заштрихованные полосами.

– Ты что, все это время носил с собой эту здоровую книгу? – невольно восхитился преподаватель предусмотрительности своего спутника. – И что это за лабиринт такой?

Юноша улыбнулся похвале и начал водить пальцами по линиям.

– Это Бесконечный тоннели. Очень много. Сложенна там

идти. Это один уровень. Их много. Книга не новый, тоннели уже много больше. Хетай-ра копать песок, делать новый тоннели. Для новый мертвый тело. Но прийти inguga и все время рушить тоннели...

Профессор с удивлением посмотрел на страницу. Если это и правда была импровизированная карта захоронений, то бродить там можно было годами. Даже имея под рукой эту книгу, разобраться в переплетениях линий и найти нужное направление для обычного хетай-ра или человека, если бы он там оказался, не представлялось возможным.

В этот момент за спинами склонившихся над книгой мужчин раздалось легкое покашливание.

– Смотрю, вы неплохо проводите время вместе, – усмехнулась только что подошедшая Лантея, поправляя рукава своей свободной изумрудного цвета мантии. – Что изучаете?

– Манс рассказал мне о Бесконечных тоннелях, где хоронят ваших мертвых. Они ведь так называются, да? Dzha-wendesh... – протяжно проговорил Ашарх и подвинулся на каменном выступе ниши, уступая место девушке. – Еще твой брат показал мне их карту.

– Да, думаю, что это можно и так перевести на залмарский, – задумчиво подтвердила хетай-ра и притянула к себе поближе фолиант. – А! Брат нашел свой экземпляр книги Бытности! Полезная вещь, хоть и довольно устаревшая.

– Книга Бытности? Я думал, это просто продвинутый букварь или какой-то учебник.

Профессор широко улыбнулся и вдруг обратил внимание, что цвет волос его спутницы в очередной раз изменился.

– У тебя красные волосы?

– Да, по обычаю я должна нанести сок найденного мной цветка пустыни на волосы, чтобы каждый в полисе мог видеть, что первое испытание успешно пройдено, – объяснила Лантея.

Девушка страдальчески закатила глаза и поправила свои забранные наверх волосы, закрепленные длинными костяными шпильками, демонстрируя всем видом, что больше не намерена обсуждать тему насаждаемых традиций, которые были ей глубоко противны.

– А книга Бытности – это, на мой взгляд, уже пережиток прошлого. Но они все еще повсеместно используются в Барханах. В семьях их передают из поколения в поколение. Для мальчиков и девочек книги разные. Это учебник о том, что может пригодиться в жизни ребенку.

– Я видел здесь много иллюстраций. От грибов и животных до этикета и шитья, – сказал Ашарх и принялся листать фолиант. – То есть это энциклопедия, где написано понемногу обо всем?

– Нет, – протянула девушка. – Это учебник, я же говорю. После того, как мать научит дитя говорить и читать, то ему вручают книгу Бытности – и дальше ребенок идет сам. Тут есть счет, история, традиции, верования, обычаи, обязанности, вся информация о Бархане. Эти книги диктуют по-

ведение хетай-ра... У нас нет школ и академий, как в Залмар-Афи, Аш!.. Здесь дети учатся по книге Бытности, а обеспеченные хетай-ра своим отпрыскам нанимают нянек, которые все равно опираются исключительно на эти рукописные тома.

– Судя по этому экземпляру, информацию в них не обновляют, да? – поинтересовался профессор, с сомнением поглядывая на торчавшие во все стороны закладки.

– Их редко переписывают организованно, но часто дополняют от руки, – сказала Лантея, рассеянно пожимая плечами. – К тому же в каждом Бархане свои книги Бытности.

В эту минуту к троице, тихо разговаривавшей в каменной нише храма, уверенным шагом приблизился один из служителей мольбища Старухи. Это был высокий немолодой мужчина, одетый, как и положено, в серые длинные одежды, скрывавшие практически все тело. Высокий головной убор, представлявший собой узкий венец с отходившими от него вверх длинными иглами и полностью сделанный из резной белой кости, подчеркивал его статус главного жреца.

– Да благословит вас Многоликая Матерь... Простите, что отвлекаю.

Хетай-ра склонил голову в поклоне и прижал кулак к солнечному сплетению в знаке уважения. На его бескровном лице с широкими скулами и приплюснутым мясистым носом не читалось ничего, кроме подчеркнутой вежливости и малой толики равнодушия.

Лантея повернулась к нему лицом и, коснувшись молитвенных песочных часов на своем поясе, поприветствовала жреца:

– Главный служитель Озахар. Да услышит Эван’Лин ваши молитвы... Что вы хотели?

– Я заметил, дочь матриарха, что вы со спутниками уже долго пребываете в мольбище, – растягивая слова, сказал жрец и сцепил узловатые пальцы рук за спиной. – Быть может, вам нужна помощь в молитве богине?

В затхлом воздухе мольбища повисло неловкое молчание. Озахар выжидающе наблюдал за Лантеей, которая совершенно не к месту растеряла все свое красноречие.

– Мы беседуем о многоликости Эван’Лин и таинстве ее ночной смены облика. Под сводами молитвенного места разговор вести приятнее, – через несколько мгновений пришел на помощь Манс, заметив, что его сестра откровенно замялась с ответом.

– Да, главный служитель, так оно и есть, – спешно подтвердила дочь матриарха, растягивая губы в кислой улыбке. – Если вы нам понадобитесь, то мы обязательно вовлечем вас в беседу.

– Как скажете, – сухо бросил жрец и бесшумно удалился в другую часть храма.

Троица проводила его высокую фигуру задумчивыми взглядами, надеясь, что Озахар не захочет все же вернуться и настоять на своем присутствии.

– Всегда робею под его пронизывающим цепким взглядом, – шепотом призналась Лантея, вновь перейдя на залмарский язык и передергивая плечами. – Будто я снова маленькая девочка, которой он в сотый раз пытается объяснить, почему в мольбище Старухи так важно соблюдать тишину... А вообще, есть что-то в его взгляде потусторонне. Словно тысячи духов через эти черные зрачки смотрят на тебя, и солгать им ну никак нельзя...

Манс невольно усмехнулся подобному сравнению.

– Здесь он править смертью. Это его владение, – проговорил юноша.

– Что он хотел? – спросил у обоих своих спутников профессор.

– Служители не любят, когда в мольбищах долго сидят без дела. Здесь нужно молиться и уходить. Но для нас сейчас это самое надежное место во всем Бархане, – объяснила Лантея. – Хотя, нам стоит обсудить кое-что важное по поводу завтрашнего испытания и все же уйти отсюда, а то Озахар в следующий раз непременно захочет присоединиться.

– Ты тощно решить идти в тоннели завтра? – серьезно спросил Манс, нахмурившись.

– Да. Я не хочу давать матери лишнее время. Чем быстрее я пройду испытание, тем меньше подлостей она успеет придумать и воплотить в жизнь.

– Насколько долго ты вообще можешь пробыть в этих Диких тоннелях? – поинтересовался Ашарх и внимательно по-

смотрел на девушку.

– Думаю, два-три дня, вряд ли больше, – задумчиво произнесла Лантея. – Тоннели кишат ингурами. Их не трудно будет найти – гораздо труднее будет уйти оттуда живой.

– Надеюсь, ты сама понимаешь, как это паршиво звучит? – спросил профессор, нервно потирая себе виски. – В пустынях, по крайней мере, было светло и там не водилась тьма голодных тварей...

– Думать о себе, не о систра, – заметил Манс и постучал костяшками пальцев по своему лбу, красноречиво смотря на преподавателя.

– Вот именно, – холодно бросила девушка. – Пока меня не будет, за вами, скорее всего, начнется настоящая охота. От Аша хотят избавиться, потому что он способен подтвердить мои слова о благодатном мире за песками, а Манс открыто встал на мою сторону. Мать сделает все, чтобы я осталась без поддержки. Поэтому, пока я буду искать тварей, вы должны исчезнуть.

– Как? – нетерпеливо спросил брат.

– Ты хочешь, чтобы мы ушли из Бархана? – в свою очередь удивился профессор.

– Вам некуда уходить. Нужно надежно спрятать вас в городе. Но так, чтобы об этом никто не знал.

– Мы можем пойти в Бесконечные тоннели! – предложил Ашарх. – Да, я понимаю, что в соседстве с мертвыми мало приятного, но зато это довольно надежное место, судя по

всему. Во-первых, туда никто не сунется, а, во-вторых, даже если и сунутся, то никогда не сумеют отыскать нас в этом лабиринте. Главное, правда, самим там не заблудиться...

Косые взгляды спутников и неловкое молчание стали наградой профессору за его идею.

– Давай не будем подходить к этой проблеме так радикально, – скептически протянула девушка. – Есть масса других, более адекватных, вариантов.

– Под дворца есть тоннели. Можем там, – внес свое предложение Манс.

– Ты имеешь в виду подвальные помещения? – уточнила Лантея.

– Да. Там пять уровень. Много места и залы.

Сестра отрицательно помотала головой.

– Там постоянно слоняется прислуга: у них есть доступ ко всем погребам и складам, а во дворцовые темницы часто заглядывает Бартелин со своими подчиненными, – сказала она. – В любой момент можно кому-то случайно попасться на глаза... К тому же, если бы я была на месте матери, то дворец – это первое место, которое я бы проверила снизу доверху.

– Значит, нам нужно такое убежище, где легко затеряться, и что не представляется возможным полностью исследовать, так? – размышлял вслух Ашарх.

– Жилой зал? – неуверенно протянул сын матриарха.

– Муравейник? А что, звучит неплохо, – одобрила девуш-

ка. – Можно снять дом или комнату на неделю где-нибудь в самом густонаселенном его районе. И вы не будете выходить оттуда вплоть до моего возвращения.

– Ну, – протянул преподаватель, – пожалуй, соглашусь. Этот вариант мне нравится куда больше, чем спать рядом с телами умерших.

Он развел руками, признавая свое изначальное предложение неудачным.

– Тогда будет лучше, если уже сегодня ночью вы исчезнете из дворца, – четко проговорила Лантея. – Утром состоится церемония, на которой матриарх со всей своей свитой проведут меня в Дикие тоннели, но вас на этом мероприятии быть уже не должно. Пока мать поймет, что вы испарились, и начнет поиски, есть шанс, что я успею вернуться с трофеем.

– Тогда я идти искать дом. – Манс решительно поднялся с места.

– Спасибо, брат. – Девушка мягко улыбнулась юноше, чем заставила его зарумяниться. – Не привлекай к себе внимания. А мы подождем тебя здесь.

Сын матриарха кивнул и тихо покинул здание мольбища, набрасывая на голову капюшон своей мантии. Главный служитель Озахар, выбивавший пепел из курительниц в дальнем углу святилища, проводил Манса безразличным взглядом, а после с легким раздражением вновь посмотрел на Лантею и ее спутника, которые явно не собирались так скоро покидать укромную нишу.

– Ты доверяешь ему? – через минуту негромко спросила девушка, подбирая под себя ноги в тканевых сапогах и удобнее усаживаясь на широком каменном бортике.

– Кому? Мансу? – уточнил профессор и задумчиво пожевал губами. – Думаю, да. Он спас меня от того убийцы, буквально грудью бросился на защиту. Было столько ситуаций, в которых он мог без свидетелей от меня избавиться, но не сделал этого. Пока что я ни разу в нем не усомнился.

– Это все тоже может быть коварным замыслом матери. Чтобы он с нами сблизился, разузнал все наши планы и передал ей.

– Тогда почему ты доверила ему поиски убежища, если сомневаешься?

– Не знаю, – тихо проговорила хетай-ра и нахмурила лоб. – Наверное, на меня повлияла твоя уверенность в его непричастности. И я решила пока оставить все как есть.

– Мы действительно неплохо сошлись в последние дни, – усмехнулся профессор. – Хотя меня тоже порой терзают некоторые подозрения...

– Аш, надеюсь, ты осознаешь, что мое предупреждение по-прежнему остается в силе?.. Если он нападет, то убивай без сожалений. А если я не вернусь через пять дней, максимум семь, то уходи из Бархана любыми способами.

– Я запомнил и с первого раза, – грубее, чем ему бы хотелось, ответил Ашарх.

– Не злись. Я понимаю, что ты переживаешь. Но и я то-

же обеспокоена, что вынуждена оставлять тебя здесь. То, что тебе повезло избежать смерти во время моего первого отсутствия, не означает, что так же случится и во время второго, – сказала девушка.

– Это совсем не те мысли, что должны сейчас терзать тебя. Успешное прохождение испытания куда важнее.

– Да, я знаю это... Но... Ах, тьма! Все это так непросто...

Лантея нервно подергала себя за левую мочку, в которую были вдеты три маленьких костяных колечка, означавших ее принадлежность к Третьему Бархану. Профессор невольным движением руки поймал ее ладонь и на мгновение нежно сжал тонкие пальцы.

– Ты же знаешь, что со всем справишься, – негромко сказал он. – Мы с Мансом сами за себя постоим, а тебе стоит сосредоточить все силы и внимание на грядущей охоте.

Подняв на собеседника тяжелый взгляд, исполненный усталости и смятения, девушка лишь слабо улыбнулась.

– Знаешь, думаю, что я должен кое-что тебе сказать, – растягивая слова, заговорил Аш, прервав неловкую тишину, повисшую в воздухе. – Может, это приободрит тебя хоть немного перед испытанием... На днях я поразмышлял над твоим предложением.

– Каким?

– О том, чтобы немного задержаться в Бархане после того, как все закончится.

– И что ты решил? – спросила хетай-ра, затаив дыхание.

– Ну, я еще не до конца взвесил все плюсы и минусы, – смущенно пробормотал преподаватель. – Но пока этот вариант кажется мне не таким уж плохим.

– Аш... Это же так чудесно! – выдохнула Лантея и подалась вперед, а ее лицо мгновенно посветлело.

– Да, я тоже подумал, что помочь тебе прекратить изоляцию древней забытой расы – это неплохой подвиг для обычного профессора истории.

Девушка с такой надеждой и теплотой посмотрела на Ашарха, что он даже зарделся, а после она неожиданно порывисто обняла спутника, обвив его руками.

– Я тебя не подведу. Слышишь?! – прошептала Лантея. – Я пройду второе испытание во что бы то ни стало!.. Ты даже не успеешь заскучать, как я уже вернусь к тебе с победой.

– Будь осторожна, – еле слышно попросил профессор, вдыхая тонкий запах горьковатого парфюма, который исходил от девушки и ее одежды.

– Буду, – серьезно пообещала хетай-ра, отстраняясь от преподавателя и заглядывая ему в глаза. – Я вернусь, и мы вместе положим начало новой вехе в истории моего народа, Аш. Вот увидишь.

Время шло, а Манс, отправленный в Муравейник на поиски убежища, все не возвращался обратно в здание храма. Жрец Озахар, постоянно со скучающим видом разгуливавший неподалеку, подходил еще несколько раз к беседовав-

шим спутникам, а его настроение с каждой минутой не становилось лучше. В итоге последний раз он уже откровенно злился:

– Дочь матриарха! Вы собираетесь тут пробить до самого закрытия мольбища Старухи?!..

– Простите нас, главный служитель. Мы уже уходим, – извинилась Лантея, виновато улыбнувшись, и сразу же добавила на залмарском для Аша: – Пойдем, постоим у входа... Надеюсь, с братом ничего не случилось.

Они покинули серое негостеприимное мольбище и сели на ступеньки пологой лестницы, ведущей к храму. Подземный полис готовился ко сну, горожан становилось все меньше и меньше, и на темные коридоры плавно опускалась вязкая тишина. Небольшая пещера, где располагалось мольбище, тоже пустовала, и даже светлячков в ней уже практически не было: они постоянно мигрировали в зависимости от времени суток, перебираясь из зала в зал в поисках свежих зарослей мха и лишайника. Поэтому когда через четверть часа во мраке от входа раздались чьи-то быстрые шаги, то Лантея сперва настороженно прислушалась.

– Он! – через мгновение выдохнула девушка с явным облегчением.

Это действительно оказался Манс, кутавшийся в свою темно-синюю мантию. Как только он разглядел фигуры сестры и преподавателя на ступенях храма, то сразу же устремился к ним, на ходу сбрасывая с головы глубокий капюшон.

– Я все сделать! – серьезно сказал юноша, пальцами причесывая свои спутавшиеся седые кудри.

– Тебя долго не было. Все прошло нормально? – спросил Ашарх.

– Никто не открыть дом. Поздно. Долго искать!

– Но ты все же нашел подходящий вариант? – уточнила Лантея.

– Да. Восемь уровень, лево, до конец. У стена, дом с три окна.

– Я поняла, где это. – Девушка кивнула и поднялась на ноги. – Возвращаемся во дворец.

– Как? А мы разве не сразу на новое место? – удивился профессор, тоже вставая с холодных ступеней и устремляясь следом за братом и сестрой, которые направились к выходу из пещеры.

– Вам нужно забрать вещи и заpastись едой. Или ты хочешь неделю голодать? – усмехнулась Лантея, не оборачиваясь. – Да и я думаю, вам лучше будет выбраться из дворца в середине ночи, чтобы никому не попасться на глаза... Манс, ты же помнишь, где находятся тайные ходы?

– Хотеть, чтобы мы уйти так?

– Да, только ступайте не через мольбище Младенца. Этот ход рядом с комнатой Бартелина, он может услышать. Идите через тоннель, который ведет прямо к промысловым пещерам... Да, вам, конечно, придется сделать большой крюк по главному коридору, но так безопаснее.

– Я помнить, где он, – осторожно сказал юноша, кивая.

– Хорошо. Если стража вас не заметит, то все сложится как нельзя лучше. – Лантея нервно провела рукой по своему затылку.

Уже практически на подходе к обители правящей семьи Ашарх все же поинтересовался:

– Ты с нами не пойдешь ночью в Муравейник?

– Не пойду. Чем больше народа, тем больше шума. Да и мне нужно бы отдохнуть перед испытанием, – пробормотала девушка и скривилась. – Завтра мне потребуются все силы.

Едва только троица оказалась в привычных дворцовых коридорах, как первым делом они отправились на кухню. Это было просторное помещение с ровными каменными плитами вдоль стен, на которых и готовилась пища при помощи нагревания магией песчаника. Все углы оказались заставлены стеклянными горшками и казанами в человеческий рост, а под потолком висели связки сушеных грибов и растений, издававших приятный аромат. Кухня пустовала, повара и прислуга уже давно спали, но, самостоятельно порыскав по полкам и кладовым, приятели сумели набить свои сумки и вещевые мешки различной снедью: холодным хлебом, сушеной рыбой, брикетами прессованного мха, взяли также тяжелые горшки с маринадами, связку подсушенных фиников и даже одну закупоренную бутылку с травяной настойкой.

Когда провизия уже перестала помещаться в сумках, карманах и руках, то девушка проводила мужчин до комнаты

Манса и, попрощавшись с ними обоими, ушла отсыпаться на женскую половину дворца.

Сбор личных вещей для переезда в Муравейник затянулся еще на половину вечера: у профессора оказалось не так уж и много скарба – только одежда и завернутый в тряпки меч Саркоза, о котором Ашарх и сам уже успел позабыть, а вот Манс, напротив, нервно бегал по комнате, основательно набивая мешки всяким ненужным хламом. Он совершенно не представлял, что могло ему пригодиться, а потому принял решение брать все.

В середине ночи две груженные сумками тени покинули спальню, тихо пробрались в одно из многочисленных помещений дворца, вход в которое был спрятан за резной колонной и отгорожен от чужих глаз плотными черными портьерами. Лишенное мебели и иных деталей интерьера пространство гулким эхом встречало любой звук, и кроме изящного каменного барельефа у дальнего угла в комнате больше не было ничего интересного. Манс решительно двинулся к скульптурной композиции и надавил на одну из выступавших деталей орнамента в виде скарабея. Часть стены медленно сдвинулась в сторону, открыв черный проход, из которого потянуло холодным воздухом и явным запахом пыли.

Темный узкий тоннель, проложенный прямо в толще застывшего песчаника, оказался достаточно коротким и сразу же вывел обоих мужчин в главный коридор, как и говорила ранее Лантея. Где-то по правую сторону должна была распо-

лагаться круглая рыночная площадь под стеклянным куполом. Манс же без промедления повел своего спутника налево, в направлении Муравейника.

Несколько раз в коридоре появлялись неспящие жители Бархана, но приятели, спрятав лица за капюшонами и отходя ближе к стенам, уверенно спешили мимо, торопясь добраться до своего убежища. Где-то в середине пути, когда тоннель повернул налево, Манс неожиданно остановился.

– У вход в зал стоять воин, – негромко предупредил хетай-ра, явно прислушиваясь к чему-то.

– Лантея говорила, что стража не должна нас видеть, – шепотом напомнил Ашарх.

– Тогда мы идти другой вход.

Манс схватил профессора за запястье и направился к одному из темных проходов, видневшихся невдалеке. Как только их поглотил абсолютный мрак, то Аш расслышал шум текущей воды. Через пару минут быстрой ходьбы они вошли в высокую пещеру, в глубине которой где-то текла бурная подземная река. Однако юноша не дал своему спутнику времени полюбоваться на красоты этого зала, а сразу же увел его в одно из ответвлений: оно и оказалось проходом в жилую пещеру.

Множество маленьких домов встретили двух гостей умиротворяющей сонной тишиной. Казалось, что даже грибы стали светиться тусклее с приходом ночи в подземный полис. Приятели поднялись практически до самого верха, бес-

шумно минуя ярус за ярусом по протяженным узким лестницам со стоптанными ступенями. Нужный им уровень оказался предпоследним. Дома здесь липли друг к другу, соприкасаясь стенами, и порой между двумя строениями даже не было места, чтобы протиснуться на соседнюю улицу. Манс долго блуждал между постройками, пытаясь вспомнить, куда идти, пока не привел преподавателя к самому концу ряда, где крошечные дома сиротливо жались к пещерной стене. Одно из этих зданий и оказалось их тайным убежищем.

Дом был двухэтажным, но достаточно узким. Он не просто примыкал к стене Муравейника, а выступал из нее, буквально вырубленный из песчаника. Никакой мебели в здании не оказалось, только в отдельных пустых помещениях на полу лежали шкуры и примятые подушки, а на кухне стояли большие каменные бочки с водой и стеклянный крытый резервуар с светлячками, где они ползали по стенам, поросшим мягким мхом.

Мужчины неспешно изучили свое новое пристанище, частично разобрали сумки и выпустили насекомых свободно летать по дому, чтобы стало немного светлее. Несколько раз проверив, заперты ли двери и окна, вскоре они легли отдыхать, гадая, сколько дней им предстояло провести в этом пустом доме в ожидании Лантеи.

В этот раз девушка проснулась вовремя. Она четко знала, что стражи времени еще не оповестили город о начале

нового дня, до первого удара в барабаны оставалось около получаса. Привыкшие существовать в практически полной темноте, хетай-ра умели жить, ориентируясь на свои внутренние часы, которые были предельно точны. И Лантея надеялась, что эта способность могла пригодиться ей во время прохождения следующего испытания. Она быстро собралась, облачившись в темную облегающую одежду, не сковывавшую движения, заправила за пояс подарок брата, заранее смазанный надежным быстродействующим ядом, и наполнила водой кожаный бурдюк, решив больше никому другому не доверять это важное дело.

В тронном зале ее уже нетерпеливо поджидали. Украдкой позевывавшая мать, зябко кутавшаяся в изумрудную накидку, негромко беседовала с Бартелином. Отец был бодр и собран, как, впрочем, и всегда. Под мышкой он держал фонарь с светляками и, несмотря на раннее утро, уже полностью был облачен в защитное снаряжение. Лантея вообще часто думала над тем, что муж матриарха, судя по всему, никогда не снимал свои доспехи и не расставался с мечом, даже когда спал. Наверное, так и должен был выглядеть верный охранник правительницы, но за этим суровым воином девушке никогда еще не удавалось разглядеть отца.

Мериона стояла неподалеку, укрывшись мантией, и прикрыв глаза в легкой дреме. Она сжимала в руках флягу с ножом, которые должна была передать сестре для испытания. Дайва, покорно склонив голову, незримой тенью замерла ря-

дом в ожидании приказов. Помимо правящей семьи в зале было еще несколько слуг и подтянутых стражниц, но никто из городского совета не явился на церемонию.

– Лантеялианна, вот и ты, наконец, – сразу же обратилась матриарх к дочери, едва та появилась на пороге. – Мы уже хотели за тобой посылать.

– Я ведь не опоздала, – неуверенно сказала девушка.

– Конечно нет, дочь моя. Но нам нужно время, чтобы отвести тебя к тоннелям и попрощаться должным образом.

– Почему нет никого из совета?

Лантея приблизилась вплотную к матери, заглядывая в ее пронзительные голубые глаза, начинавшие уже постепенно выцветать с возрастом. Правительница приподняла уголки губ в легкой улыбке и положила ладонь на плечо дочери, слабо сжав его.

– Мы решили проводить тебя в узком семейном кругу. Думаю, ты волнуешься. Поэтому пусть церемония пройдет тихо. Испытание тьмой гораздо серьезнее поисков цветка пустыни, но именно оно должно раскрыть весь твой потенциал.

– Мы уже можем отправляться? – хмуро спросила Мериона, открывая свои глаза, подернутые сеткой лопнувших сосудов, и оглядывая мать с сестрой. – Стражи времени должны вот-вот ударить в тамтамы.

– Да, думаю, пора, – сказала матриарх и отступила от Лантеи, накидывая на голову тонкую полупрозрачную вуаль. Она опустила руку на локоть своего мужа и первой покинула

тронный зал.

Небольшая процессия двинулась к Диким тоннелям в угрюмом молчании, будто похоронный кортеж. Уже на выходе из дворцовой залы их слуха достиг ритмичный рокот барабанов, разносившийся звучным эхом по протяженным коридорам подземного полиса. Широкий главный коридор казался вымершим и погруженным в тягостное забвение, лишь перед массивными круглыми створками, отсекавшими Бархан от системы пещерных ходов, как и всегда стояли собранные воины, сторожившие проход.

Матриарх замерла около врат, повернувшись к своей младшей дочери, откинув вуаль с лица, и пряча руки в складках длинного одеяния. Вид ее был каким-то рассеянным и оттого казавшимся очень печальным.

– Сегодня ты отправляешься на свое второе и последнее испытание зрелости, Лантеялианна. За этой каменной преградой начинается другой мир – темный, жестокий и неприветливый...

Мать говорила негромко, без нарочитой торжественности и приевшейся официальности.

– Ты должна не только выжить в нем, отыскать противников всего нашего рода и принести доказательство своей победы, но и найти гармонию со своим внутренним «я». Темнота поможет тебе успокоить мысли и смирить неясные порывы души, она хорошо умеет не только пугать, но и слушать.

Девушка тихо фыркнула, высказывая этим все свое отношение к подобного рода намекам, но матриарх лишь тяжело вздохнула в ответ.

– Вижу, нож и воду ты себе уже приготовила. Похвальная предусмотрительность, особенно после недавнего инцидента... Что ж... Отец проводит тебя до крайней границы. А мне остается лишь благословить тебя.

Голос правительницы неожиданно дрогнул:

– Вернись с победой, Лантеялианна. Докажи, что ты гордость рода Анакорит и что ты достойна получить милость богини. Пусть Эван'Лин защитит тебя, как всегда защищала всю нашу семью!.. Ступай!

Она махнула рукой, и в это мгновение Лантея краем глаза успела заметить, что вокруг запястья матриарха была обвязана простая нить, на которой висел костяной шахин Чият, до этого прятанный в рукаве. Девушка задумчиво хмыкнула себе под нос, пытаясь припомнить, носила ли мать когда-нибудь раньше такого рода памятные безделушки. Но ничего подобного на ум ей не пришло.

– Пусть богиня решит твою судьбу, сестра, – негромко бросила напоследок Мериона.

Бартелин в сопровождении двух стражниц шагнул к воротам, едва матриарх дала знак. Скупое кивнув матери на прощание, Лантея встала за спиной отца, ощущая, как тревога удушливой волной наполняет ее тело, заставляя пальцы мелко подрагивать. Воины, охранявшие проход, словно отмер-

ли, резко развернувшись на месте, и практически синхронно приложили ладони к непроницаемой поверхности створок.

– Kzheomon-shate, Ewan’Lin! – громко и четко прозвучали слова воззвания к богине.

И едва затихли последние звуки, как камень стал оживать. громоздкие толстые двери медленно и совершенно беззвучно открывались, скользя над песком, будто невесомые крылья. Лантея на секунду почувствовала, как ее захлестнули неприятные воспоминания из детства. Ей показалось, что вот-вот в чрево абсолютно темного прохода двинется длинный караван, увлекая в опасный путь и ее саму, но наваждение быстро сгнуло.

Как только створки распахнулись во всю ширь, явив глазам всех присутствовавших непроглядный зев тоннелей, Бартелин и стражницы первыми двинулись вперед, бесстрашно нырнув в черную бездну. Лантея, не оборачиваясь на провожающих, сразу же последовала за ними. За ее спиной бесшумно закрылись каменные двери, отсекая путь назад.

Кромешный мрак мгновенно обступил со всех сторон, но отец с двумя своими подчиненными все так же уверенно шел дальше, освещая дорогу фонарем и ни на минуту не останавливаясь. Очень скоро по правую сторону появилось крупное семейство синих грибов, ярким пятном облепивших стену. Они являлись единственным источником света на десятки метров вокруг и ориентиром, хорошо знакомым каждому хе-

тай-ра в полисе: здесь дорога раздваивалась, и направо уходил широкий тоннель, ведущий к Первому Бархану. Но путь небольшого отряда лежал в другую сторону, туда, куда не отваживался ходить ни один караван – в тоннели, подвластные лишь охотникам и ингурам.

Через несколько сотен шагов, когда извилистая дорога, то расширявшаяся, то сужавшаяся до пары метров, наконец оборвалась перед монолитной ровной стеной, Бартелин остановился. Это была крайняя граница – последний рубеж перед неизвестностью, – за которую Лантея должна была отправиться уже в одиночку.

Отец передал фонарь одной из молчаливых стражниц, которые отступили на пару шагов, а сам подошел к стене вплотную и возложил на нее руки. Низким басом он воззвал к богине, творя заклинание и вплетая магию в структуру камня, подчиняя его своей воле. Песчаник послушно размяк, будто подтаявшее на солнце масло, и медленно стек вниз жидкими каплями, открывая неровный овальный проем. Мужчина отряхнул руки и повернулся лицом к дочери.

– Эти тоннели – особенное место. Здесь темнота и тишина завладевают разумом, подчиняя себе сознание, и на первое место выходят инстинкты и предчувствие. Эти тоннели способны сломать волю, превратить охотника в добычу и добычу в охотника, потому думай над каждым своим шагом, словно он последний... И помни, что истинная ценность любой жизни познается лишь в борьбе за нее... Так пусть же

Эван Лин услышит тебя, – попрощался Бартелин.

Лантея только кивнула в ответ на такие слова, глубоко вдохнула и решительно шагнула в сделанный проход, не давая сомнениям овладеть собой. Отец за ее спиной практически сразу же провел рукой над песчаником, запечатывая проход. И уже через полминуты девушка осталась стоять совершенно одна в крошечном мраке Диких тоннелей.

Она в абсолютной тишине и темноте двигалась вперед, не отрывая руку от холодной шершавой стены. В этих тоннелях росло мало флуоресцирующих грибов и мха, так как здесь не было крупных подземных рек, а воздух казался сухим и безжизненным. Иногда за пару сотен шагов встречалась лишь одна грибница, тусклым светом разгонявшая мрак. Надеяться можно было только на инстинкты, чутье и острый слух – зрение становилось совершенно бесполезным.

В некоторых местах этих бесконечных тоннелей были узкие щели, трещинами уходившие далеко на поверхность, но через них вниз попадало мало воздуха, зато наметало много песка. Однако Лантея заметила, что на определенных отрезках коридоров ветер гулял во всю мощь: это означало, что твари все же прорывали пути на поверхность или что где-то проходы обрушились. Дикие тоннели имели очень много разветвлений, а из-за постоянно мигрировавших колоний ингур часто появлялись новые пещеры и лазы, которые эти создания рыли на своем пути мощными лапами и рогами.

Именно благодаря знанию флоры и фауны этих мест девушка надеялась найти своих жертв: твари селились крупными колониями рядом с редко встречающимися подземными озерами и реками, чтобы иметь доступ к воде, а из-за влажности в этих местах и рядом с ними всегда разрастались мхи, лишайники и грибы. Лантея решила блуждать по тоннелям до тех пор, пока не найдет крупное месторождение светящейся флоры или грибниц, которые могли вывести ее к логову ингур.

Лантея аккуратно и тихо шла вперед, постоянно прислушиваясь и сворачивая в любые ответвления, особенно если видела в них свет грибов или мха. Короткими перебежками она двигалась около часа, пока неожиданно не услышала за своей спиной, в уже пройденных тоннелях, отдаленные приглушенные шумы, которые достаточно быстро стихли. Девушка замерла и нахмурилась: она была уверена в том, что не оставляла позади ни одной непроверенной пещеры или тупика.

«Неужели твари так быстро прорыли норы, почуяв запах добычи?» – промелькнула тревожная мысль в голове Лантеи. Если это действительно было так, то теперь ингуры могли целенаправленно пойти по свежему следу.

Хетай-ра постояла в раздумьях несколько минут, а после все же решила проверить свою догадку, чтобы быть уверенной в безопасности путей отхода. Она продвинулась еще немного вперед, пока на свою удачу не нашла небольшой за-

куток с колонией крупных старых грибов, которые давали совсем немного света, но ей этого было достаточно. Девушка обнажила стеклянный нож Манса и распласталась по стене, замерев в ожидании. Примерно двадцать минут она слышала только ровное биение своего сердца в ушах. Лантея уже практически уверилась в том, что шум ей только показался, пока звук неожиданно не повторился. И раздался он гораздо ближе, будто источник двигался в ее направлении.

Наконец, спустя еще почти четверть часа томительного ожидания, обостренное чутье девушки различило едва слышное шуршание совсем близко. Лантея была напряжена, ее тело окаменело, она дышала через раз, плотно вжавшись в каменную поверхность небольшой ниши и слившись с тенями. Охотничий азарт играл в ее крови.

И вот на слабый свет грибов прямо перед лицом дочери матриарха из мрака почти бесшумно выступили две фигуры хетай-ра.

Лантея на секунду растерялась, но уже через мгновение в двух девушках она узнала тех самых стражниц, что проводжали ее к тоннелям. Подчиненные Бартелина. Только теперь они держали в руках обнаженное оружие, напряженно прислушиваясь к окружавшей их тишине, а доспехи были сняты – видимо, чтобы издавать меньше шума при движении. Пока Лантея ошеломленно смотрела на воительниц, они успели ее заметить и, лишая дочь правительницы всяких сомнений, набросились на нее.

– Это она!..

У девушки на долю секунды в голове промелькнула мысль о том, что если ее убьют во время прохождения испытания, то никто никогда так и не узнает, что это была не гибель от кльков случайной ингуры, а спланированное убийство. Вот только кем спланированное?..

Лантея почувствовала, как гнев поднимается в ее груди.

Она заблокировала ножом рубящий удар ближайшей к ней женщины, вооруженной одним коротким мечом, и сразу же оттолкнула ее ногой в живот, давая себе пространство для маневров.

– Кто послал вас?!..

Отвечать никто не собирался. Однако вторая хетай-ра с отчаянным криком тотчас же замахнулась, чтобы обрушить на голову своей жертвы могучий удар. Пока Лантея отводила эту атаку, кинжал, зажатый в другой руке стражницы, уже нацелился под ребра девушки. Она успела в последнюю секунду схватить за запястье левую руку воительницы и сразу же нанесла резкий удар ножом, отрубая кисть вместе с оружием. Стражница зашлась в воющем крике, меч упал из ее уцелевшей руки. Она вцепилась в свою культю, но через несколько секунд начал действовать яд, и женщина как подкошенная рухнула вниз.

Лантея, впрочем, не успела насладиться быстрой победой над противницей: отброшенная ранее хетай-ра пришла в себя и сделала низкий выпад, царапая внешнюю сторону бед-

ра девушке, не успевшей отреагировать. Лантея зашипела от боли и отступила назад, насколько позволяло тесное пространство. Воительница тем временем продолжала отчаянно наступать, нанося удар за ударом, целясь уже в голову, пока девушка не упала под силой натиска на одно колено. Клинки сошлись в жестком клинче. Лантея в это мгновение надеялась только на прочность стеклянного ножа, который в любой момент мог не выдержать напора костяного меча. Но подарок Манса оказался на удивление крепким и остался цел.

– Да подохни ты уже, сука! – с отчаянием выкрикнула взмокшая стражница.

В этот миг она совершила роковую для себя ошибку. Уверенная в слабости раненой противницы, обезумевшая от закипавшего в крови адреналина, женщина высоко подняла меч над головой, готовясь нанести последний сокрушительный удар, вложив в него все остатки своей силы. Но Лантея, предчувствуя, что уже не сумеет отбить кинжалом подобную атаку, успела свободной рукой подобрать с пола меч поверженной ранее стражницы, лежавший совсем близко.

Она подставила под решающий удар костяное оружие, отводя в сторону меч противницы, а другой рукой по самую гарду вогнала в живот женщине стеклянный нож Манса. Послышался хлюпающий звук, а после болезненный вздох. Лантея твердо и без каких-либо сомнений провернула оружие в плоти, и стражница со стоном осела на песок. Еще какое-то время она корчилась в болезненной агонии от раны и

яда, а потом затихла, вытянувшись на песке.

Девушка тяжело осела на пол и наконец перевела дыхание. Она вся взмокла, а рана на ноге противно болела. Быстро осмотрев порез, Лантея убедилась, что он был не опасен для жизни: не слишком глубокий, да и оружие, которым его нанесли, не имело яда на кромке лезвия.

Без особенной надежды пнув трупы убийц, она запоздало подумала о том, что следовало оставить хоть одну хетай-ра в живых, чтобы подробнее расспросить ее о нанимателе. Хотя, скорее всего, женщины отказались бы с ней говорить, предпочтя смерть, да и все, в принципе, и так было достаточно ясным – мало кому в Бархане подчинялась дворцовая стража.

Все произошедшее привело девушку к выводу, что ее мать решила действовать наверняка: когда не удалось достать Аша, то она захотела избавиться от первопричины всех проблем – родной дочери. А нападение стражниц навело хетай-ра на неутешительную мысль, что со всем этим мог быть связан еще и отец. Хотя, принимая за основу мать как главного подозреваемого, вовлеченность Бартелина была объяснима, ведь он подчинялся ей безоговорочно во всем.

Лантея сжала губы: по возвращении в Бархан ей предстояло плотно заняться этим вопросом, но пока что нужно было выжить в Диких тоннелях. Идти сейчас обратно в полис было равноценно признанию собственного поражения на испытании. Сперва следовало закончить охоту, а уже после выве-

сти матриарха на чистую воду, выявив всех ее поделщиков. Поэтому она без какого-либо раскаяния забрала с трупов все вещи, которые удалось найти: изогнутый кинжал, кожаную перевязь с мечом и пояс с метательными стеклянными ножами, полную флягу с водой и даже небольшую склянку, в которой оказалась довольно популярная в Барханах ядовитая смесь «Скорбь», вызывавшая мгновенную остановку сердца. Хетай-ра изучила последнюю с удивлением – ей несказанно повезло, что стражницы не воспользовались ядом. Видимо, женщины надеялись подготовиться к нападению и застать ее врасплох, но добыча сама выследила и устранила своих охотников.

После девушка аккуратно промыла рану тонкой струйкой воды из фляги и перевязала чистым куском чужой рубахи. Боль была ощутимой, но ходьбе не мешала. Тщательно взвесив все «за» и «против», Лантея без намека на брезгливость все-таки забрала отрубленную кисть одной из противниц: это могло пригодиться, чтобы отвлечь или, наоборот, привлечь голодных тварей.

Наконец, кинув последний взгляд на неудавшихся убийц, она продолжила свой путь.

Лантея двигалась быстро, но старалась издавать как можно меньше шума, аккуратно ступая в тканевых сапогах и тщательно проверяя почву под ногами, прежде чем сделать следующий шаг. Периодически она позволяла себе отдох-

нуть и выпить пару глотков воды, чтобы промочить горло. Ей все труднее становилось определять в полной темноте, сколько прошло часов с того момента, как она оказалась в Диких тоннелях. Когда не было больше слышно, как стражи времени бьют в тамтамы, то минуты растягивались на годы, а единственным мерилom становились жажда и усталость. Внутренние часы хетай-ра уже не казались ей такими эффективными. По ощущениям девушки она шла никак не меньше суток, лишь раз сделав перерыв на короткий сон, а ландшафт практически не изменился: только попадалось все больше пустых пещерок, уводивших в неизвестность ответвлений, редких видов грибов или маленьких кусочков мха.

Девушка злилась, что удача никак не давалась ей в руки: ни одной ингуры по пути она не встретила. Даже не было следов их жизнедеятельности, словно все подземные существа испарились во мгновение ока вместе со своими выводками. Лантея чувствовала, как ее желудок сворачивался в один пульсировавший от голода комок, который постоянно отвлекал на себя внимание, мешая сосредоточиться на поисках тварей. Стражницы, к сожалению, не захватили с собой ничего съестного, хотя девушка была весьма рада и тому, что с их трупов она сняла дополнительное оружие и еще одну флягу с водой. Поэтому пока что единственным пропитанием для хетай-ра стал весьма редко встречаемый ей темный мох. Фосфоресцирующий не был пригоден в пищу, но зато рядом с ним часто росли маленькие островки горького

скального мха, который Лантея аккуратно снимала и прятала в карманы про запас.

Давившая на уши тишина первое время весьма раздражала, но в какой-то момент она стала глубже и объемнее, позволяя, к неожиданности девушки, расслышать где-то совсем далеко тихий мерный стук капель и слабый писк слепыша, рывшего для себя нору. Порой она различала торопливое хлопанье крыльев летучих мышей или копошение мелких жуков. Из-за отсутствия других звуков даже убаюкивавшее дыхание ветра в узких просветах щелей можно было определить за много сотен метров. В некоторых ответвлениях петлявших тоннелей Лантея почти кожей чувствовала, как осыпался понемногу песок со стен и потолка.

Абсолютный мрак, окружавший ее со всех сторон, дышал, он жил своей особенной размеренной жизнью и пел едва слышную мелодию вечности.

Дикие тоннели постепенно начинали запутываться: девушка ощущала себя маленькой ящерицей, беспорядочно бегавшей по одинаковым коридорам каменного лабиринта в поисках желанной добычи. Вот только ее лабиринт не заканчивался, закручиваясь и петляя, а награда за его прохождение могла оказаться где угодно.

Лантея стала замечать, что тоннели превратились в неровные, порой слишком узкие, коридоры, а под ногами чаще появлялись неожиданные провалы и разломы. Это означало, что девушка вышла в зону, где пути рыли уже ингуры.

Старые книги утверждали, что все сети проходов, расположенных под пустынями, некогда были полноводными подземными реками, которые постепенно обмелели за тысячелетия и превратились в сухие и гладкие тоннели. С приходом хетай-ра и тварей русла дополнились вырытыми с помощью магии и когтей проходами, что во много раз увеличило и без того огромную сеть коридоров и лазов. Некоторые тропы могли увести заплутавшего путника на более низкие уровни, которые, по легендам, спускались чуть ли не до самого центра планеты. Однако это были только байки, проверять их не осмеливался ни один живущий в Барханах хетай-ра, поскольку из Диких тоннелей и так возвращалось слишком мало смельчаков. Поэтому и Лантея благоразумно проходила мимо широких нор и проломов, которые явно позволяли спуститься ниже. У девушки не было с собой веревки, да и проверять населенность нижних уровней не очень-то хотелось.

С каждым новым поворотом и ответвлением хетай-ра все больше переживала по поводу того, как будет искать дорогу назад. Пока что она старалась не уходить в тоннели, ведущие в обратном направлении, а предпочитала те пути, что казались ей прямыми и широкими. На всех развилках, где был выбор, с самого начала Лантея поворачивала только направо, стараясь особенно тщательно запоминать любые встречавшиеся ей ориентиры в виде бледно-синих или сиреневых грибниц, колоний мха, маленьких соленых озер и мрачных

проломов.

Когда спустя длинную череду одинаковых проходов девушка неожиданно увидела робкое голубоватое свечение в одном из коридоров, то она, как и прежде, уверенно туда свернула. Подойдя ближе, Лантея обнаружила редкие поросли мха, которые прерывавшимися лоскутами покрывали часть стены. Хетай-ра особенно внимательно изучила окрестности и с замиранием сердца увидела, что мха становилось только больше с каждым метром, а этот мягкий светлый ковер обрывался у черного провала, ведущего в боковую пещеру. В воздухе стоял тяжелый животный смрад.

Осторожно пригнувшись и подкравшись ближе ко входу, девушка настороженно прислушалась и спустя несколько томительных ударов сердца различила тихие звуки: негромкое течение и плеск воды, приглушенные шаги, цоканье когтей по камню и отчетливое фыркание.

Это были твари, без сомнений.

«Наконец долгие поиски увенчались успехом!» – подумала Лантея, и хищная улыбка расцвела на ее губах.

Разглядеть количество тварей с этого места было невозможно, а хетай-ра не хотела рисковать, высовывая голову в проход, ведь она не знала размеры пещеры и то, как по ней распределилась стая существ. А в том, что это была именно стая, девушка не сомневалась: ингуры переговаривались негромкими рыками. На слух трудно было посчитать их приблизительное количество, но тварей в пещере явно ходило не

меньше десятка. Достаточно небольшая семья. Но все равно этого количества хватило бы, чтобы растерзать Лантею за пару мгновений. Поэтому хетай-ра нужен был хороший план, чтобы выманить одну особь в тоннели, не нарвавшись на гнев всей стаи. Она внимательно осмотрелась по сторонам и заметила, что вход в нужную ей пещеру был весьма узким, а потому можно было испробовать одну известную ей охотничью тактику.

В этот момент откуда-то очень издалека, со стороны Бархана, донесся приглушенный едва слышный гул, разнесшийся волнами по всей пещерной системе Диких тоннелей. Словно обрушилось что-то очень большое. Как и ингуры, Лантея настороженно затихла, пару минут простояв без движения, но звук больше не повторялся. Девушка решила, что это, видимо, на каком-то из отрезков подземной сети обвалились тоннели. Она мельком подумала, что побеспокоится об этом уже на обратном пути.

Хетай-ра, стараясь не делать резких движений, осторожно положила уже начинавшую пованивать отрубленную женскую кисть, которую она все это время носила с собой, недалеко от выхода из пещеры. Судя по тому, что звуки, доносившиеся из черного провала, так и не прервались, охотница осталась незамеченной. Она отступила назад, плавно выдохнула и издала пару пронзительных чокающих звуков языком. Шуршание тварей в пещере замолкло на несколько томительных секунд, потом послышался одиночный рык и осто-

рожное цоканье когтей по камню. Лантея различила на слух, что около трех-четырех существ отправились на проверку к выходу.

Когда первое из созданий, тщательно принохиваясь, показалось в проходе, девушка замерла у стены, будто истукан. Выглядела тварь своеобразно, как и все ее сородичи: четыре крепкие лапы – передние были хорошо развиты и снабжены острыми сильными когтями для разрывания почвы; широкая голова с мощным загнутым носовым рогом сидела на массивной короткой шее. Все тело твари было покрыто толстыми черными наростами, напоминавшими панцирь. Лантея хорошо знала, что так просто эту защиту пробить нельзя. Лапы и живот ингуры были покрыты зеленой плотной чешуей, которая на боках переходила в темную окраску панцирных наростов. Глаза твари были маленькими, глубоко сидящими. Эти существа плохо видели, зато замечательно реагировали на звук: для этого на одном уровне с пастью, ближе к основанию короткой шеи, у тварей были специальные внешние мембранные перепонки по три штуки с каждой стороны. Пасть у ингуры выглядела узкой по сравнению со всем остальным телом, но клыки были очень острыми и вогнутыми внутрь, что позволяло проклятым созданиями держать добычу стальной хваткой, не позволяя вырваться. Такой узкой пасти было достаточно, чтобы вцепиться в горло хетай-ра и не отпускать, пока жертва не истечет кровью. И именно в горло твари и предпочитали целиться.

Ингура практически сразу же заметила отрубленную руку и, явно оголодавшая, бросилась к добыче.

– Kzheomon-shate, Ewan'Lin! – скороговоркой восславила богиню Лантея, сложив пальцы в нужном знаке.

В узком проходе возникла непрозрачная песчаная стенка, отсекая одну особь от остальных. На самом деле это был простейший магический щит, который создавался быстрее всего в ее арсенале, именно поэтому хетай-ра выбрала его. Хотя ей, конечно же, хотелось полностью закупорить проход, запечатав пещеру, но на заклинание, позволявшее раскалить песок и придать ему нужную форму, уходило время, которым она совершенно не располагала.

Тварь, оказавшаяся в ловушке, яростно заревела, мгновенно обнаружив неприятеля, и тараном бросилась в сторону Лантеи, выставив массивный рог. Девушка, выхватывая нож, сосредоточила все внимание на приближавшемся противнике, забыв о существовании остального мира на минуты битвы. Она хорошо знала, что ингуры имели несколько уязвимых мест: горло, живот и слуховые мембраны. Прочная чешуя и пластины хорошо защищали от любых ударов, а вот попадание в слабые точки могло мгновенно убить тварь. Поэтому хетай-ра не собиралась уходить с пути мчавшегося на нее существа или бежать навстречу. Как только толстый белый рог почти достиг живота Лантеи, она резким движением развернула свой корпус, одновременно с этим пропуская руку с ножом под горлом разъяренной ингуры и мгновенно

рассекая её глотку. Тварь завизжала, и кровь забулькала в пасти, брызгая во все стороны, ее когти заскребли по песчаннику. Девушка отскочила в сторону, не желая в последнюю минуту агонии ингуры все же получить рогом себе в живот. Скоро все закончилось: вместе с кровью из существа вышла и жизнь.

За песчаной магической преградой исступленно рычали и бились рогами в стену сородичи твари, чувствовавшие гибель своего собрата. Лантее нельзя было медлить: ее щит продержался бы еще от силы пару минут, а после разозленная стая непременно помчалась бы в погоню. Ее ладони легли на песчанник под ногами, а под сводами тоннелей, привыкших к вечной тишине, вновь раздались слова воззвания к богине. Прочная стена из песка посреди широкого коридора создавалась медленно, собираясь по крупинкам, тонкими ручейками стекавших со всех сторон. Лантея нервно кусала губы, стараясь одновременно контролировать формирование заслона перед собой и следить за состоянием щита у входа в пещеру, постепенно истончавшегося под мощными ударами рогов. Через пару минут, когда хетай-ра оставалось лишь стянуть края овального окошка, преграда с тихим шорохом лопнула, выпуская на свободу разъяренную стаю.

С рычанием ингуры бросились вперед по коридору, когтями вспарывая песок и брызгая слюной.

Пять секунд... И!..

Стенка сомкнулась, отсекая взмокшую Лантею от оспа-

ленных морд.

Она быстро наклонилась к телу мертвой твари, лежавшего у ее ног, и сильным ударом костяного меча отсекла ее голову от корпуса. Некогда было заниматься аккуратным отрезанием толстого рога, этим она собиралась озаботиться на привале или уже в городе.

Даже сквозь толстую песчаную стену было слышно рычание стаи. Они не успокоятся, пока не догонят и не растерзают свою обидчицу. Лантея это прекрасно понимала. Как понимала и то, что мощными лапами твари разроют песчаник вокруг за четверть часа, если не быстрее. Поэтому девушка в третий и последний раз за день воззвала к богине, решившись применить одно из самых трудных заклинаний в арсенале хетай-ра, которое должно было использоваться преимущественно для статичной обороны. Однако Лантея намеревалась перекрыть им проход сразу за песчаной стеной, буквально запечатав несколько метров широкого тоннеля и выиграв этим для себя еще немного времени. Плотный магический купол из песка постепенно возник перед ней, заполняя собой весь коридор и сливаясь с потолком.

Когда твари поймут, что зря рыли заслон, то начнут копать стены или пол, чтобы обойти купол. Но даже это давало Лантее не так много времени, так как заклинание не могло действовать вечно.

Она резко развернулась и бросилась прочь из злополучного тоннеля, не забыв прихватить отрубленную голову твари,

наскоро обмотав ее куском рубахи. На первом же перекрестке девушка сорвала со своей раненой ноги окровавленную повязку и, забежав в одно из ответвлений, бросила тряпку там. Это могло сбить преследователей еще на пару минут.

Магической энергии не оставалось ни капли – на три заклинания ушел весь запас, а восстанавливался он лишь после полноценного сна. Теперь ей стоило искать выход из Диких тоннелей как можно быстрее, спасаясь от озлобленных тварей.

Началась гонка со временем.

Глава седьмая.

Песок, запечатавший пламя

Народ ифритов создала жестокая и вспыльчивая богиня Азума. Детям своим она сказала, что будет ими довольна, лишь когда они положат весь мир к ее ногам в обмен на дар огня, коим она их наделила. Ифриты возвели на берегу реки Партус монументальную Красную пирамиду, которая вершиной своей касалась небес, чтобы их богиня могла жить там, пока они будут выполнять ее волю.

Профессор Фан Беодез. «Мировые религии. Том 2»

Несколько дней в новом доме, где-то на самых задворках густонаселенного Муравейника, прошли незаметно. Ашарх и Манс не покидали свое тайное убежище, задернув окна и

закрыв двери, чтобы избежать внимания любопытных соседей. Еды и воды было предостаточно, и единственной досадной мелочью оставалась скука, которая одолевала мужчин с того самого момента, как они переступили порог. В попытках хоть чем-нибудь себя занять, чтобы унять беспокойство о Лантее, профессор лишь упрямо и настойчиво занимался с юношей залмарским языком, а в свободное время рассказывал Мансу о мире за пределами песков. Он с тоской описывал свою малую родину – бескрайние южные степи, где паслись табуны крепких коней, а порывистый ветер развеивал их гривы; он делился воспоминаниями о столице Залмар-Афи, величественной и шумной днем, и таинственной ночью, расцвеченной огнями сотен фонарей; он говорил о тех краях, что посетил во время своего путешествия с Лантеей, – густых лесах и заливных лугах, и с легкой улыбкой рассказывал о скалистых утесах Мавларского хребта, с которых открывался самый изумительный вид на золотистые пустыни.

И юноша слушал, замороженный, с ребяческим восторгом в глазах, словно все это было дивной сказкой, но никак не реальностью. А профессор, видя искреннее восхищение во взгляде Манса, лишь удовлетворенно хмыкал себе под нос, все чаще замечая, как в своем любопытстве юный хетай-ра становился похож на сестру, так же одержимую чужими краями и странами.

Вечером второго дня, проведенного взаперти, с комфортом устроившись на шкурах на полу спальни, приятели

неспешно потягивали травяную настойку прямо из горла стеклянной бутылки и беседовали. Вокруг по комнате порхали и ползали светлячки, немного разгоняя темноту, и мужчины просто убивали время за разговорами, ожидая, когда стражи времени оповестят город о наступлении ночи, и можно будет отправиться спать.

– ...Сколько бы Лантея не хотеть казаться смелее, но ей страшно тоже, – сказал Манс.

– По ней и не скажешь, – заметил профессор, делая небольшой глоток из бутылки.

– Сам подумай, если она не будет скрывать страх свой, то никто ее не послушаться.

– Имеешь в виду, что пока хетай-ра не увидят в ней смелого хорошего лидера, никто не согласится отправиться на поверхность? Думаю, ты прав...

Ашарх потянулся, чувствуя приятную легкость по всем теле и голове после настойки.

– Это так, – сказал юноша. – И не только простой хетай-ра. Городоской совет, матриарх, служба, стражики. Она держит себя перед ими без страха, без сомнений. На деле она боится.

Манс расслабленно сидел на шкурах, скрестив ноги и по привычке перебирая пальцами свои потертые четки. Взгляд его был слегка замутненным из-за выпитого алкоголя, бледные щеки раскраснелись, но зато язык практически не заплетался, хотя отдельные залмарские слова он все же не мог полноценно выговорить, путая звуки.

Задумчиво хмыкнув, Ашарх заговорил:

– Мне кажется, самое страшное для нее как раз впереди. Когда она вернется с победой и получит голос, то ей еще предстоит убедить весь Бархан в том, что городу и народу нужны перемены. Просто подумай, столетиями хетай-ра рыли песчаник, расширяли полисы, сражаясь за свои территории с ингурами, а она станет убеждать всех, что нужно бросить родной дом и уйти в неизвестность. К границам чужих краев... Члены городского собрания не допустят этого. Ведь это безумие!

– Нет. Здесь она может говорить, здесь Лантея убеждать всех, если захочит. Она умная, она знает подход к многим знатым хетай-ра – я в ней не сомневался!.. Но как только слух прийти в Zseit, Первый Бархан, то созываться Совет Пяти Барханов. Там Лантея иметь мало силы.

– Что еще за Совет Пяти Барханов? – нахмурившись, заинтересовался профессор.

Он мгновенно принял сидячее положение и, передав бутылку с настойкой своему приятелю, слегка склонил голову набок, желая услышать объяснения.

– Это когда пять матриарх пяти Барханов собираться вместе, – лаконично ответил Манс и сделал большой глоток напитка. Кадык на его горле дернулся несколько раз, а после юноша раздосадовано посмотрел в горлышко опустевшей бутылки и с сожалением облизал губы.

– И для чего?..

– Ну... – протянул хетай-ра, – это же Совет. Они решают проблемы, принимают закон. Все важно обсуждать только там. Они собираться один раз в один и семь лет!..

– Один и семь? Семнадцать?

– Да!

– И где эти матриархи собираются? – спросил Ашарх.

– В Первый Бархан. Туда идти все деле.. дега.. легалации!.. Де-ле-га-ла-ции, – по слогам произнес Манс, старательно проговаривая звуки.

– Делегации, – сразу же поправил приятеля профессор.

– Делегации, – повторил юноша. – Караваны. Матриархи, наследники, свита, служки, воины – все идут в Первый Бархан на семнадцать дней.

– Почему именно на семнадцать?

– Я не знаю. Всегда так было. Раз в семнадцать лет на семнадцать дней собираться Совет Пяти Барханов... И вот если Лантею призовут туда, то она не сумеет выстоять одна против пяти матриарх. Они имеют большой власть, силу. Они верить традициям, не любят перемены...

– Не факт, что все это произойдет. Глупо верить в скверный исход еще даже до того, как Лантея вернулась домой. Пока что для нее важнее убить ингуру и выжить. И я верю, что ей все это под силу...

Внезапно идиллию вечера разрушил раздавшийся в отдалении протяжный и пронзительный звук рога, усиленный эхом множества коридоров. Одиночный гул пронесся по все-

му подземному полису, будто стремительная волна, отражаясь от стен и заставляя стеклянные двери мелодично позвякивать. Казалось, будто весь город замер в томительном ожидании, пока звучал рог: затихли шумы и голоса Муравейника, замолчал скот, прохожие замерли на своих местах, не смея шелохнуться. А рог все пел и пел свою монотонную песню, проникавшую во все коридоры, тоннели и залы, врываясь в запертые дома и потаенные комнаты. И когда гул оборвался, то Бархан еще несколько мгновений пребывал в молчании, будто оглушенный отголосками рога.

Ашарх, нахмутив брови, взглянул на Манса.

– Что это? – тихо спросил он.

В то же мгновение весь город содрогнулся во второй раз от нового сигнала, пролетевшего по полису оглушительным всплеском. Только в этот раз звучал уже не один рог. Это было трубное пение десятков рожков поменьше, сплетавшееся в неблагозвучную резкую мелодию. И она доносилась одновременно изо всех частей Бархана – в одном Муравейнике можно было четко расслышать никак не меньше дюжины горнистов, отчаянно трубивших тревогу.

– Sharahat'ta! Нападение... нападение... – сипло зашептал Манс.

Бледное лицо юноши будто окаменело, и он лишь обеспокоенно бегал взглядом по пустой комнате, словно пытаясь понять, что же ему стоило делать дальше.

– Какое еще нападение? – нервно спросил профессор,

сглатывая.

– Хватай вещи живо! – наконец проговорил хетай-ра, резко вскакивая на ноги. – Оружие! Надо бежать!

Он бросился к сумкам, беспорядочно разбросанным на полу, и, не глядя, закинул себе на плечо одну, попутно подбирая пояс с ножнами и спешно застегивая его на себе. Все движения Манса были резкими и дергаными, и в его облике уже не осталось ни привычного добродушия, ни мягкости. Даже веселость, навеянная крепкой травяной настойкой, исчезла во мгновение ока.

– Куда бежать? Что происходит? – все еще пытался добиться объяснений Аш, поднимаясь с пола.

– Скорее! – прикрикнул Манс, уже выбегая из комнаты на лестницу.

Профессор, чувствуя, как в его груди волнение раскрывает свои железные острые крылья, схватил свой полупустой мешок с торчавшим из ворота мечом, завернутым в тряпки, и сразу же бросился следом за юношей, прочь из дома, словно тот вот-вот должен был обрушиться им на головы.

И стоило им распахнуть дверь, как со всех сторон их окружил хаос.

В городе творилось настоящее безумие.

Толпы хетай-ра в беспорядке метались по тесным улицам и крутым лестницам, толкались в переулках и перелезали через ограды. Кто-то кричал, другие тащили на себе какие-то корзины, горшки и вещи, некоторые падали в сумас-

тохе на дорогу, и прямо по ним бежал народ, затапывая ногами каждого, кто не мог подняться. Пустынники с широко распахнутыми от страха глазами спешили вниз, к выходу из жилой пещеры. Одни хетай-ра, на ходу торопливо застегивая на себе кожаную броню, наручи и нагрудники, сжав зубы и грубо расталкивая народ, ломались вперед – некоторые из этих мужчин и женщин потрясали над головами косяным или стеклянным оружием, что-то гневно выкрикивая в толпу. Другие же, прижимая к груди маленьких детей, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в плечи родных, старались не задохнуться в плотной сутолоке и добраться до выхода. Многие, едва оказавшись в самой гуще народного безумия, почти сразу выбрасывали в стороны свои мешавшие пожитки – сумки, мешки и корзины, и не было никого, кто бросился бы подбирать все эти не нужные больше вещи.

Непередаваемая какофония звуков наполняла Муравейник. Всюду с грохотом распахивались двери и окна, ревел испуганный скот в своих стойлах под непрекращавшееся гудение сигнальных рогов. Внизу громогласно командовали вооруженные солдаты и стражи, пытаясь направить возбужденную толпу к нескольким выходам, где уже стояла давка:

– Sharahat'ta! Sharahat'ta! – безостановочно кричали они.

Изумленный профессор, едва шагнув из дома, мгновенно поддался общей панике, от которой спертый воздух в пещере кипел, – он на один миг задохнулся от нахлынувшего на него

волнения и страха, совершенно не понимая, что происходило вокруг. Его выручил лишь сосредоточенный Манс, который явно знал, что стоило делать и куда идти – он сразу же бросился к лестницам, твердо раздвигая толпу руками. Еще на верхних уровнях жилой пещеры Ашарх схватился за край одежды юноши и, наверное, именно благодаря этому они сумели не разделиться в первые минуты в живой массе народа, которого с каждым биением сердца лишь становилось больше и больше.

Брату Лантеи удавалось лавировать в толпе с такой легкостью, что чаще всего хетай-ра даже не успевали понять, кто же их так бесцеремонно отталкивал и проскальзывал мимо. Едва оказавшись внизу, на заполненной жителями площадке, Манс сразу же бегом поспешил к ступеням центральной широкой лестницы, ведущей из Муравейника прямо к главному коридору полиса. Народ тесно сгрудился на вершине, возле арочного прохода, пытаясь протиснуться в основной тоннель и только мешая друг другу. Они дышали в затылки своим соседям, цепляясь за их одежды и надеясь перекрыть стоявший шум. Стражи грубо направляли нескончаемый поток прочь из жилой пещеры, жестоко разнимая стихийно вспыхивавшие драки, они толкали хетай-ра к выходу, плотнее утрамбовывая толпу и свистом подгоняли медливших.

– Sharahat'ta!.. Uguaran! – постоянно повторяли воины.

В этот момент откуда-то со стороны рыночной площади

раздался новый мощный шум. Это был словно звук нескольких сокрушительных взрывов, следовавших один за другим. Низким гулом они пронеслись по всему городу, и Ашарху на миг показалось, что стены пещеры и потолок над головой задрожали, но это лишь стай спугнутых светлячков поднялись в воздух с насиженных мест и зеленовато-желтым облаком закружили над Муравейником. Никто не обратил на взрывы особенного внимания – паника и так уже достигла наивысшей точки, лишь испуганно озирались по сторонам малые дети, да прислушивались к затихавшему эху стражники.

Манс упорно пробивался сквозь толпу, перескакивая через ступени и без всякой жалости локтями прокладывая себе путь наверх. Профессор, чувствуя себя обузой, постоянно то цепляясь за прохожих мешком или рукоятью меча, то спотыкаясь о чужие ноги, больше всего на свете в тот момент боялся, что их с юношей отсечет друг от друга народ. Он до побелевших костяшек сжимал одежду своего приятеля и все продолжал плыть в океане живых тел, без сомнений отталкивая мужчин и женщин, пиная чьи-то упавшие вещи и желая лишь одного – чтобы это все наконец закончилось.

Через арку они проскочили с трудом. В какой-то момент хетай-ра вокруг с такой силой вдавили Ашарха в ближайшую стену, что он испугался, будто его могут раздавить, как какого-то беспомощного жука. Но Манс вовремя дернул руку мужчины, утягивая его за собой, и они оба пробкой вылетели в главный коридор, жадно глотая свежий воздух.

В этой части тоннеля было больше всего военных. Собранные и затаенные в защитное обмундирование солдаты то тут, то там теснились небольшими отрядами вдоль стен, сжимая в бледных ладонях свое оружие и вглядываясь в творившийся вокруг беспорядок. Некоторые четким строем трусцой спешили по указке командиров в сторону рынка, другие же пытались направлять испуганных жителей Бархана. Однако их практически никто не слушал. Народ в общем беспорядке не понимал, куда им надо было бежать. Они то торопились ко дворцу, то пытались вернуться обратно к своим домам, другие рвались в сторону мольбищ. И все врезались друг в друга, пинались и распихивали собратьев руками и плечами. Стоял невообразимый вой из-за окриков солдат, детского плача и воплей толпы, на лицах многих пустынников блестели слезы, вызванные страхом и волнением.

Здесь толпу насильно разделяли на два крупных течения: большинство горожан – стариков, детей, молодых мужчин и женщин – гнали направо, в ту часть полиса, где располагались только Бесконечные и Дикие тоннели; в то время как вооруженных хетай-ра сразу же направляли налево, в сторону промысловых пещер и рыночной площади. Бряцая оружием и костяными пластинами доспехов, в чернильную темноту один за другим убегали те пустынники, кто мог постоять за Бархан, кто не желал отсиживаться в стороне, пока городу что-то угрожало.

Манс, все еще пытаясь отдышаться, сразу же выделил в

толпе взглядом одного из военных у дальней стены, который, шелкая в воздухе короткой ременной плетью, командовал потоком хетай-ра, успевая слушать донесения командиров, то и дело подбегавших к нему со всех сторон. Юноша, крепко схватив Ашарха за запястье, через весь коридор бросился к этому воину, будто не замечая, как его толкают и пинают все прохожие, наперерез которым он рискнул побежать.

Едва оказавшись перед немолодым разгоряченным офицером, чье красное суровое лицо с нахмуренными седыми бровями больше всего напоминало маску какого-то злого духа, Манс без промедления начал частить на изегоне, пытаясь перекрыть стоявший шум. Воин не сразу распознал в замершем перед ним юноше члена правящей семьи Бархана и в первое мгновение даже хотел машинально оттолкнуть его в сторону, чтобы не мешался, но в светлых глазах быстро промелькнуло узнавание, и он поспешно опустил плеть.

Они говорили быстро, и уже через минуту Манс что-то резко бросил напоследок и отступил от офицера, проводившего сына правительницы обеспокоенным взглядом.

Юноша же, резко дернув профессора за руку, отбежал к ближайшей стене.

– Что здесь происходит, Манс? – нервно спросил Ашарх. – Ты можешь объяснить мне? Какое нападение? Откуда столько военных и вся эта паника?..

– На город напали, – серьезно ответил юноша, крепко

сжав плечо профессора. – Обыкновенно это *ingura*! Но теперь здесь чужаки... Красная кожа, огонь!

– Ифриты! – в волнении воскликнул Аш.

– Что им здесь надо? – сразу же спросил Манс.

– Я не знаю! Но имперцы всегда жаждали отыскать мифический народ, скрывающийся в пустынях. Они веками выискивали ваши города, и вот... Кажется, им это удалось... Вопрос лишь в том, как?

Приятели обменялись тревожными взглядами.

– Большая часть жители идут в Дикие тоннели. Там можно укрываться, – чуть громче произнес юноша. – Те, кто могут держать оружие, надо идти к рынку. Там битва.

– Куда идем мы?

– Я не хочу бросать мой народ. Там на площади сражаться хетай-ра против врага, которого они никогда не видят раньше. Я могу сражаться, я должен помочь им, – с трудом проговорил Манс, сжимая рукоять одного из своих ножей на поясе.

– Ты с ума сошел?! – мгновенно воскликнул профессор. – Имперцы – лучшие воины на всем материке! Они безжалостны, сильны и жестоки! Вся их жизнь – это сражения и битвы!.. Лезть к ним с парой костяных кинжалов – это просто самоубийство!

– Не надо недооценивать мой народ! – серьезно процедил юноша. – Мы умело обращаемся с оружием, мы имеем яды. Никто не сравнится с хетай-ра, когда мы окружены

песком – это наша стихия!.. Эти чужаки пришли в наш дом, и тьма Бархана поглотит их!

– Манс, тварь тебя сожри!.. Ты ведь ничего не знаешь об ифиритах, об их магии и возможностях!

– Зато ты знаешь! – неожиданно оборвал собеседника Манс. – Если ты хочешь быть полезный, то должен рассказать об этих ифиритах матриарху и Бартелину! Это может помочь в обороне!

– Возможно, ты в чем-то прав... Но где сейчас вообще матриарх и ее супруг? Как их найти, когда вокруг творится такое безумие?!

– В центральное здание. Это рядом с рынком. Мы должны попасть туда! Нельзя терять время!..

– Если мои знания действительно могут помочь Бархану... Кажется, у меня просто не остается выбора, как поступить, – с тревогой в голосе пробормотал Ашарх, спешно вытягивая из мешка обернутый в ветошь гладиус и сдергивая с него изорванную ткань.

Манс сразу же развернулся и быстрым шагом направился в ту часть главного коридора, которая вела к рыночной площади. И Ашарх немедленно поспешил следом, чувствуя, как сердце барабанит у него в груди, а ладонь, сжимавшая меч, потеет.

Вместе с ними двумя по темному широкому тоннелю торопились еще многие мужчины и женщины, решившие прийти на помощь защитникам Третьего Бархана. Пока

Манс и профессор скользили во мраке, расцвеченном редкими порослями фосфоресцирующего мха на стенах, по пути им встречалось множество встревоженных горожан, спешивших скорее покинуть зону, где разворачивалась битва между чужаками и хетай-ра. Глаза их были испуганно распахнуты, рты искажены в пугающих гримасах, и они бежали в сторону Диких тоннелей, где можно было укрыться и спрятаться в надежде на то, что этот кошмар скоро закончится.

Вскоре за спинами замолк шум, который царил возле прохода в жилую пещеру. В какой-то момент горнисты оборвали свою пронзительную песнь, и тогда хорошо стало слышно любые звуки в длинном коридоре. Среди топота множества ног, чьих-то испуганных выкриков, хрюканья брошенных посреди дороги животных можно было различить пульсацию битвы, которая разыгралась впереди. И с каждым шагом все явнее становились звуки хлестких ударов, отчетливого треска, гудящего жара, неясных приказных окриков, глухих падений и плевков. Ашарх не видел почти ничего перед собой из-за полумрака, но зато мог на слух различить все, что ждало его в сотне метров впереди. Он слышал хриплые слова воззвания к богине, гул магии, рождаемой в подземелье, пронзительные крики раненых, отдельную ифритскую ругань и звон бьющегося стекла, когда металлическое оружие имперцев сталкивалось с хрупкой броней пустынного народа. И, когда в нос профессору бросился тяжелый тошнотворный запах паленой плоти, принесенный дуновением

ветра, он ощутил, как в одно мгновение взбунтовалась вся его внутренняя суть. Все его естество и чувство самосохранения вопили о том, что нельзя было следовать туда, откуда доносилась такая мерзкая вонь и ужасающие звуки.

Там впереди боль и смерть, сжимая друг друга в стальных объятьях, вальсировали на телах погибших.

Первого ифрита Ашарх увидел еще до того, как они приблизились ко входу на рыночную площадь. Массивный имперец лежал на полу лицом вниз, раскинув четыре руки, а из его спины торчала длинная и изящная глефа, какую использовали обыкновенно стражи Бархана. Лезвие пронзило хребет и грудную клетку, пригвоздив чужака к камню, как распятую бабочку. Воин был мертв, и багровая лужа крови, натекающей из его раны, поблескивала в полумраке тоннеля. Кожа ифрита была одного цвета с ней – красноватого оттенка, она вся оказалась покрыта многочисленными свежими и старыми шрамами, которые считались у воинов империи Ис почетными знаками. Имперский солдат был облачен в традиционную боевую кожаную юбку, полностью закрывавшую его ноги. Тяжелые кольчужные кольца беспорядочно были нашиты на нее по всей длине, и помимо этой одежды на ифрите можно было увидеть только наручи и погнутый наплечник. Закрывать все свое тело броней у имперцев было не в чести.

После в коридоре стали все чаще и чаще попадаться мерт-

вещи и те, кому повезло чуть меньше – раненые и калеченные лежали вдоль стен, стонали от боли и зажимали свои культы, рваные порезы или чудовищные ожоги. Сюда оттащивали тех, кто был уже не в состоянии сражаться, и вокруг суетились лекари, которые просто физически не успевали помогать всем и каждому. Измазанных в крови хетай-ра становилось все больше и больше с каждым шагом по направлению к рыночной площади, и запах стали, боли и жженого мяса наполнял воздух.

Когда впереди замелькали яркие огненные всполохи, освещавшие коридор короткими ослепительными вспышками, а звуки битвы стали четче, то профессор с трудом сглотнул стоявший в горле комок. До рынка оставалось никак не меньше пары десятков метров, но, очевидно, что сражение уже давно переместилось в главный тоннель. Здесь повсюду были трупы, а между ними на свободном пространстве шли ожесточенные бои. Под ногами чавкала чужая кровь вперемешку с рвотой и размазанными по камням внутренностями. Тут и там виднелись обугленные тела, замершие в изломанных позах, остатки магических песчаных барьеров, оплавившихся до состояния стекла и почерневших от огня. Несколько выживших отрядов хетай-ра, забаррикадировав коридор с одной стороны широкими заградительными укреплениями из песка, на дистанции атаковали нападающих. Из остатков своей магической энергии они выплетали узкие и разрушительные песчаные вихри и сферы, сдирив-

шие с ифритов кожу. Но в те моменты, когда имперцы взывали к своей богине и выдували в сторону оборонявшихся струи пламени, то огонь сплетался с самумами, создавая настоящие огненные торнадо, которые беспорядочно метались по коридору с оглушающим шумом, угрожая уже и краснокожим захватчикам, и защитникам Бархана.

Судя по всему, на противоположной стороне коридора, за арочным проходом на рыночную площадь, хетай-ра также создали непроходимые песчаные баррикады. Но Ашарху хватило даже пары секунд, чтобы понять, что все это было зря. Количество нападающих в несколько раз превышало отряды пустынников, и хоть песчаная магия еще поддерживала какую-то иллюзию обороны, но энергетический запас был истощен уже у большинства защитников, а стеклянная броня и оружие с легкостью ломались и разбивались под напором имперской стали.

– Манс! Это безумие! – закричал профессор на ухо юноше, бежавшему с ним плечом к плечу. – Их слишком много!..

Его последняя фраза потонула в звуке оглушительного взрыва, раздавшегося с другой стороны коридора. Звуковая и ударная волна прокатились по всему тоннелю, поднимая песок в воздух и опрокидывая всех, стоявших на ногах воинов. Похоже, ифриты использовали взрывчатые смеси, хотя, насколько Ашарху было известно, еще ни одной стране на материке не удавалось убедить жадных гоблинов продать кому-либо старательно оберегаемый ими рецепт смеси, ко-

торая могла подорвать практически все, что угодно. Но думать об этом было некогда.

Едва Аш и Манс сумели подняться на ноги и откашляться от пыли, забившей весь нос и рот, как со стороны ближайшего к ним укрепления раздались отчаянные выкрики и приказы:

– Uguaran! Du zarta!..

– Du zarta! – орал один из выживших офицеров, размахивая над головой короткой плетью и звонко щелкая ей в воздухе.

Солдаты, вооруженные узкими глефами, устрашающего вида топорами из челюстей животных, короткими сколотыми мечами, бросились вперед, выбегая из своих укрытий.

– Ewan’Lin! Ewan’Lin! Ewan’Lin!

Они с пронзительным криком шли в атаку, на ходу добивая раненых ифритов, валявшихся на полу, без жалости насаживая на глефы тех, кто не успевал уйти в сторону. Воины пробивали себе путь к арочному входу на рыночную площадь, чтобы загнать захватчиков обратно в круглую пещеру, где их уже легче было бы бить в узком проходе.

– Вперед! Вперед! В атаку! – заголосил Манс, обнажая оружие и подталкивая профессора за собой. – Надо помочь им отбиться!

В этот самый момент откуда-то спереди прилетел ярко полыхавший магический сгусток огня, плюющийся искрами. Он едва было не задел юношу, но, к счастью, проскочил бук-

важно в сантиметре от его плеча и разбился о ближайшую стену. Это был лишь жалкий отголосок куда более страшной битвы не на жизнь, а на смерть, разыгравшейся перед аркой.

– Мы погибнем там! – крикнул Аш и жестко ухватил брата Лантеи за локоть, заглядывая в его испуганно распахнутые глаза. – У них есть взрывчатые смеси! И огонь!

– Мы должны пробиться к гарнизону! – пытаюсь перекрыть стоявший на поле боя шум, Манс почти охрип. – Там матриарх!

Он выдернул свою руку и бросился вперед, ошестившись двумя хрупкими ножами, казавшимися жалким зрелищем по сравнению с увесистыми кистенями, топорами и катарами, которыми были вооружены практически все ифриты, нападавшие на защитников Бархана. Профессор, выставив перед собой меч, будто факел, устремился следом, пытаюсь не смотреть себе под ноги, где постоянно сапоги увязали в чем-то мягком и скользком или натыкались на еще шевелившиеся тела. Отряды, пошедшие в наступление, успели продвинуться не слишком далеко за заградительные укрепления, и Ашарх вскоре увидел их, тонувших в удушающем дыме: воздух вокруг был отравлен белым маревом, оставшимся после только что отгремевшего взрыва, и к нему примешивалась черная копоть, поднимавшаяся от подожженных ифритами тел. Обугленные трупы устилали пространство перед входом на рыночную площадь, и многие из них все еще догорали, испуская отвратительный смрад. А импер-

цы бесцеремонно ступали по угольно-черным мертвецам, давя их плоть, рассыпавшуюся в золу.

Весь узкий проход был занят ифритами, их было достаточно и в центральной части коридора. Размахивая длинными патами, которые представляли собой прямые обоюдоострые лезвия, крепившиеся к латной рукавице, защищавшей руки имперцев до локтя, нападавшие с воинственными выкриками бросались голой грудью на хетай-ра. В нижней паре рук они держали оружие, верхней же творили свою обжигающе опасную магию, яростно и гневно взывая к Азуме.

– Azuma! Isa dagar! – то и дело раздавался со всех сторон грубый язык ифритов, режущий слух своей неблагозвучностью.

Огненные сферы и потоки оранжевого пламени вгрызались в песчаные защитные барьеры, обдавали жаром бледные лица солдат гарнизона и то и дело забирали чью-нибудь жизнь.

Будто совершенно не испытывая страх перед смертью, имперцы бросались на своих противников, не обращая внимания на мелкие ссадины и даже глубокие раны. Часто они с распоротым брюхом все еще продолжали наступать на хетай-ра, пока не падали на пол совершенно обескровленные, но так и не выпустив оружие из рук. И Ашарх видел, как боялись пустынные этих безумных воинов, дравшихся с ожесточенностью диких зверей, презиравших доспехи и идущих в наступление прямо по костям, по свежим трупам своих и

чужих бойцов.

Наверное, именно поэтому ифриты гораздо успешнее теснили хетай-ра, чем те их. Даже несмотря на то, что в темноте у жителей Бархана было явное преимущество, и им, в прямом смысле, помогали сами стены родного дома. Но расклад явно был не в пользу защитников. Манс прибился к остальным хетай-ра, подбадривая их какими-то отдельными выкриками, но никто не горел больше желанием сломя голову бросаться прямо под лезвия имперцев. Пустынники отваживались лишь на слаженные атаки, чтобы не позволить ифритам приблизиться к занятой ими точке. И ни о каком дальнейшем продвижении не могло быть и речи – противник превосходил числом.

Когда взгляд Ашарха случайно упал на развороченную рыночную площадь, то от увиденного его сердце болезненно сжалось. Ничего больше не напоминало здесь о том дивном приятном глазу месте, где профессор с Лантеей еще совсем недавно гуляли между торговых прилавков и отдыхали на террасе богатого ресторанного дома. Теперь это были руины. Обрушенные строения, выбитые окна, из которых валил дым. Судя по огромным темно-зеленым осколкам, торчавшим из крыш домов и усеивавшим весь пол пещеры, стеклянного купола больше не было. Солнце изорванным пятном света проникало на площадь сверху, и в его сиянии профессор собственными глазами увидел горы трупов, наваленных друг на друга. Разрушенная рампа, опаленные огнем здания,

забрызганные чужими потрохами стены и кровожадные толпы... Толпы ифритов, напиравших друг на друга. Все они подступали к узкому выходу из пещеры, поторапливая своих соотечественников. Они жаждали пройти глубже в подземный город и стереть его в пыль.

– Берегись!

Испуганный окрик Манса, раздавшийся откуда-то со стороны, привел профессора в чувство, и он вовремя успел отреагировать на обрушившийся на его голову удар паты. Узкое лезвие столкнулось с металлом выставленного вперед гладиуса, и Ашарх отпрыгнул на несколько шагов назад, увеличивая разрыв между ним и противником, который в общей неразберихе сумел подобраться так близко к замершему столбom человеку. Высокий широкогрудый ифрит с длинными чернильно-черными волосами, забранными в хвост, улыбнулся, и верхняя пара его рук переплела пальцы.

– Azuma... Isa dagar! – грудным голосом воззвал к своей богине имперец.

Яркий янтарный свет соткался из воздуха перед краснокожим воином и через мгновение вспыхнул языками пламени. Огненная сфера мигнула, и Аш даже не успел понять, в какой момент она ринулась напрямиком к нему. Вот только что она висела возле ифрита, и уже через долю секунды оказалась практически у груди Ашарха. И профессор мог лишь крепко зажмуриться.

Манс снес его с ног в молниеносном рискованном прыж-

ке, грубо приложив плечом о каменный пол тоннеля. Из горла Ашарха вырвался хриплый стон, и он испуганно уставился на приятеля, который мгновение назад спас его от верной гибели. Юноша и сам был удивлен, что он успел вовремя, и теперь в его серых глазах страх сменился облегчением.

Он плавным движением перекатился в сторону и вскочил на ноги, ощерившись в сторону ифрита, чья сфера уже разбилась о стену, так и не найдя своей цели. Имперец рыкнул и, взмахнув обеими своими патами, в прыжке обрушил на Манса лезвия, вложив в этот удар всю силу. Слова воззвания к Эван'Лин сами скороговоркой сорвались с губ хетай-ра, и клинки с глухим звуком отскочили от тонкой песчаной завесы, соткавшейся перед фигурой юноши. Ифрита откинуло на шаг назад от собственного удара, и паты задрожали, мелко позвякивая от энергии, которая была в них вложена, но так и не нашла выхода.

И, рукой развеяв собственное заклинание, Манс уже бросился в атаку. Рассекая кинжалами воздух, он делал один выпад за другим, целясь в разные точки, чтобы сбить противника с толку. Но имперец легко и изящно уворачивался от всех ударов, парируя некоторые из них латными рукавицами. Он делал грузные и тяжелые взмахи патами, надеясь поймать хетай-ра на ошибке, но Мансу хорошо удавалось избегать этих сокрушительных атак. Зато своими быстрыми движениями он вынуждал ифрита шаг за шагом отступать и пятиться, совершенно не смотря себе за спину, так как им-

перец был вынужден сосредоточиться на своем щуплом, но на удивление гибком противнике.

И этим воспользовался Ашарх, о котором краснокожий воин имел неосторожность позабыть. В тот момент, когда ифрит сделал очередной пережат в сторону, то профессор со всей силы взмахнул своим мечом и всадил клинок в бедро неприятеля. Ему казалось, что ударом такой силы он должен был как минимум оставить имперца без ноги, начисто ее отрубив, но гладиус вошел в плоть лишь до середины широкой части своего лезвия и так и остался там торчать, разрубив кожаную юбку. Воин рывкнул от неожиданной резкой боли и повернул корпус в сторону человека, который посмел таким бесчестным образом напасть на него из слепой зоны.

А Мансу хватило этих нескольких секунд, чтобы броситься в сторону своего крупного противника и всадить оба кинжала в основание шеи. Клинки вошли в тело до самой гарды, и хетай-ра с усилием провернул их в стороны, чтобы расширить края раны. Ифрит пошатнулся, непонимающе хватая ртом воздух, и лицо его скривилось от мучительной боли. Он попытался что-то крикнуть, но лишь поперхнулся густой практически черной кровью, которая мгновенно пошла у него ртом.

Ашарх с отвращением выдернул меч из ноги, и имперец практически сразу же упал на колени, закашлявшись и заблевывая все вокруг своей кровью. Манс вытащит свои ножи из шеи воина и жестко толкнул его в спину, опрокидывая на

пол. Еще полминуты он корчился на песчанике, содрогаясь от боли, без единой возможности полноценно вдохнуть или закричать. Вскоре эта агония прекратилась, а тело краснокожего ифрита замерло в луже крови.

– Ты в порядке? – сразу же спросил Манс у профессора, все еще пытаясь прийти в себя и восстановить дыхание после непродолжительного боя.

Вокруг в разных частях главного коридора велись мелкие стычки с отдельными имперцами. Хетай-ра не могли совладать с противником, превосходящим их числом, и лишь поодиночке устраняли ифритов, прорвавшихся слишком далеко от арочного входа.

– Да... – бросил Ашарх. – Нам нужно на ту сторону. И как можно скорее.

Неожиданно из гущи боя буквально вырвалась еще совсем молодая девушка в распоротой на животе броне из сыромятной кожи. Лицо ее было покрыто слоем копоти и песчаной пыли, и на нем двумя колодцами застыли широко распахнутые от страха глаза. Она крепко сжимала в руке короткий костяной меч с вплавленным в него стеклом, который был сломан посередине. Едва увидев офицера с плетью в руках, девушка подбежала к нему и что-то спешно проговорила на изгоне, постоянно опасливо оглядываясь по сторонам. Она была гонцом, которая прибыла с посланием из центрального здания гарнизона. Дослушав ее короткое донесение, воин скупно кивнул, потеснил девушку себе за спину,

чтобы она могла перевести дух после бега.

– Matriarhum augrakasha hau-zwey omon! – громко отдал он приказ, стараясь перекрычать шум.

Солдаты вокруг, не задействованные в сражениях за проход на площадь, видимо напряглись от слов своего начальника. Они сгрудились теснее, а некоторые и вовсе бросились к стенам тоннеля, вытягивая руки вперед и касаясь ладонями песчаника. Их губы зашевелились, в грохоте битвы трудно было расслышать слова возвания к богине, но через мгновение песок под их пальцами начал таять, послушный волне творимой магии. Их соратники прикрывали боевым товарищам спины, не подпуская ифритов близко и давая время для того, чтобы закончить заклинание.

– Что происходит?! – крикнул профессор на ухо Мансу и схватил его за локоть.

– Матриарх приказать уничтожить площадь! Магией обрушать стены, – спешно объяснил юноша, а после дернул Ашарха вниз, ничком падая на пол. – Лечь!..

Едва приятели повалились на холодный камень, как песчаник вокруг них вдруг задрожал. Стены тоннеля и пол мелко завибрировали, напитанные энергией, которую в них вкладывали воины хетай-ра, выплетавшие свою магию. Профессор инстинктивно прикрыл голову, но сам напряженно вглядывался в арочный проход, пытаясь понять, что же должно было произойти дальше.

Песчаник на стенах тоннеля размягчался и двигался, ха-

отичными волнами расходясь в разные стороны, будто поверхность воды, потревоженная дуновением ветра. Крошечные песчинки понемногу ссыпались вниз, золотистым снегом падая на головы сражавшихся воинов, припорошивая трупы и гася робкие языки пламени. Но на рыночной площади происходило совсем другое: там пространство содрогалось от сильных толчков, стены покрывались длинными змеящимися трещинами, а песчаная пыль безостановочным потоком рушилась на ифритов. Имперцы в панике вглядывались в своды круглой пещеры и пытались пробиться к выходу с площади, но хетай-ра выставили многослойные песчаные барьеры перед аркой, чтобы не пропустить никого из краснокожих захватчиков наружу. И даже несмотря на то, что многим удавалось преодолеть магическую защиту хетай-ра, в ловушке на рынке все равно осталось достаточно воинов, которые предчувствовали, что должно было произойти с минуты на минуту, но никуда не могли сбежать. А вот всех вырвавшихся из плена одиночных солдат, встречали глефы и мечи защитников Бархана, которые без труда расправлялись с такими беззащитными целями.

Стены обрушились сплошным потоком песка буквально в одно мгновение. С оглушающим шумом тонны золотистых песчинок рванули вниз, заполняя площадь и засыпая ифритов вместе со всеми строениями на рынке. Воздух дрожал от напряжения, а более не скованный магией песчаный слой за слоем продолжал стекать стремительным водопадом, до

тех самых пор, пока не разрушился потолок, просевший вниз вместе с остатками разбитого стеклянного купола. Ашарх до последнего момента вглядывался в арочный проход, пока и он не опал вниз с шелестящим звуком. Рыночной площади больше не существовало, как и входа в Бархан – теперь ифриты вместе с частью города канули в небытие, навеки замерев в песчаном плену.

Однако даже когда хетай-ра, которые управляли этим сложнейшим заклинанием, отступили от стен, победно вглядываясь в творение своих рук, никто не ожидал, что все могло закончиться так быстро. Ссыпавшийся песок, переполнивший площадь, сплошным потоком хлынул в главный коридор, тяжелыми волнами ударяясь о противоположную стену и растекаясь в разные стороны.

– Дерьмо! – в сердцах воскликнул Ашарх.

Резко дернув на себя Манса, профессор мгновенно оказался на ногах и скорее бросился назад, в ту часть тоннеля, из которой они изначально пришли. Спотыкаясь и едва поспевая за приятелем, юноша бежал рядом, хрипло дыша и постоянно оглядываясь себе за спину, где освобожденный от сковывавшегося его заклинания песок перекрыл большую часть широкого коридора и все продолжал прибывать и прибывать из той части подземелья, где еще недавно был рынок.

Пробежав пару десятков метров, Аш и Манс остановились, обернувшись. Вместе с ними спасались от песка и выжившие воины хетай-ра, и теперь все замерли на своих ме-

стах, наблюдая, как постепенно замедлялась золотистая лавина. Шелковистые волны массивными валами накатывали друг на друга, с шелестом стекая вниз и все больше и больше разделяя главный коридор Бархана на две части. Теперь не могло идти и речи о том, чтобы пробиться к зданию гарнизона. Путь был отрезан. Но и неприятеля больше не было.

– Они все м-мертвы? – заикаясь, шепотом спросил профессор, поглядывая на своего приятеля, который, как и Аш, выглядел не самым лучшим образом. Весь запорошенный песком, местами вымазанный в чужой крови, юноша едва держался на ногах, а его обезумевший взгляд был направлен лишь на золотистый песок, заполнивший тоннель.

– Такое никто не переживет... – тихо ответил Манс.

Неожиданно впереди показалось какое-то явное шевеление. Все хетай-ра вокруг мгновенно напряглись, молча вглядываясь в песчаную насыпь. Пять секунд стояла неприятная тягучая тишина, нарушаемая лишь едва слышным шорохом песчинок, все еще ссыпавшихся на пол.

А после произошло невероятное. Песок в нескольких местах дрогнул и выпустил из своего плена сторбленные фигуры ифритов, которые отчаянно прорывали себе путь наружу руками и оружием. Вокруг многих из них гасли яркие огненные щиты и сферы, которые, видимо, и уберегли их от верной гибели под песчаными завалами. Имперцы, с головы до ног облепленные пылью и песчинками, ожесточенно откапывали себя и выбирались наружу, помогая и другим соратни-

кам. И с каждым мгновением все больше и больше краснокожих воинов появлялось из-под песка, а в какой-то момент один из участков боковой стены с грохотом обрушился, явив рваный провал, мгновенно исторгнувший из себя целый водопад песка. А следом за ним из дыры вывалился в тоннель целый отряд ифритов, которые то ли взрывчатыми смесями, то ли своей огненной магией сумели раздробить кусок стены и так же сбежать из песчаного плена.

– Залмар милостивый, этого просто не может быть... – с ужасом проговорил Ашарх, не веря собственным глазам.

Все слухи о невероятной стойкости имперских солдат, которые сражались без устали и выживали в самых непереносимых условиях, в один миг всплыли в голове профессора. И теперь он испугался по-настоящему, чувствуя, как кровь стынет в жилах.

– Ewan'Lin... Как им удалось выжить?! – прохрипел Манс, хватаясь за голову.

Хетай-ра вокруг сгрудились в тесную кучу, пребывая в суеверном ужасе. Прямо на их глазах заживо погребенные воины без каких-либо увечий и ран появлялись прямо из-под песка, будто мстительные призраки. И они явно горели желанием поквитаться за такое негостеприимство.

– Dzha-sharahat'ta! – пронзительно завопил откуда-то слева один из офицеров хетай-ра.

Его крик взвинтился в воздух и рассеялся между потерянными и испуганными солдатами, замершими на своих ме-

стах. Они переглядывались, будто пытаясь понять, нужно ли было им следовать приказу обезумевшего от страха командира.

– Dzha-sharahat'ta! – повторный окрик офицера разнесся по коридору.

И только тогда первые солдаты неуверенно сдвинулись со своих мест, разворачиваясь и бросаясь прочь в темноту тоннеля. Манс тоже схватил профессора за руку и потянул его в обратном направлении, подальше от поля битвы. Сражение было проиграно, и все, что оставалось делать выжившим защитникам Бархана, – лишь бежать.

– Отступать! Нужно отступать! – безостановочно твердил юноша, поторапливая Ашарха, который, путаясь в собственных ногах, едва поспевал за своим приятелем.

– Мы не спасемся от них! – отчаянно выдохнул преподаватель, стараясь не оглядываться себе за спину. Там позади уцелевшие и выбравшиеся из-под песка имперцы, заметив, как хетай-ра малодушно сбегают с поля боя, бросились в погоню, намеренные расквитаться с противниками.

Рассеявшись по всей ширине главного коридора, пустыnnики, тяжело дыша, попеременно то опережая друг друга, то подгоняя соратников пронзительными выкриками, торопились затеряться в темноте и добраться до эвакуационных тоннелей, где уже должны были собраться жители со всего Бархана. Большая часть дееспособных солдат хетай-ра оказалась отсечена песчаной насыпью от своих соплеменников

и ифритов, а за то время, которое бы им понадобилось, чтобы проложить дорогу сквозь неожиданную преграду или же чтобы пробежать через весь полис, имперцы давно бы успели захватить половину города. Теперь подмоги ждать было неоткуда, и исчерпанный магический запас не оставлял даже малейшей надежды на победу.

Ашарх бежал наравне со всеми остальными, чувствуя лишь соленый привкус крови во рту и оглушительное бие-ние сердца в груди. Он не позволял себе останавливаться или же тратить драгоценные мгновения, чтобы обернуться и еще раз увериться в том, что преследователи не отставали. Он и так знал, что имперцы дышали им в спину. Стремительные огненные сферы то и дело со свистом проносились мимо, врезаясь в стены или улетаая вперед, тая в темноте. В какой-то момент одна из них со всей силы врезалась прямоком в спину того самого офицера, скомандовавшего отступление. Одежда загорелась на нем в считанные секунды. Перекинувшись на голову и взвившись рыжими языками, огонь охватил мужчину целиком. Он кричал так высоко и истошно, конвульсивно содрогаясь всем телом от чудовищной боли, что эхо разнесло этот вопль по всему тоннелю. И когда обгоревший труп остался лежать на каменном полу коридора, никто из солдат даже не обернулся взглянуть на него. Они боялись, что и сами могли за свое промедление стать мишенями для новых огненных сфер.

Когда впереди показались высокие арки, ведущие к Му-

равейнику и на дворцовую площадь, то в главном коридоре стало оживленнее: последние стражники и жители, еще не успевшие добраться до Диких тоннелей, торопливо спешили вдоль стен. Но стоило горстке выживших защитников, окровавленных и выдохшихся, появиться в зоне видимости, а одному из оставшихся офицеров несколько раз резко затрубить в сигнальный рожок, как тоннель начал стремительно пустеть. Горожане, поддавшись новому приступу паники, мгновенно хлынули в сторону врат, ведущих к Диким тоннелям. Больше ни у кого не было сомнений, что полис нужно покинуть.

Ноги сами вынесли преподавателя и Манса к распахнутым во всю ширь каменным створкам, где стражи загоняли внутрь толпы хетай-ра. Общая суматоха, царившая на входе, лишь усилилась при приближении измотанных после нелегкой битвы солдат. Все беспокойно оглядывались по сторонам, опасаясь, что не успеют попасть в убежище до того, как краснокожие захватчики окажутся у Диких тоннелей.

Из всех ответвлений и примыкавших залов главного коридора понемногу еще продолжали стягиваться жалкие остатки жителей Бархана. Они торопились, теряя на ходу свои полупустые мешки и сумки, неся на руках маленьких детей и подгоняя окриками пожилых родственников, с трудом поспевавших следом. Все бежали к узкому входу. У створок то и дело возникала давка, но напиравшие сзади пустынные и недовольными воплями каждый раз проталкивались вперед,

и толпа все продолжала сдвигаться вглубь темного заполненного народом тоннеля, чтобы дать место прибывавшим хетай-ра, поток которых не иссякал.

Аш и Манс сами с трудом пробрались внутрь, но далеко протиснуться в тесной толпе им не удалось: весь тоннель на многие десятки метров вперед был заполнен громко причитавшими и переговаривавшимися хетай-ра, которые гораздо раньше успели эвакуироваться из города. Все собравшиеся жители нервно крутили головами, периодически вытягивая шеи и вглядываясь в светлый ореол прохода. Общее напряжение грозным облаком нависало над толпой, а повсюду постоянно слышались то сдавленные всхлипывания, то приглушенный детский плач.

– Что будет дальше? – тихо спросил у своего встревоженного спутника преподаватель.

– Плохо. Все плохо, – скупно ответил юноша, голос его дрожал. – Если этим ифиритам не страшен песок, наша магия и оружие, то городу конец. Они смели нас без труда. А ведь погибать столько хороших воинов, столько хетай-ра...

– Их силы не безграничны, – возразил Ашарх. – Рано или поздно они упадут от ран или истратят всю свою энергии, не смогут больше творить огонь. Если ваш гарнизон подоспел с другой стороны или успеет прорыть ходы в песке, который перекрыл главный тоннель, то их еще можно будет остановить... Все зависит от действий матриарха и приказов начальника гарнизона.

– Нужно послать им гонца! – решительно сказал Манс и потянул профессора за собой, пробиваясь вперед, обратно к выходу. – Объяснить положение дел как можно скорее!..

Где-то в отдалении один за другим раздались сильные взрывы, от которых песчаник задрожал под ногами.

Хетай-ра вокруг испуганно вжали головы в плечи. Со всех сторон слышались бормотания – жители взывали к Эван’Лин, складывая руки в молитвенных жестах. Однако богиня, увы, совсем не желала в этот день одаривать милостью своих верных детей.

Мансу и Ашу не сразу удалось протиснуться сквозь толпу к распахнутым створкам врат. Народа в тоннелях собралось очень много, и дышать становилось нелегко, будто потолок давил на голову, а окружающая тьма проникала в грудную клетку вместо глотков желанного кислорода. Почти у самых дверей, где освещение из главного коридора еще позволяло что-то рассмотреть, Ашарх почти сразу же разглядел в толпе Мериону и уверенно двинулся к ней вместе с Мансом.

Старшая дочь матриарха яростно командовала, помогая пропускать жителей в спасительное убежище. Около нее жались напуганные слуги, стража продолжала заталкивать прибывавший народ, но поток хетай-ра уже практически истощился, хотя было совершенно ясно, что в Диких тоннелях не собралось даже половины города. Манс бросился к сестре, не теряя времени, словно именно она была тем спасением, в котором сейчас так нуждался весь Бархан.

Но не успел сказать ей ни единого слова.

С противоположного конца подземного полиса неожиданно раздался новый сигнал рога, который хорошо было слышно даже в Диких тоннелях и рядом с ними. Он волнами расходился по темным широким коридорам, пронизывая опустевшие пещеры и залы, отражаясь от стен и заставляя светлячков срываться с места в хаотичный полет. Но звучание этого рога совершенно не было похоже на первый тревожный рокот рожка, изначально оповестивший весь город о нападении, – оно казалось куда более низким, раскатистым и зловещим.

Аш в слабом свете увидел, как все стоявшие рядом с ним хетай-ра замолкли во мгновение ока и изменились в лице, побледнев. Глаза их, застывшие и широко распахнутые от ужаса, неверяще смотрели за пределы тоннеля, туда, откуда доносился пугающий гулкий призыв рога. Некоторые пустынники внезапно начинали истошно и пронзительно выть, не сдерживая себя, другие разревелись в голос, проглатывая горькие слезы и невнятно причитая на своем языке.

Рог все продолжал петь свою протяжную песнь.

Манс на негнущихся ногах повернулся лицом к профессору. Губы его мелко подрагивали.

– Матриарх приказала разрушить Бархан... Засыпать город...

Ашарх почувствовал, как у него перехватило дыхание от этих слов. Манс перевел взгляд остекленевших глаз на свою

сестру, неестественно выпрямившую спину. Она сжимала виски ладонями, крепко зажмурившись, словно звучание рога доставляло ей невыносимую боль.

Его тяжелая погребальная песня не прерывалась ни на миг.

В какое-то мгновение, резко убрав руки от головы, хетай-ра обвела замутненным взглядом всех собравшихся в Диких тоннелях горожан и громко отдала приказ:

– Нау-zwey Nard!..

И, даже не зная изгона, Аш понимал, что ее слова были озвученным приказом матери. И он не хуже остальных чувствовал, как тяжело было дочери правительницы говорить такое. Но голос Мерионы впустую разносился по молчавшей толпе. Никто не поддержал ее крик. Молодая женщина повторяла приказ срывающимся голосом раз за разом, а хетай-ра вокруг лишь смотрели на нее своими бестолково распахнутыми глазами, и слезы капали на их бледные щеки.

Тогда Мериона повернулась к замершим у прохода стражам и повелительно указала на них пальцем. Воины не могли ей не подчиниться, иначе их бы ждала мгновенная смерть.

Один за другим они вышли за пределы спасительного коридора и приложили руки к стенам тоннелей, начав творить заклинание, которое должно было уничтожить весь город, погребя его под завалами песка. Несколько жителей, из тех, кто стоял ближе всех к проходу, ведущему наружу, тоже бросились им помогать, будто стремясь все это скорее закон-

чить: они коснулись руками пола и стен у самых врат, воззвав к богине, и массивные створки медленно начали сдвигаться, оставив в конечном итоге лишь неширокую щель для того, чтобы через нее могли вернуться стражи.

Однако далеко не все пустынные поддержали клич Меррионы. Были и те, кто яростно бросился к старшей дочери матриарха, выкрикивая угрозы, но слуги и ближайшие воины мгновенно встали грудью на ее защиту, укрыв молодую женщину своими телами от чужих взоров и ненависти. Хетай-ра вопили, не сдерживая себя, некоторые порывались выбежать из тоннелей в последнюю минуту, но равнодушные горожане их сдерживали, насильно затягивая обратно в убежище.

Аш со смешанным чувством ужаса и неверия смотрел на проход, от которого осталась лишь узкая полоса света, пока Манс не сжал до боли его плечо, делясь собственным страхом. А через пару секунд профессор услышал потрясенные крики у самого входа. К вратам, ведущим в Дикие тоннели, по главному коридору полиса спешила целая толпа краснокожих ифритов, намеренных в последнюю минуту успеть добраться до спасшихся жителей Третьего Бархана.

Хетай-ра вокруг заволновались, и Манс скорее дернул Ашарха за руку, пытаясь дальше отвести его от входа, куда могли успеть добежать имперцы. И в этот самый момент стражи окончили свое заклинание, друг за другом протискиваясь обратно под защиту спасительного тоннеля. Песчаник

под ногами и стены вокруг ошутимо дрожали, словно где-то глубоко внизу под слоем песка пробуждался ото сна чудовищных размеров змей, который должен был вот-вот поглотить весь Бархан, навсегда стерев его с лица земли. Больше для города не было никакой надежды.

Аш торопливо продвигался следом за Мансом вглубь толпы, пока за его спиной возгласы хетай-ра не сменились глубоким всеобъемлющим молчанием. Он обернулся ровно в то самое мгновение, чтобы увидеть, как коридоры Бархана осыпаются единой разрушительной волной песка, а сгрудившиеся у врат стражи из последних сил успевают изнутри окончательно запечатать проход, чтобы поток не добрался до тоннелей с жителями. От гулко-го грохота на миг заложило уши.

И, когда могучие толстые створки сомкнулись, становясь монолитной преградой между хетай-ра и погребенным городом, то воцарилась абсолютная темнота. Несколько секунд в толпе стояла тишина, пеленой окутавшая всех и каждого в этих тоннелях, которая через мгновение взорвалась душе-раздирающим воплем.

Сотни голосов слились в едином плаче скорби, отчаяния и беспомощности.

Глава восьмая.

Единственный путь к спасению

За каждым матриархом стоят верные ей подданные и

советники, которые и делают правительницу той, кем она является. Но подчас, стоит убрать всех этих хетай-ра, и останется лишь одинокая беспомощная женщина, сидящая на троне и не обладающая никакой особой силой.

Матриарх Третьего Бархана Гиселла Геркатен Анакорит

У Аша внутри словно образовалась воронка пустоты. Сотни хетай-ра только что прямо на его глазах оказались под завалами песка, погребенные заживо. Воины и защитники города, не сумевшие спастись, раненые, оставшиеся лежать в длинных коридорах полиса, и те, кто просто не успел добраться до эвакуационных тоннелей. Погибли почтовые птицы и скот, теперь были разрушены священные мольбища, величественный дворец и тесные, жавшиеся друг к другу домики Муравейника. Не было больше изящного произведения искусства пустынных мастеров – стеклянного купола, а вместе с ним не было и шумной рыночной площади с ее лавками и ресторанными домами. Теперь навечно были засыпаны вековые фрески на стенах пещер, редчайшие книги и карты в библиотеках. Под завалами осталась матриарх вместе с верным мужем. Они стояли на защите своего города до самого конца, выбрав ужасную смерть, лишь бы забрать на тот свет мерзавцев, осмелившихся напасть на Третий из пяти великих Барханов.

Песок поглотил все.

А то, что осталось, – это сотни обездоленных пустынь-

ников, потерявших родственников, друзей и смысл жизни, которые сидели на каменном полу в кромешной темноте и горько плакали.

Первые часы после трагедии не происходило совсем ничего: жители разрушенного города даже не двигались со своих мест, они лишь скорбели, иногда сглатывая соленые слезы и едва слышно подвывая от боли, которая терзала сердца всех выживших. Редко где-то слышались подавленные голоса или обрывки молитв, но беседы быстро затихали, хотя в мертвой тишине горе от потери ощущалось гораздо сильнее.

Манс сразу после того, как все закончилось, сел у ближайшей стены, закрыв лицо руками, и так больше и не шевелился, словно погруженный в какое-то пугающее оцепенение. Аш был рядом с ним все время, но юноша молчал, не в силах разделить свое отчаяние ни с кем, кроме себя. Общая тоска пустынников довлела и над профессором. Трудно было оставаться бесстрастным, когда со всех сторон раздавались только глухие рыдания.

Он все время, пока сидел в темноте, думал над тем, что Лантея, если она была еще жива, не могла не услышать звуки сигнальных рогов, взрывов и обрушившегося города, и должна была сразу же повернуть обратно. Но смогла ли она выжить в этих опасных тоннелях? Не забрела ли слишком далеко? И как же велико будет ее горе, когда она увидит, что случилось с ее родным домом!..

Через какое-то время горожане, выплакавшие все слезы, тихо начали перешептываться между собой, утешая соседей и делясь теплом своих сердец. Негромкий гул голосов постепенно наполнил коридоры и вынудил Манса поднять голову.

– Что теперь будет дальше? – сипло спросил Ашарх, как только почувствовал, что его приятель зашевелился рядом.

– Не знаю, – едва слышно прошелестел юноша в ответ.

– Нужно что-то делать. Если мы все останемся просто сидеть здесь, то через неделю присоединимся к погибшим... Я уверен, что они не желали нам такой участи, когда жертвовали своими жизнями, чтобы задержать ифритов и дать нам время спастись.

Неожиданно слова профессора оказали на Манса нужное действие. Он выпрямился и шумно выдохнул, словно пытаюсь привести в порядок мысли.

– Ты прав, – проговорил юноша и поднялся на ноги. – Надо искать Мериону. Теперь она матриарх.

Аш последовал его примеру и сразу же крепко схватил своего спутника за плечо, чтобы не потерять его в кромешном мраке. Они двинулись в сторону запечатанного выхода из тоннелей, стараясь ни на кого не наступить по пути, что удавалось не всегда. Хетай-ра сидели прямо на полу, рассредоточившись по всему свободному пространству, поэтому мужчины постоянно слышали гневные восклицания в свой адрес и получали тычки, когда случайно кого-нибудь задевали.

Как Мансу в сплошной темноте удалось отыскать Мериону, профессор не представлял. В какой-то момент он просто услышал ее грубоватый голос, который даже во время перешептывания с братом выделялся командным тоном, видимо, доставшимся от отца. Родственники беседовали долго, сестра очень нехотя и скупо отвечала на все фразы юноши, и даже Ашарх, совершенно не понимавший изгон, чувствовал, что эта молодая женщина была сильно подавлена произошедшим. Наконец Манс отступил на пару шагов назад, уводя за собой и преподавателя.

– Она плохо, ничего не хочет делать. Думает только о матриархе и отце. Я уговорил ее, что надо ободрить народ... Что нам всем надо идти к Первому Бархану.

– Эти тоннели приведут нас к нему?

– Да. Идти надо долго, много дней. И сначала хетай-ра должны молиться о мертвых, – с горечью в голосе ответил юноша.

От Мерионы все ждали слов утешения, но новый матриарх не двигалась со своего места еще достаточно долго. В конечном итоге Мансу пришлось силой ставить ее на ноги и приводить в чувство, пока ему на помощь не подоспел еще один из выживших – это оказался главный служитель мольбища Старухи Озахар. Видимо, особенности его профессии позволили легче перенести произошедшую трагедию, потому что он первым принялся беседовать с горожанами и утешать их. Новости шепотом передавались по рядам хетай-ра,

и сотни страждущих понемногу стягивались ближе к матриарху и жрецу, пока не слишком широкий тоннель не оказался полностью перекрыт. Многие садились на пол, некоторые пытались что-то узнать с дальних рядов, толкаясь и падая на соседей.

Аш и Манс оказались ближе всех к Мерионе, и они тоже, как и все вокруг, встали на колени, готовясь к совместной молитве. Из-за тесноты воздух в пещерах загустел, и где-то на задних рядах был слышен надрывный старческий кашель. Некоторые хетай-ра все еще продолжали всхлипывать, но когда новый матриарх наконец заговорила, то абсолютная тишина мгновенно накрыла живое море скорбящих.

– Этот день мы запоем навсегода... – приглушенно произнесла Мериона. – День страшной трагедии, забравшей жизни сотен хетай-ра. Жизни матриарха и ее мужа, жизни рядовых солдат и простых жителей...

В полном молчании и крошечной темноте все внимали словам молодой женщины. Даже Ашарх затаил дыхание, пока Манс шепотом переводил ему на ухо речь матриарха.

– Третьего Бархана больше нет. Он разрушен, навечно погребен под песком... Но никогда не должна исчезнуть память о нашем славном городе. И мы будем теми, кто станет ее хранить.

Мериона замолчала на мгновение, а после тяжелого вздоха продолжила:

– Как бы ни было это больно и нелегко – вспоминать всех

ушедших, но мы обязаны почтить их молитвой перед Многоликой Матерью... И попросить ее о милости для всех нас...

Эту весьма короткую речь практически сразу же подхватил и продолжил Озахар, куда более зычным и твердым голосом обратившись к народу:

– Эван’Лин мудра и учит нас, детей своих, не бояться смерти и не скорбеть по ушедшим! Пусть тела их заберет песок, но души их останутся с нами, чтобы помогать и поддерживать еще многие десятки лет... И сейчас эти духи есть среди нас! Они стоят за нашими спинами, молча внимают царящей здесь печали и жалеют лишь о том, что не успели попрощаться.

Служитель сглотнул и, набрав в грудь побольше воздуха, закончил свою мысль:

– И мы должны дать им такую возможность!.. Отпустим же свою боль и скажем последние слова тем, кого мы сегодня лишились... И помолимся Эван’Лин, чтобы она осветила нам путь.

После этих слов пустынные погрузились в молитву. Каждый в молчании про себя прощался с погибшими родными, взывал к богине и просил ее о милосердии. По прошествии нескольких минут хетай-ра стали медленно один за другим подниматься на ноги.

Пора было отправляться в сторону Первого Бархана. Это был единственный путь к спасению.

Первый переход длился до тех пор, пока немногочисленные старики и дети не начали сильно отставать от основной массы жителей. Тогда многие стали просить об остановке, и колонна была вынуждена встать лагерем в ближайшей достаточно крупной пещере.

Манс и Аш практически все время старались держаться рядом с Мерионой, но они быстро заметили, что новая правительница не справлялась с неожиданно взвалившимися на ее плечи обязательствами по управлению толпой. Она не знала, что должна была делать в такой катастрофической ситуации, а рядом не было больше сильного отца и умной матери, которые решали все вопросы вместо нее. Теперь ответственность за жизни сотен хетай-ра лежала на ее плечах, и Мериона не выдерживала эту ношу.

К матриарху постоянно подходили страждущие, нуждавшиеся в ее совете или помощи, но в ответ на свои мольбы они получали лишь невнятное бормотание. Мериона отмахивалась от подданных, как от докучливых мух, или же требовала, чтобы окружавшая ее стража отгоняла прочь особенно настырных просителей. Вскоре даже Ашарх смог различить крики недовольства, которые все нарастали и нарастали в лагере выживших.

- Что происходит? – спросил он у Манса.
- Хетай-ра хотят есть и пить, – ответил юноша.
- Эти вопросы нужно решать сейчас, пока толпа не разозлилась вконец.

– Мериона не знать, что приказать им...

– Передай, пусть скажет всем вывернуть карманы и мешки. Наверняка, кто-то да успел забрать с собой из города что-то съестное, – предложил профессор. – Раздать еду хотя бы детям, и хетай-ра станут куда спокойнее.

Манс в темноте наощупь добрел до Мерионы, укрывшейся за широкими спинами выживших и верных ей воинов, и передал слова Ашарха. Вот только к своему приятелю он вернулся с кратким и весьма желчным ответом:

– Она сказала, что не стоит слушать чужак.

– Какая дурость! – раздраженно воскликнул профессор. – Она отказывается от здравого совета лишь потому, что его предлагаю я?!

– Она не в себе, – попытался оправдать сестру юноша.

– Ты ее брат, член ее семьи! Объясни ей, что если она не удовлетворит сейчас требования толпы, то в отчаянии они очень и очень быстро лишат ее новообретенного титула!

Манс вновь удалился в темноту, как молчаливый посыльный. В этот раз он отсутствовал гораздо дольше, и, когда вернулся, то голос его звучал радостнее:

– Мне удалось убедить ее! Она послушается тебя! Но Мериона сказать, если твоя идея не сработать, то она прикажет жрец Озахар зашить твой рот...

Как бы зловеще ни звучало подобное предупреждение, Ашарх его не испугался. Он был уверен в том, что его опыт, подчерпнутый еще в университете из старинных историче-

ских книг, наконец, действительно мог пригодиться. Если древние полководцы и герои знали, что делали, то и Аш не мог просчитаться, идя их путем.

По приблизительным подсчетам, в Диких тоннелях оказалось порядка пяти сотен хетай-ра. Из Бархана спаслось не так много жителей, но в сложившейся ситуации накормить и напоить даже такое количество пустынников было проблематично. По приказу матриарха всех обязали сложить в общий котел любую еду, которую они смогли с собой забрать, но во всем лагере не нашлось и пары десятков хетай-ра, которые бы оказались настолько предусмотрительными или же честными. Манс безропотно отдал свою сумку с лепешками, захваченную еще из дома, но всего собранного едва хватило, чтобы распределить между маленькими детьми и стариками.

Однако стоило жителям увидеть, что матриарх отдала мудрый приказ, и их дети получили свои порции хлеба, как недовольства и ворчания действительно понемногу стихли. Но даже несмотря на успех предложенного профессором предприятия, Мериона так и продолжала отрешенно сидеть в стороне, не принимая больше участия в жизни лагеря. Тогда мужчины на свой страх и риск двумя незримыми тенями встали за плечами матриарха и начали понемногу подсказывать ей, что делать дальше. И она неожиданно послушно стала повторять их слова, все еще погруженная в свои горестные мысли по поводу смерти родителей. Сложившаяся ситуация никому не прибавляла оптимизма, но благодаря указам

Манса и Ашарха в лагере хотя бы на время установились порядок и иллюзия спокойствия.

Воды не оказалось ни у кого в лагере, и следующим отданными приказом стало распоряжение о формировании двух легковооруженных отрядов из пары десятков добровольцев, которые направились дальше по тоннелям в поисках подземных водоемов. Несколько опытных охотников вызвались сопровождать эти группы, и все выжившие, оставшиеся в пещере, погрузились в тягостное ожидание.

Как Манс рассказал профессору, этой дорогой ходили караваны, направлявшиеся в Первый Бархан. Сотни лет назад это был популярный путь: даже несмотря на то, что до соседнего города нужно было добираться почти десять дней, в тоннелях всегда было достаточно мест для стоянок и ночлега, имелись озера и реки с питьевой водой, и испепеляющее солнце пустынь сюда не проникало. В те времена этот путь был прямым, как стрела, а за защищенностью маршрута от ингур внимательно следили: любые новые лазы заделывали, особей уничтожали, – чтобы путь к Первому Бархану всегда оставался безопасным. Но в какой-то момент хорошие отношения с матриархом соседнего полиса испортились, караваны стали ходить неохотно, и за каких-то полвека эта часть Диких тоннелей разрослась, наполнилась изгнанными ингурами и стала чрезвычайно опасной. Торговцы постепенно отказывались от этого пути, предпочитая горячее солнце пустынь холодным и темным коридорам, где из лю-

бого угла могла напасть оголодавшая ингура. Лишь достаточно крупные хорошо защищенные караваны все еще выбирали Дикие тоннели, а не зыбкий песок, хотя последнее столетие этот путь использовался по большей части только делегациями во время Совета Пяти Барханов, проходившего раз в семнадцать лет.

В лагере оказалось множество воинов и стражей, которые получили увечья разной степени тяжести во время защиты Третьего Бархана, и теперь раненым помогали два врача-леча, оказавшиеся в числе выживших. Но некоторых воинов все равно не удалось спасти: трое умерло от ожогов и травм, полученных в битве с имперцами. Те из пострадавших, кто сумели сбежать с рынка еще до начала сражения, рассказывали, что стражи подали сигнал тревоги практически сразу же, стоило на стеклянной крыше показаться первым отрядом краснокожих захватчиков. Как только прогремел взрыв, тяжелые осколки купола смертоносным дождем осыпались вниз, погребя под собой многие здания и травмировав большинство хетай-ра, находившихся в тот момент под сводами круглой пещеры. Пока на подмогу прибыли стражи и военные из гарнизона, нападавшие были уже на полпути к площади, спускаясь по закрученной рампе. И даже несмотря на то, что дорогу частично удалось обрушить с помощью магии, у ифритов оказались заранее заготовленные крюки и веревки – они без страха прыгали вниз и с неистовством набрасывались на всех, кого видели, поджигая дома и добивая ране-

ных. Сбежать с рынка удалось очень немногим.

Пустынники, выплакавшие все слезы за время непрерывного марша в темноте, активно обсуждали произошедшее и пытались обустроиться в широкой пещере, отданной под спальный зал, разделенный на женскую и мужскую зоны. Хетай-ра хорошо видели в темноте, но для этого им требовалось наличие хотя бы крошечного источника света, вроде фосфоресцирующего мха, однако, в кромешном мраке они были так же слепы, как и Аш. Поэтому жители погибшего города бесцельно бродили, постоянно натываясь друг на друга, утешали скорбящих и беспокоились о своем будущем.

Оставшиеся в живых стражи и солдаты, которых оказалось совсем мало, сгруппировались около Мерионы, разместившейся на ночлег недалеко от выхода из пещеры. Аш и Манс тоже были неподалеку, обустроивая для себя спальные места. В тоннелях оказалось гораздо холоднее, чем в подземном городе. Если в Барханах от ветра укрывались за стенами и завешивали проходы занавесями, то здесь он свободно разгуливал, мгновенно охлаждая нагретый дыханием воздух. Многие жители с помощью магии создавали для себя углубления прямо в полу из песчаника, где теплый от заклинаний камень помогал им заснуть. Манс, сидя на коленях, занимался тем же самым, сосредоточенно выплавляя для себя и своего спутника отдельные укрытия.

– Мериона меня тревожит, – негромко признался Ашарх, который последние четверть часа сидел, прислонившись го-

ловой к стене, и слушал, как его приятель с усердием колдовал. – Никогда бы не подумал, что придется подсказывать ей, что нужно делать и говорить на посту матриарха... Лантея отзывалась о ней, как о расчетливой и властной женщине. Но теперь она больше похожа на куклу с пустой головой.

– Представь, она всю жизнь училась, читала, знала все о Бархане и власти. Но тут она одна, без мамы и совета, без слуг и канцелярия, и надо ей решать вопросы, к которым ее не готовили, – откликнулся Манс, переводя дыхание. – Фух! Ну вот и все!

Юноша нащупал в темноте запястье профессора и положил его руку в теплое углубление в полу, показывая, где располагалось теперь спальное место Аша.

– Спасибо, – преподаватель сразу же забрался в неглубокую ямку, чувствуя, как по телу разливается блаженное тепло.

– Я боюсь, что Мериона уже не придет в себя, – серьезно проговорил Манс, не торопясь ложиться в свое собственное углубление. – Тогда хетай-ра будут паниковать... паниковать. Здесь нет больше никого, кто может управлять ими, и кого они готовы слушаться.

– Тогда никто не доберется до Первого Бархана.

– Да. Я боюсь этого, – сказал юноша. – Ты спи. Я пойду поговорю с ней один на один.

Манс тихо поднялся на ноги и, стараясь никого не задеть, двинулся к выходу из пещеры, где под защитой верных стра-

жей сидела погруженная в прострацию Мерiona.

Лантея бесшумно бежала по извивавшимся коридорам, касаясь стены рукой и стараясь контролировать дыхание, но оно предательски сбивалось, из-за чего легкие горели огнем. Что произошло? Кто спасся? Многим ли удалось уйти в Дикие тоннели? Все эти вопросы несколько часов терзали хетай-ра, пока она скользила по старым ходам, ведущим от Третьего к Первому Бархану.

Когда она добралась до заветных каменных створок – последней преграды перед ее городом – то практически пала от усталости. Половину дня девушка металась в переплетении одинаковых тоннелей, ища дорогу домой и постоянно слыша где-то далеко позади рычание оголодавших тварей, непрерывно следовавших за ней. Поспать ей удалось лишь раз, с трудом забравшись на выступ в небольшой сталактитовой пещере, почти под потолком, чтобы твари не могли до нее дотянуться. Магическую энергию она восстановила лишь наполовину, но этого должно было хватить как раз, чтобы сотворить проход через врата. Но зато ее преследователи за три часа почти наверстали упущенное расстояние.

Вот только створки не открылись, а из небольшого проема, проделанного с помощью магии, лишь не прекращая сыпался песок. Лантея долго не могла в это поверить. Она вернулась к развилке, нарвала фосфоресцирующих грибов и вновь устремилась к дверям. Но ничего не изменилось. Не

сразу она заметила множество следов на полу, подсохшие лужи крови, обрывки чье-то одежды и брошенные пустые мешки. И до последнего не хотела принимать то, что в ее отсутствие произошло что-то страшное. Грибы погасли через пять минут, а девушка все трогала запечатанные створки и неверяще смотрела, как медленно тек песчаный ручей из дыры во воротах.

Уже потом, изучив обстановку и придя к неутешительным выводам, она продолжила свой сумасшедший бег, но уже по направлению к Первому Бархану, в надежде на то, что остались выжившие, которые могли, судя по следам, укрыться в Диких тоннелях и двинуться в соседний полис. Но кто или что засыпало Третий Бархан и вынудило его жителей спастись в сети запутанных пещерных ходов, она так и не знала. Лантея сжимала губы и летела дальше, едва касаясь онемевшими от усталости ногами пола, а предположения ее становились лишь мрачнее.

Спустя долгие часы однообразного бега девушка неожиданно услышала где-то впереди голоса. Когда она поняла, что это говорили хетай-ра, то ее сердце подскочило к горлу и забилось в сотни раз быстрее. Ей удалось отыскать выживших. Она побежала дальше, пока не смогла различить, что голоса были ей смутно знакомы, а беседа велась на повышенных тонах. Лантея замедлила бег, а потом и вовсе перешла на шаг, не стремясь выдавать свое присутствие и прислушиваясь к громкому разговору.

– Со всем уважением, Мериона, но ты не можешь больше себя так вести, – голос явно принадлежал Мансу. Впервые Лантея слышала его таким серьезным и даже требовательным.

– Не тебе мне указывать, брат!

– Не ты одна потеряла родственников. Там, в пещере, сейчас сотни хетай-ра, оставшихся без крова, без близких и без надежды. И именно ты должна подарить им веру в благополучный исход! Привести к Первому Бархану в целостности и сохранности. За кем, если не за тобой, им идти?!

– Тебе не понять мое горе. Ты почти не общался с матерью и отцом, – практически выплюнула эти слова Мериона.

– Но я тоже скорблю по ним. Они были и моими родителями!..

– Тогда еще в полисе ты бы поступил так, как было лучше для них обоих и для всего Бархана!

– Кто сказал, что это было бы лучше?!

– Не спорь! – женщина яростно зашипела. – Ты должен был выполнить мой приказ. Втереться в доверие к сестре, подобраться как можно ближе и убить этого чужеземца, которого она притащила с поверхности! И ничего этого сейчас бы не было!.. Но ты решил сыграть в благородство, встал на сторону этой суки и сорвал наши с отцом планы!

– Я не один раз говорил тебе, Мериона, что не собираюсь играть в ваши игры. Не понимаю, с чего ты взяла, что я согласился пойти против Лантеи. Я бы никогда не предал ее!..

А ваши с Бартелином предположения по поводу угрозы для власти матриарха еще тогда меня насмешили. Если бы мать их услышала, то, уверен, что и ее бы тоже, – Манс держал себя в руках, но в его голосе проскальзывала язвительность.

– Ну, а теперь ты доволен?! Из-за твоей твердолобости и действий моей недалекой сестры мать мертва, а Бархан погребен!.. Тебе достаточно смешно, брат?

– С чего ты взяла, что все случившиеся – это вина Лантеи? Ее вообще не было в городе!

– Чья же еще! Сначала она возвращается в полис после побега как ни в чем не бывало с каким-то иноземцем, потом пытается убедить собрание и мать вывести хетай-ра на поверхность. И когда мы все начинаем противиться, то на Бархан нападает армия чужаков! Хотя за три тысячи лет никто нас не мог обнаружить... Скажешь, что это совпадение? А почему же тогда она именно на это время так удачно сбегала в Дикие тоннели? Как будто чувствовала, что должно произойти!

– Ты совсем лишилась ума, Мериона?.. – пораженно проворчал юноша. – Зачем ей способствовать уничтожению своего же народа? Она мечтала показать хетай-ра мир, а не разрушить весь город до основания. И в тоннелях она оказалась только потому, что выполняла ваши с матриархом требования и отправилась проходить испытания.

– Не знаю как, но я почти уверена, что это именно она привела на хвосте краснокожих выродков! Может, она с ни-

ми в сговоре?.. Но ничего страшного! Из тоннелей она уже никогда не вернется. Отец как чувствовал, что эта дрянь готовит что-то серьезное, поэтому направил за ней следом пару своих верных подручных, – Мериона хрипло рассмеялась. – Больше она никому не навредит.

– Вы послали за ней убийц?! – в голосе Манса послышались рычащие угрожающие нотки. – Это низко даже для тебя!.. Просто удивительно, как такая ярая поборница традиций легко переступает через все установленные порядки, лишь бы навредить сестре! Нельзя вмешиваться в прохождение испытаний!

– Она начала первой. Если бы Лантея вернулась и сидела на своей заднице ровно, помогая мне избавляться от подчиненных Иамес, то я бы рта не раскрыла. Но она стала рушить наши вековые устои как песочные куличики, даже мать начала задумываться над тем, чтобы послать на поверхность разведчиков. Мы с отцом не могли это допустить и начали действовать.

– Вы совершили ошибку.

– Хетай-ра должны оставаться под песком! Здесь наш дом. А теперь... Теперь нет ни матери, ни отца, ни города – песок поглотил все. Нечего больше защищать... и некого, – голос молодой женщины дрогнул. – Сестра безвозвратно потеряется в Диких тоннелях. Там ей и место. А этого чужака можешь оставить при себе. Мне без разницы, что с ним будет. И без разницы, что будет с выжившими. Это уже не процве-

тающий Третий Бархан, и я не его правительница...

Судя по звукам, Мериона двинулась обратно по коридору, в пещеру, из которой они пришли, не желая больше спорить с братом. Манс остался стоять в тоннеле. Лантея слышала, как он раздраженно бил мыском ботинка стену какое-то время, видимо, обдумывая слова сестры. Наконец, юноша тоже неспешно удалился.

И только тогда Лантея медленно сползла по неровной стене на холодный пол. Плотный кокон отчаяния заключил ее в свои объятия, приглушая любые другие чувства. Жаркая пелена слез затмила глаза, но ни одна капля так и не сумела пролиться на бледные щеки девушки. В ее душе раскручивался водоворот всепоглощающей горечи.

Город был уничтожен. Засыпан, чтобы погresti вместе с собой захватчиков с поверхности. Откуда они появились, никто не знал. Но вместе с Барханом под горами песка оказались сотни хетай-ра, матриарх и ее муж. Теперь выяснилась горькая правда, что именно Мериона была той, кто подослал тхаги к Ашу, пытался отравить его и дал согласие на убийство Лантеи во время прохождения испытания – родная сестра желала ей смерти. А вот мать оказалась совершенно не причастна ко всему этому и даже ни о чем не подозревала.

Девушка закрыла лицо ладонями, пытаясь осознать то, что она ненароком подслушала.

Манс знал с самого начала о заговоре Мерионы и Бартелина. Но все же он не был предателем, хотя по никому

не известной причине решил не делиться подробностями с Лантеей и ни о чем ее не предупредил. Видимо, боялся за собственную шкуру или же изначально не воспринимал происходившее настолько серьезно. А оно оказалось серьезнее некуда.

Почти полчаса хетай-ра просидела в одиночестве в пустом коридоре, обуреваемая различными эмоциями, покачиваясь взад-вперед. Из транса ее вывел протяжный вой, который раздался издалека, из тоннелей, откуда она сама только что пришла. Проклятые твари не желали упускать свою добычу.

Тяжелый вздох вырвался из ее груди. Некогда было предаваться грусти и отдыхать. Она не могла позволить себе подобной роскоши. Мертвые уходили, таковы были естественные законы природы. И Лантея это прекрасно понимала. За стенами, в пещере, сидели сотни живых, которые гораздо больше нуждались в ее сочувствии. А еще там ждал Аш, которому удалось выжить вопреки всему. Это ли не то, ради чего стоило отринуть отчаяние и подняться на ноги?..

Девушка решительно встала и направилась ко входу в широкую сводчатую пещеру, которая приютила обездоленных жителей Третьего Бархана. Она тихо переступила через порог, прислушиваясь к прерывистому дыханию спящих, и двинулась вперед, пытаясь распознать, где могли находиться ее приятели. Аккуратно перешагивая через углубления, сделанные с помощью магии, в которых притаились дремавшие хетай-ра, Лантея вскоре различила тихую речь на зал-

марском с одной стороны.

– Я знаю, что это неправильно. Я же говорю тебе, она не хочет вести народ, – устало прошептал Манс, а в темноте слышался мягкий перестук перебираемых им бусин на четках.

– Она матриарх. Хочет она или не хочет, но других претендентов больше нет, – приглушенно негодовал профессор.

– Что такое «перентендентов»?

– Желающих... Манс, мы все погибнем в этих тоннелях, если не будет лидера.

Лантея бесшумно опустилась рядом с сидящим Ашархом и на ощупь положила ему руку на плечо.

– Залмар милостивый! – испуганно воскликнул мужчина.

Он аккуратно потрогал хрупкие ладони в митенках, неуверенно поднялся до локтя и после приблизился к лицу, пальцами обводя по контуру подбородок.

– Тея?.. – его голос неожиданно охрип.

– Да.

– Ты жива... – из груди профессора вырвался судорожный вздох.

– Сестра?.. Ты здесь?! – ахнул Манс и протянул руку по направлению к говорящей. Лантея крепко сжала его ладонь, приветствуя брата.

– Со мной все в порядке. Вы оба целы?

Ашарх внезапно резко потянул ее за руку, привлекая к себе и заключая в крепкие объятия. Девушка удивленно за-

мерла на мгновение, а потом расслабилась, чувствуя, наконец, как из ее уставшего тела медленно улетучилось напряжение последнего дня. От профессора исходили тепло и уверенность, и в душе Лантеи зарождался маленький огонек надежды на благополучный исход.

– Мы хорошо. Мы живы. Ты уже знаешь, что случилось? – взволнованный голос Манса вынудил девушку и преподавателя прекратить свои неловкие объятия.

– Я была у запечатанных створок. Бархан разрушен? Что произошло? – спросила Лантея, стараясь не выдать того, что ей все уже было известно. Она пришла к выводу, что ее брату можно было отныне доверять, ведь его непричастность к делам Мерионы подтвердилась, но вот рассказывать ему о том, что она стала невольной свидетельницей их напряженной беседы со старшей сестрой, все же не стоило.

– Да. На город напали ифриты. Уж не знаю, откуда они могли взяться в пустынях Асвен, но Бархан не смог отбиться, часть хетай-ра успела уйти сюда, в Дикие тоннели, но большинство погибли, – негромко проговорил Аш, вновь нащупывая в темноте ладонь Лантеи и крепко ее сжимая. – Мне очень жаль... Но... Твои родители погибли, защищая город. Прости, Тея.

Девушка вздохнула и в очередной раз с трудом сдержала слезы, а Манс принялся нашептывать что-то успокаивающее, но сестра прервала его почти сразу же.

– Мериона жива? – твердо спросила она, удивив обоих

спутников своей решительностью в голосе.

– Да. Она у входа. Но она не хочет принимать на себя обязанности матриарха, – неуверенно сказал брат, замявшись. – Она сидит и ничего не делает.

– Мериона очень тяжело пережила гибель Бархана и родителей. Конечно, это всем далось нелегко, но нам нужно выбираться из Диких тоннелей сообща, – пояснил Ашарх. – Мы с Мансом вынуждены были помогать ей командовать, потому что твоя сестра находится в какой-то прострации постоянно. Хетай-ра уже начинают волноваться. Нам нельзя это допускать, Тея. До Первого Бархана не меньше десяти дней пути, а в лагере нет ни воды, ни еды, ни надежды на спасение. Если на нас нападут ингуры, то мы пропали...

– Кстати, об ингурах. За мной идет погоня, которая вот-вот должна сюда подоспеть, – нехотя призналась Лантея. – Все тоннели за нами придется обрушивать, чтобы остановить их. Моя магическая энергия закончилась, поэтому я смогла их только задержать.

– Ты прошла испытание? – поинтересовался Манс.

– Да, голова твари со мной, – ответила Лантея и в темноте похлопала по чему-то на поясе, а Аш только в этот момент почувствовал омерзительное трупное зловоние. – По поводу Мерионы не беспокойтесь. Со своей сестрой я сладить смогу. Ее просто нужно привести в норму. Думаю, займусь этим сейчас, следует решить некоторые вопросы, пока еще не слишком поздно.

Судя по звукам, девушка поднялась на ноги. Манс тоже неожиданно зашуршал рядом.

– Я пойду с тобой, сестра. Я помогу.

– Как хочешь. Аш, ты с нами?

– Нет. Безумно хочу спать. Не думаю, что чем-то смогу быть вам полезным, пока не восстановлю силы, – пробормотал профессор и громко зевнул. – Все еще не могу поверить... Неужели ты правда жива и все это мне не кажется?..

– Спи, – Лантея грустно улыбнулась. – Я тоже рада, что ты спасся. Вы оба... Ну а мне пока нельзя отдыхать.

Сестра и брат осторожно стали пробираться между спящими, пытаясь никого не потревожить и случайно не задеть в темноте. Едва они дошли до выхода из пещеры, то стоявшая на карауле стражница, одна из немногих выживших воинов, подсказала им, что Мериона должна была бродить где-то рядом, потому что ей не спалось.

Молодая женщина, погруженная в свои нелегкие думы, отыскалась неподалеку. Она стояла у стены, подперев ее плечом, и нехотя откликнулась на негромкий зов Манса в темноте:

– Ты что-то еще хотел? Мне казалось, мы поговорили достаточно.

Тон нового матриарха трудно было назвать миролюбивым.

– Тогда поговори теперь со мной, сестра, – проникновенно прошептала Лантея почти над самым ухом Мерионы, за-

став ее врасплох.

– А!.. Лантея?! Ты? – от неожиданно ахнула женщина и испуганно отпрянула в сторону.

– Неужели ты мне не рада? – притворно удивилась младшая сестра, но от ее голоса веяло леденящим холодом.

– Как ты оказалась здесь? Не понимаю... Ты прошла испытание?..

– Верно. А еще я вернулась к дверям опустевшего дома, много часов бежала от оголодавших ингур и отыскала в крошечной тьме жалкую горстку выживших хетай-ра...

Разговор плавно перетек в коридор, потому что разгневанная Лантея медленно и неотвратимо наступала на Мериону, вынуждая последнюю постоянно пятиться.

– И знаешь что? – продолжила говорить девушка. – Обнаружила во главе этого народа трусливого и ни на что не годного нового матриарха, которая оказалась не способна засунуть куда поглубже свои эмоции и оказать поддержку жителям разрушенного города в тот момент, когда они нуждаются в этом больше всего на свете!

– Да что ты себе позволяешь? – слабо попыталась взбунтоваться Мериона, резко остановившись. – Я потеряла семью! Мать и отца! Неужели мое личное горе ничего не значит?!

Раздался звук хлесткой пощечины: Лантее удалось поразительно точно определить местонахождение сестринской щеки в темноте. Манс почувствовал себя лишним при этом разговоре и робко сделал пару шагов в сторону, но все равно

слышал каждое слово.

– Твой народ – это твоя семья! Сначала утри слезы своим подданным, а потом уже плачь сама. Неужели мать не смогла вбить в твою голову эту простую истину?.. – зло проговорила Лантея. – Вспомни. Когда восемь лет назад случился мор среди животных и в городе начался голод, то наша мать несколько недель практически не спала и не ела, отдавая всю еду со стола и из дворцовых кладовых нуждающимся и отправляя письмо за письмом в соседние Барханы с просьбой о помощи. И пока Четвертый Бархан не прислал караваны с мешками муки и сушеной рыбой, она не позволяла себе отдыхать. Хотя могла не раздавать эти запасы и спокойно спать. Но она так не сделала. Потому что она была настоящим матриархом, в отличие от тебя. И заботилась в первую очередь о своем народе!

Мериона неожиданно громко разрыдалась, как пятилетняя девочка, которую уличили во вранье, и теперь ей было ужасно стыдно.

– Что? Что ты от меня хочешь?!

– Чтобы ты собралась и начала вести себя как подобает матриарху. Для тебя единственная возможность почтить память матери – это сейчас соответствовать ей хоть немного. Ты должна пойти к народу и помочь каждому, кто нуждается в поддержке.

– Но они там сидят и ждут, что я из воздуха сотворю для них еду и теплые дома! А я знаю, что до Первого Бархана

тянутся только пустые темные тоннели. Без припасов мы все погибнем и навечно останемся в этих коридорах! – это был настоящий крик души Мерионы. – Чем я могу им помочь в такой ситуации?!

– В первую очередь приведи себя в порядок и успокойся, – не терпящим возражений тоном ответила Лантея. – Во-вторых, начни наконец на практике применять все те знания, что мама много лет вкладывала в твою голову... Давай! Вспомни записи выживших после обрушения Гиртариона. Тогда без крова оказались тысячи хетай-ра! Гораздо больше, чем сейчас у нас здесь, и никакого подобного опыта за плечами у них не было. Но они не только выбрались из тоннелей невредимыми, так еще и основали первые Барханы. Что они делали?

– Разграничили обязанности... – неуверенно проговорила старшая сестра.

– Именно. Каждый был чем-то занят, каждый вносил вклад в работоспособность временного лагеря. Дай жителям работу, чтобы они не чувствовали себя бесполезными и в воздухе витало меньше отчаяния.

– Но чем их занять в полной темноте? Это все замечательно звучит, когда читаешь о подобном на книжных страницах, вот только в реальности все обстоит совсем иначе...

– Иногда меня поражает, что мать считала из нас двоих самой умной именно тебя, – с тяжелым вздохом сказала Лантея, складывая руки на груди. – Нет оружия или утвари –

пусть делают их из песка. Нет света – сформируй отряды добровольцев, которые уйдут вперед искать светлячков. Когда мы с тобой последний раз ездили этими тоннелями на Совет Пяти Барханов с делегацией, хоть я и была совсем маленькой, но замечательно помню как минимум десяток ходов по пути, которые облюбовали светляки, рядом с водоемами и порослями мха. Пусть их найдут.

– Да, ты права... Действительно, было такое.

– Отправь в Первый Бархан передовой отряд, который сообщит матриарху Иамес о произошедшем, чтобы нам навстречу выслали помощь и оповестили остальных матриархов о необходимости срочного созыва Совета. Отряд будет двигаться быстрее каравана, а за несколько выигранных дней многие делегации уже отправятся в путь. Только снаряди самых лучших, тех, кто уже бывал в Диких тоннелях, чтобы они смогли отбиться от ингур, если встретят их по пути... И, кстати, нужно как можно скорее завалить проходы, из которых я вышла. Оттуда идет погоня.

В этот момент Манс сообщил о том, что вернулись отправленные на поиски воды разведчики. Они доложили о том, что недалеко от места стоянки была обнаружена река. Более того, благодаря влаге все стены и потолок открытой пещеры, через которую она протекала, были покрыты мхом и грибницами, которые можно употреблять в пищу. Эти новости пришлись очень кстати.

Мериона и Лантея перешли на нейтральный тон и еще

долго обсуждали новые меры, которые стоило ввести. Пусть каждая из них осталась при своем мнении по поводу случившейся трагедии, но старшая сестра терпеливо и внимательно выслушивала все советы младшей – все же ей явно не хватало того, кто мог бы ее направлять. А Лантея, чувствуя всю хрупкость установившегося между ними перемирия, желала как можно больше успеть вложить в открытый разум родственницы, пока она вновь не заперлась за дверьми отрешенности и жалости к самой себе.

Тоннели, ведущие от Третьего Бархана, разрушили с помощью магии. Теперь преследователям, если они все еще продолжали погоню, пришлось бы никак не меньше недели прорывать обходные пути. И Лантея сильно сомневалась, что твари обладали настолько хорошей памятью и яростным желанием отомстить, что готовы были тратить так много времени и сил на ее персону. Шум, вызванный обрушением участка тоннеля, разбудил половину лагеря, поэтому новости о возвращении младшей дочери погибшего матриарха мгновенно распространились среди выживших. Активная деятельность Мерионы тоже произвела должное впечатление: хетай-ра, ободренные разительной переменой в настроении матриарха, стали с большей готовностью откликаться на ее приказы.

Так, в кратчайшие сроки сформировали небольшой отряд опытных бойцов, которым отдали лучшее оружие с броней и отправили в сторону Первого Бархана, чтобы они прибыли

раньше основного каравана и предупредили матриарха Иамес. Также создали несколько групп из добровольцев, перед которыми поставили задачу изучить все ближайшие ответвления и уровни основного коридора в поисках колоний светляков. Манс неожиданно высказал желание возглавить один из этих разведывательных отрядов, так как, по его словам, сидеть без дела ему не хотелось, а хотя бы так он мог почувствовать себя полезным. Группы выступили сразу же.

Лагерь погрузился в сон на неопределенное количество часов, но пробуждение вышло достаточно приятным: во время совместной молитвы Эван'Лин Мериона сообщила народу, что разведчики разыскали реку с пресной водой, к которой караван выживших скоро отправится. Ничто не могло лучше этих новостей вернуть бодрость духа хетай-ра. Поэтому до искомой пещеры колонна добралась весьма быстро, маршируя по подземным тоннелям.

Река оказалась широкой, она вытекала откуда-то из-под каменных завалов, заполняла собой трещины породы, чтобы опять исчезнуть в противоположной стене пещеры. Впервые оказавшиеся в Диких тоннелях страдальцы смогли наконец разглядеть друг друга: робкий свет влаголюбивых грибов озарял все видимое пространство. Здесь тянулись навстречу друг другу покрытые холодными каплями сталактиты и сталагмиты, частично обросшие лоскутами фосфоресцировавшего зеленого мха. Вода в реке была ледяной, пробиравшей до самых костей, и совершенно непрозрачной, но

это не останавливало запорошенных пылью и песком выживших. Возможно, в темных глубинах даже водилась рыба, но, если она и была, то сотни пловцов ее абсолютно точно распугали.

Хетай-ра провели у реки достаточно много времени. Жители разрушенного Бархана купались, поделив видимое пространство на мужскую и женскую зоны, стирали свою одежду, многие предусмотрительно создавали из песка кувшины и сосуды, в которых можно было нести воду дальше. Другие, по распоряжению Мерионы, осторожно счищали со стен мох и лишайник, чтобы приготовить из него пищу для лагеря.

Конечно, одна, пусть и полностью заросшая съедобными растениями, пещера, не могла утолить голод пяти сотен хетай-ра. Каждому на руки выдавали по небольшой лепешке, которые готовили из перетертых в муку растений прямо у реки, подсушивая хлеб на раскаленных магией камнях. Одинаковые порции полагались как старикам и детям, так и самому матриарху, но Мериона старалась приободрить выживших тем, что в Диких тоннелях было еще достаточно рек и озер, и в последующих вполне могло оказаться больше пропитания, в том числе рыбы или водорослей.

Как только высохли вещи, колонна двинулась дальше. Теперь, когда каждый второй сжимал под мышкой наполненный прохладной влагой кувшин, хетай-ра стали спокойнее. Во главе каравана двигалась Мериона, окруженная стражей и служанками. Еще при слабом свете грибов на последней

стоянке Лантея заметила, что из обитателей дворца немногим удалось выжить: старому сгорбленному кухарю, двум его внукам-поварятам, близнецам Ниэле и Аркоции, тихой Дайве и писарю бывшего матриарха. Девушка с горечью думала о тех, кто навечно остался под грудами песка, о сотнях достойных хетай-ра, оказавшихся пленниками собственного города: о добродушном смотрителе птичника Акиле, о строгом канцлере Эхенади, и, конечно, о суровом отце и мудрой матери. Какие бы недомолвки и распри ни были между Лантеей и родителями при жизни, но теперь они рассеялись, оставив лишь неуловимый привкус утраты на языке.

– Меня все еще терзает вопрос, кто же желал нам с Мансом смерти, пока ты отсутствовала на первом испытании? – ненароком вклинился в мысли своей спутницы профессор.

Лантея вместе с Ашархом ступали прямо за матриархом и ее свитой, изредка заводя короткие ленивые разговоры, которые служили больше для определения местонахождения собеседника в кромешной темноте и как единственная доступная альтернатива наскучившему счету шагов.

– Это уже неважно. Если это были мать или отец, то теперь мы не узнаем об их причастности. А Мериона сильно изменилась. Поверь, в данный момент ее тревожат совсем иные мысли, – слабо откликнулась девушка, которая хоть и знала истину, но не собиралась делиться ей еще с кем бы то ни было, кроме себя самой. Это была ее сокровенная тайна.

– Думаешь, теперь все закончилось? – с сомнением спро-

сил преподаватель, случайно отправляя в полет какой-то мелкий камень, попавшийся под ноги.

– Уверена.

– Мне бы тоже хотелось надеяться на подобный исход...

Но тогда объясни мне кое-что другое, Тея. Как быть с нападавшими?

– Тебя тревожит что-то конкретное?

– Да. Последнее время я все пытаюсь понять, как имперцы обнаружили Бархан. Допустим, я могу еще объяснить их агрессию по отношению к вашему народу. Все же ифриты уже не первое тысячелетие собирают кровавую дань со всех земель материка. Война – это их, скажем так, священная миссия, а обмены любезностями и долгие переговоры не были в чести ни у одного генерал-императора. Но отыскать в пустынях запряванный единственный вход в город, о котором они только легенды собирали веками... Как?! Как им это удалось?

– Говоришь, легенды собирали? – напряглась Лантея.

– И постоянно посылали следопытов и разведчиков их проверять. Чуть ли не каждый новый правитель считал своим долгом отправить в пустыни Асвен небольшое войско, чтобы уже через месяц оно вернулось с пустыми руками, а также значительно прореженное ядовитыми змеями, самумами и зыбучими песками... Насколько я помню, единственная экспедиция, которую можно считать успешной, состоялась в первое столетие после формирования империи, как

только закончилась Баск Шор, Эпоха вождей. Тогда ифриты три месяца блуждали по пустыням и впервые вышли к заливу Таглаф. Ничего не нашли касательно песчаных жителей, но хотя бы узнали, где кончаются пустыни Асвен – это и можно считать их самым крупным успехом. Правда, скорее, в географическом плане.

– И почему же они были так увлечены поисками моего народа? – поинтересовалась девушка, неслышно ступая рядом.

– Они и до сих пор увлечены, – тихо бросил профессор и пожал в темноте плечами, но это движение его собеседница при всем желании не могла бы увидеть. – Никто точно не знает почему... Но я, изучив в свое время мемуары древних вождей Баск Шор, нашел некоторые подтверждения своих догадок. По их легендам, богиня Азума, когда сотворила ифритов из огня, сказала, что будет довольна своими детьми только если они положат к ее ногам весь мир.

– Ты думаешь, они успокоятся, лишь уничтожив все живое?

– Не уничтожив. А принеся в жертву своей кровавой богине. Это не одно и то же. В столице империи стоит монументальная пирамида, все ее подножие тонет в крови. Ифриты пленяют чужаков, кого-то оставляют рабами, другим перерезают глотки и сжигают тела в жертвенном огне, насыщая Азуму силой и благодаря ее за военные победы. Лишь когда все враги ифритов окажутся или их рабами или жертвами, то богиня будет довольна.

– А для ифритов врагами являются все остальные народы, да? – пришла к единственно верному выводу хетай-ра.

– Да. Но, опять же, это только мое предположение. Сами имперцы, как ты могла догадаться, никогда никому не объясняли свои мотивы.

Ашарх замолчал на несколько секунд, а после негромко протянул:

– И все-таки, как они могли найти Бархан?..

– У меня на языке крутится какая-то мысль, но я уже который час не могу ее сформулировать.

– А я все вспоминаю, как в Италане и Аритхоле ходили слухи, что часть гарнизона ифритской крепости Нертус вместе с подкреплением из центральных округов перешла границы с пустынями Асвен и двинулась вдоль Мавларского хребта на запад, – неторопливо размышлял вслух профессор, которого осенила недобрая догадка. – Тогда поговаривали, что армия движется к перешейку горной цепи, чтобы атаковать Залмар-Афи с юга, откуда Пророк Бога никогда не ждал нападения. Светоч опасался, что они первыми примут войска неприятеля...

– Вот только шли ифриты не на крепость Аритхол... – продолжила мысль своего спутника Лантея, которая тоже неожиданно сложила всю мозаику воедино.

– Выходит, они изначально держали путь на Третий Бархан? Не просто случайно на него наткнулись по дороге, а целенаправленно туда двигались через пески? – выдохнул

Ашарх, у которого волосы встали дыбом на затылке от осознания.

– Похоже на то. Это именно их я видела во время прохождения первого испытания. Вовсе не песчаную бурю на горизонте, а марширующую армию, – ахнула Лантея от изумления и прикрыла рот ладонью. – Ведь можно было понять это раньше!..

– Но, постой, а как же сам город? Откуда они знали о входе в Бархан?

– Многоликая Матерь... Я только сейчас это поняла, – прошептала девушка и неожиданно схватила преподавателя за рукав. – На общих городских слушаниях выступал управляющий птичником, смотритель Акила. Он тогда сказал, что за последние два месяца пропало восемь почтовых орлов. Но эти птицы никогда не теряются! Матриарх не обратила на его слова внимания, но я тоже удивилась, как и смотритель. Ведь подобное уже случалось в те времена, когда я переписывалась с тетей, едва перебравшейся через хребет... Орлы всегда возвращаются туда, где их кормят. Они не могли просто так улететь из Бархана или заблудиться в пустынях!

– Ты думаешь, что их кто-то переманил? Начал подкармливать, чтобы они приносили послания хетай-ра чужакам? – неуверенно произнес Аш.

– Да нет же! Орлы возвращаются туда, где их кормили в детстве. Они бы не изменили своим привычкам. А так как в других Барханах они не оставались, это значит, что птиц

отлавливали. Целенаправленно... Но как это помогло ифритам найти вход в город?

Лантея по привычке хотела накрутить на палец прядь своих волос, но не сразу вспомнила, что все они были забраны наверх, чтобы не мешать. Она одернула руку и сбилась с мысли.

– Сардобы? – робко подсказал профессор.

– Что?..

– Ну, вентиляционные шахты для подачи воздуха в города. Ты сама мне говорила, что почтовые орлы используют старинные пустые колодцы для перемещения на поверхность. Сардобы.

– Да! Это оно! – восторженно воскликнула девушка, неосознанно крепко сжимая плечо спутника.

– Получается, кто-то увидел, что почтовые орлы систематически пользуются колодцами. Достаточно просто пару раз заметить, как они вылетают оттуда и залетают обратно, чтобы понять, что это не простые птицы. А изловив их и найдя послания на чужом языке, ифритам нетрудно было сделать вывод, где же прячутся легендарные пустынные жители.

– И, походив по окрестностям, отыскать другие шахты и главный вход... – мрачно заключила Лантея, отпуская плечо собеседника.

– Что ж, нужно отдать хетай-ра должное. Вам долго удавалось скрываться под песками, но выдала вас сушая мелочь, – сказал Ашарх и поморщился.

– То есть кто-то целенаправленно отслеживал наши колодцы над птичником и ловил вылетающих из него орлов? В голове не укладывается, как такое могло произойти прямо у нас под носом.

– Вполне возможно, что один раз заметили случайно, а потом заподозрили неладное. Нынешний генерал-император Кагатт Ястребиный Клюв – очень хитрый и ловкий правитель. Такого у ифритов давно не было. Он рассчитывает в первую очередь не на грубую силу, а на тайных агентов, шпионов и свое коварство... Не исключено, что в пустыни Асвен он без лишней огласки направил разведчиков, чтобы они заметили малейшие признаки существования здесь жизни. И кто-то очень внимательный обнаружил сардобы и птиц.

– Получается, теперь в опасности и все остальные Барханы, которые пользуются той же системой? – голос девушки стал глуше, она ощутимо напряглась.

– Против ифритов играет тот факт, что они не предполагают, сколько подобных городов может быть в пустынях, а пески стелются до горизонта. На поиски других Барханов у них уйдут годы.

– Все равно, – Лантея тяжело вздохнула, – мы больше не можем чувствовать себя в безопасности.

Разговор сам собой затих. Караван обездоленных хетай-ра уверенно двигался вперед, рассекая длинные угрюмые коридоры Диких тоннелей. Через какое-то время к колонне вернулась одна из отправленных на разведку групп. Та са-

мая, в которой был и Манс. Юноша, словно настоящее божество, принес жителям свет. Он выступил из-за поворота во главе своего небольшого отряда, неся в руках наполненные светлячками стеклянные фонари. Остальные хетай-ра из его группы тоже сжимали драгоценные сосуды. Свет насекомых был не очень ярким, но в условиях полнейшей темноты коридоров он показался настоящим солнцем.

Среди жителей сразу же раздались восторженные возгласы. Светляков раздали и распределили по всем желающим, у многих теперь оказались свои собственные фонарики, источавшие мягкий зеленовато-желтый свет. Аш тоже трепетно держал в ладонях созданный Лантеей стеклянный светильник, где неторопливо летали маленькие жучки.

В этот раз лагерь решили разбить раньше, чем начнут уставать немногочисленные дети и старики. Мерионе доложили о том, что впереди нашли огромных размеров пещеру, границы которой оказалось невозможно рассмотреть, но, судя по журчанию, доносившемуся из ее глубин, на самом ее дне протекал небольшой ручей. Однако, как только караван ступил в найденный зал, выяснилось, что единственным доступным местом для ночевки был небольшой каменный выступ, начинавшийся от входа и подобно языку вытягивавшийся над черной бездной, где-то далеко внизу которой и шумел пресловутый ручей. Судя по эху, даже потолок пещеры уходил ввысь на сотни метров, но в остальном место казалось спокойным. Пространства на выступе оказалось до-

статочно, чтобы все могли с комфортом разместиться, хотя ветер в этом зале был очень сильным. Зато можно было с уверенностью говорить, что на лагерь никто не посмел бы напасть – единственный вход на природный козырек был узким и хорошо просматривался.

Многие с опаской подходили к самому краю выступа и пытались разглядеть что-нибудь внизу, но каскады песчаника, уходившие далеко на нижние уровни Диких тоннелей, терялись в абсолютной темноте. Аш и Манс примкнули к мужской половине лагеря и организовали свои спальные места ближе к окончанию каменного языка. Юноша с восторгом делился с профессором впечатлениями от разведывательной миссии. Лантея же решила спать вместе с Мерионной, которая предпочла разместиться дальше от простых хетай-ра, под укрытием небольшого скального обломка.

Практически у самого входа поставили стражей. Пятерым воинам поручили охранять пролом, сменяя друг друга на посту, и следить за временем. Теперь, когда Мансу и его подручным удалось обеспечить лагерь светом, Лантея настоятельно порекомендовала Мерионе организовать некое подобие дежурства возле молитвенных песочных часов. Стражи, сменяясь каждые полтора часа, должны были, не отрываясь, следить за временем, делая соответствующие отметки, чтобы разбудить выживших ровно через восемь часов сна. Это позволило бы всем хетай-ра наконец вернуться в четкие рамки правильного восприятия времени, которое они утратили

во мраке.

Однако полноценно выспаться Лантее этой ночью не удалось. Сначала Мериона ворочалась на своей лежанке рядом с ней, постоянно шумно вздыхая, а после и вовсе ушла куда-то бродить, пытаясь справиться с бессонницей. Вернулась она далеко не скоро, но зато сразу упала на свое место и задремала без лишних слов, наконец позволив и Лантее предаться отдыху. Но когда над стоянкой уже давно разносилось лишь сонное дыхание пяти сотен выживших, рядом с сестрами раздались чьи-то бесшумные осторожные шаги и прозвучал тихий нетвердый голос:

– Матриарх, сестра матриарха... Простите, пожалуйста, что прерываю ваш сон, – это говорила одна из стражниц, и выглядела она крайне встревоженной.

– Что... Что такое? – вяло отозвалась Мериона, которая в полусонном состоянии не могла понять, что от нее хотели.

– Простите ради Многоликой Матери! – робко сказала девушка, нервно облизнув пересохшие губы. – Но в лагере произошло убийство. Я решила, что необходимо оповестить вас в первую очередь.

Лантея и Мериона приподнялись на локтях и переглянулись. В слабом свете расставленных по всей территории выступа фонариков на лицах каждой из них читались усталость и мрачная покорность судьбе. Кажется, Эван'Лин действительно серьезно ополчилась на своих детей, раз давала им очередное испытание. Но чем пустынные заслужили ее

гнев?

Сестры поспешили следом за стражницей, по пути выслушивая ее сбивчивый рассказ. Еще совсем молодая короткостриженная девушка в хорошо подогнанных под ее ладную фигуру доспехах, волнуясь, делилась подробностями. Она должна была сменить предыдущего стража на карауле у песочных часов, но ее никто не разбудил. А когда хетай-ра проснулась сама и пошла проверить, в чем дело, то с ужасом обнаружила бездыханное тело своего сослуживца. Она сразу же поспешила доложить обо всем матриарху.

– Это не может быть случайной смертью? – недовольно поинтересовалась невыспавшаяся Мериона, мягко ступая за стражницей к выходу из пещеры. – От болезни сердца, например?

– Боюсь, что нет, матриарх, – робко заметила девушка. – Это не похоже на мирную смерть.

В этот момент троица подошла к слабо освещенной стене, на которой стражи времени начали этой ночью делать отметки о прошедших минутах и часах. Рядом с разбитыми песочными часами лежал труп мужчины. Голова его была неестественно откинута, на открытом горле виднелись четкие следы удушения. Но самым примечательным было другое: рот хетай-ра оказался широко распахнут в немом крике и полностью заполнен песком.

Лантея обхватила голову руками.

– Только этого нам не хватало.

Глава девятая.

В плену безвременья и страха

«Забвение» – редкий и дорогой яд, достать который под силу далеко не каждому хетай-ра в полисах. Многие поговаривают, что отделение тайных дел дворцовой канцелярии отслеживает все поставки этой отравы и именно у них хранятся самые крупные запасы «Забвения», предназначенные только для особенных разведывательных операций.

Убийца Беаранта «Холодная длань»

Лантея наклонилась ниже, внимательно осматривая тело убитого. Рядом из стороны в сторону ходила Мериона, закутавшись в свою истрепавшуюся мантию, и ее суетливые движения безмерно нервировали младшую сестру.

– Проблем масса, а теперь еще и убийца, запертый с нами в этих бесконечных темных тоннелях... Дело плохо, – негромко протянула Лантея. – Кому еще ты сказала о произошедшем, служивая?

– Никому ни слова! Сразу к вам побежала. Вон и сменники еще спят все, – заверила стражница, судорожно сглатывая.

Было видно, что на девушку совершенное убийство произвело скверное впечатление. Дикие тоннели порождали в умах выживших неясное беспокойство из-за давившего со

всех сторон мрака и перманентного ожидания неизбежной встречи с голодными обитателями этих коридоров. А теперь в лагере, где царило гнетущее напряжение, еще и появился труп с явными признаками насильственной смерти.

– Вот и дальше никому ничего не говори, – посоветовала Лантея, выпрямляясь.

– Верно, – сразу же вклинилась Мериона, – нечего порождать беспричинную панику!

– Беспричинную панику? Ты считаешь, что тут совсем не из-за чего волноваться?.. У нас в лагере убийца, который задушил стража, защитника порядка, – вполголоса прошептала Лантея.

– Это лишь бытовая ссора. Его могли убить из-за долгов или какой-нибудь обиды, – вкрадчиво проговорила матриарх. – Не стоит чересчур преувеличивать серьезность произошедшего. У нас достаточно других проблем, чтобы еще тратить время на поиски того, кто чуть сильнее, чем требовалось, сжал чужое горло...

– Твоему неприкрытому цинизму здесь не место. Ты в ответе за каждого подданного, что вошел вместе с тобой в Дикие тоннели. И именно тебе, и никому другому, отвечать за тех, кого ты потеряешь в дороге. Потому что ты должна была их защитить.

Мериона невольно дернулась, словно сестра повторно дала ей пощечину. Так демонстративно оскорблять матриарха при посторонних не было позволено никому. Она недо-

вольно замолчала на пару минут, взглядом своих больших хищных глаз пожирая Лантею, пока та занималась подсчетом временных отметок на стене. А после, изогнув губы в усмешке, проговорила:

– Раз ты такая мудрая, сестра, то, думаю, тебе не составит труда решить эту проблему в кратчайшие сроки и отыскать убийцу. Не так ли? И, надеюсь, ты понимаешь, что это не просьба.

Лантея скривилась и сбилась со счета. Не так она хотела провести эту ночь. Совсем не так.

– Моя забота о собственном народе неподдельна, – добавила Мериона. – Потому я и поручаю это важное дело именно тебе. Ведь только сестре могу я доверять почти так же, как самой себе.

Неспешно развернувшись, она гордо удалилась, оставив Лантею самостоятельно разбираться с неожиданно переложенной на ее плечи ответственностью. Иногда поступки Мерионы напоминали сестре поведение капризной девочки, абсолютно лишенной какой-либо добродетельности и уж тем более альтруизма.

Как только затихли шаги матриарха, Лантея повернула голову в сторону молчавшей все это время стражницы и устало спросила:

– Как твое имя?

– Хакантэ, – сразу же откликнулась та.

– Иди и разбуди своих сослуживцев, Хакантэ. Расскажи

им, что произошло, и приведи сюда. Мне нужно будет побеседовать с каждым из вас.

Девушка приложила сжатый кулак к солнечному сплетению, кивнула и направилась к противоположной от входа в пещеру стене, где спали остальные защитники лагеря. В это время Лантея ниже склонилась над трупом, внимательно изучая его и место вокруг. Никогда раньше она не занималась расследованиями преступлений, лишь читала в подростковые годы для общего ознакомления книги об известных серийных и наемных убийцах да листала очерки судебных медиков. Общее представление о том, что она должна была делать, девушка имела, но как можно было применить на практике все знания о поиске улик и допросе свидетелей, она не особенно понимала.

Убитый был мужчиной средних лет, худощавого телосложения с коротко стриженными белыми волосами, неряшливо торчавшими во все стороны, и тонкими усами. На его бледном горле проступали отчетливые фиолетовые синяки, оставшиеся после сильных рук убийцы, а застывший рот, до краев наполненный песком, был искажен в немом крике. Отброшенный в сторону шлем, явно упавший в пылу драки, не особенно заинтересовал Лантею, а вот на разбитые песочные часы, валявшиеся неподалеку, она обратила внимание. Именно за ними должен был наблюдать страж на своем посту и делать отметки, но теперь тонкое стекло раскрошилось на осколки.

Девушка предположила, что убитый изначально сидел спиной к остальной пещере, сосредоточившись на часах и делая отметки на стене. Таким образом, он явно никак не мог увидеть того, кто на него напал. Следуя подобной логике, Лантея пришла к мысли, что убийца начал душить стража со спины, завязалась борьба, в процессе которой упал шлем и были опрокинуты и разбиты часы. В закостеневшей руке трупа был зажат узкий костяной кортик с резной рукоятью, и судя по багровому следу на стеклянном острие, убитый все же успел воспользоваться своим оружием – выхватив кортик из ножен на поясе, он уколол своего противника или же противников, если их было несколько. И это было очень важной зацепкой, которая могла помочь обнаружить душителя.

Песок же оказался во рту уже после того, как жертва умерла. Сначала Лантея подумала, что для этого использовали магию, но при более детальном осмотре обнаружила недалеко от тела небольшое углубление в рыхлой поверхности почвы, из которой, судя по следам пальцев, и набирали песок. Сомневаться в демонстративности действий душителя не приходилось: все это мало походило на непредумышленное убийство.

– Сестра матриарха, я привела всех, как вы просили, – негромко доложила вернувшаяся Хакантэ.

Лантея поморщилась от подобного обращение. Ей все еще непривычно было слышать, чтобы ее так называли. Она по-прежнему не могла свыкнуться с мыслью, что мать погиб-

ла, и новый статус теперь приобрела не только Мериона. Девушка окинула взглядом сонных воинов, настороженно косившихся на лежавший у стены труп. Хмурившаяся Хакантэ, высокая женщина с раскосыми глазами, немолодой бородастый мужчина и стражница со шрамом, пересекавшим половину ее лица, – все, что отныне осталось от дворцовой стражи Третьего Бархана.

– Я обращаюсь ко всем вам. В первую очередь, информация о произошедшем убийстве не должна разойтись по лагерю, – твердо сказала Лантея. – Надеюсь, я понятно выразилась?

Стражи вразнобой кивнули.

– Матриарх поручила расследование лично мне, и вы все – пока что мои единственные подозреваемые. Это не значит, что я напрямую обвиняю кого-то из вас, – подчеркнула Лантея. – Но процедуру допроса придется пройти каждому.

В воздухе повисло тягостное молчание.

– Хакантэ, начнем с тебя.

Стражница послушно приблизилась к сестре правительницы, а на ее лице в тот момент отражались все внутренние тревоги. Она постоянно нервно теребила ремешок своей портупей и взглядом возвращалась к трупу, лежавшему неподалеку.

– Как звали убитого? – первым делом спросила Лантея, отводя девушку немного дальше, чтобы их разговор никто не мог подслушать.

– Кирин.

– Он долго уже служил во дворцовой страже Бархана?

– Три... Нет. Пять месяцев, сестра матриарха. Мы служили бок о бок в одном отряде, под началом командира Вундари, – добавила стражница.

– Ааа... Вундари. Да, я была с ней лично знакома, – припомнила Лантея суровую требовательную воительницу, которую часто можно было увидеть возле Бартелина. – Значит, вы с Кирином были неплохо знакомы друг с другом?

– Достаточно. Я бы не назвала нас близкими товарищами, если вы об этом. Да и иных связей между нами не было. Но мы часто вместе стояли в карауле во дворце, поэтому провели много времени рядом и за столько месяцев познакомились неплохо.

– И каким Кирин был хетай-ра? Я хочу знать о его привычном времяпрепровождении. Может, он был частым гостем ставочного дома? Или баловался ядовитыми настойками, туманящими разум?

– Он был хорошим собеседником и просто приятным хетай-ра...

– Так можно сказать о многих.

– Я понимаю, на что вы намекаете. Но у Кирина не было никаких вредных привычек и темных знакомств. Он был семьянином, недавно женился на молодой женщине, буквально боготворил ее. Да смилостивится Эван'Лин теперь над ее чистой душой! – проговорила Хакантэ и коснулась молит-

венных песочных часов, висевших у нее на поясе. – После службы сразу шел домой, изредка только задерживался во дворце по делам. Ну, вот... Не представляю, кто мог бы желать ему зла.

– Это мне как раз и предстоит выяснить...

Лантея помрачнела лицом. Она надеялась, что отыщет след в окружении Кирина, но умерший оказался настолько добропорядочным, что сводило скулы от приторной сладости его чистоты.

– Расскажи подробнее о том, как ты нашла тело, – попросила Лантея.

– Проснулась, когда почувствовала, что что-то не так. Я уже слишком долго спала, меня должны были давно разбудить. Вот и пошла проверить, не задремал ли там Кирин на посту. С ним, конечно, такого никогда не случалось, но вдруг... А там он лежит, рот открыт и полон песка.

– И ты никого рядом не заметила?

– Никого не было, клянусь Многоликой Матерью.

– С того момента, как мы все оказались в Диких тоннелях, он общался с кем-нибудь странным? Или, может быть, вел себя нетипично последние дни?

– Да вроде бы нет. Я не всегда рядом с ним была, конечно, но при мне ничего необычного не случалось.

– Что ж... Хорошо, – пробормотала себе под нос Лантея.

Она исподтишка окинула взглядом всю фигуру стражницы, пытаясь разглядеть любые намеки на неглубокую рану

от кортика, свежую повязку или же следы крови. Но ничего подобного так и не обнаружила. Отметать девушку как подзреваемую она не стала, однако, пока что беспрепятственно ее отпустила.

На беседы с остальными стражами ушло еще какое-то время. Все воины послушно ждали своей очереди недалеко, лишь кидая угрюмые взгляды на преждевременно почившего сослуживца. Ничего нового от них Лантее не удалось узнать, ран она также ни у кого не заметила. Другие хетай-ра не так хорошо знали Кирина, да и, как оказалось, только Хакантэ служила с убитым в одном отряде до обрушения Бархана. В итоге все сводилось к тому, что жертва не имела за своей душой никаких грехов и порочных связей. Мужчина был настоящим образцом добродетели, но Лантею этот факт совершенно не радовал, потому что зацепок для дальнейшего расследования у нее не было.

Как только она закончила общаться с последним из стражников, подоспел разбуженный Хакантэ главный служитель мольбища Старухи Озахар, торопливо поправляя на себе мантию. Сестра матриарха кратко ввела его в курс происшедшего и попросила заняться всеми ритуальными обрядами, связанными с захоронением умершего, а сама забрала с трупа Кирина костяной кортик со следами крови и ушла наконец спать. Жрец вместе со стражами отнес тело в уже пройденные тоннели и, в соответствии с традициями, оставил в выплавленном магией каменном ложе в стене.

По пробуждении выжившие совершили молитву и продолжили свой долгий путь. В скором времени к каравану вернулся второй из отрядов, посланных на поиски светлячков. Вот только, в отличие от группы Манса, этим хетай-ра так не повезло. Им не удалось отыскать насекомых, а крошечной темнотой воспользовалась небольшая стая тварей, внезапно напав. Отряд чудом сумел отбиться, но из-за преимущества в виде эффекта неожиданности ингуры сильно ранили одного из участников экспедиции, а еще одного убили. Тело несчастного осталось где-то в бездонных провалах черных коридоров, а второй пострадавший скончался через несколько часов от сильной кровопотери. Дикае тоннели брали свою плату за проход.

Хмурость и задумчивость Лантеи во время очередного перехода не остались незамеченными для Манса и Ашарха. Они сразу же уловили перемену в настроении спутницы и поспешили расспросить ее. Девушка нехотя поделилась информацией об убийстве, хотя изначально она не планировала привлекать к расследованию своих приятелей, но они были весьма настойчивы.

– Ты говоришь, что этот Кирин был таким безгрешным, что это невольно вызывает подозрения, – пробормотал Аш, поправляя на плече свой полупустой походной мешок, из ворота которого выглядывал эфес гладиуса и высокая горловина стеклянного кувшина с водой. – Ну не бывает столь чи-

стых людей, да и хетай-ра тоже!.. У каждого есть дурные стороны и маленькие грешки.

– И у тебя тоже? – сразу же заинтересовалась Лантея.

– Речь сейчас не обо мне, – сказал преподаватель. – Может, эта стражница Хакантэ – его подельница? На самом деле они вместе промышляли, например, воровством, потом не поделили добычу, она его и придушила. Теперь выдает себя за непричастную.

– Какой смысл тогда ей было звать нас с Мерионой сразу после случившегося?

– Чтобы не вызывать подозрения, – предположил Манс и постучал пальцем по своему фонарю, разгоня светлячков с насиженных мест. – Хочет подставить кого-то другого!

– Вы оба сговорились? – усмехнулась Лантея. – Рассказ Хакантэ не вызвал у меня недоверия. Да, она первая обнаружила тело и больше других общалась с убитым, но видно, что Кирин был ей дорог как сослуживец и друг. Его гибель испугала и опечалила ее – она буквально вся дрожала.

– Все это может быть хорошо разыгранным спектаклем. – Ашарх пожал плечами.

– Мне не нравится песок, что насыпали ему в рот, – вклинился Манс. – Зачем? Почему убийца не ушел после душе-ние, зачем заполнил рот песком?

– Это какой-то знак. Послание, – приглушенно прошептал профессор.

– Согласна с тобой. Думаю, убийца хотел показать, что

Кирин умолк навечно. А песком, получается, запечатал его рот, чтобы даже после смерти его душа молчала? Как-то так?.. У меня нет других идей! – поделилась мыслями Лантея. – Выходит, он что-то знал, а преступник не хотел, чтобы тайное стало явным?

– В любом случае мы можем лишь предполагать, что же это был за секрет, – тихо произнес Аш.

– Может, это метка? – вслух размышлял Манс, поглаживая пальцами свою короткую белую бородку. – Убийца как бы оставил знак, что это сделал он... Тогда скоро будут и другие трупы.

Караван двигался медленно, растянувшись на сотни метров. Вперед колонны постоянно высылали разведчиков, которых снабдили сигнальными рогами, чтобы выживших успели предупредить об угрозе нападения тварей или диких бородавочников. Хотя пока что никто не рисковал атаковать хетай-ра: даже полуразумные ингуры понимали, что количественное преимущество было не на их стороне. Над обездоленными жителями Бархана вновь нависла угроза приближавшегося голода: лепешки, приготовленные еще в пещере с рекой, давно уже закончились даже у тех, кто ел их совсем понемногу. Запасы воды пока оставались, но их пора было пополнить, а никаких источников по пути больше не встречалось.

В этот раз переход длился гораздо дольше, несмотря на то, что в целом вся процессия весьма замедлилась. Мериона

активно призывала своих уставших подданных продолжать идти дальше, потому что расстояние до Первого Бархана все еще было колоссальным. Но недовольный шепот и отдельные негодующие выкрики, мгновенно разнесшиеся по всему каравану после подобной новости, вынудили ее изменить решение под гнетом общественного мнения. В итоге лагерем встали в узкой и вытянутой пещере, которая больше напоминала параллельный основному тоннелю проход, если бы один из его концов не обрывался темной дырой, ощетинившейся острыми краями. У самого провала гулял сильный ветер, который вырывался откуда-то снизу, но никакой возможности разглядеть, что же находилось в темноте ямы, не представлялось возможным: лезть туда никто не хотел, а фонари не могли разогнать чернильный мрак. Казалось, даже звуки растворялись где-то в чреве этой бездны, а брошенные туда мелкие камни так и не достигали дна.

После вечерней общей молитвы Аш, Манс и Лантея, пребывая в каком-то рассеянном унынии, втроем сидели в стороне, расположившись около прохладной стены. Вокруг то и дело сновали хетай-ра, у которых перед сном выдалось свободное время, и они искали собеседников, чтобы хоть чем-нибудь себя занять, поскольку иных развлечений в лагере было не слишком много. Пока Ашарх лениво давал приятелю уроки залмарского, Лантея увлеченно обтесывала рог твари, который она принесла со второго испытания, и иногда вмешивалась в беседу мужчин со своими комментария-

ми. Девушка надеялась вырезать себе из кости нож с загнутым лезвием, хотя никогда прежде подобным не занималась. Помощь она гордо отвергла, но получалось у нее пока что не очень хорошо, а Манс с жалостью смотрел, как сестра переводила такой отличный материал. Он явно нашел бы ему лучшее применение, но не хотел оскорблять Лантею пренебрежительным отзывом о ее талантах резчика.

Когда девушка приступила к обработке рукояти, намереваясь облагородить ее каким-нибудь несложным орнаментом, она для примера положила перед собой костяной кортик, который недавно забрала у мертвого Кирина. Его рукоять украшала тонкая гравировка в виде изящных рыбок, переплетавшихся хвостами и скользивших по волнам. Какое-то время Лантея действительно пыталась повторить узор, но мастерства ей явно не доставало, а вот Манс с неожиданным интересом вглядывался в кортик, пока сестра занималась резьбой.

– Можно мне посмотреть ближе? – попросил он наконец.

– На что? А, на кортик... – проговорила девушка и сразу же протянула брату оружие. – Бери, конечно. Я нашла его в руке Кирина прошлой ночью.

– Так это улика? – юноша замер, держа кинжал перед собой.

– Да. Видишь эту кровь на острие? Я предполагаю, что это кровь убийцы. Кирин успел перед смертью обнажить оружие и уколоть им душителя. Не очень глубоко, судя по следу, но

это может позволить нам опознать искомого преступника.

Манс минуту крутил оружие в руках, поочередно вглядываясь то в лезвие, покрытое тонким слоем полупрозрачного стекла, то в резную рукоять. В который раз с любопытством изучив под светом фонаря гладкое навершие, он наконец выдохнул:

– Тонкая работа. Сделан из кости ингуры, клинок укреплен слоем стекла, но заточено только острие. А этот самый узор на рукояти не случаен. Кортик сделан в Первом Бархане, только там резчики так любят использовать рыб в орнаменте...

– Он, конечно, красив, – согласилась Лантея, – но совершенно бесполезен. Хрупкий, слишком длинный для скрытого ношения, да и годен лишь для колющих ударов. Такое оружие не по мне.

– Не недоваценивай его.

Манс легким движением дотронулся до навершия рукояти и покрутил его пальцами. К удивлению Ашарха и Лантеи, оно поддалось, и в руках у юноши оказалась миниатюрная пластина из кости, которая закрывала крошечное углубление внутри рукояти, куда едва могло поместиться что-то важное, ведь даже палец пролезал туда с трудом. Троица, затаив дыхание, заглянула в тайник.

– Как ты понял, что в рукояти что-то есть? – поинтересовался Аш.

– Видел такие работы пару раз. Все хотел попробовать

сам сделать, – признался Манс и поддел пальцем какую-то вещичку, скрытую в навершии кортика.

Ему на ладонь упал вытянутый стеклянный флакончик, размером едва превышавший ноготь. Лантея с любопытством зажала его между пальцами и посмотрела на свет на содержимое бутылка.

– Как занятно... – протянула она, прищурив один глаз, – что именно у безгрешного Кирина мы отыскивали подобный тайник.

– Что это такое? – шепотом спросил профессор, придвигаясь ближе.

– Консистенция жидкая, цвет глубокий фиолетовый, маслянистые отблески... Это, без сомнения, яд замедленного действия, – хмыкнула девушка. – Вот только какой именно?

Она подцепила ногтем затычку и без проблем ее выдернула, а после на некотором отдалении поводила флаконом у себя под носом, легкими взмахами руки направляя воздух в свою сторону.

– Запах резкий, кисловатый. «Забвение», – подвела итог Лантея.

Она вернула затычку на место и задумчиво взглянула на бутылек.

– «Забвение» – редкая отравка. Просто так ее не достать, – пояснил для профессора Манс. – Этот яд вызывает дыры в памяти.

– Провалы, – поправила брата девушка. – Жертва забыва-

ет все, что делала последние несколько дней, и чем больше времени проходит с момента попадания отравы в кровь, тем быстрее стирается память. Вплоть до полного забвения. А с ним приходит и смерть, так как мозг разрушается.

– Этот яд был на лезвии кортика? – в первую очередь поинтересовался Ашарх.

Лантея подняла клинок до уровня глаз и внимательно осмотрела его.

– Нет, – вынесла она свой вердикт.

– Значит, Кирин готовил его для кого-то, – сказал преподаватель. – Раз этот яд так трудно достать, и он хранил его в секрете, держа как можно ближе к оружию.

– Интересно, кому же он предназначался? – пробормотала девушка и нахмурилась.

Аш нервно щелкнул суставами на своих пальцах и высказал робкое предположение:

– Вполне может оказаться, что как раз убийце. И это означает лишь одно: Кирину было нужно, чтобы его неприятель перед гибелью утратил память. Зачем только все это?.. Не возьму в толк.

Со стороны Манса раздался невеселый смешок:

– Все еще сложнее. Умершего звали не Кирин.

Он продемонстрировал тонкую пластинку, которая закрывала тайник. На внутренней ее стороне вилась едва заметная глазу гравировка. Несколько иероглифов, тесно жавшихся друг к другу.

– «Авирину Лэйху от матери на память о доме. Восьмой день тринадцатого месяца 2559 года от основания Гиртариона», – вслух прочитала Лантея.

Троица переглянулась.

– Имена Авирин и Кирин весьма созвучны, – заметил профессор.

– Так и есть, – подтвердил Манс, – иероглиф один и тот же. Разница лишь в написании нижней черты... Можно легко изменить свое имя.

– А вот имя рода не изменить никак. Род Лэйх относится к самым знатным семьям Первого Бархана, – объяснила Лантея. – Вот только, насколько я знаю, вряд ли хоть одной душе во всем Третьем Бархане было известно, что отпрыск уважаемого рода из соседнего полиса служил во дворцовой страже.

Ашарх нетерпеливо заерзал на месте. Они с приятелями сидели прямо на жестком полу, сложив ноги и низко склонив головы друг к другу. Со стороны могло бы показаться, будто это заговорщики шепотом при слабом свете фонаря готовили какое-то темное дело.

– Так значит, этот Кирин, или, вернее, Авирин скрывал свое настоящее имя и род? – спросил профессор, облизывая губы.

– Еще взгляните на дату. Подарок сделан меньше года назад, – обратил внимание Манс. – Мать явно прощалась с сыном, когда он уходил из дома, Первого Бархана.

– Я подведу итог, если позволите, – сказала Лантея. – Этот Кирин оказался темной фигурой. И все это неспроста... Его настоящее имя Авирин Лэйх, он родом из Первого Бархана и, судя по надписи, меньше года назад переехал жить в Третий. В нашем полисе он сменил имя, утаил принадлежность к знатному роду, поступил на службу во дворцовую стражу и женился.

– Бежал от своего прошлого? Решил начать жить заново? – предположил Манс.

– Допустимый вариант... Возможно в страже он оказался не сразу, так как Хакантэ уверяла, что он работал там всего пять последних месяцев. Где был до этого и чем занимался – большой вопрос.

– Вполне мог наживать себе врагов как раз, – усмехнулся Ашарх.

– Не исключено, – фыркнула девушка, потрянув головой. – Но в итоге он носил с собой «Забвение», которое достаточно просто достать обычному хетай-ра без связей. Если ему нужен был яд для защиты, то вполне разумнее было использовать куда более дешевые и быстродействующие яды. А значит, в «Забвении» была какая-то необходимость...

– Только свой драгоценный яд Авирин так и не использовал, а теперь он мертв, и его убийца оставил неясное послание или метку, заполнив ему рот песком. Ну а у нас нет больше никаких предположений, что произошло, – сказал профессор.

– Проклятье... – проворчала себе под нос Лантея. – Я уже жалею, что так плохо осмотрела его тело. Вдруг у него в одежде или обуви были и другие тайники, в которых могло оказаться что-то важное?

– Даже то, что мы выяснили, уже дает достаточно пищи для размышлений, – сказал Манс.

– Зато одно мы сегодня узнали наверняка, – невесело усмехнулся Аш. – Нет ничего более обманчивого, чем чужая безупречность.

Еще одна ночь и долгий переход прошли спокойно. Хетай-ра послушно шагали вперед за своим матриархом, которая постоянно пребывала в дурном расположении духа, с печатью отрешенности на лице. Лантея, неоднократно пытавшаяся переговорить с ней по поводу убийства, в конце концов прекратила свои пустые усилия и махнула на самодовольную правительницу рукой. Если та не желала слушать родную сестру, то заставить ее никто не мог.

Караван медленно скользил по тоннелям, расцветенный желто-зелеными огоньками фонарей, а темные лабиринты подземных ходов все не заканчивались, змеящимися тропами убегая дальше. Многие уже опасались, что не сумеют добраться до Первого Бархана, ведь трудно было сказать, сколько еще выжившим нужно было пройти, а припасы опять закончились. И уныние стало самым верными соратником хетай-ра, за исключением эха, постоянно разносив-

шегоя под сводами.

Новое место для стоянки было выбрано из десятка небольших полостей, пчелиными сотами заполнивших один из обширных раздавшихся вширь участков Диких тоннелей. Лагерь разбили в самой первой из них: там было достаточно места, чтобы жители могли расположиться с удобством, а из-за низкого потолка гул ветра не так сильно был слышен.

Ночь обещала быть достаточно тихой. Лантея устроилась спать неподалеку от сестры, и несколько часов ей даже удалось насладиться каким-то ненавязчивым сном, улетучившимся из памяти, стоило распахнуть глаза. Пробуждение вышло резким, поскольку хмурая Мериона стояла прямо над ней и грубо трясла за плечо.

– Просыпайся.

– Мм?.. – недовольно пробормотала уставшая девушка. – Что-то случилось?

– Еще одно убийство.

Эти слова мгновенно лишили Лантею любого намека на сонливость, будто ее окатили ледяной водой. Быстро поднявшись на ноги и приведя одежду в порядок, она торопливо устремилась следом за матриархом, которая уже успела отойти на некоторое расстояние. Мериона привела сестру к самому выходу из пещеры-соты, где у слабо освещенного участка стены их обеих ждали двое мрачных стражей, знакомых Лантее по произошедшему с Авириним Лэйхом. На этот раз караульные разместились на ночлег и дежурство все

вместе, чуть в отдалении от спящих жителей. Но эта предосторожность им не помогла: на полу в луже крови лежала мертвая Хакантэ с перерезанным горлом, и рот ее был заполнен песком.

– Тьма! – в сердцах воскликнула Лантея.

– Кажется, совсем недавно ты была так уверена в своих силах. Надеялась найти убийцу... Да, сестра? – не преминула напомнить Мериона. – Но пока что ты меня разочаровываешь.

– Я не напрашивалась на эту работу.

– Мой приказ был ясен. Исполни его, или же признай, что ты просто бесполезна!..

Матриарх недовольно хмыкнула себе под нос, резко развернулась и ушла, оставив за спиной напряженное молчание. Как бы ни была резка правительница в своих словах, но они подействовали на Лантею бодряще. Злость на сестру придавала ей сил.

– Кто нашел тело первым? – сразу же поинтересовалась она.

– Да... Мы все, – робко ответила высокая стражница с раскосыми глазами, которая постоянно опечаленно оглядывалась на умершую.

– Подробнее, – попросила девушка и скрестила руки на груди.

– Я проснулся от неясного звука, будто рядом кто-то пробежал и, видимо, споткнулся в темноте, ругнулся крепко, –

проговорил мужчина-страж с короткой жидкой бородкой. – Все остальные тоже с мест подскочили от этого, но в полумраке успели заметить только тень, которая исчезла через мгновение. А когда обернулись, то там лежала Хакантэ. Мертвая уже...

– Успели разглядеть лицо убийцы? – напряглась Лантея.

– Нет. Оно было закрыто. Но мне показалось, что телосложение у убийцы было женское, да и голос тоже, – снова ответил мужчина.

– Она была одна? – спросила сестра матриарха.

– Да.

– Ну, хоть что-то прояснилось, – прошептала Лантея себе под нос.

Она бросила еще один взгляд на тело, все обдумала, а после озвучила приказ:

– Найдите и приведите сюда главного служителя Озахара и разбудите моего младшего брата Манса, он спит где-то там с краю, у дальней стены.

Раскосоглазая хетай-ра и немолодой страж кивнули и удалились исполнять поручение, а воительница со шрамом, пересекавшим половину ее лица, осталась у тела.

– Скажите, сестра матриарха, – робко спросила женщина, – на стражей что, теперь объявлена охота? Кто убивает нас по одному?.. И за что? Неужели и остальных ждет та же участь?

– Я найду эту преступницу. Больше никто не пострадает,

мы предпримем особые меры, – уверила стражницу Лантея, но сама она сильно сомневалась в своих словах.

Конечно же, Манс привел с собой и Ашарха, который из-за столь раннего подъема соображал достаточно плохо, но очень хотел быть полезным общему делу. Остальных стражей попросили подождать поодаль, пока их допросят, а тело несчастной Хакантэ внимательно осмотрели. В этот раз убийца действовал по другому сценарию: жертву полоснули ножом по горлу практически до самых шейных позвонков, а после в явной спешке заполнили рот песком, неряшливо рассыпав часть по лицу. Крови вылилось много, но убийце удалось даже краем обуви не наступить в багряную лужу.

– Значит, в этот раз преступника не смутили даже остальные стражи, спавшие буквально в паре метров? – удивился профессор, стараясь не смотреть на распоротое горло убитой, в котором при желании можно было увидеть белеющие кости.

– Если быть точной, то выяснилось, что это преступница. Когда она убегала, то споткнулась в полумраке, чем разбудила сослуживцев Хакантэ. Они-то и успели опознать ее как женщину, – вздохнула Лантея. – Но больше никаких улик нет... Надо внимательнее осмотреть тело, а то как бы не вышла та же история, что и с кортиком.

Манс согласно кивнул и вместе с сестрой опустился на колени рядом с трупом. Стараясь не запачкаться в крови, они вдвоем тщательно исследовали все карманы убитой, стяну-

ли с нее сапоги, проверили пояс и оружие на предмет тайных отделений. И только случайно Лантея нащупала в шелковой подкладке рубахи что-то странное. В самом низу, там, где длинное одеяние стражницы было оторочено неброским кантом, под слоем ткани явно лежал какой-то небольшой предмет. Вспоров подкладку ножом, девушка нетерпеливо извлекла на свет крохотный сверток пергамента, перевязанный невзрачной бечевкой.

Заинтересованные находкой, профессор и Манс сразу же склонились над сидевшей на коленях Лантеей и вгляделись в свиток, поднеся поближе один из фонарей, стоявших на полу. Когда хетай-ра развязала бечевку, то взглядам всей троицы предстало довольно короткое послание из нескольких рядов иероглифов, написанных убористым ровным почерком.

– «С ведома жаворонка надо раскрыть рот. Песок запечатан предположительно для матриарха. Ее послание убили подчиненные. Нас оставили бежать. Другие действуют», – вслух прочитала Лантея.

– Интересно, – протянул Ашарх и округлил глаза.

– Это какая-то глупость... – сказал Манс.

Девушка раздраженно покрутила свиток под разными углами и посмотрела его на свет:

– Вроде все иероглифы по отдельности понятны, но общий смысл остается неясен.

– Здесь иероглифы согласованы только с соседними им знаками, – внес мысль юноша, сдергивая со своего запястья

четки и принявшись нервно щелкать бусинами. – Это не значит, что сам порядок верен.

– Думаешь, иероглифы стоят в неправильном порядке? – уточнила Лантея. – То есть это шифр?

– Да. Но так можно неделю пробовать разные варианты, если не знать принцип. Никогда не поймешь, какая поселодованность верна, – сказал Манс.

– Получается, что Хакантэ спрятала какую-то таинственную зашифрованную записку, зашив ее в одежду? – переспросил Ашарх, вглядываясь в крохотный сверток. – И кому она предназначалась, там не указано?

– Нет, – фыркнула девушка, – к сожалению, стражница не порадовала нас таким простым решением. А как правильно расставить эти иероглифы – одной богине известно...

Манс прервал разговор тихим предупреждением:

– Озахар идет. – Юноша кивнул в сторону, откуда приближался чей-то темный силуэт. – Я помогу ему убрать тело... Сестра, тебе пока надо поговорить с другими воинам.

Главный служитель подошел к группе собравшихся уверенной размашистой походкой. Этот мужчина в любой ситуации умел сохранить спокойный и надменный вид. Он первым делом бросил взгляд на труп, и по его лицу пробежала и сразу исчезла грустная тень.

– Еще одно убийство? – обратился он к сестре матриарха.

– Да. К сожалению, мы потеряли Хакантэ, – ответила Лантея.

– Надеюсь, Эван'Лин не оставит ее душу...

– Да услышит богиня ваши слова! Не могли бы вы совершить необходимые обряды?

– Конечно.

Мужчина склонился над телом убитой, его губы беззвучно зашевелились в молитве. Манс сразу же высказал желание помочь, посоветовав Ашарху пока что постоять у стенки, так как преподавателю было нехорошо от такого количества крови. Тем временем Лантея подошла к тройке выживших дворцовых стражей, которые послушно дожидались ее в стороне.

– Все так же прошу вас не распространять информацию о произошедшем.

– Как прикажете, сестра матриарха, – зашептали воины, склоняя головы.

– Я постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы защитить вас. Не представляю, что нужно этой убийце и какие она преследует цели, но из вас никто больше не погибнет, – девушка скрестила руки на груди. – Но будьте и вы со мной искренними, это позволит мне приблизиться к разгадке обоих преступлений.

Обведя все собравшихся внимательным взглядом, Лантея строго спросила:

– В первую очередь, вела ли Хакантэ себя странно последний день?

– Она была поражена смертью Кирина, практически все

время только о нем и твердила, – заговорила женщина со шрамом.

– Тебе это показалось подозрительным?

– Она все беседы переводила на тему его гибели, – продолжила мысль служивая. – И ее можно было понять, они часто проводили время вместе... Так что, наверное, такое поведение странным все же назвать нельзя, но больше мне ничего особенного и не запомнилось.

– Я тоже с ней говорил перед сном о Кирине, – сказал бородатый страж. – Она все еще была взволнована, но, вроде бы, уже стала успокаиваться.

– Так. Ясно. И, значит, кроме вас она ни с кем не беседовала и не встречалась вчера? Никуда не отлучалась? – спросила Лантея.

– Ну, мы за ней по следам не ходили, – моментально насупился мужчина.

– Она почти все время была с нами, – вклинилась в беседу стражница с раскосыми глазами. – А по поводу разговоров... Кажется, ни с кем не говорила. А нет, подождите! Беседовала! Когда мы шли по тоннелям, то я заметила, что ее в сторону отвела некая женщина. Но я не присмотрелась, кто это был.

– Городской палач. Точно говорю, – решительно ответила воительница со шрамом. – Я как раз это заметила.

– Что? Виенна? – изумилась Лантея, нахмутив свои белые брови. – О чем они могли говорить?

Неожиданно к беседующим подошел Озахар, который уже закончил молитву и негромко покашлял, привлекая общее внимание:

– Извините, что вмешиваюсь. Я невольно услышал, о чем шла речь, и решил поделиться некоторыми сведениями, которые могли бы вам помочь, сестра матриарха.

– Я вся внимание, главный служитель, – сказала Лантея и повернулась к мужчине, заинтригованная его последними словами.

– Во время одного из первых переходов, когда наш караван остановился у реки, я кое-что подметил. Это может быть любопытной или, напротив, ничего не значащей деталью. Это уже решать вам. Мое дело сообщить, – Озахар говорил неторопливо, растягивая слова. – После купания я увидел, как в стороне беседуют ныне погибший Кирин и Виенна. Они разговаривали достаточно долго. Я решил, что это может быть важно, поскольку знаю Виенну как весьма закрытую и отчужденную хетай-ра из-за специфики ее профессии. Она даже когда приходила в мольбище Старухи, то очень нехотя соглашалась на молитвенные беседы о вере со мной и любыми другими служителями... Тогда, у реки, я удивился, но не придавал этому особенного значения. Однако сейчас, услышав о том, что она разговаривала еще и с ныне погибшей Хакантэ, насторожился.

– Хм. Действительно. Ей может быть что-то известно, – задумчиво проговорила Лантея и уже куда громче добавила

для присутствующих: – Найдите в лагере и приведите ко мне сейчас же палача Виенну.

Все трое стражей почтительно склонили головы, и, негромко перешептываясь, быстрым шагом удалились вглубь лагеря на поиски подозреваемой.

– А вас, главный служитель, позвольте поблагодарить за внимательность и равнодушие. Вы мне очень помогли, – призналась девушка, поворачиваясь к жрецу.

– Радостно это слышать, – немного чопорно ответил Озахар. – Да направит вас Эван‘Лин на верный путь, сестра матриарха. Молитесь богине, она одарит вас мудростью и подскажет решение для любых проблем.

– Конечно, – Лантея коснулась молитвенных песочных часов, всегда висевших на ее поясе, и одарила служителя вежливой улыбкой.

Озахар вместе с Мансом подхватили бледное тело Хакантэ и понесли его за пределы пещеры. Огромная начинавшая подсыхать лужа крови осталась на полу. Робкое сияние светляков, запертых в стеклянных фонарях, отражалось в бордовых разводах. Лантея легко потрясла Ашарха за плечо: он, прикрыв глаза, стоя задремал у стены, пока каждый из его приятелей занимался своим делом.

– Насколько плодотворным оказался разговор со стражей? – вяло поинтересовался профессор, распахивая глаза по одному.

– Весьма. Появилась первая подозреваемая. Городской

палач. Она беседовала с обоими умершими в дни, когда они погибли. Более того, ее считают достаточно замкнутой и необщительной женщиной, а тут она буквально напрашивалась на долгие беседы.

Лантея прислонилась к стене рядом со своим спутником, разглядывая его помятое от недосыпа лицо. Невзгоды последней недели наложили на него отпечаток – скулы заострились, щеки впали, и лишь глаза, укрытые бархатом черных ресниц, как будто, только стали ярче. Она никогда раньше не замечала, какого завораживающе зеленого цвета они были. Аш несколько раз пренебрежительно называл их болотными, сама девушка считала глаза профессора цвета свежего мха, но теперь, в слабом сиянии светляков, они показались ей блестящими листьями черники, нежно обхватившими темные ягоды зрачков.

– Уверена, что это не сговор самих стражей? – шепотом заговорил Ашарх, отвлекая Лантею от рассматривания его лица. – Может, у них произошел внутренний конфликт, из-за которого они теперь тихо друг друга вырезают по ночам, обмениваясь шифрованными записками и держа яд наготове.

– И зачем бы им тогда докладывать матриарху о каждой смерти? Нет, – отмахнулась девушка. – Здесь явно кто-то другой постарался... А городской палач идеально подходит на эту роль. Подумай сам. Нужно обладать недюжинной силой, чтобы голыми руками задушить крепкого мужчину-во-

ина. Да и во втором случае горло вспорото до самых позвонков, убийца почти отрезал голову. На такое немногие способны – пожалуй, лишь охотник или опытный солдат... Но как мне кажется, в нашем случае именно палач обладает необходимыми навыками и силой, чтобы подобное совершить.

– Ты заиклилась на ней, а ведь еще даже не разговаривала лично. Не подгоняй факты к своим теориям, не имеющим никакой доказательной базы.

На лице Лантеи промелькнула легкая тень обиды, ей неприятно было слышать осуждение в голосе спутника. Может, в его словах и было зерно истины, но девушка пока что находила свое предположение по поводу Виенны самым жизнеспособным. В любом случае уже через пару минут она сама должна была все выяснить, так как вдалеке послышались шаги, возвещавшие о приближении стражи. Они вели перед собой беспокойно озирающуюся женщину.

– Сестра матриарха, мы нашли палача, как вы и просили, – отчиталась воительница со шрамом и, не убирая ладонь с оголовья костяного меча, жестом указала Виенне подойти ближе к Лантее.

Палач была высокой и крепкой хетай-ра с угловатыми чертами лица: они подошли бы скорее несформировавшемуся подростку, нежели женщине, которой явно было не меньше пятидесяти лет. Она носила безрукавку, не скрывавшую ее сильные мускулистые руки, а кожаные наручи туго обхва-

тывали запястья. Ее короткие курчавые волосы молочного цвета были плотно прижаты к голове кожаной лентой, а на поясе Виенны черной змеей свернулась массивная кожаная плеть, подчеркивавшая ее статус городского палача. Несмотря на грозный вид, женщина явно волновалась, и ее взгляд метался по собравшимся. Она еще не понимала, что от нее хотели и почему привели к сестре правительницы фактически под конвоем.

– Виенна... – заговорила было Лантея, но замолчала. Она не знала, как лучше стоило начать эту неприятную беседу: с первой же минуты обвинить хетай-ра во всех совершенных преступлениях или все же постараться аккуратно вытянуть из нее признание.

– Сестра матриарха, – палач, не дождавшись объяснений, смиренно выказала свое уважение жестом и нарушила затянувшуюся паузу. – Что-то случилось? Вам понадобились мои услуги?

– Нет, Виенна. Я просто хотела с тобой поговорить, – тихо сказала Лантея.

Она решила дать женщине шанс оправдаться.

– В середине ночи? – недоумевающе уточнила хетай-ра, переминаясь с ноги на ногу.

– Именно. Этот разговор не требует отлагательств, – жестко припечатала девушка. – Скажи мне, во время стоянки каравана на реке ты беседовала со стражником Кирином?

– Да, беседовала, – не стала отрицать Виенна.

– О чем вы говорили?

– О моем муже.

– О муже? – Лантея удивилась. Она совсем мало знала о городском палаче: кажется, только матери было известно, из-за стечения каких обстоятельств Виенна заняла этот пост, но свою малоприятную работу она выполняла уже около двадцати пяти лет. Женщина славилась мрачностью и молчаливостью, из-за которых с ней практически никто в городе и дворце старался не общаться. Пожалуй, только Бартелин чаще других проводил время с городским палачом, но их связывала исключительно работа по обеспечению безопасности Третьего Бархана. И потому Лантея даже не могла предположить, что Виенна была замужем. – Не могла бы ты уточнить?

– Мой супруг Харши пропал...

– Когда это произошло?

– Он исчез за несколько дней до нападения на Бархан. Его вызвали во дворец по службе для какого-то срочного дела, и больше он домой не вернулся. Я ждала три дня, потому что такое иногда бывало, что его отправляли на поверхность или на зачистку Диких тоннелей с другими охотниками, и он просто не успевал меня предупредить. Но перед тем, как город обрушился, я начала уже серьезно беспокоиться и разыскивать его. Вот только много выяснить у его сослуживцев не смогла, а уже после катастрофы его не оказалось среди уцелевших жителей Бархана... Я подумала, что стоит расспросить выживших из дворцовой стражи, которые могли видеть

моего мужа в тот день. Кирин сказал, что не заметил его и посоветовал поговорить с Хакантэ. На следующем переходе я и с ней побеседовала. Но никто не знает, что стало с Харши...

– Ты с кем-нибудь еще обсуждала исчезновение супруга? – прищурившись, произнесла Лантея.

– До эвакуации только с двумя его сослуживцами, Банцели и Догрой. Жаль, что им не посчастливилось спастись... А уже в тоннелях я говорила о муже лишь со стражами.

– Значит, нет никого, кто бы подтвердил твои слова, – тихо пробормотала девушка.

– Что это значит? – опасно поинтересовалась палач.

Однако сестра матриарха проигнорировала последний вопрос:

– Опиши мне своего мужа. Может быть, я помогу с его поисками.

Виенна не спускала с собеседницы задумчивый взгляд: она все еще пыталась понять, к чему вел этот странный полудночный разговор в окружении стражи.

– Он уже немолодой мужчина. Невысокий, волосы короткие, практически полностью сбритые. Лицо такое кругловатое, но с примечательными высокими скулами. Еще у него есть небольшой шрам над губой, из-за которого она кажется постоянно приподнятой, – послушно описала образ супруга женщина.

– Лично я его не видела, но я поспрашиваю у матриарха

и знакомых, – заверила девушка.

– Благодарю вас, – прошелестела Виенна и склонила голову. – Это очень важно для меня.

После она неуверенно взглянула на Лантею и спросила:

– Могу ли я теперь узнать, к чему был весь этот... допрос?

– Оглянись.

Палач послушно обернулась и впервые заметила то, что не увидела еще в самом начале, когда стражники привели ее к сестре матриарха. Огромная подсыхавшая лужа крови темнела у стены.

– Так много крови, – сипловато прошептала Виенна, а потом прочистила горло и заговорила уже нормальным голосом. – Что здесь произошло?

– Здесь убили Хакантэ. А недавно на одной из стоянок погиб Кирин, – растягивая слова, произнесла Лантея, внимательно наблюдая за реакцией собеседницы. – В лагере появился убийца, но эту информацию решено не распространять. А я же всего лишь пытаюсь выяснить, кто бы мог им быть.

– Вы подозреваете меня? – Женщина испуганно распахнула глаза и нервно сглотнула слюну. – Поэтому вызвали сюда и расспрашивали?

– Ты единственная, кто общался с ними обоими в дни их смерти, кроме сослуживцев.

– Но я невиновна! Я просто расспрашивала о муже, и даже никогда раньше с ними обоими не говорила... – во взгляде

Виенны читался плохо скрываемый страх.

– Вот только подтвердить это некому.

– Сестра матриарха, прошу, пожалуйста, поверьте мне!

– Я не преследую целью обвинение непричастного. Клянусь Многоликой Матерью, – заверила палача Лантея. – Но, пока не будет доказана твоя невиновность, я буду вынуждена заключить тебя под стражу.

– Как же так? – потрясенно прошептала женщина.

– Мне жаль, Виенна.

Через минуту стражники связали подозреваемой руки и взяли под конвой. По приказу Лантеи ее должны были держать под постоянным наблюдением в отдалении от основного лагеря до тех пор, пока она самолично не созналась бы в содеянном, либо же пока не появились бы доказательства, которые подтвердили ее непричастность.

Украдкой наблюдавший за всем происходившим Аш практически сразу же, как Виенну увели, отстранился от стены и подошел к своей задумчивой спутнице, которая так и осталась в одиночестве стоять рядом с лужей крови.

– Ты взяла ее под арест, – проницательно заметил профессор. – Все же она виновна?

– Трудно сказать. Она все отрицает... Виенна разыскивала своего пропавшего мужа, поэтому говорила с обоими убитыми. Но нет ни одного свидетеля, который мог бы подтвердить правдивость ее слов.

– Что за история с пропавшим мужем? Тут, знаешь ли,

каждый выживший потерял родственников, но никто же не ходит и не пристаёт к стражникам с вопросами.

– Здесь другое, Аш. Он пропал за несколько дней до эвакуации. Его вызвали во дворец по службе, и он больше не вернулся домой. С тех пор она все ходит и опрашивает народ, который где-то мог его видеть, – проговорила Лантея и пожала плечами.

– Любопытно.

– Не то слово. Я думаю спросить о нем у Мерионы. Она может что-то знать... Виенна дала достаточно четкое описание его внешности, так что сестра может вспомнить. Все же не у каждого хетай-ра есть шрам на губе.

– А него был такой шрам? – неожиданно заинтересовался профессор, устремляя на собеседницу внимательный взгляд.

– Да. Она сказала, что из-за этого его верхняя губа все время казалась приподнятой, – поделилась сведениями девушка, заметив интерес друга. – А что такое?

– Когда ты была на первом испытании, в пустынях, то на нас с Мансом напал тхаги, – быстро заговорил преподаватель, чувствуя нараставшее волнение. – Манс тогда снял его маску, но не узнал это лицо. А я заметил специфический шрам у него на губе, и эта деталь весьма неплохо у меня в памяти отпечаталась.

– И верно, примечательная особенность.

– Так, получается, это был муж палача?

– Ты запомнил другие его черты? – сразу же уточнила

Лантея, мгновенно принявшая серьезный вид. – Скулы, волосы, глаза?

– Мм... Я не обратил на это внимания. Я тогда разглядел только шрам. Но ведь нападение было как раз за несколько дней до эвакуации. Слишком подозрительно для простого совпадения.

– Даже если это так, то не думаю, что будет уместно сообщать эту новость Виенне, – сникла девушка. – Не ясно, как она отреагирует на то, что ее муж – сектант, и его отправили на выполнение заказного убийства. Тем более что он погиб при исполнении этого заказа...

– Пожалуй, ты права. Будет лучше, если для нее все останется тайной. Виенна будет до конца жизни думать, что муж не спасся при эвакуации города или что-то подобное. Всем будет хорошо, – Ашарх кивнул, соглашаясь со словами хетай-ра.

Вскоре из тоннелей вернулись служитель Озахар и Манс. Жрец попрощался с сестрой матриарха и ушел спать, а вот юноша сразу же пожелал узнать подробности разговоров со свидетелями и подозреваемыми. Лантея пересказала ему услышанное, обратив особенное внимание на то, что палач беседовала с обоими жертвами перед их гибелью.

– Но ты сама говоришь, – хмыкнул Манс, – что Виенна лишь узнавала о своем исчезнувшем муже. Да и зачем ей эти убийства? Что-то тут не сходится.

– Верно, – вставил профессор. – У Виенны нет мотива для

убийства. Либо же она тщательно скрывает другую сторону своей личности, и на деле работа палача давно уже помутила ее разум.

– Она адекватна и разумна, – возникла Лантея. – Но даже с учетом этих добродетелей, вы не можете отрицать, что Виенна – это единственная хетай-ра, которая пока что может выступить нашей подозреваемой. Ее слова никто не может подтвердить, а я не вижу смысла верить всем подряд в ситуации, когда у нас уже два трупа... Так что пусть побудет под надзором.

– То есть, я правильно понимаю сложившуюся ситуацию? У нас есть два убийства: обе жертвы из остатков дворцовой стражи, даже из одного отряда, они были неплохо знакомы друг с другом, и убийца заполнил их рты песком зачем-то, – подвел черту Аш. – Даже если мы предположим на мгновение, что Виенна и есть наша убийца, то почему она расправилась именно с этими двумя и в чем смысл послания с песком?

– Может, их связывало что-то еще, помимо службы? – предположила Лантея. – Мне не хочется верить в то, что палач просто решила истребить всех воинов в лагере.

– У меня есть одно подозрение, – заговорил Манс, вытирая пыльные руки о не менее чистые штаны. – Думайте почему убийца, будь то Виенна или нет, делала убийства сейчас?.. Потому что здесь нет судей, мало стражей и темнота. Она чувствует без-на-ка-занность. Это дает большую свобо-

ду для мести личной, например.

– Подожди, – прервал его профессор. – Но к чему тогда этот песок? Если убийца не спрятала трупы, значит, она хотела, чтобы их увидели. И заметили, в том числе, своеобразное послание с песком, которое она оставила. Как предупреждение кому-то еще... Или как почерк серийного маньяка, которому без разницы сколько хетай-ра будет убито и за какие грехи.

– Тогда, если это не Виенна, то появятся новые трупы, – сделала закономерный вывод Лантея.

– Долго эти убийства не смогут оставаться в секрете, – подчеркнул Ашарх, скрещивая руки на груди. – И стоит в лагере появиться слухам, как моральный дух выживших сильно упадет. Это может быть кому-то на руку – всеобщий страх разрушит установленные порядки, позволив убийце и дальше творить свои скверные дела.

Лантея закусил губу и негромко произнесла:

– Страх слишком непредсказуемое орудие, чтобы вести с его помощью войну. Одних он раззадорит и придаст им сил, других же погрузит в пучину отчаяния, лишив любых надежд. Кто бы ни оказалась наша убийца, но паника – вряд ли то, чего она добивается. Только если на самом деле она не желает с помощью страха избавиться от кого-то конкретного.

Глава десятая.

Карающий меч правосудия

Грешную душу не скрыть за праведными делами.

Старинная залмарская пословица

По пробуждении Лантея, поддавшись на уговоры своих приятелей, приняла некоторые меры, чтобы обеспечить безопасность дворцовой стражи. Ашарх и Манс, мало верившие в виновность Виенны, опасались, что убийца могла продолжить истреблять служивых хетай-ра. Девушка долго говорила с тремя уцелевшими стражами, среди которых царил достаточно пессимистичный настрой. Теперь им было приказано все время находиться в непосредственной близости относительно друг друга, следить, чтобы никто не оставался на долгое время один или же в присутствии заключенной под стражу Виенны. На ночь же Манс, Лантея и Аш обязались лечь спать неподалеку, надеясь, что это отпугнет убийцу, если она действительно еще была на свободе. Теперь дежурить стражникам тоже следовало парами и только в окружении других спящих, чтобы можно было успеть разбудить кого-нибудь при нападении.

Караван продолжил свой путь. Во время долго перехода удача наконец улыбнулась хетай-ра: разведчики смогли найти пещеру, где обосновалась стая диких бородавочников. Эти создания приходились родственникам вепрям, от которых их отличали лишь маленькие боящиеся света глаза и

преимущественно подземный образ жизни. Несколько отрядов успешно изловили животных, поэтому выжившим наконец удалось полакомиться дичью. Каждому досталось по хорошему куску мяса: хетай-ра предпочитали есть его сырым, однако специально для Ашарха Лантея на обломке песчаника приготовила его порцию, хорошо прожарив дичь на раскаленном магией камне.

Все остатки мяса тщательно подсушили, чтобы можно было взять его с собой про запас. Кости разобрали на мелкие нужды. А полученные шкуры выскоблили ремесленники и забрали с собой, чтобы после обработки на стоянке размягчить их и отдать детям и старикам, многие из которых сильно мерзли в холодных пещерах. Свежая пища позволила выжившим почувствовать небывалый прилив сил, а потому новый этап перехода длился долго, пока в караване еще царило воодушевление и сытость.

На следующий привал лагерь встал в достаточно просторном зале, где одна из совершенно гладких стен клином уходила высоко под потолок. Лантея предположила, что на самом верху в породе была трещина, ведущая на поверхность. Свет через нее не пробивался, поскольку расстояние было колоссальным, но иногда можно было ощутить легкое дуновение ветра с потолка. В одном из углов пещеры хетай-ра обнаружили небольшой родник с питьевой водой. Купаться в нем было невозможно из-за его малых размеров, но зато у выживших появилась замечательная возможность умыться

и наполнить прохладной влагой свои кувшины и сосуды.

Ночь была удивительно спокойной: женщины, мужчины и дети спали сытым и довольным сном. Лантея же, проклиная свою нервозность, пробуждалась от любого шороха, который издавали дежурившие рядом стражи, следившие за временем и караулившие связанную Виенну. Убийца, если она еще была на свободе, так себя и не показала. И только к самому пробуждению девушка позволила себе полноценно заснуть, измотанная прерывистым сном.

Однако стоило воинам объявить об окончании восьмичасового перерыва, коротким сигналом рога разбудив всех спящих, Лантею ждал крайне неприятный сюрприз: над лагерем раздался протяжный высокий женский крик, который мгновенно привлек всеобщее внимание. Многие подскочили со своих мест, и в полумраке поспешили в ту часть зала, где надрывала связки бледная дрожавшая хетай-ра. Она указывала пальцем куда-то в сторону широкой полосы сталагмитов, неровными глыбами выстроившихся вдоль одной из стен. Когда принесли больше фонарей и осветили этот участок пещеры, то за массивными столбами минеральных отложений обнаружился незаметный проход, скрытый от глаз за частоколом сталагмитов. Короткий тупиковый тоннель уводил в сторону от основного зала. Но напугали женщину два изуродованных тела, прислоненных к стене возле самого выхода из этого тайного коридора, никем не замеченного ранее.

Две молодые девушки сидели на песчаном полу, склонив-

шись друг к другу, будто они на мгновение задремали. Вот только они не спали. Их кожа цветом напоминала снег, отличая мертвенной белизной, одежда была выпачкана в крови, и обширное багряное озеро расплылось внизу. Все собравшиеся жители с ужасом разглядывали работу хладнокровного убийцы, и паника мгновенно расправила свои широкие крылья над лагерем. Послышались взволнованные шепоты, вздохи и причитания. Кому-то стало плохо от увиденного, и их скорее под руки увели подальше.

Мериона, прибежавшая на крики вместе с остальными хетай-ра, среагировала практически моментально. Ее зычный командирский голос разнесся над толпой словно звук рога:

– Спокойствие! Именем Многоликой Матери Эван'Лин я призываю вас замолчать!

Как ни странно, слова матриарха произвели необходимое впечатление, заставив испуганный гомон чуть затихнуть. Хетай-ра повернулись к своей правительнице, продолжая переговариваться между собой уже вполголоса. Все выжидающе устремили взгляды на Мериону, и она, прочистив горло, величественно и твердо заговорила:

– Кто бы ни сотворил это злодеяние, но он или она будут найдены и преданы справедливому суду. Вам не о чем волноваться... Давайте же лучше встретим новый день смиренной молитвой и попросим милостивую нашу богиню принять в свои объятия эти невинные души погибших.

Главный служитель Озахар сразу же материализовался за

спиной матриарха, будто все это время он прятался там в тени, и смиренно поднял руки, призывая всех выживших склониться в молитве. Пока хетай-ра опускались на колени и выставляли молитвенные часы, Мериона мгновенно растворилась в толпе, выискивая только ей одной известную цель. Лантея, едва завидев неподалеку сестру, сразу поняла, что она направлялась напрямик к ней и, кажется, отнюдь не с добрыми намерениями.

– Ты издеваешься надо мной? – вполголоса прошипела величественная правительница, приблизившись к Лантее.

Ее красные волосы беспорядочно торчали в разные стороны после сна, а вот глаза горели яростным голубым огнем от негодования. Она шептала сквозь зубы:

– Это уже третий случай! А ты до сих пор не нашла убийцу!.. Чем ты вообще все это время занималась?!

– Знаешь ли, я не ищейка и не следопыт, – попыталась оправдаться сестра, выставляя перед собой раскрытые ладони. – Это не так легко, как тебе кажется.

– Теперь весь лагерь будет как на иголках, – тяжело вздохнула Мериона. – Это хорошо, что информация о предыдущих двух убийствах еще особенно не распространилась.

– Мы предполагали, что целью убийцы являются стражники. Но, похоже, тут что-то другое... Кто оказался жертвой в этот раз? Я ничего не разглядела в толпе.

– Близнецы, – проговорила матриарх. – Ниэля и Арконция.

– Тьма... – пробормотала Лантея и разочарованно поморщилась. – Прислужницы матери. Она их очень любила.

– Ты разочаровываешь меня, сестра. Я надеялась на твой блистательный ум, но ты оказалась не в состоянии даже выполнить простой приказ... разобраться, кто и зачем убивает моих подданных!

Мериона говорила медленно, растягивая фразы, будто ей доставляло удовольствие наблюдать, как каждое ее слово заставляло Лантею морщиться.

– Не думай, что я ничего не сделала за эти дни! – пылко воскликнула младшая сестра. – У меня была подозреваемая. Я только вчера заключила ее под стражу, к твоему сведению. Но теперь совершено двойное убийство, и я уже совершенно не могу понять, что же нужно этой преступнице и по какому принципу она выбирает своих жертв.

– Значит, ты узнала, что это женщина? – неожиданно спросила Мериона.

В ее глазах промелькнуло что-то неуловимо опасное.

– Да, – подтвердила Лантея. – Стража заметила ее убегающей с места преступления в последний раз, но кроме пола ничего выяснить не удалось. А меня уже начинает раздражать эта неуловимая убийца, не оставляющая следов.

– Здесь как минимум три сотни женщин, – фыркнула матриарх. – Тебе надо сужать свой круг подозреваемых.

– Как раз этим я и собираюсь заняться.

– Если эти убийства продолжатся, то весь народ просто с

ума сойдет. Я не смогу и дальше сдерживать их молитвами. Так что не подведи меня, сестра. Иди посмотри на тела, пока там все не затоптали.

Мериона указала рукой на приличных размеров толпу, что уже собралась возле сталагмитов, рядом с которыми как раз и были обнаружены тела последних жертв убийцы. Девушка кивнула, прощаясь с сестрой, и поспешила к месту преступления. Среди охающих и ахающих пустынников она обнаружила Манса и Ашарха, которые вместе с остальными хетай-ра пытались хоть что-нибудь разглядеть через толпу. Вооруженные подчиненные матриарха окружили вход в тупиковый тоннель, окриками надеясь разогнать любопытных зрителей, но это оказалось не так просто.

Лантея одним взглядом заставила воинов расступиться, пропуская ее ближе к жертвам. На полу, прислонившись к стене, сидели Ниэля и Арконция. Молодые и как две капли воды похожие друг на друга близнецы напоминали безжизненных кукол: уже похолодевшая мраморная кожа, заострившиеся скулы и остекленевшие глаза. У обеих распахнутые рты оказались заполнены песком. Но были и отличия между убитыми: Ниэле перерезали горло, залив все вокруг кровью, а вот Арконцию убили ножом в сердце, но при этом на ее горле виднелась массивная гематома, а на лице зияла ужасного вида рана – глаз девушки вытек, веко же было чудовищно изуродовано. В этот раз неуловимая убийца действительно постаралась: оставалось совершенно неясным, как ей уда-

лось убить двух жертв вблизи лагеря, да так, что никто этого даже не услышал.

Манс опустился на колени рядом с телами близнецов, с сожалением вглядываясь в их лица. Он, как и Лантея, часто встречал прислужниц матери во дворце и теперь ему было горько видеть, как жестоко их обезобразили.

– Я успел опросить тех, кто спал недалеко в эту ночь, – сообщил юноша, ощупывая одежду и карманы близнецов.

Лантея успокаивающе похлопала по плечу Ашарха, который с отвращением вглядывался в окровавленную глазницу Арконции, не подходя ближе к трупам.

– Никто ничего не услышал? – предположила девушка.

– Именно. Сестры спали почти на другом конце зала. Как и зачем они оказались здесь – непонятно. И никто ничего не заметил, – разочарованно сказал Манс.

За спинами приятелей, со стороны входа в тупиковый тоннель, раздались шаги, и через мгновение там уже стояла стражница со шрамом на лице. Она окинула серьезным взглядом место преступления и после обратилась к Лантее:

– Сестра матриарха, главный служитель Озахар обещал скоро подойти.

– Хорошо, – ответила девушка. – Он здесь нужен. А вот Виенну следует освободить из-под стражи.

– Она больше не в числе ваших подозреваемых? – спросила служивая.

– Да. Я снимаю с нее все обвинения.

– Как прикажете.

Стражница легко склонила голову, прижала кулак к солнечному сплетению и уже развернулась, чтобы уйти, но тут Лантея окликнула ее:

– Постой. Вот еще что... Мне необходимо, чтобы личные вещи обеих убитых, Ниэли и Арконции, отыскали на стоянке и передали мне.

– Будет исполнено, сестра матриарха.

Женщина со шрамом растворилась в полумраке, отправившись исполнять приказы. А Лантея вернулась к обследованию тел.

– Я осмотрел одежду. Везде пусто, – сообщил ей Манс. – Ни потайных карманов, ни записка. Только по один ножу у каждой сестры. Они, похоже, сделаны недавно – из костей бородавочников. Грубая работа, явно самодельная. И на скорую руку.

– Интересно, – подал голос Аш, опиравшийся плечом на стену. – Не может ли это быть связано?

– Что именно? – поинтересовалась Лантея, оглядываясь на профессора.

– Они сделали для себя оружие явно второпях из подручного материала, лишь бы оно у них было. И с ним их здесь и убили. Они либо защищались, либо же сами пытались убить нападавшего.

– Выходит, они могли знать, кто наша преступница, – сделала вывод девушка.

– Почему тогда не сказали об этом страже или матриарху? – вклинился Манс.

– Очевидно, они желали сами разобраться с убийцей, – произнес Аш. – Либо же чего-то боялись.

Лантея неожиданно приблизила свое лицо к телу Арконции и вгляделась во что-то, заметное лишь ей одной. Она аккуратно дотронулась пальцами до отчетливого пятна гематомы на горле жертвы и внимательно ощупала кожу. А после чуть отодвинула воротник рубахи мертвой прислужницы, и взорам всех присутствующих предстали свежие глубокие порезы на ключицах.

– Что это такое? – спросил профессор, склоняясь ниже. – Слишком ровные и симметричные для случайных ран.

– Ей их явно нанесли перед смертью. Как и все остальные травмы, – сказала Лантея и мельком заглянула под другие участки одежды. Но там ничего подобного не было.

– Зачем? – недоумевал Манс. – И как никто не услышал ее криков?

– Допустим, это я объяснить могу, – хмыкнула девушка. Она обвела пальцами горло Арконции и пояснила: – Сильный удар пришелся в эту точку. Ей сломали хрящ, из-за чего наступил спазм голосовых связок. Она просто не могла закричать...

– Залмар милостивый, – прошептал Ашарх. – То есть ее намеренно лишили голоса, а после живьем резали?.. И выкололи глаз?

– Но на ее сестре нет таких поверждений, – заметил Манс.

– Верно, – произнесла Лантея и поднялась на ноги. – Убийца первым делом нанесла удар по горлу Арконции, сломав ей хрящ и взяв в заложники. Ее раны на ключицах явно нанесены из-за спины. И у меня есть дурное предположение, что все это происходило прямо на глазах Ниэли.

– Это была пытка, – выдохнул юноша.

Троица переглянулась. В тоннеле повисла нехорошая тишина.

– То есть наша убийца медленно полосовала одну сестру на глазах у другой? – через мгновение заговорил профессор. – И пока Арконция корчилась от боли, не имея возможности даже закричать, Ниэля просто смотрела на это?

– Скорее, не могла ничего сделать, опасаясь, что ее близнеца сразу же убьют, если она сдвинется с места хоть на один шаг, – возразила девушка.

– Это какой-то особенный вид садизма, – процедил сквозь зубы Ашарх.

– Говорю же, это была пытка, – повторил свою мысль Манс. – Убийца пыталась добиться какой-то информации от жертв. Сначала резала, а потом, когда Ниэля продолжила молчать, выколола Арконции глаз.

– Дельное предположение, – сказала Лантея, кивнув. – А получив желаемое, убийца избавилась от обеих сестер.

– И что ей было нужно? – спросил юноша.

Откуда-то со стороны входа раздались шаги, и почти сразу же показалась стражница, отправленная ранее выполнять приказы Лантеи.

– Палач Виенна освобождена из-под стражи, – отчиталась она. – И вот личные вещи убитых.

Воительница протянула один полупустой мешок, в котором что-то позвякивало.

– Благодарю, – кивнула сестра матриарха, забирая его. – Можешь быть свободна.

Стоило стражнице уйти, как приятели, расположившись на полу, подальше от окровавленных тел, вытряхнули на пол все вещи из мешка. Поставив один из фонарей с светлячками поближе к себе, они разглядывали небогатый скарб прислужниц.

Самодельная стеклянная фляга с остатками воды, куски разорванной ткани из чьей-то старой рубахи, грубо слепленный из стекла и совершенно тупой нож, горсть сушеного мяса и небольшие украшения для волос. Помимо прочего мелкого мусора, все вещи близнецов представляли собой лишь обыкновенные безделушки, которыми могли похвастаться почти все хетай-ра в лагере.

– Эх, жаль! – с досадой протянул Ашарх. – Я надеялся, что мы отыщем хоть что-то дельное.

– То, что нам повезло найти нож и записку в прошлые разы, не значит, что и сейчас удача окажется на нашей стороне, – изрекла Лантея, с подозрением принохиваясь к воде

во фляге. – Хотя ни кортик Авирина, ни письмо Хакантэ в конечном итоге никак не помогли нам в расследовании. И я думаю, что они с самого начала к нему никакого отношения не имели.

– Занятно получается, – произнес профессор. – Мы опять оказались в тупике.

– Это третье убийство, но связи между жертвами по-прежнему нет, – высказался Манс, раздраженно ударив себя ладонью по коленке.

– Она есть, – возразила Лантея. – Ее просто не может не быть. Проблема лишь в том, что мы не можем ее увидеть, как бы ни старались. Либо же мы изначально смотрим куда-то не туда.

– А куда тут еще смотреть? – невесело усмехнулся Ашарх. – Это либо серийный убийца, маньяк, который просто чувствует безнаказанность и творит, что хочет. Либо же это акт какой-то выверенной изощренной мести, и он рано или поздно завершится. Надеюсь...

– Мы не можем просто сесть и ждать, – вздохнул Манс. – Пожалуй, я еще раз осмотрю тела.

Юноша поднялся на ноги и отошел к трупам близнецов, принявшись внимательно изучать место преступления и карманы умерших. Лантея только кивнула и сама в который раз стала перебирать личные вещи прислужниц. Она шупала ткань, оглядывала флягу и вертела в пальцах украшения. И только когда свет от ближайшего фонаря случайно упал на

тонкую стеклянную пластинку, лежавшую перед девушкой, она обратила внимание, что на ней что-то было выцарапано.

– Смотрите! – воскликнула Лантея, хватаясь за вещицу.

Это была то ли круглая заколка, то ли непримечательный кулон без какого-либо шнурка, размером чуть меньше ладони. Когда хетай-ра первый раз осматривала это украшение, то оно показалось ей совершенно прозрачным, лишь с узкой бороздочкой посередине, кольцом опоясывавшей стекляшку. Теперь же, направив кулон на свет, девушка увидела, что на самом деле странная вещица состояла из двух тончайших дисков разного размера, на каждом из которых были нанесены цифры, выгравированные по краю в произвольном порядке.

– Что это? – первым озвучил свой вопрос профессор, наблюдая за тем, как под бликами света на стекле рождались и исчезали знаки.

– Это два диска, из которых внутренний может двигаться. На них вырезаны цифры от одного до... двадцати! – внимательно разглядывая находку, сказала Лантея.

– Первый раз такое вижу, – пробормотал Манс, который стоял за спиной сестры и через ее плечо рассматривал странную вещь.

– А вот я не первый, – неожиданно улыбнулась девушка. – Это шифровальный диск. Мериона в детстве часто показывала мне такие, даже учила писать короткие записки с их помощью... Цифры означают порядок иероглифов в составля-

емом тексте, и, в зависимости от положения дисков, знаки будут перемешиваться, шифруя текст. Вот, например, единице на верхнем диске соответствует число шестнадцать на втором. Жаль, это применимо лишь к коротким запискам.

– Запискам, говоришь? – как-то тихо протянул Аш.

– О, Эван’Лин... – в то же мгновение ахнула Лантея, а глаза ее широко распахнулись. – Ты прав!

– В чем он прав? – спросил Манс, нахмурившись.

– Ведь это может быть тем самым кодом, который нужен для расшифровки письма Хакантэ! – произнесла взбудораженная девушка и вскочила на ноги, трепетно сжимая в ладони маленький стеклянный диск.

Ее приятели даже не успели больше ничего спросить. Стремительной тенью хетай-ра выбежала из тоннеля в основной зал и мгновенно затерялась в редющей толпе, не обращая внимания ни на окрики Манса и Ашарха, ни на жителей, в которых она случайно врезалась по пути. Мужчины удивленно остались стоять на выходе из тупикового коридора. Они пытались разглядеть девушку в слабом сиянии фонарей, но это уже не представлялось возможным, настолько быстро она исчезла. Растерянно вернувшись к телам близнецов, профессор и юноша дождались прихода служителя Озахара и только после этого направились на поиски Лантеи.

Она нашлась сидевшей возле своего спального места, по-прежнему сжимавшая в руках стеклянный диск, но теперь перед ней еще лежала записка Хакантэ. Беззвучно шевеля

губами, хетай-ра переводила взгляд с письма на зашифрованный диск и обратно, в голове пытаясь перевести текст послания.

– О чем там говорится? – первым делом спросил Ашарх, стоило им с Мансом приблизиться к девушке и разглядеть, чем она занималась.

Лантея не стала ничего отвечать, а лишь предупредительно подняла палец вверх, призывая дать ей еще немного времени и тишины. Несколько минут прошли в напряженном молчании, пока она заканчивала дешифровку, а после на ее лицо набежала тень.

– Ну что там? – не выдержал все-таки Манс.

– Я догадываюсь, кто убийца, – негромко ответила ему сестра, комкая в руках записку.

– Тогда мы должны предъявить обвинения и взять ее под стражу, – произнес профессор, скрещивая руки на груди.

– Нет, – возразила девушка к всеобщему удивлению. – Нужны доказательства. Надо поймать ее с поличным.

– И как ты предлагаешь это сделать? – спросил Ашарх, предчувствуя что-то нехорошее.

– Я этим займусь сама.

Она одним движением оказалась на ногах и, обогнув застывших мужчин, направилась вглубь лагеря. Губы ее были сурово сжаты, белые брови нахмурены, словно найденный наконец ответ на все вопросы совершенно ее не удовлетворил или же и вовсе расстроил.

– Тебе нужна помощь? – крикнул вслед сестре Манс.

Но Лантея ничего не ответила и даже не повернулась. Она, понуриив голову, лавировала между бродившими по стоянке хетай-ра, пока полностью не растворилась в полумраке.

– Оставь ее, – проронил Аш, сжав плечо юноши. – Если мы понадобится, она сама попросит.

– Что же было написано в том послании?.. – прошептал Манс.

– Явно ничего хорошего.

Тем временем девушка, растерянно бродила по залу в поисках своей сестры. Найденная ей разгадка казалась одновременно пугающей и очевидной. Теперь Лантея никак не могла понять, почему она так долго отталкивала от себя все мысли, которые могли ее привести к подобному ответу гораздо раньше. Наверное потому, что она даже не хотела думать об исходе такого рода, а теперь выбора не было. Пора было прекратить череду жестоких убийств.

Мериона обнаружилась у родника, где она неторопливо, с истинно королевским величием, умывалась и приводила себя в порядок среди своих подданных, занятых тем же. Ледяные брызги летели во все стороны, хетай-ра обливались водой из кувшинов, терли руки и шею мокрыми тряпками и с песком стирали одежду.

Лантея неторопливо приблизилась к сестре и не терпящим возражений тоном заговорила:

– Окажи мне одну услугу.

– А... это ты, – протянула правительница, поворачиваясь лицом к девушке.

Она взъерошила рукой свои короткие мокрые волосы, все еще сохранившие на себе остатки алой краски, и слегка поморщилась.

– Что тебе нужно? – нехотя спросила матриарх через мгновение.

– Сегодня на ночь прикажи встать лагерем прямо посреди тоннелей.

– Не пойму, зачем тебе это надо, – ответила Мериона, удивленно приподняв одну бровь.

– Какая разница? Просто скажи, что разведчики доложили, мол, рядом нет никаких крупных пещер или соври что-то подобное, – отмахнулась младшая сестра.

– Не расскажешь мне, что происходит? Ты что-то обнаружила, связанное с убийствами?

Матриарх выжидательно заглянула Лантее в лицо.

– Да, – нехотя подтвердила девушка, – я знаю, кто убийца.

– Любопытно, – протянула Мериона, окидывая сестру изучающим взглядом. – И что будешь делать дальше?

– Устрою засаду. Сегодня ночью случится нападение.

– Ты в этом так уверена? – матриарх хмыкнула и задумчиво почесала предплечье. Она будто сомневалась в словах сестры или же не хотела верить в их правдивость.

– Уверена.

– А вдруг ты ошибаешься в своих умозаключениях? Не допускала подобной мысли, а? – спросила Мериона. – Ты ведь сама все время твердила мне, что не ищейка. А тут на тебя неожиданно снисходит озарение? Пф! Не верю.

– У меня есть неопровержимые доказательства. И твое неверие, сестра, здесь не играет роли, – обмолвилась напоследок Лантея, уже развернувшись и удаляясь от матриарха прочь.

Мериона так и осталась озадаченно стоять у родника, пока ей за шиворот капала с волос холодная вода. Она смотрела вслед младшей сестре, прокручивая в голове последние услышанные слова. А на ее предплечье сквозь тонкую ткань рубахи проступали капли крови от расчесанной раны.

Как ни старались Манс и Ашарх выпытать у девушки подробности того, что ей удалось выяснить, за целый день она практически ничего им не сказала. Но в ее голубых глазах плескалось дикое пламя решимости, пусть оно и было подернуто туманной пеленой неясной тоски. Найденная разгадка не сделала ее счастливее, и она почему-то совершенно не хотела делиться своими сомнениями или мыслями со спутниками. Единственным, что она твердила, было:

– Этой ночью все решится. Подтвердятся мои догадки или же нет...

Колонна двигалась медленно, между выжившими со скоростью ветра распространялись различные слухи о произо-

шедшем убийстве. Над караваном стоял гомон голосов, а одно предположение казалось невероятнее другого. Хетай-ра твердили, что это души погибших из Третьего Бархана наказали спасшихся, а некоторые уверяли соседей, что в Диких тоннелях водились и куда более страшные твари, помимо ингур, которые теперь по одному уничтожали всех выживших.

К концу долгого перехода сил на беседу ни у кого уже не оставалось, и даже когда Мериона объявила, что лагерем придется становиться прямо в узком петлявшем тоннеле, по которому они шли последние несколько часов, уставший народ только поворчал для вида, но послушно принялся обустроиваться на ночлег. Выжившие ложились по трое, практически вплотную прижавшись к стене, лишь оставив посередине коридора единственный проход для тех, кому ночью могло понадобиться отойти по нужде. Вдоль всего центрального пролета расставили закупоренные фонарики с светлячками, и тоннель неожиданно преобразился, наполнившись уютом.

На ночь Лантея устроилась вдалеке от обоих своих спутников. Если Ашарх и Манс легли практически в самом конце коридора, где было чуть больше свободного пространства, то сама девушка удалилась вперед по тоннелю, туда, где заканчивались длинные шеренги выживших и где во главе колонны обосновалась Мериона с небольшой свитой своих слуг и воинов, охранявших покой матриарха. Вооружившись всем, что у нее было, от метательных ножей и вплоть до короткого

меча, еще во время второго испытания отобранного у подчиненных Бартелина, Лантея легла у стены, откуда открывался прекрасный вид на всех спавших в этой области коридора, и тех, кто захотел бы прийти из основной части лагеря. Она не собиралась даже дремать в эту ночь, а готовилась долго и терпеливо ожидать, когда захлопнется ее ловушка.

Минуты тянулись за минутами, по извилистому узкому тоннелю разносилось дыхание выживших, иногда слышался тихий храп. Лантея старалась не двигаться. Притаившись, словно огромная хищная кошка в засаде, она внимательно наблюдала за мерно вздымавшимися спинами соседей. Все было спокойно. Как и во все прошлые ночи. Даже воины Мерионы в конечном итоге задремали на своем посту, но сестра матриарха не могла позволить себе такой роскоши. Она впи-валась ногтями в ладони, чтобы боль прогнала туман сонливости, постепенно окутывавший ее разум. В какой-то момент Лантее показалось, что она лежала так, сжавшись на жестком полу, уже целую вечность, а убийца все не давала о себе знать.

Наконец по другую сторону коридора девушка уловила движение. Одна из спавших фигур пошевелилась, медленно и практически бесшумно поднимаясь со своего места. Темный силуэт постоял, аккуратно оглядываясь вокруг, а потом поправил одежду на себе. При тусклом свете фонарей невозможно было увидеть, как внимательно и неотрывно следила в этот момент Лантея за каждым движением своей подо-

зреваемой. Тень накинула на голову капюшон и легкими шагами выбралась к центральному проходу, тихо перешагивая через соседей.

Убийца пригнулась и мягко двинулась по узкой освещенной тропе прямо по направлению к Мерионе, окруженной спавшими воинами, которые столь недобросовестно отнеслись к выполнению своих обязанностей. Силуэт переступил через их тела так изящно и невесомо, что Лантея даже позавидовала подобным навыкам. Однако, как только в руке убийцы появилось лезвие, выуженное из складок одежды, то младшая сестра решила все же спасти свою дорогую родственницу: она мгновенно оказалась на ногах, засвистев так, что у нее самой заложило уши.

– Тревога!

Тень вздрогнула от неожиданности, стремительно развернулась, подобно змее, желая увидеть ту, кто посмела вмешаться в ход событий. Лантея криво ухмыльнулась, не сводя взгляд с силуэта. Вокруг уже начинали подниматься хетай-ра, разбуженные свистом девушки. Убийца заметалась, пойманная в ловушку, но в это мгновение она, видимо, осознав всю неизбежность своего положения, стремительно обернулась и решила напоследок закончить начатое. Всего метр разделял ее и Мериону, которая только-только раскрыла глаза и приподнялась на локтях, еще не осознавая, что происходило. А ей навстречу уже неслась неминуемая гибель в длинном прыжке.

– Умри, кровожадная тварь!.. – вскрикнула убийца.

Лантея еще никогда так быстро не метала оружие. Она сама не успела понять, когда выхватила с пояса один их стеклянных ножей и послала его в полет, даже толком не примерившись к расстоянию и не рассчитав силы.

– Я отомщу за...

Слова оборвались на середине, тень не успела договорить.

Стеклянное лезвие вошло четко под лопатку, практически опрокинув убийцу на матриарха. Мериона испуганно вскрикнула, быстро выбираясь из-под грузно упавшего на нее тела и хватаясь за топорик, висевший у нее на поясе.

Преступница не успела нанести свой решающий удар и так и осталась лежать на песке, не двигаясь. Но когда Лантея оказалась возле сестры, убийца еще была жива. Вздохи с трудом вырывались из ее груди, на губах вздувались и лопались кровавые пузыри, и она судорожно сжимала и разжимала побелевшие пальцы на рукояти своего кинжала.

Лантея жестко схватила за руку сестру, поднимая ее на ноги и обеспокоенно оглядывая:

– Ты в порядке, Мериона?..

– Из-за тебя она могла ранить меня! Ты совсем не соображаешь? – разозлилась на свою спасительницу матриарх, отталкивая Лантею и наклоняясь ближе к убийце.

Одним резким движением она сдернула с нее капюшон. Под ним оказалось милое лицо хрупкой девушки, искаженное болью и яростной злобой. По подбородку преступницы

стекала кровь.

– Дайва! – торжествующе прошипела Мериона сквозь зубы. – Ты была моей лучшей прислужницей, а теперь осмелилась поднять руку на свою правительницу!..

Дайва перевела на матриарха взгляд своих ярких голубых глаз, полных гнева, и зло усмехнулась, пытаясь пошевелиться и перевернуться, но кинжал, торчавший из лопатки, вызвал только новую волну боли и кровавого кашля.

– Ты... самая жалкая из правительниц, – с трудом прохрипела прислужница. – Твоя мать... Гиселла, была великим матриархом... Но ей не удалось... воспитать себе достойную замену... Ты лишь убогое подобие матери... Кровожадная сука, забравшая столько жизней...

Дайва из последних сил сплюнула кровью под ноги окаменевшей от такой наглости Мерионе.

– Да как ты смеешь?! Никто не имеет права оскорблять меня, особенно какая-то зарвавшаяся служанка! – матриарх, раздраженно сунув топорик обратно за пояс, выпрямилась, нависая над преступницей непоколебимой скалой.

Дайва хрипло и прерывисто засмеялась, ее жуткий каркающий хохот перемежался с надсадным кашлем. Из рта выходили черные сгустки крови, стекавшие на пол.

– О! Поверь, Иамес уже узнала обо всех твоих грехах и слабостях... Пусть я не убила тебя, не отомстила за других... но Первый Бархан не позволит... тебе править... Мериона... – последние слова дались преступнице с явным трудом, но

пугающая улыбка все не сходила с ее лица.

Мериона сжала свои побелевшие кулаки до хруста. Все собравшиеся вокруг хетай-ра, прислуга, стражи и проснувшиеся жители, наблюдавшие эту картину, опасливо отступили на шаг назад.

– Именем Многоликой Матери Эван’Лин и властью, данной мне богиней по праву крови, я, матриарх Третьего Бархана Мериона Иманила Анакорит, обвиняю тебя, Дайва, в совершении тяжких преступлений и в покушении на жизнь правительницы... И приговариваю к смерти.

Матриарх одним быстрым движением выхватила у стоявшей вблизи сестры из-за пояса меч, вырезанный из белой кости, и, ни минуты не колеблясь, вонзила его в спину Дайвы, верша с каменным сердцем свое правосудие. Лантея даже не успела остановить Мериону или что-нибудь сказать, как меч пробил тело прислужницы насквозь, и она, на миг изогнувшись в предсмертной агонии, сразу же опала, испустив свой последний хриплый вздох. Дайва замерла безжизненной тенью, раскинув руки в разные стороны, будто мотылек, без страха прилетевший на свет, и теперь оказавшийся навечно приколотым костяной иглой к холодному камню.

Мериона отпустила рукоять меча, так и оставив оружие торчать в теле уже мертвой Дайвы, развернулась и в полном молчании удалилась куда-то дальше по коридору, растворившись в чернильной темноте тоннеля. А за ее спиной оста-

лись стоять потрясенные всем произошедшим хетай-ра, толпой обступившие место казни.

Прошло достаточно времени, пока Лантея отдала необходимые приказы, распорядилась о захоронении тела Дайвы и навела хоть какое-то подобие порядка в умах всех собравшихся, обеспокоенных и встревоженных покушением на матриарха и поспешным вынесением приговора убийце. Уже проснулось никак не меньше половины лагеря, а слухи о случившемся передавались из уст в уста с невероятной скоростью, обрастая новыми подробностями.

Лантея тоже чувствовала в своей душе смятение и постоянно оглядывалась на темный тоннель, куда безвозвратно ушла ее старшая сестра. И в конце концов она подхватила с пола один из фонарей и устремилась в том же направлении, намеренная переговорить с матриархом с глазу на глаз.

Идти пришлось не очень далеко. Мериона побоялась в одиночестве отходить от лагеря больше чем на сотню шагов, ведь в темноте можно было легко упасть в какой-нибудь провал или наткнуться на озлобленных и голодных обитателей этой части Диких тоннелей. Она сидела прямо на каменном полу у стены, сгорбившись, закутавшись в свою потрепанную мантию, и обхватив руками колени. Но едва эхо чужих шагов достигло ее слуха, как Мериона вскинула голову и насторожилась.

– Это я, – негромко предупредила Лантея, помахивая в воздухе фонарем и подходя еще ближе.

Она встала над сестрой, подняв светильник повыше и разглядывая лицо матриарха. Ни следов слез, ни растерянности, ни злости – лишь пустая равнодушная маска.

– Зачем ты пришла? – хрипловатым голосом откликнулась Мериона. – Я хочу побыть одна.

– А я хочу поговорить с тобой. О Дайве и обо всем, что произошло.

– Тут не о чем говорить, – сказала, как отрезала, старшая сестра. – Она посмела напасть на меня и понесла заслуженное наказание... И тебе не стоило в это вмешиваться, бросаться в нее ножами. Я бы и сама прекрасно за себя постояла.

– Я сделала то, что должна была. Защитила честь правительницы, – произнесла Лантея. – Никто не должен был слышать слова Дайвы о мести, иначе всплыла бы правда о настоящей убийце.

Мериона резко дернула головой и подняла взгляд на свою сестру. В ее глазах на мгновение вспыхнуло удивление и сразу же исчезло, сменившись сожалением.

– Выходит, ты все знаешь...

– Письмо Хакантэ многое мне прояснило, – проронила Лантея.

– Что еще за письмо?

– Шифрованная записка. Думаю, она хотела отдать ее Дайве или Ниэле с Арконцией, но ты лишила ее жизни прежде.

– И что она там успела понаписать? – не без раздражения

поинтересовалась Мериона, подергав себя за мочку уха.

– Сообщила о смерти Жаворонка, настоящее имя которого, как я подозреваю, было Авириин Лэйх. И предупредила о том, что это действуют твои подданные с твоего ведома.

– Глупости, – фыркнула матриарх.

– Конечно, – согласилась девушка. – После обрушения Бархана не осталось верных тебе хетай-ра. И ты вряд ли бы стала приказывать кому-то стороннему открывать охоту на выживших шпионов Иамес. Потому ты сама лично и решила заняться их истреблением.

В воздухе повисла нехорошая тишина, нарушаемая лишь светлячками, которые бились о стекло фонаря и с легким шорохом перелетали с места на место внутри своей стеклянной темницы.

– Я поступила так, как следовало, – наконец медленно проговорила Мериона, шумно выдохнув. – Тогда, только вернувшись с испытания, ты сказала мне, что я должна собраться и начать вести себя, как подобает матриарху. И в тот момент я четко осознала, что должна сделать... Избавиться от главной угрозы, стоявшей передо мной, как перед правительницей – истребить всех шпионов и соглядатаев Иамес, выживших после падения города.

– И что бы это исправило? – проронила Лантея, приподняв брови.

– Ты не понимаешь!.. Иамес заполонила весь полис своими хетай-ра, которые столько времени отслеживали каждый

мой шаг и шаг матери, отсылая в Первый Бархан так много важнейшей информации, что хватило бы на целую библиотеку. И наши с Бартелином методы борьбы с ними были не слишком-то успешными... И тут случилось это нападение и обрушение города. Они погибли почти все, и среди выживших я заметила лишь нескольких известных мне шпионов. Это был шанс! Мой шанс незаметно избавиться от всех них и лишить Иамес последней и самой важной крупинки информации, которая позволила бы ей наступить мне на горло...

– Они не успели передать ей сведения о том, что произошло в самом Бархане, – догадалась Лантея. – Иамес все еще не знает, кто и почему на нас напал.

– Да! – воскликнула Мериона. – Я могла стереть с лица земли правду обо всем произошедшем. Я бы открыла Иамес лишь ту информацию, которая была выгодна мне одной.

– О чем ты говоришь?

– Теперь в лагере больше не осталось подчиненных матриарха Первого Бархана, я выследила и устранила их всех. И я войду в Первый Бархан с гордо поднятой головой. Иамес уже не сможет лишить меня права на престол.

– Так ты все это сделала только ради того, чтобы сохранить свой титул? – выдохнула Лантея. – Столько смертей, столько крови на твоих руках только ради того, чтобы править над жалкой горсткой выживших?..

– Для того, чтобы Иамес по щелчку пальцев не оборвала наш тысячелетний род, обвинив во всех грехах, я была вы-

нуждена пойти на жертвы. Я лишь поступила, как следовало матриарху. Устранила главную угрозу своей власти.

Мериона выпрямила спину, снизу вверх окидывая сестру немигающим взглядом.

– Власть – это яд. И ты отравлена им... – в ужасе прошептала Лантея.

– Ничего подобного. Я та, кто в состоянии нести это бремя. Чтобы мой род славили в веках, чтобы я правила долго в спокойствии и порядке, чтобы никто иной не смел вмешиваться в дела моего Бархана – ради всего этого мне не трудно запачкать руки в чужой крови.

Лантея стояла потерянная и опустошенная. Впервые она не понимала свою сестру, и боялась, что доставшаяся ей огромная власть сломила разум молодой женщины.

– Когда я узнала правду, то не могла поверить, что ты способна на такое. Кто угодно, но только не ты... – наконец заговорила Лантея. – И даже когда ты казнила Дайву, решительно и хладнокровно, я все еще сомневалась.

– Дайва была последней теневой фигурой, которую мне все никак не удавалось вычислить, – неожиданно поделилась Мериона. – Я понимала, что есть еще один, последний шпион Иамес в лагере, имя которого я не знаю, но он постоянно ускользал от моего внимания. И пока я кружила на одной точке, раз за разом перепроверяя факты, Ниэля и Арконция сами решили открыть на меня охоту, догадавшись, кто ответственен за убийства их товарищей.

Немного помолчав, матриарх продолжила:

– И я предполагала, что произойдет что-то подобное. Они ведь не могли не понимать, что раскрыты. Я заманила их в тот тупиковый тоннель на старой стоянке, обезоружила Арконцию и выставила перед Ниэлей достаточно простое условие – она должна была назвать мне последнее имя, а я бы не стала калечить ее сестру... Но она упорствовала. И мне пришлось раз за разом делать надрезы на коже Арконции, заставляя ее биться в немом крике, лишенную голоса.

Лантея молчала, слушая признание убийцы, от которого по коже пробегала дрожь.

– И только когда глаз сестры вытек, как лопнувший желток, Ниэля наконец сдалась, – тихо продолжила говорить Мериона. – А я даже не почувствовала никакого торжества от своей победы. У меня было последнее имя, были четверо мертвых шпионов и еще достаточно дней в запасе до прихода в Первый Бархан, чтобы незаметно провернуть одно убийство. Но не было удовлетворения от того, что я делала... Потому что я ни с кем не могла разделить свои опасения, свои успехи и планы. Ты бы могла меня понять, наверное. Но еще тогда, над телом Авирина, этого самоуверенного выскочки из рода Лэйх, который сам был не прочь расквитаться со мной даже без приказа свыше, ты начала строить из себя следователя. И меня это взбесило.

– Потому ты и повесила расследование этих убийств на меня? – догадалась Лантея.

– Ну да, – проворчала Мериона. – Хотела поставить тебя на место, показать, что ты не в силах сравниться со мной в интеллекте. А ведь я до этого планировала посвятить тебя во все происходящее, чтобы ты помогла мне с этой работой, но сложилось все иначе. И в итоге мы исполняли разные роли – ты догоняла, я убегала. А что толку?.. На Дайву мы все равно вышли одновременно, хоть я и не представляю, как ты поняла, что она придет за мной этой ночью.

– Я не подозревала, что это окажется Дайва, – призналась младшая сестра, устало потирая шею. – Знала лишь, что есть еще минимум одна фигура, которую ты хочешь убрать с доски и которая, судя по всему, уже сама ведет на тебя охоту. Это было ясно по тому, что ты запечатала рты Арконции и Ниэли песком. Стала бы ты это делать, если бы больше не осталось в живых тех, кого ты выслеживала и для кого оставляла этот знак?..

– Ты права. Я надеялась выманить Дайву, чтобы она сама пришла в мои руки. Так и вышло.

Мериона поднялась, отряхнула от песка одежду и встала лицом к лицу с сестрой.

– Я не поддерживаю то, что ты сделала, – твердо заявила Лантея. – В этих убийствах не было необходимости, как бы ты их ни оправдывала. Иамес все равно уже что-то знает.

– Мне не важно, что ты думаешь по этому поводу, – мягко произнесла матриарх, обогнув сестру и направляясь обратно в сторону лагеря. – Я сделал то, что должна была. Не больше

и не меньше.

– И что тебе даст эта власть, которую ты так ярко отстаиваешь, а? Почему тебе она важнее всего на свете? – куда громче крикнула ей вслед Лантея.

– Потому что это то, чего я заслуживаю. То, на что я имею право с самого рождения, – чуть замедлив шаг, ответила Мериона, обернувшись. – И я жажду получить обещанное мне!

– Ты будешь править городом, которого нет... Третий Бархан пал...

– Но зато я буду править, в отличие от тебя, сестра.

Каравану пришлось сниматься с места практически сразу же после случившегося: никто больше не мог спать, все оживленно обсуждали произошедшее, распугивая тишину тоннелей звуками своих голосов. И, чтобы не терять время, решено было немедленно отправиться в путь. Лантея неоднократно пыталась по дороге еще пару раз поговорить со своей сестрой, гордо вышагивавшей во главе колонны, но Мериона жестко прерывала все ее попытки и отмахивалась, как от надоедливой мухи. Очевидно, она считала, что им больше не о чем было разговаривать. В итоге девушка была вынуждена прекратить свои попытки и проводить все свободное время в компании Манса и Ашарха, которые, напротив, активно обсуждали ночные события, постоянно забрасывая спутницу вопросами. Несмотря на доверие к своим приятелям, она так и не решилась открыть им всю правду, потому что была

уверена, что это касалось лишь ее и сестры. Роль Мерионы была скрыта, и убийцей Лантея назвала именно Дайву.

Так караван, хоть и мало отдохавший, все же проделал обычную норму пути, поскольку всех по дороге весьма подогревали разговоры и всяческие сплетни. Через десяток долгих часов однообразной ходьбы, когда ноги уже гудели и подгибались от усталости, хетай-ра встали лагерем в небольшой пещере с глубоким пресным озером, найденным чуть в стороне от основного пути. Скрытое от лишних глаз место поразило всех своим природным великолепием: помимо тонких колоннообразных сталагнатов, поблескивавших от стекавших по ним каплям влаги, в зале все стены и потолок оказались пронизаны темно-бурыми полосами минералов, создававшими в толще песчаника особенный узор. В самом озере, к счастью, обнаружили довольно частых обитателей подземных водоемов – пресноводных слепых рыб, которых за несколько часов удалось изловить в достаточном количестве для сытного ужина. Весь лагерь вскоре погрузился в сладкую дрему, и впервые за долгое время их сну ничего не угрожало.

После пробуждения караван вновь продолжил свой нелегкий путь. Привычно выстроившись в длинную вереницу, они направились дальше, все еще не теряя надежды добраться до Первого Бархана. Но за все время унылого марша по одинаковым коридорам удача ни разу не улыбнулась хетай-ра: разведчикам встретилось лишь одно озеро с соленой водой, во-

ды которого оказались совершенно не пригодными для питья, так еще и практически все светляки к вечеру погибли. Обычно в полисах насекомые кормились грибами и мхом, в изобилие росших на стенах пещер и тоннелей всех подземных городов, но теперь хетай-ра съедали всю найденную растительность, совершенно не задумываясь о необходимости кормить еще и запертых в стеклянных фонарях жуков. И светлячки, лишенные корма, без возможности выбраться из своих клеток и полетать на воле, один за другим погибли, оставив практически весь лагерь в темноте.

Очередной привал выжившим пришлось делать в абсолютном мраке, на ощупь обустроивая стоянку. Все они были голодны из-за скудного питания последней недели, жажда медленно и неумолимо застилала им глаза: хетай-ра рассчитывали, что в пути будет больше пресных источников, и теперь они были вынуждены растягивать последние глотки мутноватой воды, которую набрали еще на стоянке у озера. После сна большинство народа казалось уже не таким бодрым: сил становилось все меньше, а дорога не кончалась, утопая в густой смолистой черноте. Стены тоннелей оставались голыми и безжизненными, будто в насмешку над исхудавшими горожанами, готовыми многое отдать за горсть мха. И даже во время очередного перехода разведке ничего не удалось найти: впереди не было ни растений, ни зверей, ни воды. И надежда медленно, но верно стала покидать всех. Следующие переходы ничем не отличались от предыду-

щих. Хетай-ра уже практически перестали верить в то, что из Диких тоннелей на самом деле существовал выход. Они шли достаточно долго, каждый день продолжая сбивать себе ноги в кровь в темноте, но за очередным поворотом все никак не показывался долгожданный Первый Бархан, а лишь тянулись дальше и дальше темные провалы ходов. Перед сном бедные дети уже не могли так просто уснуть: у них болели животы от голода, они плакали на весь лагерь, выпрашивая у матерей хотя бы крошку еды, но те не могли ничего им дать. Многие взрослые и сами плохо себя чувствовали, жалуясь на недомогание и чудовищную слабость. Во всем были виноваты обезвоживание и недоедание, которые в конечном итоге повлекли за собой первых жертв: после одного из пробуждений в лагере обнаружили два тела – жители умерли во сне от истощения.

Над караваном царило настоящее отчаяние, сил становилось все меньше, и никто не знал, сколько это еще будет продолжаться. Единственный раз выжившим удалось найти по пути одну небольшую пещеру, где стены оказались покрыты холодными каплями влаги, и на них росло совсем небольшое количество съедобной флоры. Шедшие впереди хетай-ра, едва услышав о находке, в первые же мгновения, отталкивая друг друга, бросились на стены, руками и ногтями сдирая мох и съедая его сырым. Другие же припали языками к влажным стенам, слизывая редкие капли, пытаясь хоть как-нибудь утолить терзавшую их жажду. Массовая борьба повлек-

ла за собой новые трупы: одному мужчине пробили голову, другому хетай-ра сломали ребра в давке, и кости вонзились ему в легкие – он умер, задыхаясь и кашляя кровью, пока другие топтали его тело. И даже несмотря на то, что большая часть народа не приняла участие в этой жестокой бойне, подавленность воцарилась над всем караваном.

После следующей ночи навсегда лежать на холодных камнях Диких тоннелей остались уже восемь хетай-ра. В основном, это были старики, которые упорно шли с самого начала, но не смогли долго продержаться на такой жесткой диете, однако были среди умерших и дети. Выжившие бредили, распрощавшись с мечтой вновь увидеть город, они сильно замедлились, каждый передвигался держась в темноте за стену, чтобы не упасть или не потеряться. Многие жители оставались сидеть или лежать на полу тоннелей и больше не поднимались, а караван так и шел дальше, не обращая внимания на свои потери.

Когда полуживой единственный разведчик вернулся назад к каравану с криками ликования, что впереди Первый Бархан, то ему даже не сразу поверили, посчитав это за бред, рожденный фантазией отчаявшегося безумца. Но он продолжал настаивать на своем, распространив новость по всему каравану. Хетай-ра долго пытались понять, не снилось ли им это, но многие неожиданно сумели найти в себе последние крохи энергии, чтобы подняться, напрячься и сделать этот рывок. Несколько часов выжившие, шагавшие дальше толь-

ко благодаря свету надежды, неуверенно замерцавшему впереди, преодолевали последние километры, отделявшие их от спасения.

И когда перед ними наконец предстал величественный Первый Бархан, когда город раскрыл свои объятия для пострадавших собратьев, неверяще выходявших из бесконечных тоннелей к толпе, встречавшей их криками радости и слезами сопереживания, только тогда хетай-ра поверили, что все действительно закончилось.

Они дошли, не сдались, преодолели весь этот невероятно сложный путь.

И каждый из них надеялся в тот миг, что трудности остались позади.

Глава одиннадцатая.

Совет Пяти Барханов

*Пять матриархов вместе собираются,
Судьбы Барханов ими решаются.
Семнадцать ночей будет длиться Совет,
Повторится вновь через семнадцать лет.*

Отрывок из детской песни. Книга Бытности

Все жители Первого Бархана, казалось, собрались возле врат, ведущих в Дикие тоннели. Оттуда выводили и выносили обессиленных выживших, которые могли лишь подслепо-

вато щуриться от слишком яркого для них света фонарей и кривить бескровные губы в слабых улыбках. Горожане несли для своих соотечественников одеяла, воду и лепешки, укладывали истощенных хетай-ра на носилки, а многие предлагали свои дома для размещения. В этот день все лечебницы Первого Бархана оказались заполнены – врачеватели сбились с ног, помогая выжившим, которых укладывали так тесно рядом друг с другом в просторных палатах, что через них едва можно было перешагнуть. Тех, кто чувствовал себя хоть немного лучше, отправляли в гостевые дома, по приказу матриарха Первого Бархана Иамес распахнувших двери для всех, кто нуждался в помощи после трагедии в Третьем Бархане и непростого перехода через Дикие тоннели. Были и те, кого в полисе приютили родственники или друзья, а важных персон любезно пригласили во дворец, где под их размещение отвели часть одного крыла. Из Первого Бархана обратно в подземные ходы отправили крупный отряд солдат, снаряженных продовольствием, носилками и всем необходимым для оказания первой помощи, чтобы они отыскивали тех утративших надежду на спасение хетай-ра, которые совсем немного не дошли до выхода.

Мериона первое время после выхода из тоннелей на свет еще пыталась раздавать указания, чтобы все держать под своим контролем, но достаточно быстро остатки ее энергии иссякли: матриарх выглядела ничуть не лучше своих подданных. Исхудавшая и с глубоко запавшими глазами, она похо-

дила на призрака, с трудом передвигаясь на собственных ногах. Лантея, сама едва державшаяся в вертикальном положении, неотступно следовала за старшей сестрой между рядами расположившихся прямо на полу выживших, уговаривая ее закончить командовать и отправиться ко дворцу, пока они еще были в силах это сделать самостоятельно.

Лучше всех выглядел Ашарх: как ни странно, он чувствовал себя достаточно бодро, более того, ему хватало сил, чтобы поддерживать Манса, который опирался на него и в своей болезненной бледности мог сравниться только с мраморной скульптурой.

– Мы оба не ели и не пили, как так получится, что мне плохо, а ты выглядишь замечательно? – ворчал юноша, которому никак не давала покоя подобная несправедливость.

– Не «получится», а «получается», Манс. Почему ты никак не можешь запомнить глаголы, мы ведь почти три перехода их с тобой обсуждали? – устало вздохнул профессор, выискивая глазами в толпе Лантею. – Да где она там пропала?

– Ты нетерпеливый, – легко укорил собеседника юноша. – Нам ведь уже больше спешить некуда.

– Может ты и прав, – буркнул Аш, пожав плечами. – А! Вон она идет. Наконец!

Из толпы показалась осунувшаяся Лантея, следом за ней ступала матриарх, в которой уже трудно было опознать самоуверенную ухоженную правительницу: ее грязные вещи

ничем не отличались от покрытой пылью одежды простых хетай-ра, а невытые отросшие волосы неопрятно спадали на лицо красноватыми щупальцами. Да и саму Мериону ее собственный внешний вид явно смущал, она все пыталась отряхнуться или отереть лицо, но только размазывала пятна еще больше.

– Нужно подняться во дворец, – сказала Лантея и махнула рукой, призывая мужчин идти за ней. – Нас обещали разместить там. Да и мы с сестрой хотим быстрее переговорить с матриархом Иамес.

– Далеко этот дворец? – поинтересовался Аш, поддерживая Манса и присоединяясь к женщинам.

– Не хочу тебя расстраивать, но...

– Но?..

– Но подъем туда приличный, – невесело закончила свою мысль Лантея, указывая на ступени грандиозной лестницы, к которой они как раз подошли.

Вся группа застыла на мгновение, рассматривая величественный путь наверх, который им предстояло преодолеть. Первый Бархан имел совсем другое строение, как успел заключить для себя Ашарх, бегло осмотревшись. Если Третий сжимался кольцом из пещер вокруг дворца, то этот город поместился всего в одну вытянутую пещеру. Однако размеры увиденного зала поражали воображение: потолок терялся в объятиях темноты, и лишь слабые проблески колоний светлячков указывали на то, что этот Бархан лежал очень глу-

боко под песком. Город располагался на нескольких массивных ступенчатых подъемах, а посередине тянулась безгранично широкая лестница, конец которой уходил куда-то далеко, под самый потолок.

– Дворец находится на самом верху? – предположил профессор единственный возможный вариант развития событий.

– К сожалению, да... – тяжело вздохнула Лантея и решительно ступила на лестницу, а остальным ее спутникам ничего не оставалось, кроме как устремиться следом.

Судя по всему, вход в Дикие тоннели находился приблизительно посередине подъема. Где-то далеко внизу первые ступени лестницы омывала река, ее шум был отчетливо слышен, хотя в полумраке подземного города Ашарху не удалось разглядеть источник влаги. Жителей было не очень много: большая толпа оказывала помощь прибывшим из Третьего Бархана, а в остальном город практически пустовал. Видимо, было ночное время, но преподаватель не мог подтвердить свою догадку, поскольку в огромной пещере отсутствовал стеклянный купол или любой другой видимый выход на поверхность.

– Стеклянный купол был гордостью Третьего Бархана, – грустно ответила Лантея, когда профессор поделился с ней своими наблюдениями. – Ни в одном другом городе хетай-ра не было ничего подобного. Настоящая вершина нашего магического искусства. Он был сделан таким образом, что лин-

за пропускала солнечный свет, но рассеивала его лучи, благодаря чему под ним можно было находиться даже в полдень – в ином случае солнце бы испепелило все.

– И получается, что в других Барханах вообще нет доступа света с поверхности? – удивился Аш.

– Не во всех. Здесь, например, нет, – сказала девушка и обвела руками потолок пещеры. – Насколько я знаю, Пятый расположен прямо под длинным проломом в твердой породе, у них освещена почти половина города. И, говорят, что во Втором есть узкий колодец над дворцом, а вот Четвертый живет в полной темноте, как и Первый.

Лестница казалась бесконечной. Даже несмотря на то, что ее ступени, вырубленные в застывшем песке, были невысокими, сама протяженность пролетов сильно утомляла выдохшихся путников. Мериона старалась не подавать вида, как тяжело ей давался каждый шаг, но Лантея все равно аккуратно придерживала сестру за локоть. На некоторых лестничных площадках, где можно было перевести дух, профессор впервые познакомился с ночной жизнью некоторых обитателей города. Там спали небольшими группами нищие оборванные хетай-ра, где-то ходили подозрительного вида торговцы-коробейники, и странные молчаливые воины провожали настороженными взглядами Ашарха и его спутников. Этот город был гораздо крупнее Третьего Бархана, и в нем куда явнее и бесцеремоннее вели себя преступные группы, обыкновенно скрывавшиеся и преследуемые. Несколько от-

дельных личностей попытались предложить Лантее какое-то сомнительное зелье в стеклянных флаконах, но она так выразительно схватилась за рукоять ножа, что неудачливые продавцы исчезли во мгновение ока.

Когда группа добралась до самого верха лестницы, плохо себя чувствовали уже все без исключения. Ашарх обернулся, чтобы полюбоваться спящим городом, пока спутники пытались привести в порядок сбившееся дыхание. Его ощущения в тот момент были сродни эмоциям, которые он испытал переходя Мавларский хребет: под ногами простирался целый мир, а профессор, подобно богу, свысока следил за жизнями сотен мельтешивших созданий. Задняя стена необъятной пещеры, расстояние до которой с вершины лестницы казалось непреодолимым, была полностью покрыта крупными рисунками и росписью. На безмятежный город смотрела Многоликая Мать в облике старухи, держа на руках маленького младенца. Вокруг исполинской фигуры располагались фрески и барельефы, изображавшие историю народа хетай-ра. Светящиеся грибницы и мох покрыли часть стены, скрыв под собой некоторые фрагменты, а у подножия этого монументального произведения искусства бурлила широкая беспокойная река, рядом с которой и начиналась лестница.

Верхняя площадка, как и говорила Лантея, венчалась полукруглым зданием дворца. Он оказался гораздо больше своего собрата из Третьего Бархана, а его центральная часть была украшена непрозрачным зонтичным куполом из

темного стекла, притягивавшим взгляд своей многогранной формой. Ровно подогнанные друг под друга блоки песчаника придавали стенам дворца вид внушительный и непрístupный, а усиливали это чувство плотные ряды колонн, выстроившихся однообразными шеренгами на всех ярусах, вплоть до самого купола. Узкие вытянутые окна встречались редко и были скорее декоративным элементом в полукруглых эркерах, то здесь, то там выступавших из плоскости фасада. Широкий трехарочный вход по обеим сторонам был обрамлен двумя массивными шелковыми полотнищами, спадавшими с самых верхних этажей: на темно-зеленом фоне золотистой нитью был вышит скорпион, замерший на лезвии ножа, и яд каплями стекал с кончика его хвоста вниз на стеклянное оружие. Это изображение ни с чем нельзя было спутать – ведь именно такая эмблема была символом Первого Бархана и величественного рода Офобат.

Возле порталов замерли одинаковые, как на подбор, воины с высокими глефами в руках: они образовывали две идеальные шеренги напротив друг друга. Недалеко от стражей, горделиво задранных головы, увенчанные шлемами с пышным плюмажем, стояла со скучающим видом невысокая полная женщина с длинным хвостом красных волос, спадавших почти до самых пят. У нее было пухлое бледное лицо, а на небольшом носу сидели аккуратные маленькие очки в костяной оправе.

Едва она заметила, кто направлялся ко дворцу, как сразу

же воскликнула:

– Мериона и Лантеялианна Анакорит!

На мгновение скука покинула глаза этой хетай-ра, она засунула руки в карманы своей пышной зеленой мантии, накинутой поверх строгого серого платья, и пружинящей походкой поспешила к гостям, на ходу продолжая говорить:

– Рада приветствовать вас в Первом Бархане! Ах... Как жаль, что такие печальные обстоятельства поспособствовали этой долгожданной встрече! Примите же мои глубочайшие соболезнования по поводу произошедшей трагедии...

– Не время, – грубо оборвала ее Мериона, едва они подошли вплотную друг к другу.

Она резким движением сбросила руку сестры со своего локтя и выпрямилась, приказным тоном обратившись к этой маленькой полноватой женщине, замершей в шаге перед ней:

– Парзуи, отведите нас к своей матери. Как можно скорее!

– Боюсь, что это совершенно невозможно, – холодно бросила Парзуи и окинула собеседницу внимательным взглядом поверх очков. – Матриарх Иамес сейчас никого не примет. Во дворце для вас уже выделена комната. Отдохните, поспите, приведите себя и свою одежду в порядок... А завтра вам непременно сообщат время аудиенции.

– Вы издеваетесь? – охрипшим от возмущения голосом спросила Мериона, тем не менее пытаясь пригладить встрепанные грязные волосы. – Это не терпит отлагательств! Целый Бархан разрушен! Мы должны немедленно поговорить

с Иамес! Чем таким важным она сейчас занята, что не способна обсудить судьбу погибшего города?!

– Матриарх изволит спать, – лаконично ответила Парзуи, в ее голосе прозвучали металлические нотки. – Нет ни одной причины, ради которой требовалось бы прерывать ее отдых. Третий Бархан в любом случае уже засыпан, больше ему ничего не грозит, поэтому все разговоры могут подождать до утра.

Мериона задохнулась от негодования, но весь ее гнев легко разбивался о непоколебимую стену спокойствия Парзуи. Рядом волновалась Лантея: ей тоже не нравился подобный исход событий, но Первый Бархан на то и был первым, что его власть довлела над всеми остальными городами и правительницами, поэтому им оставалось лишь покорно подчиняться.

– Если мы закончили этот разговор, то позвольте покинуть вас. Я бы тоже хотела поспать сегодня, – спустя пару мгновений напряженной тишины вновь заговорила Парзуи. – Вас проводят до ваших покоев. Добрых сновидений.

Женщина сдержанно улыбнулась и, не вынимая рук из карманов, неторопливо удалилась вглубь дворца. Из арки моментально материализовались двое прислужников, которые склонили головы в поклоне и попросили гостей следовать за ними. Однако новоприбывших повели вовсе не в центральную часть дворца, а в одно из крыльев здания, где был отдельный вход.

– Все очень плохо, – прошептал Манс только для ушей профессора, стоило им всем пройти внутрь слабоосвещенного холла и сразу же свернуть куда-то в сторону. – Нас ужасно приняли.

– Почему? – поинтересовался Ашарх, пока они в сопровождении немногословных слуг шли по длинной череде одинаковых коридоров.

– Мерионе отказали в ау..аду..ауенции...

– Аудиенции?

– Да. Хотя вопрос исключительно важный. Но самое оскорбительное другое.

– Они разместили нас в хозяйственной части дворца, – закончила за брата Лантея, замедлившись и поравнявшись с негромко беседовавшими мужчинами. – Поселить вместе с прачками и кухарками матриарха и ее сестру со свитой... Это плевок в лицо.

– Почему так произошло? – непонимающе прошептал Аш. – Может, это ошибка?

– Нет. Боюсь, что разведка Иамес все же успела хорошо поработать в Третьем Бархане и донесла до своего матриарха много интересных сведений о нраве и поведении моей старшей сестры, чего она так боялась. Теперь Иамес сделает все, чтобы капризная Мериона отказалась от трона, который та и так уже почти потеряла, или начала послушно плясать под ее дудку.

– Первый Бархан следит за остальными полисами, – объ-

яснил для преподавателя Манс. – Он главнее. Ему подчиняются все матриархи, и Иамес вполне может такое сделать.

– А что будет, если Мериону вынудят отказаться от престола? – спросил, внутренне напрягшись, Ашарх.

– Его должна буду занять я, – сказала Лантея и скривилась. – Но такого никогда не будет. Мериона ни за что не откажется от власти, ее слишком долго готовили к роли матриарха. Сестра или взбунтуется, или подчинится. Лично я ставлю на последнее.

– Неужели эта матриарх Иамес такая суровая женщина? – спросил профессор.

– Очень, – прошептал Манс, оглядываясь по сторонам. – Она уже много лет правит, слишком много... У нее четыре дочери. И каждая из них не просто готова в любой момент взять власть в свои руки, они все лучшая опора и защита для своей матери. Умные, хитрые... Они с матриархом способны не просто сместить Мериону, они могут легко ее уничтожить. И всю память о ней.

В этот момент провожатые остановились возле одной из комнат, которую, как оказалось, выделили под совместное проживание Лантее и Мерионе. Матриарх поджала губы, осознавая всю унижительность такого размещения, но спорить не стала: для этого у нее было слишком мало сил. Мужчин же отвели немного дальше по темному коридору с висевшими на стенах тусклыми фонарями. Им так же предоставили совместные покои, где две узенькие кровати зани-

мали едва ли не все свободное место. Ашарх даже подумал, что им специально выделили какой-то чулан, но, как показал осмотр, в комнате женщин едва ли было больше места. Только голые стены, грубые каменные лавки вдоль стен и кровати, на которых с трудом помещался один человек.

И после такого приема мало кто из их компании уже надеялся на то, что для выживших Третьего Бархана все действительно хорошо закончилось. Похоже, трудности только начинались.

Основное отличие дворца Первого Бархана от Третьего заключалось в том, что одна из его частей была полностью оборудована под несколько крупных купален. В круглых просторных залах без потолка, соединенных друг с другом узкими переходами, находились небольшие водопады, рвавшиеся наружу прямо из недр стен. В камне под ногами были высечены пологие ступени, ведущие к неглубоким чашам, вытесанным прямо в полу, которые постоянно наполнялись прохладной водой, переливавшейся через края. Как Лантея объяснила профессору, в этом городе не было горячих источников, поэтому простой народ мылся в реке, которая находилась у подножия полиса, а во дворце были собственные искусственные озера. За счет их небольшого размера хетай-ра могли нагреть песчаник, чтобы сделать воду теплой. Таким же образом они принимали и собственные ванны в отдельных будуарах, где все для этого было обустро-

ено. Для тех же, чьи комнаты во дворце не были оборудованы подобными удобствами, оставалось лишь посещать публичные купальни и отмокать в каменных чашах.

Лантея и Мериона первыми удалились для принятия водных процедур, исчезнув за ширмами женского зала, а Манс с Ашархом предпочли сначала утолить свой голод, терзавший их уже много дней. Поздний ужин матриарху и ее спутникам любезно принесли прямо в комнаты по первому же требованию, хотя после негостеприимной встречи Манс был уверен, что их должны были отправить есть в общую дворцовую столовую, где питалась прислуга. Увидев же тяжелые подносы, заставленные различными блюдами и напитками, юноша пришел в доброе расположение духа и уверил профессора, что это означало лишь одно – еще не все было потеряно: если бы Мерионе со свитой пришлось есть из общего котла за одним столом с простолюдинами, стало бы совершенно ясно, что Иамес не собиралась давать ей ни единого шанса и дальше занимать пост матриарха.

Невыразимое блаженство, которое охватило мужчин после мытья в теплой воде, бритья и сытного ужина, не оставило им ни шанса в борьбе со сном. Наконец они могли насладиться всеми этими простыми обыденными вещами, от которых уже успели отвыкнуть, позабыв хоть на время о падении Третьего Бархана, перенесенных трудностях в Диких тоннелях и туманности грядущего. Поэтому сон их был легким и сладким, каким он всегда бывает после нелегкого пу-

ти.

Утром приятелей разбудила Лантея, которая не столько желала порадовать спутников самолично украденным с дворцовой кухни завтраком, сколько сбежать от Мерионы. Матриарх, по словам девушки, половину ночи раздраженно ворочалась и била свою подушку в приступах злобы. Она отказалась обсуждать с сестрой тактику дальнейшего поведения, предпочитая в одиночестве гневаться на неподобающее к ней отношение во дворце. Лантее же не хотелось надоедать или выслушивать претензии, поэтому она решила тихо уйти, как только проснулась.

– Я боюсь, что Мериона теперь во всем обвинит тебя, сестра, – заговорил Манс, целеустремленно раскладывая на заправленной кровати все блюда и тарелки, принесенные девушкой с кухни. – Скажет, что ифириты напали на город из-за тебя. Чтобы она осталась чистой и Совет был на ее стороне.

Поверх шелкового покрывала легли прозрачные стеклянные блюдца с иссиня-черными яйцами, миски с маленькими сушеными рыбками, покрытыми белыми разводами соли, целая тарелка разваренных зеленых водорослей, от которых поднимался специфический кисловатый запах, и легкий десерт из запеченных с финиками плодов опунции. Пока профессор разливал по тонкостенным пиалам прохладный сладковатый напиток, напоминавший фруктовый взвар, Лантея уже придвинула к себе поближе одно из блюд.

– Так все и будет, – подтвердила она последние слова брата, подцепив изящными костяными щипчиками сушеную рыбу. – Для нее все это чрезвычайно выгодно, чтобы избавиться от лишней претендентки на престол и выставить себя невиновной перед Иамес. Если матриархи сочтут ее слова правдой, то меня могут просто казнить, предварительно обвинив во всех грехах. Единственная надежда на то, что Совет Пяти Барханов, как и всегда, будет длиться семнадцать дней, и, если ситуация обернется против меня, то я успею сбежать, пока они не огласят свой приговор... Думаю, уже через несколько дней станет ясно, нужно ли уходить из города или есть шансы оправдаться.

– И куда ты планируешь уйти? – удивленно спросил профессор, отрешенно откусывая половинку сваренного вкрутую черного яйца. – А как же все твои мечты по поводу просвещения хетай-ра? Или ты уже не хочешь прерывать изоляцию? Ведь тут такой шанс – можно уверить всех матриархов в том, что их народу уже давно пора показать жизнь за пределами пустынь Асвен.

– Ох, Аш... – неожиданно тяжело вздохнула Лантея. – Посмотри на всю эту ситуацию в общем... Город пал, погребя под собой тысячи жителей. Ифриты прознали о существовании хетай-ра, и больше для нас не будет спокойной жизни. Более того, имперцы еще и наверняка попытаются отомстить за свою уничтоженную армию. Ну а выжившие из Третьего Бархана своими глазами видели жестокость краснокожих чу-

жаков: теперь меня ни за что не станут слушать, сколько бы я ни говорила о том, как за пустынями все красиво и хорошо. Для хетай-ра теперь мир за пределами песков отнюдь не безопасен. И они еще долго будут помнить своих кровожадных убийц, уничтожающих все на своем пути сталью и огнем.

– Они ни за что не согласятся теперь выходить наружу из полисов, – согласился брат с сестрой, его лицо омрачилось. – Они напуганы.

– А совсем скоро они еще и разозлятся, – прошептала Лантея. – Ведь три тысячи лет никто не находил подземные города, а теперь мое возвращение с поверхности повлекло за собой последующее нападение. Боюсь, что народная злость может пасть на мою голову...

Ее губы задрожали, а глаза увлажнились. Видимо, девушку уже давно терзали эти невеселые мысли, но только теперь она рискнула поделиться ими со своими спутниками.

– Цель, к которой я так долго шла... канула в небытие раз и навсегда.

Профессор отставил тарелку в сторону и взял хетай-ра за плечи, разворачивая к себе.

– Послушай, – твердо сказал он. – Возьми себя в руки, Тея. Еще не все потеряно! Сейчас в любом случае следует дождаться этого Совета. Если разумные матриархи согласятся прислушаться к нашим словам, то мы сумеем доказать, что твоей вины во всем произошедшем не было. Думаю, эти правительницы не просто так занимают свои должности,

не так ли?.. Да и сейчас любой хетай-ра должен осознавать, что необходимо принять некоторые меры по защите городов, иначе начнется война. А как они смогут вести войну, если практически ничего не знают о мире за песками и его обитателях, а?

– Предлагаешь откупиться от Совета информацией? – вяло спросила Лантея, поднимая на спутника покрасневшие глаза.

– Именно, – уверенно произнес Ашарх, не отпуская плечи девушки. – Мы дадим им сведения о мире и общей политической ситуации, поможем выжить в начинающейся войне. И этим убьем сразу двух зайцев: станем ценными источниками знаний, наша смерть будет им невыгодна, и частично осуществим твою цель – донесем до матриархов мысль о необходимости снятия изоляционного купола с оставшихся Барханов. Чтобы получить помощь извне.

– А если они все же не прислушаются к нам? Что тогда, Аш?! – отчаянно спросила Лантея. – Ведь здесь тоже ведутся свои внутренние политические игры и строятся интриги, о которых мы понятия не имеем. Одно противостояние Иамес и Мерионы чего стоит... А мы просто мелкие рыбешки по сравнению с ними обеими.

– Тогда мы придумаем, как своими силами незаметно уйти из города. А после решим, куда податься, – сказал, как отрезал, профессор.

– Матриархи – мудрые матери Барханов, они передпочтут

узнать все, а не слепо гневаться, – твердо проговорил Манс и после некоторого молчания добавил: – А если все действительно будет так плохо, то мы уйдем. Все мы. Я непременно пойду с вами...

Юноша криво улыбнулся, пытаясь скрыть за усмешкой нахлынувшее на него волнение, однако, ярко-пунцовые щеки выдавали всю впечатлительность его натуры. Подобное заявление было для Манса настоящим признанием в верности своим приятелям, и в тот момент Лантея почувствовала необъяснимую легкость и благодарность к обоим своим спутникам, которые вернули шаткое равновесие в ее душу и дали толчок для дальнейшей борьбы. Ситуация с Барханами запутывалась как клубок шипящих змей, где любой неверный шаг или решение могли повлечь за собой смертельный укус, но теперь девушка была уверена, что ступает на этот путь не одна. Рядом с ней были те, кто могли в последнюю секунду отдернуть ее руку от ядовитых клыков матриархов.

Только ближе к полудню явилась посыльная прислужница, которая передала Мерионе и Лантее приглашение на вечернюю аудиенцию. Иамес игралась с терпением своих гостей как кошка с мышкой. Никто даже не сомневался, что матриарх могла принять сестер гораздо раньше, но она намеренно заставляла их ждать этой встречи как можно дольше, чтобы продемонстрировать всю непоколебимость своей власти. И если Лантея готовилась к аудиенции как к войне,

мысленно перебирая все свои аргументы, то Мериона только металась по маленькой комнате в бессильной злобе, крича на послушных прислужниц и расшвыривая вещи. Она действительно была не в том положении, чтобы диктовать свои правила игры: ее Бархан пал, не сумев сдержать нападение, погибла не только прошлый матриарх, но и сотни невинных. Частично в этом была вина именно наследницы, которая оказалась не готова к подобного рода происшествию, допустила, чтобы Гиселла и Бартелин остались в осажденном полисе, не принимала участия ни в обороне, ни в эвакуации и теперь еще имела наглость требовать что-то от Совета. Молить Иамес о помощи, защите и покровительстве – это было единственным, что оставалось делать Мерионе в подобной ситуации, а она не считала себя одной из тех женщин, которые легко склоняли головы.

Роскошный тронный зал, где матриарх согласилась принять гостей, имел необычное строение: он был круглым и полностью состоял из множества ступеней, все из которых вели наверх, к небольшой площадке посередине, где и располагался сам трон. Таким образом, просители находились гораздо ниже правительницы, что еще больше подчеркивало разницу в статусе.

Иамес невозмутимо восседала на своем престоле, выпрямив спину, задрвав подбородок и прикрыв глаза. Это была уже весьма пожилая женщина. Никто не знал точно, сколько ей было лет, но Лантея как-то слышала от матери, что

никак не меньше ста, и она явно собиралась побить все рекорды долгожительства в Барханах, преодолев порог в сто пятьдесят лет, поскольку следила за собой с необыкновенным усердием. Четверо ее дочерей уже давно вырастили своих собственных наследниц, а матриарх все стояла у власти. О ее требовательности ходили настоящие легенды, однако, все, кто посмели в чем-либо обвинять Иамес или перечить ее приказам, уже давно стали высушенными мумиями и покоились в Бесконечных тоннелях. Больше всего в своей жизни матриарх боялась потерять власть. Она привыкла держаться за нее клыками и когтями, уверенная, что вокруг не было ни одного хетай-ра, который не представлял бы для нее угрозу. Даже собственным дочерям она никогда не доверяла до конца, хотя и воспитала из них идеальных политиков и управленцев.

Вокруг трона замерли стражи, которые не сводили глаз с Мерионы и Лантеи, неторопливо поднимавшихся по многочисленным ступеням. Хоть сестры и раньше бывали в Первом Бархане, но примечательная любовь местных архитекторов к лестницам впервые так настойчиво обратила на себя их внимание. За престолом молча стояли четверо облаченных в зеленые мантии женщин, отдаленно напоминавших некоторыми чертами лица сидевшую перед ними правительницу. Сама Иамес была достаточно крупного телосложения, хотя это с трудом можно было разглядеть за складками ее объемного торжественного одеяния: алая мантия едва скрыва-

ла пышное платье, состоявшее из множества слоев ткани. Ее красные волосы были забраны в высокую сложную прическу, из-за которой морщинистая кожа на висках и лбу была так сильно натянута, что матриарх даже не могла двигать тонкими бровями. Навстречу своим гостям правительница не поднялась, она лишь сухо поприветствовала их официальной фразой, когда сестры преодолели высокий подъем:

– Я, матриарх Первого из пяти великих Барханов Иамес Золейна Офобат, приветствую вас, дочери Гиселлы Геркатен Анакорит. Зачем просили вы уделить вам время? Говорите.

– Матриарх Иамес, – обратилась к ней Мериона и склонила голову. – Мы лишь хотели переговорить с вами наедине, без излишней торжественности и церемоний.

– Если хетай-ра не будут соблюдать правила, столь бережно хранимые не одно тысячелетие нашими предками, то великие Барханы ждет упадок, – непререкаемым тоном заметила правительница, чьи сухие поджатые губы, казалось, никогда не ведали улыбки. – Говорите.

– Конечно, матриарх, – неожиданно покорно согласилась Мериона. – Мы желали обсудить с вами ужасное несчастье, которое произошло с Третьим Барханом. Вы, несомненно, уже в курсе всего?

– Да. Мне поведали о нападении, гибели города и смерти Гиселлы. Это большая трагедия, – без намека на сожаление в голосе ответила Иамес, впившись своими выцветшими серыми глазами в лицо собеседницы. – В мольбище Старухи

через два часа состоится служба в память о всех погибших. Насколько я знаю, ее проведут вместе два главных служителя – Мильвен со стороны Первого Бархана и Озахар, который прибыл с вами. Мы должны все хорошо помолиться за души тех, кого больше нет в этом мире. И почтить молитвой вашу покойную мать.

– Мы очень благодарны вам, – сказала Лантея, приложив к солнечному сплетению кулак в знак уважения. – Не только за назначенную службу, но и за остальную оказанную помощь.

– Позвольте спросить, оповестили ли вы других матриархов о необходимости досрочного проведения Совета Пяти Барханов? – перевела тему Мериона.

– Мои дочери отправили письма в остальные города, как только из Диких тоннелей прибыл ваш передовой отряд. Второй и Четвертый Барханы прислали скромные делегации, собранные в кратчайшие сроки. Они уже добрались сюда, по пути загнав до смерти всех сольпуг, на которых ехали. Сейчас правительницы отдыхают во дворце и ждут начала Совета, – поделилась информацией Иамес, а после с неудовольствием добавила: – К сожалению, матриарх Пятого Бархана еще не прибыла... Более того, из ее города нам так и не поступило ответного письма, так что нельзя быть уверенными в том, что почтовые орлы добрались до этого отдаленного полиса. А возможно, матриарх Васпия в своей обыкновенной манере забыла послать ответ.

– Получается, мы не сможем открыть заседание в ближай-

шее время? – помрачнела Мериона.

– Я предварительно назначила дату Совета на послезавтра. Если к этому времени Васпия так и не доберется до Бархана или от нее не поступит ответ, то мы начнем в ограниченном составе. От Пятого Бархана я допущу к Совету несколько высокородных хетай-ра, которые по счастливой случайности оказались в моем городе на дипломатических переговорах. Они не получают право голоса, а лишь выслушают и передадут Васпии все сведения... Надеюсь, за семнадцать дней, пока будет длиться Совет, матриарх все же сумеет сюда доехать.

– Прошу прощения, – негромко обратила на себя внимание Лантея. – Но для того, чтобы Совет Пяти Барханов состоялся, необходимо, чтобы прибыли все правительницы. Это противоречит правилам. Ни разу за все время существования этой традиции заседание не открывали, когда число матриархов было меньше пяти. В этот раз на нем будут обсуждаться темы, чрезвычайно важные для всех полисов хетай-ра... Потеря даже одного голоса критична!

– А когда на Совете обсуждали темы неважные? – холодно поинтересовалась Иамес. – Вы очень несдержанны, Лантеялианна. И, как выяснилось, плохо образованны... Парзуи! Протицируй дополнение к указу номер девяносто два матриарха Дэлеэстэны от 2237 года от основания Гиртариона.

– «В ситуациях, когда один или несколько матриархов отсутствуют на объединенном Совете Пяти Барханов, на их ме-

сто следует пригласить достойных представителей из тех же Барханов для документации заседания с последующей передачей информации в устной или письменной форме отсутствующим матриархам», – послушно и бойко зачитала по памяти третья дочь Иамес, без какой-либо надобности поправляя свои очки на пухлом носике.

Лантея зарделась от стыда: ее впервые так публично и грубо обвиняли в незнании каких-либо законов. Хотя девушка считала, что получила от матери и нянек достойное образование, но, как ни странно, именно это дополнение к указу она совершенно не помнила, будто его и не существовало. Судя по немного вытянувшемуся лицу Мерионы, она так же впервые слышала о подобном правиле, но заявлять об этом Иамес не решилась. Даже если матриарх сама выдумала подобный закон, то пытаться доказывать это было бессмысленно. Зная ее расчетливый ум, можно было догадаться, что все необходимые документы давно уже были аккуратно подделаны.

– Прошу прощения за мою юную неразумную сестру, – выдавила из себя Мериона, желая заполнить гнетущую тишину. – Несомненно, ваше решение проблемы единственно возможное и справедливое. Вы безгранично мудры, матриарх Иамес, и всегда действуете в соответствии с законами.

– Истинно так, – протянула властная старуха и приподняла уголки губ в слабой самодовольной улыбке, принимая похвалу. – Надеюсь, вы поняли, Лантеялианна, что такое хоро-

шее образование на примере моей дочери. Займитесь же им на досуге... А теперь ступайте обе. Вы меня очень утомили. Совет состоится послезавтра, с Васпией или без нее. Все остальные темы мы обсудим уже после открытия заседания. Идите, идите...

Иамес легко махнула кистью руки, покрытой пигментными пятнами и морщинами, и сестрам ничего не оставалось, кроме как склонить головы, вежливо попрощаться и направиться вниз по ступеням. Когда за их спинами громко захлопнулись массивные резные двери из темного стекла, то женщины недоуменно переглянулись, чувствуя нараставшее напряжение. Эта короткая аудиенция принесла с собой еще больше вопросов, чем было до нее.

На следующий день в городе началась ярмарка. Совет Пяти Барханов проходил редко, но обыкновенно к нему очень серьезно готовились: с караванами делегаций отправлялось множество торговцев, чтобы представить свои товары, купить чужие или же просто узнать последние новости и слухи. Пока мудрые матриархи семнадцать дней решали важнейшие политические вопросы, улицы Первого Бархана расцветали пышным букетом народных гуляний.

В этот раз Совет был вынужден созвать внеочередное заседание из-за событий, произошедших в Третьем Бархане, поэтому делегации собирались экстренно и прибывали в ограниченном составе. В город успели приехать лишь матри-

архи с семьями и советниками. Торговцам необходимо было перевозить товары, а для этого требовалось дополнительное время и свободные сольпуги с бородавочниками, поэтому прибытие купцов ожидалось никак не раньше чем через неделю. Однако ярмарка все равно началась согласно срокам, пусть пока что основными покупателями и были только сами жители Первого Бархана.

Конечно же, Ашарх из чистого любопытства не мог пропустить подобное зрелищное мероприятие, поэтому практически весь день вместе со своими приятелями провел в центре города, наслаждаясь духом гуляний. Он так хотел отвлечь Лантею от ее тягостных мыслей по поводу разлада со старшей сестрой и предстоявших дебатов с Советом, что буквально за руку потащил ее в центр полиса, надеясь задурманить девушке голову пьянящей атмосферой праздника. Не то, чтобы ему безоговорочно это удалось: Лантея хоть и улыбалась, хоть и вертела головой по сторонам, но в ее глазах читалось совсем иное – мысленно она была вовсе не на ярмарке. И это безмерно печалило не только профессора, но и Манса, которым гуляния пришлись по душе, пусть даже на смуглокожего чужеземца и обращали слишком пристальное внимание все кому не лень.

Зычными голосами зазывалы перекрикивали гомон толпы, приглашая насладиться представлениями маленьких уличных театров, торговцы и коробейники радовали разнообразием товаров. Повсюду слышалось пронзительное зву-

чание костяных флейт, которые были популярным музыкальным инструментом у хетай-ра. Вся центральная городская лестница с площадками, где и раскинулась ярмарка, была украшена разноцветными лентами из шелка, а от количества расставленных всюду фонарей со светляками рябило в глазах.

Запахи готовившейся уличной еды смешивались и разносились по всем ярусам города, проникая в дома и работая подчас лучше любых зазывал. Здесь на всех площадках пекли свежий хлеб с его привычным горьковатым вкусом, предлагали попробовать сладкую финиковую пасту или махали под носом у покупателей тонкими костяными шпажками, на которые были нанизаны поджаренные грибы, источавшие изумительный аромат. И хетай-ра, соблазнившись на вкусные запахи, покупали угощения, а после бродили туда-сюда по ярусам центральной городской лестницы, приглядываясь к выступлениям акробатов или слушая певцов, исполнявших свои незамысловатые куплеты под аккомпанемент пронзительных свирелей и обтянутых кожей тамтамов.

По ярмарке то и дело шныряли мелкие карманники и продавцы дурманящих разум зелий, для которых подобное мероприятие было объектом пристального внимания. За ними, словно гончие псы, вели охоту суровые стражи, которые, пожалуй, были единственными в толпе, кто не радовался ярмарке. Но, к сожалению, даже все эти меры предосторожности не спасли кошель Манса, который ему совершенно неза-

метно обрезами в толпе, тем самым лишив всю троицу большинства сбережений, которые пережили переход через Дикие тоннели, но не смогли уцелеть пару часов в гуще ярмарки Первого Бархана. Лантея же благоразумно отказалась тратить свои последние крупные монеты – семи – на пустые развлечения, поэтому ее спутникам пришлось довольствоваться бесплатными представлениями, которые надоели всем довольно быстро.

Мериона пойти с сестрой и ее приятелями на центральную лестницу отказалась. Она считала подобные ярмарки неподобающим развлечением для матриарха, тем более молодая женщина все еще пыталась решить вопрос с размещением: как она случайно узнала, делегации из Второго и Четвертого Барханов поселили в основной части дворца, что привело ее в настоящую ярость. Она долго и старательно пыталась убедить Парзуи в необходимости переселения, но на все попытки Мерионы третья дочь матриарха Иамес с непроницаемым скучающим лицом отвечала, что свободные комнаты имелись лишь в хозяйственном крыле.

В полдень следующего дня состоялось открытие вступительного заседания Совета Пяти Барханов. Не было никакого шумного музыкального сопровождения, торжественных ораторских выступлений перед народом или же пышного банкета: матриархи в скромном составе пожаловали к назначенному месту во дворце в нужное время и, отпустив

свою охрану, послушно следом за Иамес вошли в зал Совета. Ни излишнего пафоса, ни томительных речей и представлений, будто такое происходило каждый день. К предстоявшему собранию допускался далеко не каждый хетай-ра, поэтому Манс был вынужден остаться в комнате, а профессора Лантея сумела провести исключительно благодаря тому, что его представили как ценного свидетеля произошедших в Третьем Бархане событий, обладавшего важной информацией.

Заседание должно было проходить в специальном отдельном помещении, которое уже не одно тысячелетие служило исключительно для этой цели. Это был совершенно круглый зал под тем самым многогранным куполом из темного стекла, который было так хорошо видно снаружи дворца. Помещение было построено по типу амфитеатра: в центре находилась небольшая ровная площадка, где должен был стоять оратор, а по бокам почти до самого потолка поднимались широкие каменные ступени, укрытые шкурами и шелковыми тканями, заставленные фонариками и миниатюрными курительницами для благовоний. Наверху, на последних уступах, где в изобилие были разбросаны роскошные расшитые подушки, также стояли изящные кувшины и угощения, а по кругу царственно возлежали матриархи в лучших своих одеяниях, отделанных цветным стеклом, кружевом и вышивкой. Около них сидели остальные допущенные к заседанию члены делегаций, и нигде не было видно ни едино-

го прислужника или же воина, поскольку им не позволялось присутствовать на Совете. Это было собрание только для избранных хетай-ра.

Ашарх почувствовал себя очень неудобно, когда он следом за Лантеей и Мерионой впервые переступил порог круглого зала. На него сразу же устремилось множество вопросительных взглядов: как заметил профессор, в помещении не было ни одного мужчины. Его появление вызвало волну свистящих шепотов, мгновенно пронесшуюся по всему амфитеатру. Когда сестры заняли положенное их Бархану место на вершине ступенчатого подъема, все присутствовавшие в зале женщины без всякого стеснения стали пожирать чужака взглядами. У Аша сразу же усилилось ощущение, что он случайно оказался запертым в змеином гнезде, особенно после того, как массивные тяжелые двери захлопнулись, отсекая амфитеатр от всего остального дворца.

Матриархи, окруженные своими наследницами и советницами, лениво обмахивались веерами и опахалами, скользя взглядами по всей собравшейся публике. Позади их голов с каменных стен зала спадали изящными складками широкие полотнища с изображениями эмблем каждого Бархана и рода, символы на которых не менялись уже на протяжении двух с половиной тысяч лет: скорпион на лезвии ножа, там-там под знаком солнца, птица с пальмовой ветвью в лапах, пещерный шелкопряд над скрещенными бивнями и двухголовая черепаха.

Заседание началось лишь через полчаса, хотя все делегации давно были на местах и ожидали только вступительного слова Иамес. Матриарх Пятого Бархана Васпия так и не приехала. Ее заменили несколько высокородных хетай-ра, которым было позволено только слушать и записывать все, что должно было происходить на собрании. Лантею сильно огорчило это отсутствие: она была уверена, что без одного голоса ей будет труднее добиться справедливости, тем более что по воспоминаниям с прошлого Совета, Васпия была на редкость адекватной и разумной пожилой женщиной, хоть и с некоторыми странностями в поведении.

Когда Иамес, возлежавшая в своем необъятном красном платье на горе подушек, наконец вскинула руку, призывая собравшихся к молчанию, в круглом зале повисла благоговейная тишина:

– Я, матриарх Первого из пяти великих Барханов Иамес Золейна Офобат, приветствую вас, законные матриархи, дочери Многоликой Эван'Лин, на внеочередном Совете Пяти Барханов.

Мериона и Лантея, облаченные в торжественные одежды, которые им утром принесли по приказу одной из дочерей Иамес, казались хрупкими куклами, тонувшими в своих ярких многослойных платьях, искрившихся в тусклом свете стеклянными бусинами. Но даже несмотря на внешнее неудобство их пышных нарядов, держали они себя в них с поистине королевским величием. Обе они выжидающе на-

блюдали за матриархом Первого Бархана, плотно сжав губы. А вот профессор, устроившийся позади обеих сестер, старался вести себя как можно более незаметнее и лишь исподтишка следил за лицом Лантеи, пытаясь понять по ее реакции, о чем же говорила Иамес.

– Так пусть же сейчас начнется это заседание, и закончится оно лишь через семнадцать ночей, когда Многоликая Мать Эван’Лин семнадцать раз пройдет цикл смены обликов, – произнесла церемониальную фразу Иамес, звонко хлопнув в ладони. – С благословения богини я открываю сто двадцать шестой Совет Пяти Барханов 2560 года от основания Гиртариона!..

Остальные матриархи сдержанно поаплодировали, подтверждая, что слова правительницы Первого Бархана услышаны. Едва смолкли последние хлопки, Иамес вновь заговорила:

– Неприятные события, произошедшие в Третьем Бархане, стали причиной этого внепланового заседания, матриархи. Это важнейшая тема, которую Совету стоит обсудить в первую очередь, поскольку от нашего решения зависит судьба всех городов хетай-ра. В письмах, что я вам разослала, конечно же, было прискорбно мало информации, поскольку и я сама на тот момент почти ничего не знала. Поэтому я прошу матриарха Третьего Бархана Мериону Анакорит выступить перед Советом и в подробностях описать все произошедшее, чтобы ввести всех присутствующих в курс дела.

Прошу вас. – Иамес, не вставая с места, рукой указала на центр зала.

Мериона величественно кивнула, с прирожденной грацией медленно спустилась по ступеням и встала в центре площадки для ораторов. Она, как и ее мать всегда любила делать, сплела пальцы в замок на животе, спрятав их под длинными просторными рукавами своей зеленой торжественной мантии, застегнутой под горлом фибулой в виде змеи, и, выждав непродолжительную томительную паузу, начала свой рассказ:

– Благодарю за предоставленное слово, – громко произнесла Мериона и слегка прикрыла глаза. – Думаю, в первую очередь мне стоит сообщить Совету, что вся эта трагическая история, к сожалению, напрямую связана с моей сестрой Лантеялианной... Два года назад она сбежала из города в одиночку. Никто не был в курсе ее планов, иначе, я уверяю вас, матриархи, я или моя мать непременно бы ее остановили. Лантея покинула пределы пустынь, пересекла горы, за которыми, как она утверждает, оказалась цивилизация расы, не уступающей в развитии нашей. Сестра вернулась в Бархан не больше месяца назад, приведя с собой чужака, мужчину. Сейчас он сидит рядом с ней.

Взгляды всех присутствующих мгновенно устремились на Ашарха. Профессор не понял ни слова из речи Мерионы, но по бледному лицу Лантеи и любопытству в глазах окружающих догадался, что старшая сестра говорила нечто обвини-

тельное и весьма неприятное.

– По возвращении она пыталась распространить в городе вздорные идеи о том, что нашему народу необходимо покинуть Барханы и подняться на поверхность, чтобы наладить контакт с иными странами и основать дружественные поселения, – неумолимо продолжала говорить Мериона, пока по залу разносился шепот удивления. – Очевидно, что мудрый отказ бывшего матриарха Гиселлы оскорбил Лантею, поскольку через несколько дней на Бархан было совершено нападение. Краснокожие четырехрукие существа, умеющие создавать магический огонь, разбили стеклянный купол и уничтожили город, вырезав всех защитников... Моя мать погибла, самоотверженно исполняя свой долг по обороне Бархана!.. Часть населения же успела эвакуироваться в Дикие тоннели. После сигнала из рога матриарха город, как и положено, засыпали...

Последние слова Мериона проговорила с трудом, сглатывая подступавший к горлу комок. Все присутствовавшие в круглом зале ошеломленно вздыхали и обменивались изумленными взглядами. Со своего места поднялась матриарх Второго Бархана. Это была тучная немолодая женщина с дряблыми обвисшими щеками и крупным ртом. Часть ее волос, окрашенных соком цветка пустыни, была забрана в высокую сложную прическу из мелких косичек, а другая часть свободно спадала до середины спины. Она уперла в бока руки, до самых локтей увешанные широкими костяными брас-

летами, и выпятила неохватную грудь.

– То есть вы хотите сказать, что ваша сестра Лантеялианна намеренно привела по своему следу этих краснокожих существ? Я все верно услышала?

– Именно так, матриарх Адаччири, – подтвердила Мериона. – Вход в город многие тысячелетия оставался тайным, его невозможно было найти случайно. Только живущий в Бархане хетай-ра мог раскрыть местонахождение купола. А это значит, что моя сестра, расстроенная отказом, решила силой захватить власть в полисе, перед этим заключив союз с нападавшими. И только благодаря смелости моей матери и храбрости защитников, нам удалось спасти часть жителей и погresti под песком город вместе с чужаками!

Больше всего Лантею поразило именно то, как уверенно Мериона представляла на суд Совета свою вымышленную теорию, которую она, судя по всему, уже давно тщательно продумала. И, кажется, ей начинали верить, потому что матриарх Адаччири смерила Лантею таким презрительным и уничижительным взглядом, что девушка невольно поморщилась. Тем не менее нашлись и те, кто принял сторону сестры Мерионы: со своего места поднялась еще совсем молодая женщина с открытым лицом и по-детски оттопыренными ушами. Ее волосы были заплетены широкой косой вокруг лба, подобно ободу, а длинная зеленая тога путалась в ногах. Это была юная матриарх Четвертого Бархана Сигрида, которая только недавно достигла совершеннолетия и заняла пре-

стол, отказавшись от своего регента. Она была не искушена дворцовыми интригами, а налет неопытности не позволял ей виртуозно лгать или лицемерить. Поговаривали, что именно матриарх Иамес была причастна к полному уничтожению рода Сацгиан, который и возглавляла теперь единственная выжившая в кровавой бойне Сигрида, но эти домыслы хетай-ра во всех пяти Барханах весьма побаивались озвучивать вслух.

– Пойдите... Но если вы говорите, что Лантеялианна имела договоренность с нападавшими, то почему мужчина, которого она привела, совсем не похож на них? Вы утверждаете, что они имели красного цвета кожу и четыре руки, а этот мужчина похож на хетай-ра, только он темноват, – неуверенно сказала Сигрида, указывая рукой на профессора, терзавшего кисточку подушки.

– Он не хетай-ра, – вмешалась в беседу Лантея. – Он человек.

– Вам не давали слово! – мгновенно вспыхнула Иамес, приподнимаясь на локтях со своего ложа. – Сейчас разговаривают матриархи, когда мы захотим узнать ваше мнение, Лантеялианна, то спросим напрямую!.. Просто поразительно, как вы невоспитанны!

– Человек... – протянула Сигрида. – А нападавшие тоже были ими?

– Нет. Это были ифриты, раса воинов из империи Ис, расположенной на северо-востоке от пустынь, – невзирая на

недовольный взгляд Иамес, ответила Лантея.

– Все это ничуть не проясняет ситуацию, – зычным голосом воскликнула Адаччири, нетерпеливым движением рук отгоняя от себя собственных советниц, которые назойливыми мухами вились вокруг нее и пытались что-то нашептать. – Нам придется выслушать и другую сторону. Если уж сложилась такая ситуация, что сестра обвиняет сестру, то необходимо узнать мнение каждой по поводу произошедшего. Что скажете, Иамес?

– Вынуждена согласиться с вами, – ответила матриарх Первого Бархана, потирая длинными пальцами с ухоженными ногтями свои виски. – Лантеялианна, выйдите в центр.

Мериона с досадой искривила губы, скрещивая руки на груди и пододвигаясь, освободив ораторское место для младшей сестры. Лантея спустилась к площадке, поманив за собой и Ашарха. С вершины амфитеатра за происходившим жадно наблюдали все присутствовавшие: кто-то с любопытством ожидал словесной дуэли, другие же напряженно хмурили брови.

– Я благодарю Совет Пяти Барханов за предоставленную честь выступить на этом заседании, – угрюмо начала девушка, высоко задрав свой маленький круглый подбородок и бесстрастно изучая купол из темного стекла. – Некоторые факты, озвученные матриархом Мерионой, являются чистой правдой, однако, также есть моменты, которые она осветила достаточно скупо или и вовсе избежала их. Я

бы хотела прояснить их подробнее... Начать, действительно, следует с того, что я самолично покинула Третий Бархан два года назад, последовав по стопам своей тети Чият, родной сестры Гиселлы. Она давно ушла из города и поселилась в стране людей, изучая их традиции и нравы, постигая историю рас, которые в своем культурном и экономическом развитии ничуть не уступают хетай-ра.

Свистящий шепот мгновенно облетел зал заседаний, но сразу же стих, как только Иамес подняла вверх ладонь, призывая собравшихся к молчанию. Лантея улыбнулась про себя: даже несмотря на напряженную ситуацию, в которой она оказалась, информация о мире на поверхности наконец нашла своих слушателей. Это можно было считать маленькой победой в битве, хотя остальная война уже давно казалась ей проигранной.

– Я прожила с ней какое-то время, изучив язык людей и их быт, даже совершив небольшое путешествие. Но, как истинной дочери своего народа, мне хотелось донести эти знания до Барханов, чтобы рассказать хетай-ра о лучшей жизни. Осознавая, что подобного рода сведения могут быть приняты с недоверием, я пригласила с собой ученого мужчину-профессора, который милостиво согласился поделиться собственными познаниями о мире с моим народом. Как видите, внешне он отличается от нас: его волосы темны, кожа смугла, и он не способен подчинить себе песок. Ему неведом наш язык, он верует в другого бога, но не желает зла нашему

миру... Однако дома меня встретили враждебно, несколько раз подвергнув опасности не только мою жизнь, но также и жизнь моего родного брата и этого ни в чем неповинного человека.

– О какой опасности вы говорите? – решительно прервала рассказ Лантеи сосредоточенная Иамес.

– Исключительно благодаря милости Эван'Лин удалось остановить тхаги, который совершил покушение на брата Манса и профессора во дворце матриарха. На следующий же день была предпринята попытка отравления, которая опять же по чистой случайности закончилась ничем... Но отдельное внимание Совета я прошу обратить на тот факт, что последнее покушение на меня было совершено в Диких тоннелях во время прохождения второго из испытаний совершеннолетия, – безжалостно закончила Лантея, чувствуя поднимавшееся в глубинах ее души волнение.

– Какое святотатство! – воскликнула Адаччири, рывком поднимаясь со своего места.

– Бласфемия, – недовольно поморщившись, прошептала Иамес. – Опорочить ритуал общения с богиней чужой кровью... Это невысказано!.. Если вы, конечно же, говорите правду. В чем я не могу быть уверена без доказательств. Да и кто вообще мог посметь совершить такое?

– Моя сестра Мериона, – холодно и непоколебимо ответила Лантея, глядя прямо в удивленно распахнутые глаза матриарха Первого Бархана.

– Ложь! – яростно выкрикнула Мериона, сжимая кулаки.

– Невозможно... – потрясенно проговорила Адаччири. –

Это нелепо звучит.

– Вы должны обладать неопровержимыми доказательствами, чтобы говорить такое, – на удивление спокойно и серьезно сказала Иамес, неторопливо принимая сидячее положение.

– Вам не кажется, что эта фраза применима не только ко мне? – поинтересовалась Лантея. – Да, я напрямую обвиняю мою сестру и отца во всех совершенных покушениях. Хотя Бартелина уже осудила богиня, упокоив его грешную душу. Мериона изначально была настроена против меня, она опасалась, что информация с поверхности подточит власть матриарха, поэтому решила на убийство. Все подосланные воины подчинялись напрямую моему отцу, а признание сестры я случайно подслушала. Никаких свидетелей и улик у меня нет. Точно так же, как их нет и у Мерионы, которая смеет обвинять меня в предварительном сговоре с нападшими на Бархан ифритами... Я ничуть не меньше нее желаю своему народу добра. И никогда, я повторюсь, никогда... не стала бы жертвовать тысячами жизней ради власти, захваченной силой.

В зале надолго воцарилось необыкновенное молчание. Лантея пыталась успокоить колотившееся в груди сердце и лопатками ощущала негодующий взгляд сестры, которым та прожигала свою родственницу насквозь. Теперь можно бы-

ло с уверенностью сказать, что ни о каких хороших отношениях с Мерионой больше не стоило и мечтать. Родственные связи, годами держащиеся на лицемерии и приличиях, всегда имеют обыкновение рваться легко и быстро, как паутина, но неизменно оставляют после себя ноющие глубокие раны.

Вот и сейчас Лантея ощущала в груди тупую боль, но даже не собиралась останавливаться.

– Мериона, что вы можете сказать в свое оправдание? – наконец негромко произнесла Иамес, начав медленно и осторожно спускаться вниз по ступеням амфитеатра. Она опиралась на резную костяную трость, которую никто почему-то раньше не заметил. За матерью послушно следовали все четыре дочери, которые не проронили ни слова с момента начала заседания.

– Я невиновна. Все эти обвинения беспочвенны и нелепы, – хрипло ответила Мериона. – Я прошу Совет проявить мудрость и наказать настоящую преступницу – мою сестру. Ее необходимо казнить вместе с остальными заговорщиками, которые поспособствовали падению Третьего Бархана. Это мой младший брат Манс, открыто поддерживавший Лантеялианну, и чужак, пришедший из-за гор.

– Как можете вы так бессердечно желать смерти своей семье? – неожиданно прозвучал звонкий голос Сигриды, чье молодое лицо горело от возбужденного румянца. – Ведь кроме них у вас никого не осталось, Мериона. Ваши мать и отец погибли... А вина сестры не доказана! К чему эти обвинения

и прошения о казни?

– Я лишь жажду справедливости, – твердо ответила Мериона, вскинув голову, а на ее горле затрепетала жилка.

– Лантеялианна, – обратилась к скорбно молчавшей девушке Иамес, которая уже спустилась на площадку круглого зала. – А что вы можете нам ответить в свое оправдание?

– Город погиб потому, что его многие столетия искали ифритские императоры, жаждавшие прикоснуться к тайнам песчаных магов. Наша раса легендарна для остального мира. И почтовые орлы с древними сардобами выдали местонахождение Третьего Бархана... Даже если меня казнят по этому ложному обвинению, то опасность для других полисов никуда не исчезнет! Это угроза войны... А я лишь хочу помочь своему народу, обеспечить его безопасность и дать надежду на светлое безбедное будущее, – опустив глаза к полу, твердо проговорила Лантея. – Но если препятствовать прогрессу и отрицать очевидные вещи, чиня преграды всякому, осмелившемуся открыть рот, то вся цивилизация хетай-ра будет обречена на скорейшее исчезновение. Я этого не хочу, а потому считаю необходимым по закону наказать того, кто воспользовался своим положением ради личной выгоды, поставив под угрозу чужие жизни. Я прошу Совет выбрать соразмерное наказание для моей сестры.

– Тяжелая ситуация, с которой мы столкнулись, требует размышлений, – подвела итог услышанному Иамес, совсем близко подходя к обеим сестрам и тяжело опираясь на

тлость. – Подобные решения не выносятся за пару минут, поэтому я считаю необходимым на сегодня приостановить заседание. Мы продолжим завтра, когда страсти и эмоции успокоятся, а в ваши головы вернутся здравые мысли. Совет обдумает ваши аргументы и обвинения. Все могут быть свободны... Ах... Как же я устала...

Последние слова Иамес еле слышно прошептала себе под нос, уже направляясь к дверям. Остальные матриархи со свитами тоже неторопливо засобирались, спускаясь по ступеням. Мериона не отрываясь смотрела прямо в глаза своей сестре, застыв от нее всего в метре. Казалось, что воздух между обеими женщинами вот-вот заискрится от напряжения и ярости, кипевшей в их крови.

– Значит, ты все знала про покушения? – едва двигая губами, прошептала матриарх Третьего Бархана, предназначая эти слова только для ушей своей сестры. – Почему не отомстила мне? Ничего не сказала раньше? Зачем решила открыть это только сейчас?

– Потому что я тоже просто жажду справедливости, – выдохнула Лантея в лицо Мерионе и, развернувшись, быстро вышла из зала, уводя за собой профессора.

Нервничавший и стучавший бусинами своих четок Манс ждал приятелей за ближайшим углом, как оказалось, с самого начала заседания. Он вынырнул из полумрака, будто бесплотный дух, стоило Лантее и Ашарху показаться в дверном

проеме зала для заседаний.

– Как все прошло? Мериона тебя обвинила? Что Иамес сказала по поводу нападения?.. – зачистил юноша, вцепившись пальцами в рукав парадного одеяния сестры. Его острый кадык ходил под кожей от возбуждения, точно костяной гребень.

– Остановись, прошу, – слабо морщась, попросила девушка. – Все прошло не очень хорошо.

– Действительно? – удивился Ашарх, для которого все разговоры во время заседания так и остались тайной, и теперь он был едва ли лучше проинформирован, чем Манс.

– Нам срочно нужно обдумать, как незаметно можно выбраться из города, – бросила Лантея.

– Пойдемте в комнату, там будет спокойнее, – предложил профессор.

Лантея кивнула, поддерживая своего спутника. В коридорах дворца действительно ходило множество посторонних: мелькали не допущенные на Совет члены делегаций из других полисов и всюду бродила прислуга и дворцовая стража, следя за порядком. По пути к хозяйственному крылу девушка пересказала все, что произошло на заседании, не скрыв и эпизод с подслушанным в Диких тоннелях разговором Мерионы и Манса. Лицо брата практически сразу же омрачилось, но в остальном хетай-ра даже не подал виду, как серьезного его взволновала эта новость.

– Я не ожидал, что Мериона так себя поведет на заседа-

нии, – с грустью в голосе признался юноша.

– Мне кажется, это было вполне в ее духе, особенно учитывая, что все покушения готовила именно она, – не согласился профессор, завешивая занавесь, как только вся троица оказалась в узкой комнате, выделенной Ашу и Мансу. – Если она по натуре такая, то ничего уже не изменить. В конце концов, Лантея же морально готовилась к обвинениям на Совете. Правда ведь?

По лицу девушки скользнула тень.

– Все равно было досадно, – прошептала она. – Мериона была так зла, словно с самого моего рождения мечтала только о том, как бы казнить меня. Раньше я не замечала в ее характере этой свирепости...

– В любом случае, как ты правильно сказала, ни у нее, ни у тебя нет никаких доказательств. Если в Совете сидят адекватные правительницы, то тебя не осудят, – уверил преподаватель.

– Им придется кого-то осудить, – с сожалением констатировал Манс, садясь на край своей кровати.

– Да, я тоже так считаю, – поддержала брата Лантея и присела рядом. – Завтра Совет вынесет вердикт. Всего три голоса, из которых лишь Сигрида выглядит единственной, кто может встать на мою сторону. Матриарх Второго Бархана Адаччири, как мне кажется, сама еще не определилась. Обыкновенно она придерживается нейтралитета или отмахивается законами или дополнительными расследованиями,

а вот Иамес настроена против. И, что самое ужасное, против нас обеих. Это чувствуется. Я не верю в то, что осудят одну Мериону, это было бы слишком просто. Поэтому мы должны подготовиться к побегу.

– Если завтра тебе вынесут обвинения, то из зала уже не выпустят, – осторожно проговорил Ашарх, начиная по старой привычке нервно щелкать суставами пальцев.

– Я все же не простая хетай-ра, – неожиданно хитро улыбнулась Лантея, отчего ее льдисто-голубые глаза на мгновение ярко вспыхнули внутренним огнем. – Я сестра матриарха, таких не запирают в тюрьмах. Соответственно статусу меня, скорее всего, разместят в отдельных покоях. И вряд ли поведут туда под конвоем. Это слишком оскорбительно для члена правящей семьи. Поэтому у меня будет шанс сбежать, но действовать нам всем придется очень быстро.

Всю оставшуюся половину дня приятели провели в сборах и подготовке к побегу. Они заранее договорились о месте, где решено было встретиться после заседания, если бы все пошло по худшему сценарию. Немногочисленные вещи, которые пережили эвакуацию и почти двухнедельное скитание по Диким тоннелям, уместились на самом дне сумок. А остальное свободное пространство заполнили едой и одеялами.

Из Первого Бархана вело несколько путей, но троица намеревалась подняться наверх, в пустыни Асвен. Половина оставшихся у Лантеи стеклянных монет ушла на подкуп

неблагонадежного вида торговцев, в изобилии гулявших с коробами по ярмарке. Они поделились информацией о том, что на поверхность можно было попасть двумя дорогами: с помощью узкой винтовой лестницы в одном из прилегавших к основной пещере залов, которой пользовались пешие путники, или же через длинный крытый серпантин, начинавшийся у самой реки и открытый для торговцев и караванов с поклажей. Второй выход охранялся слабее, поскольку не считался главным и заканчивался в сложной сети пещер уже на поверхности, где в изобилии гнездились сольпуги. Именно через него спутники в итоге и решили бежать.

И только когда все уже было подготовлено и оговорено, а Ашарх отлучился перед сном в купальни, Манс наконец затронул тему, которая терзала его большую часть дня. Теперь, оставшись с сестрой наедине в комнате, он впервые решился спросить у нее кое-что действительно важное для него:

– Теперь ты меня презираешь?

– А я должна? – Лантея, присев на край кровати, окинула юношу задумчивым взглядом.

– Если ты все слышала в тоннелях, то знаешь, что Мериона и отец пытались манипулировать мной с самого начала, чтобы навязать тебе в няньки. Они очень рассчитывали, что я стану покорно выполнять их требования и следить за тобой, визнавая планы...

– Но ведь ты отверг их предложение.

– Да. Я изначально не поверил, что Мериона способна

так поступить со своей сестрой, и что отец оказывал на нее слишком сильное давление. И в этом была моя главная ошибка, – Манс встал напротив Лантеи. Плечи его были опущены, а лоб наморщен.

– Мы оба недооценили мою сестру. Я была уверена, что именно мать виновна во всех покушениях. Ты не посчитал заявление Мерионы и Бартелина достаточно серьезным. И вот к чему все это привело.

– Сестра, я клянусь тебе Многоликой Матерью, что никогда бы не поднял на тебя или Аша руку! – горячо воскликнул юноша. – Когда начались покушения, то я был вне себя от ярости на Мериону и отца!..

– Но тем не менее ты ничего не раскрыл мне. – Лантея подняла на брата глаза, и в них читалась строгость.

– Да, я...

– Мы пытались выяснить, кто за всем этим стоял, а ты знал с самого начала, но предпочел промолчать.

Манс весь побледнел, но, к своей чести, даже не подумал возразить словам сестры. Он подобрался и в тот же миг упал на колени перед Лантеей, покорно склонив голову.

– Я предал твое доверие. Потому что боялся твоего гнева. Боялся, что ты не поверишь моим словам и в действительности сочтешь меня посланцем Мерионы, – произнес юноша. – И я решил молчать до конца. В слепой надежде, что правда никогда не всплывет на поверхность...

– Она могла убить меня, могла лишить жизни профессора

или тебя. И, если бы не счастливая случайность, то ей бы все это удалось, – сказала девушка тихо и вкрадчиво. – А стоило тебе хотя бы намекнуть, кто мешал моим планам, и все ведь могло бы пойти по совершенно иному пути.

– Я виноват. Я осознаю это в полной мере... Не медли, сестра. Исполни то, что должна. Верни мой клинок в мое же сердце, предавшее тебя...

Манс поднял голову, выпятив грудь вперед. На лице его была высечена покорность и глубокая печаль. Лишь мелко подрагивавшие пальцы, лежавшие на коленях, выдавали его настоящий страх перед смертью.

Но Лантея медлила. Она вытащила из ножен стеклянный нож брата, провела ногтем по иероглифической вязи с его именем, и только потом поднесла зеленоватое лезвие к лицу Манса.

– Тогда ты настоял на обычае Верности на клинке, хотя я и была против, – заговорила девушка. – Теперь ты вновь требуешь от меня исполнения всех условий обряда. Но уж позволь мне самой решать, что считать предательством, карой за которое послужит смерть от моей руки.

Она одним легким движением вернула оружие в ножны на своем поясе и поднялась с кровати, отойдя к выходу из комнаты. Юноша так и остался неподвижно сидеть на полу, но в его взгляде читалась растерянность. И лишь когда Лантея уже намеревалась выйти в коридор, Манс окликнул ее:

– Постой, сестра!.. Ты что, пожалела меня? Это непра-

вильно!

– Я понимаю, почему ты тогда поступил именно так, и никак иначе. – Девушка замерла на пороге. – И предательством это не считаю. Ты много раз уже доказывал свою верность, рискуя ради защиты Ашарха своей жизнью и помогая мне. Это куда важнее, чем все твои пафосные клятвы и патетические речи, брат. Надеюсь, ты и сам поймешь это однажды.

Она шагнула в коридор, оставляя Манса в одиночестве сидеть на полу тесной комнаты.

В полдень следующего дня заседание Совета Пяти Барханов торжественно продолжилось, вновь собрав под темным куполом всех правительниц и их свиты. Лантея отправилась в амфитеатр лишь в сопровождении сестры, оставив профессора с братом гулять во дворце, что несказанно порадовало Мериону, пусть она никак и не выдала свое ликование. Состав заседания не изменился: матриарх Васпия так и не прибыла, и место Пятого Бархана вновь занимали лишь две знатные хетай-ра.

Как только разряженные в богатые наряды правительницы в который раз величественно поднялись на свои места, с комфортом устроившись на мягких лежанках и подушках, Иамес, решив не тратить время впустую, сразу же негромко прокашлялась и первой взяла слово:

– Я открываю второй день заседания Совета Пяти Барханов. Уповаю, что Многоликая богиня внимает нам и подска-

жет мудрые решения, ибо сегодня нам следует определить дальнейшую судьбу дочерей Гиселлы Анакорит.

– Матриарх Иамес, – Адаччири почти сразу же неучтиво вмешалась в поток размеренной речи, лениво поднимая над головой свою пухлую руку. – Прежде чем вынести вердикт, я думаю, мы все должны еще раз выслушать сестер. За ночь они могли изменить свое мнение касательно друг друга. Что если на них повлияло вчерашнее заседание?.. Да и, в конце концов, я сама еще не выяснила для себя, кто же здесь прав, а кто виноват. Вы не возражаете?

– Вашим манерам можно только ужаснуться, – с тяжелым вздохом негромко посетовала Иамес. – Но я не возражаю, пусть сестры спустятся и...

В этот момент тяжелые двери круглого зала со стуком распахнулись, заставив всех присутствующих вздрогнуть, и на пороге ко всеобщему удивлению появилась сухая высокая старуха в дорожном пыльном плаще и с всклокоченными белыми волосами, торчавшими над ее головой пушистым облаком. Желтоватого оттенка кожа обтягивала ее лицо, делая из него пугающую маску, а правый глаз необычной гостьи заплыл мутным бельмом. Она быстро окинула взглядом амфитеатр, усмехнулась, демонстрируя кривоватые зубы, и решительно направилась к центру зала, по пути деловито снимая с рук в ключья изорванные митенки.

– Матриарх Пятого Бархана Васпия Фуйима, – протянула Иамес, и по ее тону трудно было сказать, действительно ли

она была рада приезду этой древней старухи. – Хорошо ли вы добрались?

– Мы скакали на сольпугах без остановок последние несколько суток, Иамес. Как ты думаешь, хорошо ли я добралась?.. – раздраженно прошипела Васпия. – Мне сто тридцать два года, Иамес! Я уже не могу как молодая орлица пересекать пустыни легко и непринужденно!

– Прошу вас, соблюдайте правила вежливости! – скрипнула зубами матриарх Первого Бархана, не сводя взгляд с Васпии, пока та поднималась к своему месту. – Я сожалею, что вам пришлось пережить подобные неудобства, но нас здесь собрал вопрос государственной важности.

– Иамес, поверь мне, я еще достаточно вежлива с тобой. Я знала твою мать, вот с кем хотелось уважительно общаться, а тебе я во младенчестве сопли подтирала, так что не повышай на меня голос! – резко ответила Васпия. – Надеюсь, меня, наконец, полноценно введут в курс дела? Тот клочок пергамента, что пришел от тебя, прояснял чуть больше, чем ничего. Мои сыновья даже вначале были против этой поездки, поскольку все слишком сумбурно и неясно!

– Вы приехали с сыновьями? – поинтересовалась Иамес, с трудом проглотив обиду.

– Со мной приехали только младшие. Пятерых старших пришлось оставить в городе. Ты и сама не хуже меня понимаешь, что мой Бархан находится слишком далеко от центра пустынь, чтобы я могла так надолго покидать свой дворец

вместе со всеми сыновьями.

Васпия элегантно сдернула со своих плеч дорожный плащ и опустилась на гору подушек, с облегчением вытянув худощавые ноги.

– Да, конечно... Что ж! Присоединяйтесь к нашему обсуждению как можно скорее, – нетерпеливо добавила Иамес. – Думаю, послы из вашего Бархана, присутствовавшие вчера на заседании, любезно перескажут вам произошедшее.

К Васпии мгновенно подсели две высокопоставленные хетай-ра, которые принялись с обеих сторон нашептывать правительнице обо всем, что обсуждалось на Совете во время ее отсутствия. Старуха, прикрыв глаза, внимательно слушала.

Это была пожилая женщина исключительной силы воли. Она достаточно много повидала в жизни, чтобы спокойно заставить замолчать любого собеседника. Васпия вызывала невольное уважение у каждого, кто общался с ней хоть раз, пусть даже манеры ее иногда пугали. За мать всегда были готовы заступиться одиннадцать ее сыновей: так получилось, что за свою долгую жизнь матриарх не родила ни одной наследницы. Лантея не была знакома лично с этой старухой, но слышала о ней достаточно. Ее присутствие на Совете давало девушке шанс на благоприятный исход, так как Васпия была исключительно проницательна и бесстрашна – она не боялась перечить Иамес.

– Итак... Пока матриарх Пятого Бархана узнает последние новости, я думаю, мы можем предоставить слово Ланте-

ялианне и Мерионе Анакорит, – обратилась к присутствующим Иамес.

– Мне кажется, сестрам также не помешало бы высказать предлагаемые методы урегулирования этой неожиданно возникшей военной проблемы, – звонко предложила юная Сигрида, пока женщины спускались к площадке. – Если, по словам Лантеялианны, данная ситуация ставит под угрозу все подземные города, то именно эти двое очевидцев должны поделиться опытом, чтобы другие матриархи могли обеспечить достойной защитой свои полисы.

– Для начала, хотелось бы знать наверняка, действительно ли существует угроза войны, о которой упоминала Лантея Анакорит, – вмешалась Адаччири. – Насколько мне известно, политика нашего народа всегда сводилась к невмешательству. Мы ни с кем не вступали в союзы, ни с кем не развязывали войн. И нам удалось добиться того, что о пустынном народе все позабыли!..

– Я бы хотела ознакомить вас с некоторыми документами, – громогласно заговорила Иамес, что заставило обернуться в ее сторону всех присутствующих. – Моя дочь Велондия нашла кое-что.

Из-за спины матери под перекрестные взгляды матриархов и их советниц вышла рослая немолодая женщина с круглым лицом и широкими кустистыми бровями. На голове у нее красовался пурпурного цвета пышный тюрбан, завернутый хитрыми узлами. В руках Велондия осторожно держала

стопку перевязанного пергамента, который выглядел очень древним.

– После вчерашнего заседания по просьбе матриарха Иамес я изучила некоторые материалы в библиотеке Первого Бархана. В закрытой секции со старейшими историческими книгами мне удалось найти записи воспоминаний жителей Гиртариона. Среди прочего в них несколько раз упоминается то, что до основания города-колыбели хетай-ра проживали на поверхности и активно контактировали с неким народом альвов, занимавшим восточные земли пустынь. У нас с ними был заключен Андаритский пакт, нацеленный на социально-экономическое сотрудничество. Этот документ, к счастью, сохранился... После того, как наш народ ушел под пески, все связи с этой расой прекратились, хоть пакт и не был расторгнут, насколько мне удалось выяснить. Это все. Желющие могут ознакомиться с этими материалами.

– Благодарю тебя, Велондия, – сказала Иамес и приняла сидячее положение.

Ее дочь кивнула и передала древние свитки в руки подоспевших советников, которые отнесли их сначала к матриарху Адаччири, после к Сигриде и Васпии, и, наконец, пергамент достиг Лантеи с Мерионой, стоявших на круглой площадке для ораторов и ожидавших, пока им дадут слово. И если старшая сестра демонстративно даже смотреть не стала на свитки, то Лантея с интересом разглядывала старинный документ, покрытый вязью иероглифов справа и кли-

нописными знаками слева, скрепленный двумя потертыми чернильными печатными оттисками. На одном в знаке бесконечности свернулась змея, на хвосте которой сияла пятиконечная звезда – это был символ города-колыбели Гиртариона, на втором же проглядывалась вытянутая голова, похожая на человеческую, с большими глазами, оплетенная лозами и листьями.

– Как видите, – продолжила матриарх Первого Бархана, – все не так однозначно, как нам казалось ранее. Эти записи достаточно древние, и, учитывая сохранившиеся оттиски официальных печатей и показания Лантеялианны, боюсь, что Совету действительно пора признать – за пустынями есть народы, с которыми у нас некогда были заключены союзы, и страны, жаждущие развязать с нами войну сейчас. Отрицать это бессмысленно – изоляция не скрыла нас от чужих глаз, а сделала лишь более желанной добычей.

– Если ситуация обстоит именно так, то это означает, что нападение на Третий Бархан – это лишь начало? – взволнованно спросила Сигрида. – Неужели и правда будет война?

– Да! – громко выкрикнула Лантея, вмешиваясь в беседу матриархов. – Войны не избежать! Ифриты – неустрашимая раса, которая многие столетия пыталась найти мифическую страну песчаных магов, скрытую в пустынях. Они не будут соглашаться на мирные переговоры, а просто отыщут оставшиеся города, уничтожат всех защитников и заберут жителей в рабство! Если вы не хотите, чтобы это произошло, то

послушайте меня!..

Эмоциональная речь девушки лишила весь Совет дара речи на несколько томительных мгновений. Лантея же, сочтя это хорошим знаком, уверенно продолжила свой монолог:

– Да, я признаю, что надеялась наладить некое подобие дружеских контактов между хетай-ра и соседними государствами, но исключительно ради нашего блага и процветания. Если бы на поверхности наш народ организовал небольшие пограничные поселения, то можно было бы начать торговое сообщение с другими странами, заручиться чужой поддержкой, укрепить связи... Однако теперь подобные идеи бессмысленны, потому что ифриты, ободренные удачей в поисках, примутся за них с удвоенной силой, проигнорировав любые намеки на мир. А следом за ними подтянутся и другие расы, поскольку всем захочется отломить кусочек от ожившей легенды!

– Ты хочешь сказать, что наш народ теперь обречен? – неожиданно серьезно спросила Васпия.

– Есть лишь один выход из сложившейся ситуации, – продолжила Лантея. – Мы должны обратиться за помощью к одной из стран. Просить предоставить военную помощь, заключить военный и торговый союзы для скрепления отношений. Поймите же вы, хетай-ра больше никто не оставит в покое, мы должны защитить себя и отстоять свое место в этом мире!..

– Ты только что сказала, что ифриты не пойдут на мир-

ные переговоры, а следом за ними в наши пустыни потянутся и другие расы. Очевидно, все захотят владеть подземными живительными оазисами в бескрайних песках. Кто же тогда согласится нам помочь? – поинтересовалась Васпия.

– Нам могут помочь те, кому эти оазисы совершенно не нужны, – твердо ответила Лантея, уверенно глядя прямо в глаза матриарху Пятого Бархана. – Андаритский пакт был заключен с расой альвов. Они все еще обитают на востоке, где за тысячелетия превратили засушливую пустыню в цветущий лес. Для них деревья и растения – это самая большая ценность в мире, поскольку они заботятся о своем доме с рождения и до самой смерти. Альвы ведут войну со всеми, кто покушается на их территорию, они воинственны, но чужие земли им не нужны... Если в древнем пергаменте написана правда, и наш народ общался с альвами на равных сотни лет назад, то можно рискнуть и попытаться заключить с ними военный союз против ифритов, припомнив былую дружбу и пакт.

– Это глупость! – мгновенно пришла в ярость Мериона, которая все это время с нарастающей ненавистью наблюдала за своей сестрой. – То, что было тысячи лет назад, не означает, что эти альвы согласятся помочь сейчас! Даже для них будет гораздо проще уничтожить наш народ, чем соглашаться на союз, особенно если, по твоим же словам, они воинственны, как и ифриты!.. Это полнейшее отсутствие гордости – идти за помощью к каким-то чужакам! Хетай-ра спо-

собны сами себя защитить от кого угодно! Мы три тысячи лет успешно оборонялись от бескрайних армий ингур, лезущих из всех щелей, сможем и теперь постоять за себя!..

– Что вы предлагаете, Мериона? – заинтересовалась Адаччири.

– Все Барханы должны еще глубже уйти под песок, – категорично и твердо заявила старшая сестра Лантеи, нервно подергав себя за мочку уха. – Полностью скрыться в пустынях, уничтожив все выходы на поверхность и пересмотрев систему подачи воздуха. Мы можем развить сеть подземных тоннелей, укрепить их, чтобы для перемещения между городами не требовалось подниматься наружу. Никто не сумеет отыскать города, запрятанные полностью. Мы сохраним нашу культуру, традиции и множество жизней. Не будет никаких унижительных союзов! Наша сила заключена в нашей магии: мы управляем песком, и именно он – наша родная стихия!.. Моя сестра надеется выманить хетай-ра на поверхность, но подумала ли она хоть раз, что там, где заканчивается песок, заканчивается и сила нашего народа? Среди растений мы беззащитны! А Лантея желает смерти сотням невинных в надежде развязать кровопролитную войну! Именно поэтому я требую ее казни! Совет должен услышать меня!

К концу своей речи Мериона уже практически кричала, ее охватило настоящее яростное безумие. Матриархи тоже заволновались, все озабоченно перешептывались и хмурились. Иамес поднялась на ноги, тяжело опираясь на свою ко-

стяную трость.

– Тишина, – властно прозвучал ее голос, и все невольно замолчали. – Я думаю, сегодня мы услышали достаточно. Обе сестры предоставили Совету свои мнения касательно сложившейся ситуации, обе они предъявили обвинения друг к другу...

Неожиданно массивные двери из темного стекла с грохотом распахнулись, ударившись ручками о стены и мелодично зазвенев. На пороге зала стоял необыкновенно сосредоточенный Манс, на которого в тот же миг устремились взгляды всех матриархов.

– Манс Анакорит! – с негодованием воскликнула Иамес. – Что ты себе позволяешь?! Как смеешь ты вторгаться на заседание Совета?!

Никто не ожидал подобной наглости от юноши, даже у Лантеи невольно перехватило дыхание.

– Я готов выступить свидетелем по делу Лантеялианны и Мерионы Анакорит, – четко и громко заявил Манс, делая шаг вперед.

Со стороны Васпии послышался приглушенный смешок. Остальные правительницы лишь удивленно переглядывались между собой и шептались с советницами.

– Очень любопытно, – через несколько секунд произнесла Иамес, сбавив тон. Даже она никак не ожидала подобного исхода.

– Вы же не собираетесь позволить этому... – начала было

говорить Мериона, но матриарх Первого Бархана практически сразу же ее прервала:

– Я желаю выслушать его показания.

Она величественно кивнула и указала раскрытой ладонью на площадку для ораторов. Юноша немедленно встал в обозначенное место, чуть в стороне от обеих своих сестер.

– Сын Гиселлы Анакорит, – обратилась к Мансу Иамес, придав своему голосу важность. – Расскажи Совету о том, что тебе известно по поводу покушений на Лантеялианну и по поводу ее связи с ифритами, напавшими на Третий Бархан.

Все в глубоком молчании следили за юношей, который, сжав губы в тонкую линию и нахмутив белые брови, совершенно не двигался. Наконец, он негромко прокашлялся и твердо начал свою речь:

– Моя старшая сестра Мериона, находясь в сговоре с Бартелином, супругом Гиселлы Анакорит, намеревалась устранить чужака, которого Лантея привела в Третий Бархан. К этому она пыталась привлечь и меня, чтобы я втерся в доверие к Лантее и установил за ней слежку. Когда я отверг предложение Мерионы и защитил чужеземца во время нападения подосланного тхаги, на меня тоже началась охота. Была попытка отравления... Уже после трагедии, произошедшей с Барханом, Мериона в приватной беседе призналась мне, что Бартелин отправил двух своих подчиненных следом за Лантеей на второе испытание зрелости, приказав устранить ее.

Никто даже не перешептывался, в амфитеатре стояла абсолютная тишина, и матриархи жадно ловили каждое слово Манса.

– Я также прошу Совет отметить, что моя сестра Лантея-лианна никак не причастна к нападению ифритов на Бархан. Во время своих странствий она бывала лишь в Залмар-Афи, приведя оттуда человека для просвещения хетай-ра. Никаких контактов с ифритами Лантея не поддерживала, и никогда не желала своему городу подобной судьбы. И если Мериона утверждает обратное, то она лжет.

У Мерионы, стоявшей неподалеку, глаза налились кровью, и, если бы не рамки приличия, она давно бы уже бросилась на своего брата и силой заставила его замолчать.

– Вы можете хоть чем-нибудь подтвердить свои слова о покушениях? – прервала затянувшееся молчание Адаччири.

– Могу, – к неожиданности всех собравшихся уверенно ответил Манс.

Он полез в свой карман и вытянул оттуда карминовый платок с узлом на конце. Юноша развернул ткань, чтобы все присутствовавшие могли разглядеть вышитый рисунок секты тхаги.

– Я снял этот платок с руки убийцы, который покушался на жизнь чужеземца, пока Лантея отсутствовала в городе, проходя первое испытание зрелости.

– Да ты мог сам добыть такой платок, лишь бы оправдать свою любимицу! – сквозь стиснутые зубы прошипела Мери-

она.

– Тогда как ты объяснишь оружие придворной стражи, которое Лантея сняла с тел убитых ей на втором испытании хетай-ра? Такие форменные костяные мечи выдают только им! – Манс сердито вскинул голову. – Сестра, покажи Совету эти клинки!

Лантея невольно удивилась повелительному тону своего брата, но послушно сняла пояс с оружием.

– Утяжеленная гарда, широкий дол меча. У кинжала искривленное короткое лезвие, – перечислял Манс, указывая на все особенности. – И самая важная деталь!.. Три полосы – отметина, нанесенная на пяту клинка, означающая казенное имущество Третьего Бархана.

Гордо задрав подбородок, юноша с превосходством взглянул на Мериону, которая могла лишь презрительно поджать губы.

В амфитеатре поднялся нестройный шум множества голосов. Теперь, когда доказательства были предоставлены на суд Совета, все матриархи живо обсуждали увиденное и услышанное, превратив заседание в настоящий балаган.

– Я прошу всех присутствующих понизить голос! – с раздражением процедила Иамес.

Ее послушались. Просто потому, что не могли не послушаться.

– Пустые крики делу не помогут, – холодным тоном продолжила она. – Свидетель предоставил весомые доказатель-

ства, и теперь я бы хотела попросить каждого матриарха, за исключением Мерионы, которой мы уже внимали, высказать свои мысли по поводу всего произошедшего, чтобы я вынесла окончательный вердикт по дальнейшим судьбам двух этих молодых женщин и всех Барханов.

Первой со своего места решительно поднялась Сигрида. Ее бледное лицо, расцветенное яркими пятнами румянца, казалось неживым.

– Я считаю, что матриарха Мериону необходимо судить по всей строгости закона. Невзирая на ее статус, покушения на родную сестру и нарушение исполнения одного из испытаний совершеннолетия недопустимы. Я признаю ее виновной... Идеи Лантеялианны о внешнем мире и налаживании торговых отношений между нашим и иными народами кажутся мне допустимыми. Нам необходимо заключить полезные союзы с сильными странами, по возможности избегав войны с этими ифритами и попутно повсеместно распространяя нашу культуру и религию.

Не успела Сигрида закончить, как следом уже поднялась Адаччир, привычно уперев руки в бока, от чего ее костяные браслеты мелодично застучали друг об друга.

– Я не согласна. Мы не должны напрямую соваться в чужие земли со своими предложениями. Следует действовать осторожнее: выслать за пределы пустынь разведчиков, которых можно будет обучить языку и нравам. Если все сведения подтвердятся, то тогда и будем решать, что делать. А по

поводу сестер... Тут тоже нельзя говорить так уж однозначно. Слова Лантеи и Манса о покушениях следует проверить, невзирая на все предоставленные улики. Я считаю необходимым расспросить всех выживших о поведении нового матриарха. Слуги не могли ничего не знать. А вот обвинения в сговоре с нападавшими никто полноценно не подтвердил, но и не опровергнул, поэтому я считаю, что, скорее всего, придется подвергнуть наказанию обеих сестер. Но только после выяснения подробностей.

– А вы что скажете, матриарх Васпия? – обратилась Иамес к задумчивой старухе.

– А я воздержусь, – неожиданно ответила матриарх Пятого Бархана, удобнее откидываясь на подушки и закидывая ногу на ногу. – Для вынесения решения необходимо нечетное количество голосов. Учитывая, что Мериона не может участвовать в голосовании, то нас остается четверо. Поэтому я воздержусь. Это будет справедливо. Так что, Иамес, твой голос решающий.

– Ничего другого от вас я и не ожидала, Васпия, – с недовольством проворчала матриарх Первого Бархана. – Но зерно рациональности в вашем предложении есть. Итак... Адаччире не зря вспомнила про слуг, которые не могли ничего не знать о поведении Мерионы. Это действительно так: ранее я послала в Третий Бархан несколько своих доверенных хетай-ра, которые сообщали мне о многих любопытных происшествиях, случившихся там до падения полиса... По-

этому боюсь, что обвинения Лантеялианны действительно имеют место быть.

Мериона побледнела как снег: она сразу же поняла, о чем шла речь, и последние слова Дайвы всплыли со дна ее памяти. «Поверь, Иамес уже узнала обо всех твоих грехах и слабостях... Пусть я не убила тебя, не отомстила за других... но Первый Бархан не позволит... тебе править... Мериона».

– Значит, информация о покушениях и показания свидетеля достоверны? – спросила Сигрида.

– Боюсь, что это так, – произнесла Иамес, выуживая из своего рукава маленький скомканный кусок пергамента. – И вот еще одно из доказательств, попавших ко мне в руки. Записка, которую Мериона адресовала своему младшему брату, Мансу Анакорит, во время отсутствия Лантеи в Третьем Бархане. В ней она призывала юношу отринуть священную клятву Верности на клинке, принесенную Лантеялианне, и расправиться с чужаком. К счастью, Манс сдержал слово, но затем Мериона, заручившись поддержкой главы гарнизона, подослала к иноземцу тхаги. И после всех неудачных попыток, в конце концов, судя по всему, она приняла решение отправить следом за сестрой на второе испытание зрелости подчиненных главы гарнизона.

Взгляды всех присутствовавших на заседании хетай-ра скрестились на Мерионе, которая вся сжалась, будто пытается казаться меньше, и даже перестала дышать.

– Какой позор... – негромко процедила Адаччири сквозь

зубы. – Род Анакорит еще не видел подобной правительницы.

– Девочка просто заигралась во взрослые игры, – усмехнулась Васпия.

– Таким образом, – повысила голос Иамес, – я признаю старшую дочь Гиселлы Анакорит, Мериону, виновной в преступлениях, совершенных против ее младшей сестры. Однако, учитывая ее высокий статус, согласно всем законам, будет проведено полноценное расследование с открытым судебным заседанием, где для нее и вынесут соответствующее наказание. Сейчас же она будет временно помещена под стражу. До выяснения всех подробностей...

На Мериону страшно было смотреть: она окаменела, не в силах пошевелиться от сковавшего ее отчаяния. И сразу испарилась вся ее уверенность, и злоба, даже от неукротимого своенравия не осталось и следа. Теперь в этой женщине нельзя было рассмотреть и тени бывшей властолюбивой правительницы, которой она была еще совсем недавно.

– Ну, а что же ты скажешь по поводу близящейся войны, Иамес? – спросила Васпия, приподняв брови.

– Ситуация с угрозой очередного военного нападения на Барханы, на мой взгляд, требует тщательного подхода, – твердо и решительно ответила матриарх Первого Бархана.

– Это достаточно расплывчатая фраза, моя дорогая... – начала было Васпия, но Иамес сразу же ее прервала, раздраженно поморщившись:

– В первую очередь, на основании имеющихся у нас документов, в том числе так и не расторгнутого ни одной из сторон пакта, к альвам непременно следует направить послов с предложением дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества. Заключение сильного союза станет хорошей площадкой для нас впоследствии... Однако если же мы получим отказ, то хетай-ра ничего не останется, кроме как уйти глубже под песок, чтобы защитить свои города и народ. Одни в этой войне мы не выстоим.

– И кого же ты намереваешься отправить к альвам на переговоры? – поинтересовалась Васпия.

– Боюсь, у меня не остается выбора. Есть лишь одна хетай-ра, которая уже бывала на поверхности, владеет языком чужого народа и не хуже других осознает, что в случае неудачи навечно запечатает всю нашу цивилизацию под тоннами песка... И это Лантея Анакорит.

Накануне дня отбытия посла Мериона пришла попрощаться.

Она была слишком горда, чтобы, даже опасаясь возможной казни, сбежать из города, поэтому послушно сидела в своей комнате все три дня, пока проводилось расследование и записывались показания всех участников и свидетелей дела. Мериона вышла лишь один раз, чтобы увидеть свою сестру. Лантея вместе со спутниками готовилась к дальней дороге, упаковывая сумки и мешки: утром им предстояло вместе

с сопровождающими подняться на поверхность по приказу Совета и отправиться в дальнюю дорогу, в заповедные леса альвов, расположенные далеко на востоке.

– Удели мне минуту, – хрипло попросила Мериона, скорбным духом появившись на пороге комнаты, где троица вполголоса обсуждала дальнейший путь через пустыни Асвен.

Лантея кивнула моментально напрягшимся профессору и брату и вышла в слабоосвещенный коридор вслед за сестрой, плотно прикрыв за собой тяжелые занавеси. Она знала, что Мериона непременно захочет поговорить напоследок. Прощаться или просто высказать свою обиду. Тем более что ни одна из них не знала, сможет ли еще хоть раз теперь увидеть сестру.

– Ты хотела о чем-то побеседовать?

– Ты утром уезжаешь? – тихо поинтересовалась Мериона, не поднимая глаз.

Она стояла, понуриив свою исчерченную старыми белыми шрамами голову, бессильно опустив плечи и даже не смотря на сестру.

– Да. Иамес не хочет, чтобы я ждала завершения Совета и всего этого расследования. Тем более что меня и Манса уже допросили... – Девушка тяжело вздохнула. – Послушай, мне жаль, что все так получилось. Правда, жаль...

– Врешь.

– Не вру! Я не хотела, чтобы все вышло именно так... – выдохнула Лантея, пытаясь взять Мериону за локоть, но

та резко отшатнулась назад. – Думаю, Иамес не казнит тебя, а лишь сделает своей послушной марионеткой. Ситуация не позволяет ей сейчас потерять одного из матриархов. Да, наказание непременно будет. Может, тебя изгонят с народом отстраивать новый город, кто знает... Но это лучше, чем смерть.

– Жалкая участь...

– Ты способна справиться со многим. Ведь ты дочь Гиселлы Анакорит, сестра.

– Я не об этом хотела поговорить.

– Так о чем же?

– Когда уйдешь наверх, то никогда больше не возвращайся сюда. Сделай это в память о матери хотя бы... Если она не была тебе совсем безразлична, – сдавленно прошептала Мериона, скрещивая руки на груди.

– Что?.. Почему? – Лантея почувствовала, как ее горло сжали тиски отчаяния.

– В Барханах тебе нет места. Уходи на поверхность и навсегда забудь о своем народе. Здесь тебя никто больше не будет ждать.

Мериона подняла на Лантею заплаканные красные глаза, развернулась и исчезла в темноте дворцовых коридоров, оставив опустошенную сестру стоять в одиночестве.